

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Крах попыток прогностического анализа
межнациональных отношений

Идея национального согласия в сочинениях
Исмаила Гаспринского

Болгария и Россия

Становление раннефеодальной
государственности у восточных и западных
славян

Трагедия революционера. Евгений
Преображенский

Наши публикации:

О советско-латвийских переговорах 1939 г. по
поводу заключения Пакта о взаимопомощи

1937 год: Институт красной профессуры.
Выступления Н. М. Лукина, В. В. Максакова,
О. С. Вейланд и Л. И. Рыклина

Документы ЦК «Союза 17 октября»
(продолжение)

март
апрель
1992 * 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Н. Е. КОРОЛЕВ, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61.

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 126-94-02

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, N. E. KOROLEV, Yu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Yu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, U. S. S. R. Tel. 123-90-61

Managing Editor Yu. V. Mochalova, tel. 126-94-02

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

© Издательство «Наука», 1992 г.

© Отделение истории РАН, 1992 г.

© Институт российской истории РАН, 1992 г.

© 1992 г.

А. П. НЕПАРКОВ*

КРАХ ПОПЫТОК ПРОГНОСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

XII съезд партии (17—25 апреля 1923 г.) был весьма знаменательным для последующих судеб партии и страны. Борьба противников пролонгации чрезвычайных мер, требовавших слома набравшей силу административной бюрократии и восстановления лозунга всевластия Советов, оказалась проигранной в немалой степени потому, что они, в равной мере как и их оппоненты, фетишизировали необходимость так называемого партийного единства. Ни Красин, ни Троцкий, ни Раковский, ни грузинские коммунисты, ни кто-либо другой из выступавших на съезде с критикой уже сложившейся группы партийного руководства во главе с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным так и не решились пойти на открытый разрыв с ней. Рассмотрение одного из ключевых комплексов проблем, обсуждавшихся съездом, связанного с межнациональными отношениями и перспективами конституционного оформления провозглашенного на I съезде Советов СССР (декабрь 1922 г.) союзного государства, по предложению Троцкого, не желавшего обострения внутрипартийных разногласий, было временно отложено. Но это «временно» в условиях роста влияния набравшего силу сталинского ядра партийного руководства буквально через месяц, на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, обернулось окончательным разрывом с ленинским подходом к определению основ национальной политики партии. Вместе с тем Четвертое совещание положило конец всяким попыткам прогностического анализа принимаемых в области межнациональных отношений решений и спустя шестьдесят с лишним лет аукнулось их обострением, кровавыми конфликтами и драматическими столкновениями там, где, согласно резолюциям XII съезда, еще Октябрьская революция подвела практические итоги решениям партии по национальному вопросу. 4 мая 1923 г. на рабочем месте в Наркомнаце был арестован один из основных оппонентов Сталина из национальной секции XII съезда РКП(б) — Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев. Официально ему инкриминировалась конспиративная переписка с некоторыми работниками национальных республик, в частности, обращение к народному комиссару просвещения Башкирии А. Адигамову с просьбой помочь установить связь с известным башкирским деятелем Заки Валидовым, который в то время участвовал в басмаческом движении в Средней Азии. Однако главным пунктом обвинения стала, безусловно, «наличность организации или, во всяком случае, попытка создать организацию, противопоставленную партии и советской власти в области национальной политики»¹. В тот же день коллегия по партийным делам ЦКК приняла решение о снятии Султан-Галиева со всех партийных и советских постов и об исключении его из

* Непарков Альберт Павлович, доктор исторических наук, Российский независимый институт социальных и национальных проблем.

партии. Это решение было подтверждено Оргбюро, а 10 мая — и Политбюро ЦК РКП(б).

Первоначально в своих показаниях в ОГПУ и письме в Политбюро Султан-Галиев опроверг предъявленные ему обвинения, не отрицая самой попытки установления связи с Валидовым. По его словам, она предпринималась исключительно с целью воздействия на Валидова, аналогично тому, как это было в 1919 г., во время переговоров с ним о переходе возглавлявшихся им башкирских формирований на сторону советской власти. На вопрос о том, почему он скрыл свою переписку от партии, Султан-Галиев отвечал, что сделал это не по умыслу, а зная предвзятое отношение к нему со стороны некоторых лиц. Разумеется, он имел в виду Сталина, который буквально окружил его доносчиками. Недаром в выступлении на национальной секции XII съезда Сталин прямо дал понять и Султан-Галиеву, и Адигамову, что ему известно об их переписке. «Некоторые националы-башкиры теперь связаны с контрреволюционерами, а с ними бороться надо»². Характерно, что он уже тогда упомянул об этом в связи с «обязанностью националов» бороться «со своим шовинизмом».

После нескольких дней пребывания в ОГПУ Султан-Галиев изменил характер своих показаний. Результатом чего это явилось, установить теперь трудно, но к концу мая в руках организаторов этого дела было личное письмо обвиняемого, в котором он, в частности, писал: «Я признаю, что поступил совершенно незаконно, сделав предложение тов. Адигамову в зашифрованном письме, об установлении шифрованной или живой связи с одним из руководителей басмаческого повстанческого движения (направленного против советской власти), Заки Валидовым, скрыв этот факт от Советского правительства, членом которого я являюсь как член коллегии Наркомнаца. В момент составления вышеуказанного письма я этого не сознавал, хотя этому и предшествовало получение мной записки от тов. Сталина, в которой я был заподозрен в участии в организации типа валидовской. Я теперь сознаю, что факт установления нами тесной связи с Заки Валидовым мог в глазах последнего дискредитировать Советское правительство и показать Валидову, что в Совправительстве не все благополучно»³.

И тон письма, и упоминание в нем Сталина не оставляют сомнения в том, кто стоял за кулисами дела Султан-Галиева. К тому же, явно имея в виду процитированное выше место из выступления Сталина на национальной секции XII съезда, Султан-Галиев ответил на его обвинения в контрреволюционных связях «некоторых национал-башкиров»: «Я не знал наверняка, но лишь предполагал, что у Адигамова уже имеется связь с З. Валидовым, причем я отдаю себе сейчас отчет (когда я писал ему шифровку, я этого не сознавал) в том, что в последнем случае Адигамов является прямым или косвенным союзником З. Валидова»⁴. Фразой «не знал наверняка, но лишь предполагал» возможность связи Адигамова с Валидовым Султан-Галиев отводил обвинения в его адрес, взяв на себя вину за то, что сама мысль об этом бросала тень на Адигамова.

Как бы то ни было, но письмо Султан-Галиева давало Сталину реальное основание вновь забить тревогу по поводу так называемого местного национализма, подтверждая тем правильность своей позиции о приоритете борьбы с «национал-уклонизмом». Вместе с тем дело Султан-Галиева было, с точки зрения Сталина, лучшим доказательством того, насколько якобы ошибался Ленин, считая что «социал-националам» нельзя предъявлять обвинения в «политическом преступлении»⁵. Оно стало первым, пока еще не публичным, политическим процессом, организованным и выигранным Сталиным. Как писал позже Троцкий, Каменев говорил ему в 1926 г.: «Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя татарского Совнаркома, в 1923 г.?... Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови»⁶.

Получив от Султан-Галиева четкую квалификацию собственных действий как «незаконных и преступных» и оценку ареста и применения высшей меры как справедливых, Сталин отдал 24 мая указание ОГПУ закончить следствие и

о результатах доложить Политбюро. 25 мая, ровно через месяц после завершения XII съезда РКП(б), он подписал телеграмму ЦК ответственным работникам национальных республик и областей о созыве в начале июня специального совещания по вопросам, «связанным с намечением практических мер, необходимых для проведения резолюций съезда по национальному вопросу»⁷.

Первым вопросом порядка дня стоял доклад ЦКК о Султан-Галиеве.

Совещание открылось вечером 9-го и закрылось вечером 12 июня. Состоялось семь заседаний, на которых выступило 49 человек. Согласно списку участников (трижды рассматривавшемуся на Оргбюро) были приглашены представители Азербайджана, Армении, Башкирии, Белоруссии, Бурят-Монголии, Бухары, Донской области, Горской республики, Грузии, Дагестана, Калмыцкой области, Карелии, Крыма, Мари, Татарии, Туркестана, Украины, Чечни, Якутии. Среди них — Ахундов, Гусейнов, Киров, Нариманов, Мясников, Адигамов, Халиков, Шамигулов, Гинатовский, Червяков, Файзулла-Ходжаев, Махарадзе, Орджоникидзе, Коркмасов, Рютин, Самурский, Саид-Галиев, Фирдевс, Икрамов, Рахимбаев, Рыскулов, Ходжанов, Гринько, Затонский, Раковский, Эльдерханов, Барахов и др. Кроме того в совещании приняли участие члены ЦК РКП(б): Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Мануильский, Микоян, Михайлов, Молотов, Радек, Рудзутак, А. П. Смирнов, Сокольников, Сталин, Томский, Троцкий, Фрунзе, Чубарь; кандидаты в члены ЦК: Бубнов, Каганович, Скрыпник; члены ЦКК: Коростелев, Куйбышев, Сольц, Чуцкаев, Шкирятов, Ярославский; заместитель наркома по делам национальностей Бройдо, представительница восточного отдела ИККИ Каспарова. Всего — 86 человек. Это было одно из самых крупных совещаний подобного рода. По счету оно было четвертым. Первым считается I съезд мусульман-коммунистов (ноябрь 1918 г.), вторым — II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока (ноябрь — декабрь 1919 г.), третьим — Совещание коммунистов тюркских народов РСФСР (январь 1921 г.).

Четвертое совещание стало поворотным в утверждении сталинских подходов к осуществлению национальной политики партии. Ему удалось взять своеобразный реванш за то, что XII съезд «недооценил» его указания на опасность уклона к национализму на местах. Именно с этого момента он получил возможность вкладывать в понятие «национал-уклонизм» все более и более зловещее содержание.

Сигналом к переоценке решений съезда по национальному вопросу стал, собственно, уже доклад Куйбышева от ЦКК о деле Султан-Галиева. В нем утверждалось: «Конечно, задачей настоящего совещания, в частности, и в связи с делом Султан-Галиева, будет — еще и еще раз подтвердить постановление XII съезда о необходимости самой решительной борьбы с пережитками великодержавного шовинизма и за быстрейшее уничтожение всяких следов национального неравенства».

Постановление съезда, как видим, еще подтверждалось, но в первое же упоминание о нем вносился новый нюанс. Речь, оказывается, должна идти не о борьбе с великодержавным шовинизмом, а всего лишь с его пережитками. Это стало первым, но далеко не последним отступлением от духа и характера основного документа XII съезда по национальному вопросу.

Продолжая свою характеристику задач совещания, Куйбышев подчеркнул: «Но нужно сказать (здесь начиналось главное. — А. Н.), что в деле Султан-Галиева мы не можем не отметить и того обстоятельства, что если бы в наших республиках и областях было проведено решение нашего съезда (еще до XII съезда мы имели аналогичную резолюцию X съезда) о необходимости самим местным коммунистам внутри себя, внутри своих рядов бороться с проявлением националистических уклонов (начиная с этого утверждения, Куйбышев лишь повторяет сталинские положения. — А. Н.), если бы эта борьба за оздоровление партии, за придание ей истинного интернационалистического лица была в наших окраинных республиках, (если бы прислушались к сталинским предупреждениям об

особой опасности местного национализма.— А. Н.), то дело Султан-Галиева, по всей вероятности, не дошло бы до того положения, до которого оно дошло сейчас; не было бы того явления, что член правительства, поставленный партией на ответственную должность, облеченный доверием и правительства, и партии, и трудящихся масс, совершает государственное преступление, сносясь с врагом Советского государства, и как будто бы это предательство обосновывается какими-то внутрипартийными мотивами»⁸.

О различном понимании решений XII съезда и внутрипартийных мотивах этого говорили многие.

Выступавший в прениях первым представитель коммунистов Туркестана Рыскулов заявил: «Надо сказать, что, когда мы говорим о проведении практических решений XII съезда партии, то не все мы одинаково понимаем их... Уничтожение уклонов в сторону шовинизма и местного национализма невозможно простым механическим путем. Это можно провести только путем уничтожения экономических и других противоречий в составе самого населения»⁹. Но когда оратор попытался именно с этой точки зрения проанализировать уроки султангалиевского дела, председательствующий на совещании Каменев напомнил, что есть второй пункт порядка дня, когда будет обсуждаться практическое осуществление резолюций XII съезда, и попросил всех высказываться лишь по докладу Куйбышева.

Несмотря на это замечание, никто из бравших слово вслед за Рыскуловым не мог обойти вопрос о том, что на отношении к делу Султан-Галиева фактически проверяется отношение к решениям съезда. В их высказываниях открыто звучал и отголосок того напряжения в личностных отношениях, что сложилось в партийном руководстве. «Тройка» — Зиновьев, Каменев, Сталин — фактически уже контролировала партаппарат. Во многом это определяло невозможное при Ленине изменение политического климата, когда любые соображения оппонентов строго персонифицировались и отношение к ним и их доводам целиком определялось тем, кого из партийных лидеров они поддерживали и защищали. Начинался диалог глухих.

Открыто с требованием пересмотреть решения XII съезда по вопросу об оценке опасности великодержавного шовинизма выступил Саид-Галиев, работавший тогда в Крымской республике. «Конкретно,— сказал он,— мое предложение следующее: то место в резолюции, где говорится о реакции как ответе на великорусский шовинизм, если его неудобно выбросить, то во всяком случае здесь, на совещании, необходимо подчеркнуть, что это не реакция, а результат природного национализма, который без всякого великодержавного шовинизма был бы всегда таким же национализмом». Природу национализма Саид-Галиев оценивал одинаково со Сталиным. Отсюда великодержавничество — явление из общего ряда националистических проявлений. Отсюда и нападки на Троцкого, оценивавшего природу великодержавничества иначе.

«...После XII съезда,— утверждал Саид-Галиев,— прошла волна своеобразного толкования, перегибания постановлений XII съезда партии. В частности, должен сказать, что сейчас на местах как раз люди, принадлежащие к течению, возглавляемому Султан-Галиевым, и активно с ним вместе участвовавшие во всех его делах, заявляют, что теперь их защитник — это тов. Троцкий (я не успел тов. Троцкого увидеть до этого совещания, лично хотел сказать об этом, но это не представляется большим секретом), и что теперь они будут поддерживать всюду и везде тов. Троцкого...»

В этом месте, согласно стенограмме, Троцкий бросил реплику: «Вместе с тов. Лениным».

Саид-Галиева это не смутило. «Может быть»,— заметил он. И продолжил: «Причем письмо тов. Ленина, которое, на мой взгляд, по содержанию ужасного ничего не представляет (в этом месте стенограмма зафиксировала смех в зале.— А. Н.), было использовано в самых различных направлениях, но только не в действительном,— передавалось из уст в уста, искажалось, и, таким обра-

зом, создавалась атмосфера полной невозможности провести здоровую партийную линию как в работе советской, так и партийной» (подчеркнуто нами. — А. Н.)¹⁰.

Итак, Саид-Галиев первым открыто связал «перегиб» решений XII съезда по национальному вопросу (естественно, в сторону преувеличения опасности великодержавного шовинизма) с именем Троцкого. Ему же адресовались и упреки в защите «национал-уклонистов», а значит, и «султангалиевщины» как политического явления, в «использовании ленинской диктовки с искажениями» и созданием «атмосферы полной невозможности проведения здоровой партийной линии».

На это тут же обратил внимание представитель Татарии Енбаев. «По части ориентации на тов. Троцкого, — заметил он, — это было сказано с определенным замыслом. В ориентации на тов. Троцкого никто из членов партии не изменял своего мнения». Правда, он тут же сделал необходимый реверанс: «...Мы всегда говорили, что для нас абсолютным авторитетом в решении вопросов является тов. Ленин. Мы абсолютно авторитетными в национальном вопросе считали тов. Сталина и тов. Троцкого. Тов. Сталин сам скажет о нашем отношении к нему, и никто из нас не скажет, что Сталин когда-нибудь не принимал или в чем-нибудь отказывал бы. Тов. Сталин никогда ни в чем не отказывает». И, мгновенно подхватив прозвучавшую с места реплику, добавил с излишней запальчивостью: «Тут говорят: „отец родной“. Совершенно верно!»¹¹

Конструкция показалась настолько курьезной, что в зале раздался смех. Никто и представить себе тогда не мог, что скоро подобные определения станут нормой. Под смех собравшихся Енбаев завершил: «Так что тут, по-моему, излишни экивоки, которые только больше запутывают дело».

Вообще смех в зале звучал часто, хотя вопрос обсуждался чрезвычайный. Да и как было не смеяться, когда Саид-Галиев в ответ на пассаж Енбаева о Троцком крикнул, что говорил о нем лишь потому, что ему «было обидно за тов. Троцкого». Или тогда, когда Троцкий, услышав это, мгновенно среагировал: «Я только боялся, что Саид-Галиев хочет подвести меня под ГПУ»¹². Из присутствовавших мало кто понимал, участником какого поворота в жизни партии каждый из них волей или неволей являлся, и как был близок к истине Троцкий, сам того не подозревая.

А между тем скрытая полемика уже и с Лениным прозвучала в замечаниях еще одного представителя Татарской республики — Ибрагимова — по поводу речи Рыскулова: «Я с тов. Рыскуловым согласен, что национализм в окончательном виде ликвидируется тогда, когда будет экономическое равенство на окраинах. Но пока этого нет — советская власть не может ликвидировать это неравенство в полгода, в год, — национализм на окраинах будет существовать. Что мы должны делать?» Рецепт, предлагаемый им, был чрезвычайно прост: «Я думаю, что наряду с тем, что предлагает тов. Рыскулов, т. е. в части усиления работы в смысле экономического и культурного улучшения благосостояния окраинных республик необходимо проводить ту работу, о которой говорит и подчеркивает резолюция, предложенная тов. Куйбышевым, — борьбу с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом. ЦК может выработать инструкцию, но ни налево, ни направо не пересаливая»¹³.

О желательности «пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить», говорил Ленин¹⁴. Противоположного мнения придерживался Сталин. Поддерживая последнего, Ибрагимов предлагал тем самым отказаться от обнаруженного у Ленина Сталиным «национального либерализма».

На этом же фактически настаивал и делегированный на совещание Башкирией Шамигулов, известный своим резко отрицательным отношением к созданию «мелких советских республик» и любому блоку с беспартийными националами «из буржуазной среды». Даже Сталин однажды вынужден был, критикуя Шамигулова за крайнюю левизну, сказать ему: «Вы занимаетесь там головотяп-

ством, так нельзя вести работу». Об этом Шамигулов не преминул напомнить в своем выступлении на совещании, критикуя Сталина за излишне мягкую позицию по отношению к Валидову, которая якобы и позволила ему в свое время «спокойным образом скрыться», а теперь создавать «фронты басмачества». Вот почему к Султан-Галиеву Шамигулов требовал «применить самые суровые меры». «Если мы не будем принимать решительных мер, нам потом безусловно придется расхлебывать гораздо хуже»¹⁵.

Однако безоговорочно необходимость «крупных мер» против Султан-Галиева поддержал лишь представитель Туркменистана Хидаралиев. Два других его товарища по делегации — Икрамов и Ходжанов, хотя и присоединились к требованию примерно его наказать, но с большими оговорками, не ставящими под сомнение какие-либо решения XII съезда.

Икрамов обратил внимание на «корень зла», который порождает выступления такого рода. Он видел его в «неумелой политике ЦК» на местах, где ослаблена «идейно-партийно-воспитательная работа», не обобщается опыт «оздоровления», а практически — «создания партии», развития партийной, а не советской, деятельности ее членов.

Особо Икрамов остановился на вопросе «об использовании интеллигенции»: «Если некоторые товарищи презрительно говорят о ней, то все-таки не нужно забывать, что интеллигентские слои на окраинах необходимо вовлекать в работу. Если не вовлекать, они пойдут против нас. Они революционны. Тов. Троцкий хорошо заметил в своем выступлении в Харькове (речь идет о выступлении Троцкого 5 апреля на VII Всеукраинской партконференции), что национальный вопрос — это есть потенциальная сила и, если мы ее не используем, контрреволюция использует. Я бы сказал, что эту потенциальную силу представляет революционная интеллигенция»¹⁶. В борьбу групп, составляющих эту интеллигенцию, как считал Икрамов, «наша центральная власть должна очень осторожно вмешиваться»: «Пусть они борются сами. Нужно следить за их работой. Нужно создать партию, чтобы управлять через них. Сейчас этого нет. Здесь левизна и правизна не при чем. Если левизна и правизна борются, то пусть борются внутри партии... Если они не согласны кой с чем, пусть возьмут пример с наших грузинских и украинских товарищей, вот они как делают (в этом месте в зале вновь раздался смех. — А. Н.). Вы делаете это за стенами партии, а нужно делать внутри партии, тогда не будет у вас султангалиевщины»¹⁷.

Формулировка о «неумелой политике ЦК» на местах, равно как и ссылка на Троцкого и упоминание о независимой позиции грузинских и украинских коммунистов, Сталину понравиться не могли. Еще меньше ему пришлось по душе высказывание Ходжанова о том, что «там, где нет признака общественной жизни, нет и партийности, ибо партии тоже возникают на общественной почве, ибо партия — это высшая форма общественности сама по себе»¹⁸. Ходжанов, по существу, видел корни султангалиевщины в том же, что и Икрамов, хотя выразил это более резко: «...надо сказать, что султангалиевщины главным образом появляются на Востоке на почве отсутствия вообще всякой общественности и советской общественной жизни. Отсутствие всякой общественности на Востоке характеризуется отсутствием побудительных мотивов к возникновению этой общественности, иначе говоря — колониальной физиономией наших восточных окраин. Какую бы советскую вывеску ни приклеить, все равно колония донине остается колонией, и вот это надо расшифровать и оценить»¹⁹.

Что ни говори, но, несмотря на осуждение Султан-Галиева, и Икрамов, и Ходжанов выводили его позицию из реакции на великодержавничество. Именно это Сталин принять не мог. В своем выступлении он заявил: «Хорошо говорил, по моему мнению, т. Ходжанов, недурно говорил т. Икрамов. Но я должен отметить одно место в речах этих товарищей, место, наводящее на размышления. Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был и при царе. Товарищи, если это не обмолвка,

если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы. Если Туркестан в самом деле есть колония как при царизме, то тогда басмачи правы, тогда не мы должны судить Султан-Галиева, а он должен судить нас, как людей, терпящих в рамках советской власти существование колонии»²⁰.

Анализ реального положения был подменен демагогическим окриком, а итоговый вопрос, адресованный Сталиным к обоим выступавшим, был просто злоеющим: «Если это верно, не понимаю почему вы не ушли сами в басмачество?»

Резкость Сталина объяснялась тем, что обсуждение дела Султан-Галиева пошло несколько иначе, чем предполагалось. Большинство участников совещания идею Саид-Галиева изменить оценку великодержавничества в резолюции XII съезда не поддержало. Халиков, представлявший Башкирию, констатировал: «...Все-таки необходимо подчеркнуть то недовольство, которое нарождается на самом деле на почве того или иного нажима, на почве проявления великодержавного шовинизма, потому что при ликвидации этого дела нам нужно будет с этим считаться. Ведь дело не кончится одним Султан-Галиевым...»²¹. Фирдевс (Крымская республика) весьма жестко заметил: «В резолюции ЦКК есть момент, который вскользь говорит о том, что султангалиевщина могла создаваться в связи с проведением национальной политики. А что это означает, ЦКК не расшифровала. Я лично думаю, что у нас вообще было в прошлом много абсурдов, много колебаний, много недоговоренности в отношении национального вопроса в нашей программе...»²². Даже Фрунзе, сказав о безусловной верности резолюции XII съезда, не пошел по пути тех товарищей, которые стремились прежде всего подчеркнуть «необходимость борьбы с националистическими настроениями на местах», и счел нужным обратить внимание, что дело Султан-Галиева «важно и поучительно в том отношении, что вскрывает всю глубину той болезни, которая угрожает нашей партии на почве неправильного ведения национальной политики»²³.

В той или иной форме эти выводы поддержали Мухтаров (Татария), Ербанов (Бурят-Монголия), Петров (Мари).

Выступившие друг за другом Орджоникидзе и Мануильский и чуть позже секретарь Башкирского обкома партии Нимвицкий защищали сталинские подходы слабо.

Орджоникидзе практически повторил место из постановления XII съезда «О национальном вопросе», где говорилось о необходимости борьбы как с великодержавным шовинизмом, так и местным национализмом, сделав при этом акцент на том, к чему может привести недооценка последнего: «Мы ясно и определенно должны сказать, в особенности те из нас, которые сами вышли из мелких национальностей и работаем среди них, что если товарищи великороссы имеют полное право и должны бичевать великодержавный шовинизм, в чем мы сами также поможем им, то вместе с этим мы должны бить своих националистов, пример султангалиевщины еще раз подтверждает нам, куда мы пришли бы, если бы мы в этом отношении предоставили полную свободу нашим националистам»²⁴.

Мануильский высказался более определенно и вместе с тем более уязвимо: «Я утверждаю, что решения XII партийного съезда, которые мы все приветствуем и которые мы сейчас на местах проводим, развязали у нас национальную стихию. Это я говорю как представитель коммунистов одной из национальностей (к этому времени он был уже отозван с Украины и выступал как член ЦК РКП/б/. — А. Н.). Они развязали эту стихию в том смысле, что резолюция XII партийного съезда становится в известном смысле хартией для коммунистов национальностей, угнетавшихся бывшей царской империей, в борьбе против великорусского шовинизма. Задача, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы решения XII партийного съезда проводились главным образом нашей партией в лице великорусской части ее. Но если мы из решений XII партийного съезда сделаем своего рода „хартию вольностей“ для наших национальностей и если коммунисты бывших угнетавшихся национальностей возьмут на себя в

этом направлении инициативу, то, товарищи, мы будем способствовать только развязыванию этой национальной стихии»²⁵. Мануильский предлагал оставить «кесарево — кесарю», русским — борьбу со своим национализмом, националам — со своим²⁶.

Характерно, что Мануильский тут же проговорился, выдав главное, чем он руководствовался, предлагая такую тактику. В основе его позиции было стремление противостоять коммунистам республик, которые, «базируясь на решении XII партийного съезда», ставят «вопрос так, как его ставила либеральная буржуазия по отношению к реформам: вырвали одну уступку и давали бой на этой уступке правительству»²⁷. Речь шла об обстановке, в которой проходила разработка союзной конституции. «Стоит посмотреть, — говорил Мануильский, — нашу работу хотя бы в комиссии, разрабатывающей конституцию, и видеть, как некоторые представители национальностей выступают в защиту решений XII съезда, — невольно при виде этого зрелища охватывает тревога»²⁸. Он предлагал прекратить борьбу с великодержавничеством: «Этот национальный уклон нам, коммунистам-националам, надо бросить. Очередная боевая задача, стоящая перед нами, окраинными коммунистами, — это борьба со своим национализмом»²⁹.

Как и Сталина, Мануильского беспокоили нападки в конституционной комиссии на излишний централизм, попытки утверждения равноправных, партнерских отношений между республиками. Именно против этого и было направлено его предложение: «кесарево — кесарю». Именно с этих позиций его не устраивала никакая иная трактовка решений XII съезда.

Мануильскому, а значит и Сталину, прекрасно ответил Скрыпник: «Товарищи, которые не были согласны с линией, намеченной XII съездом РКП, пытаются данный случай использовать, чтобы на практике провести иную линию... Я опасаюсь, чтобы сама постановка дела Султан-Галиева на настоящем совещании не привела бы к какому-нибудь сдвигу нашей линии... Считаю, что мы в деле Султан-Галиева имеем дело не с общей почвой, на которой националистический уклон имеет место, — с этой почвой будем иметь дело потом, это вопрос всей нашей текущей работы; в настоящий момент мы имеем дело с ликвидацией старого наследия, которое мы должны ликвидировать при помощи резолюций XII съезда. А некоторые товарищи выставляли дело таким образом, как будто бы оно и возникло благодаря резолюции XII съезда, которая, дескать, развязала национальную стихию и потому мы неизбежно будем иметь султангалиевщину и в других республиках. Это ложное понимание нашего партийного положения... Мы имеем еще неопределенную стихию сознательного великодержавничества. В сем случае, ударяя жестоко по искажениям уклона национального, мы не должны перегибать палку и не уравнивать вообще всех и вся и не пересматривать нашу новую (подчеркнуто нами. — А. Н.) партийную линию, линию, намеченную XII съездом»³⁰. Почему, говорил он, отмечая «необходимость местной борьбы местных коммунистов с местным национализмом», следует должным образом обеспечить выполнение основной задачи партии — осуществление решения XII съезда «по преодолению великодержавничества, которое еще не преодолено, это «чудище обло, огромно, стозевно и лайя». Оно живет и продолжает жить на территории всего Союза ССР. Нужно заткнуть глотку сему чудовищу и это устранил, наконец, ту почву, на которой появляются националистические уклоны, а если мы уклоны устраним, тогда и искажения их, вроде султангалиевщины, исчезнут»³¹.

И еще на одно обстоятельство Скрыпник счел нужным обратить внимание собравшихся: «Я слышал много речей, но не во всех их слышал необходимую искренность, это я должен сказать, как мое глубокое убеждение. Мы, украинцы, много скандалили, много кричали, много бушевали, но в партийной неискренности мы были не повинны и умели кричать на весь свет о своих нуждах и потребностях, оставаясь целиком на партийной почве. Если восточные товарищи отбросят некоторую долю политиканства, которое вчера проглядывало в их речах, то, товарищи, будет создана почва для здоровой партийной жизни, для того, чтобы

вопросы, стоящие в каждой отдельной стране, рассматривались без экивоков на Троцкого, на Сталина и т. д., без всего этого антуража, свойственного восточной дипломатии, к сожалению, перенесенной здесь в среду нашей партии»³².

Однако «антураж восточной дипломатии» привносился не только и не столько представителями восточных республик. Политиканство, отличающее сталинский стиль и методы работы, становилось нормой, а различие в политической оценке великодержавия поляризовало позиции и определяло персональную поддержку либо Троцкого, либо Сталина.

Оба подчеркнуто воздержались от высказываний в адрес друг друга. Больше того, Троцкий считал нужным специально дать политическую оценку делу Султан-Галиева в том же ключе, в каком официально представлялось докладчиком ЦКК, как следствие отсутствия «достаточной бдительности и достаточной чуткости... на фланге национализма»³³. Он определил значение этого дела как проявление того, что на местах «...больше реагировали на одну беду, которая есть, несомненно, подавляющая, преобладающая и основная — великодержавничество! — Но не развили в себе чуткости по отношению к той опасности, которая, с другой стороны, может подорвать работу, т. е. туземного национализма»³⁴.

Не отрицая того, что политика партии в национальном вопросе «может быть в практическом проявлении ошибочна в том или другом случае, или даже делать общий уклон на 5 или 10 или более градусов не туда, куда нужно», Троцкий справедливо утверждал: «...Политика партии должна и может поправляться только на основании доверия к воле своей партии, к ее добросовестности, к ее внимательному отношению к нациям, угнетавшимся раньше, — только партийными же путями можно линию партии выправлять. Если внутри партии этого доверия нет, тогда все рушится и тогда, вместо партийной границы, получается систематический обвал, в который многие могут обрушиться. Нужно поэтому, твердо усвоить, что дело Султан-Галиева ставит крепкий столб на определенном участке партийной границы»³⁵.

С этой точки зрения Троцкий предложил к резолюции совещания по «делу» Султан-Галиева поправку, которая, по словам Куйбышева, была «одобрена, кажется, всеми членами Политбюро»³⁶. Она гласила: «Коммунистические организации в республиках и областях должны строжайше следить за тем, чтобы не только организационные, но и идейные границы партии строго ограждались. Если партийная организация должна считаться не только с национальными, но даже с националистическими настроениями, поскольку они захватывают широкие народные круги, то, с другой стороны, она не должна допускать, чтобы какая-либо часть ее растворилась в этих настроениях. Борьба за те или иные изменения национальной политики коммунист может не иначе, как через посредство парторганизации и строго партийным путем»³⁷.

Поправка была бесспорна, независимо от дела Султан-Галиева, и была принята совещанием, но вот именно эта ее обобщенность мало могла устроить Сталина. Еще в меньшей степени это касалось одного принципиального момента в выступлении Троцкого. «Настоящее совещание, — заявил он, — показывает, насколько своевременно был поставлен на XII съезде нац. вопрос. Надеюсь, что теперь не сомневаются в этом и те, которые раньше сомневались. Нужно только, чтобы эти решения проводились. Между тем товарищи националы, с которыми мне приходилось сталкиваться по самым различным делам как члену Политбюро и по военной линии, нередко заявляют: „Вы смотрите, многие ответственные работники из центра говорят, что решения XII съезда — это, дескать, только для внешней политики“. Кто это вам сказал? — спрашиваю. Почему вы не заявляете об этом официально, почему вы в ЦК партии не сообщаете, что такой-то член партии тогда-то и там-то сказал, что резолюция XII съезда по национальному вопросу не имеет практического значения, а принята только для внешней политики и т. д. Кто это, где и когда сказал? Я недавно говорил об этом с товарищами-башкирами: не сомневаюсь, говорил я им, если бы какой-либо ответственный работник повел такую линию, изображая важнейшее принципиальное решение

как уловку, ЦК предложил бы его исключить из партии, а ЦКК, вероятно, поддержала бы это предложение»³⁸.

Сталин с Троцким не полемизировал, но его утверждения о том, что «национализм — основное идейное препятствие на пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах», что национализм «в отношении наших коморганизаций на окраинах... играет... ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков», меняли акценты в оценке решений XII съезда. Правда, при рассмотрении действий, так называемых правых и левых на местах Сталин, в свою очередь, сделал шаг, сближающий его с Троцким. Он сказал: «Если правые грозят тем, что они своей податливостью к национализму могут затруднить рост наших коммунистических кадров на окраинах, то левые грозят партии тем, что они в увлечении своим упрощенным и скоропалительным „коммунизмом“ могут оторвать нашу партию от крестьянства и широких слоев местного населения». И добавил: «Если, я говорю, они думают и впредь практиковать политику расслаивания сверху; если они думают, что можно русские образцы пересаживать в специфическую национальную обстановку, не считаясь с бытом и конкретными условиями; если они думают что, борясь с национализмом, надо вместе с тем выкинуть за борт все национальное; словом, если левые коммунисты на окраинах думают остаться неисправимыми, то я должен сказать, что из двух опасностей левая опасность может оказаться наиболее опасной опасностью»³⁹.

Открыто Троцкий и Сталин разошлись в оценке выступлений, прозвучавших при обсуждении «дела Султан-Галиева».

Троцкий резко осудил позицию Мануильского: «Когда т. Мануильский произносил здесь свою речь, я часть своей шевелюры чуть не вырвал... Нельзя больше скомпрометировать резолюцию XII съезда, чем это сделал т. Мануильский. Я бы предложил премию тому, кто мог бы сделать это лучше»⁴⁰. Сталин уклонился от какого-либо упоминания о выступлениях Мануильского и Саид-Галиева. Но если Троцкий одобрил выступления Фирдесва, Хидаралиева, Икрамова, Ходжанова, то Сталин отнесся к ним иначе. Его злобешая оценка выступлений Икрамова и Ходжанова представлена выше. Речь Рыскулова он назвал «не вполне искренней, полудипломатической», Енбаева — «дипломатической, неискренней», Фирдесва — «типичной дипломатией от начала до конца»⁴¹.

Еще более резко столкновение различных точек зрения выявилось в выступлениях по личным вопросам после прений по докладу «о деле Султан-Галиева».

Мануильский постарался несколько сгладить впечатление от своего заявления. По этому поводу произошла весьма любопытная стычка с Бухариным.

М а н у и л ь с к и й: ...Я должен сказать, что тов. Троцкий здесь в чрезвычайно полемической форме устроил публичный конкурс на выдачу премии тому товарищу, который наиболее скомпрометирует линию партий.

Последовал мгновенный вопрос Б у х а р и н а: Вы отрешиваетесь от этой премии?

М а н у и л ь с к и й: Тов. Бухарин, я должен сказать, что я никогда вашей позиции по национальному вопросу не занимал.

В этом намеке на ошибочные выступления Бухарина по национальному вопросу в 1919 г. наиболее полно выразилась окончательно сложившаяся к этому времени в партии атмосфера нетерпимости, с непременным напоминанием о прошлых ошибках во имя дискредитации оппонентов.

Столь же некорректно Мануильский оценил и позицию Троцкого: «Я чрезвычайно благодарен тов. Троцкому за то, что он эту премию присудил мне. Беспристрастие тов. Троцкого здесь не подлежит сомнению. Но я должен сказать, что если бы устроили другой конкурс насчет того, кто является представителем и защитником более угнетенных национальностей, то, несмотря на весь политический выпад тов. Троцкого, я бы голосовал, пожалуй, за тов. Троцкого, несмотря на то, что со стороны тов. Троцкого интерес к национальному вопросу появился с момента XII партийного съезда, а до XII съезда мы особенно благотвор-

ного влияния тов. Троцкого в борьбе с великорусским национализмом не чувствовали»⁴².

Неприкрытый намек на то, что Троцкий просто использует ленинские выступления по национальному вопросу в личных целях, был дополнен заявлением Саид-Галиева: «...Говоря о том, что некоторые тт. объявляют тов. Троцкого своим покровителем, я имел в виду, что они искажают и спекулируют на ценных и чрезвычайно своевременных мыслях т. Троцкого, напечатанных в „Правде“»⁴³.

На вопрос Троцкого: «Значит не надо правильных мыслей?» голос с места (в стенограмме не отмечено, кому он принадлежал.— А. Н.) выразил мнение, близкое Сталину: «Несвоевременно»⁴⁴.

Речь шла о статье Троцкого «Еще раз: воспитание молодежи и национальный вопрос», имеющей весьма знаменательный подзаголовок: «Истолкование решений XII съезда в форме диалога». Она была опубликована в «Правде» 1 мая 1923 г. Фактически в ней одному из участников диалога (А.— комсомольцу, способному и преданному молодому революционеру, которому, однако, «по части марксистского воспитания и политического опыта... кое-чего не хватает») Троцкий отвел роль защитника сталинских взглядов. Упоминание о молодости и принадлежности к комсомолу никого обмануть не могло, ибо А. напрямую повторял утверждения Сталина на национальной секции XII съезда о том, что национальный вопрос имеет «свои пределы» и более «важным» является «вопрос о власти рабочего класса», о недопустимости «выпячивания национального вопроса в ущерб классовому».

Второй участник диалога (Б.— «товарищ посерьезнее») выражал взгляды самого Троцкого. «Вы говорите,— утверждал он,— что верховным для нас является классовый критерий. Совершенно верно, что лишь постольку, поскольку это действительно классовый критерий, т. е. поскольку он включает в себя ответы на все основные вопросы исторического развития, в том числе и национальный вопрос. Классовый критерий минус национальный вопрос не есть классовый критерий, а обрубок его» (подчеркнуто нами.— А. Н.).

Диалог развивался весьма знаменательно:

«А: Тогда, по Вашему, выходит так, что забота о разрешении национального вопроса, т. е. о формах сожительства национальных групп и национальных меньшинств друг с другом, есть для нас такой же важный вопрос, как и сохранение власти рабочего класса или диктатуры Коммунистической партии (последнее понятие особенно часто использовал Зиновьев, позже, на XIII съезде партии, попытавшийся его узаконить.— А. Н.). Отсюда недалеко скатиться до полного оппортунизма, т. е. до подчинения революционных задач интересам межнациональных отношений.

Б: Чувствую, предчувствую, что быть мне сегодня в уклонидах... (Троцкий явно наступил на большую мозоль Сталина, придумавшего и злоупотреблявшего этой формулой.— А. Н.). Но попробую все-таки, молодой мой друг, отстоять свою точку зрения. Ведь весь вопрос, как он перед нами ныне стоит, если его сформулировать политически, означает для нас: как, т. е. какими мерами, какими методами действий, каким подходом удержать и укрепить власть рабочего класса на территории, где бок о бок живут многочисленные национальности, причем центральное великорусское ядро, игравшее ранее великодержавную роль, составляет менее половины населения всего Союза... Какой же смысл имеет ваше противопоставление?

Так могут ставить вопрос только те, которые не понимают значение „национальных моментов партийного и государственного строительства“. И уж во всяком случае, за такую формулировку охотно ухватятся не нигилисты и наплевики в национальном вопросе. Повернуться спиной к потребностям и интересам угнетавшихся ранее малых народов, особенно отсталых, крестьянских, есть очень простое нисколько не беспокойное дело,— особенно, если такого рода ленивое безразличие можно прикрыть общими фразами об интернационализме,

о том, что диктатура Коммунистической партии важнее всех и всяких национальных вопросов.

А.: В этом случае [Вы] уклоняетесь в сторону отсталых, преимущественно крестьянских наций (вот она премия Мануильского, предназначенная Троцкому!— А. Н.), тем рискуете нанести величайший ущерб пролетарским центрам.

Б.: Вот, вот, вот, мы с Вами договорились, наконец, до моего крестьянофильского уклона, и этого именно я ожидал, ибо все явления на свете, в том числе и политические ошибки, имеют свою логику...

О смычке с крестьянством. Нелепо противопоставлять диктатуре пролетариата смычку с крестьянством. Если вырвать последнее из первого, то получится пустопорожняя абстракция.

А.: Но позвольте, были же моменты, когда наши войска входили в Грузию, изгоняя оттуда империалистических агентов-меньшевиков без предварительного спроса населения, стало быть, с явным нарушением принципа самоопределения. И был момент, когда наши войска шли к Варшаве... (еще один парафраз из выступления Сталина на национальной секции XII съезда— А. Н.).

Б.: Конечно, эти моменты были, я их очень твердо помню, и нимало от них не отрекаюсь. Но были также не моменты, а целый период, когда мы у крестьян отбирали излишки, а иногда и необходимое, при помощи вооруженной силы, не останавливаясь перед самыми крайними мерами.

А.: Что Вы этим хотите сказать?

Б.: То самое, что сказал. Революция не только отбирала с оружием в руках излишки у крестьян, но и вводила военный режим на фабриках и заводах. Если бы мы этого в известный период, наиболее острый и тяжелый период, не сделали, мы бы погибли. Но если бы эти меры захотели применить в условиях, когда они не вызываются неотвратимой необходимостью, мы погибли бы еще вернее... (Подчеркнуто нами.— А. Н.).

А.: Но, все-таки, Вы не можете отрицать, что плановый принцип для нас важнее принципа национального самоопределения? Ведь это же азбука!

Б.: Царство отвлеченных принципов всегда является, милый мой друг, последним убежищем для тех, кто запутался на земле»⁴⁵.

Так завершалась одна из самых блестящих статей Троцкого. Естественно, с точки зрения Сталина и его сторонников, ее мысли были «несвоевременны». Это и должно было доказать «дело Султан-Галиева». Это и утверждал Мануильский от лица якобы националов.

«По существу я сказал, что сейчас очередная задача, поскольку мы выходим из области общих деклараций и переходим к закреплению в общезаконодательных формах тех решений, которые намечены XII съездом, заключается в проведении этих решений через соответствующие государственные органы. Задачи великорусской части нашей партии заключаются в том, чтобы бороться со своим великорусским шовинизмом. Что касается окраинного и другого шовинизма, то эта задача должна лечь на наши (националов.— А. Н.) плечи. Мы не хотим ни в коей мере спекулировать на великорусском шовинизме, чтобы поддержать окраинный шовинизм»⁴⁶.

Бросив мимоходом Троцкому обвинение в спекуляции на «великорусском шовинизме», Мануильский перешел к вопросу о «смычке»: «...Что касается крестьянства, я говорил о влиянии крестьянских настроений на наши волисполкомы в части, когда говорил о бандитской стихии. Это было в другом месте. Но тот, кто не видит того обстоятельства, что сейчас, в связи с постановлением XII партийного съезда, наша мелкобуржуазная интеллигентская стихия поднимает голову и давит нашу партию, тот не видит, что нам, коммунистам-националам, нужно себя обезопасить борьбой против шовинизма, тот просто проявляет политическую близорукость»⁴⁷.

Вопреки ожиданиям Троцкого, никто «уклонистом» его не назвал, но вот обвинения в «политической близорукости», благодаря Мануильскому, он получил. Отвечая ему, Троцкий сказал: «Т. т., совершенно верно, я очень полемически

высказался, но не лично (подчеркнуто нами.— А. Н.), а политически полемически против речи т. Мануильского. Я сделал это совершенно преднамеренно. Я цитировал определенные выражения из его речи. Во-первых, „национальную политику на окраинах нужно проводить великорусскими руками“; во-вторых: „мы разнуздали крестьянскую стихию“, и в-третьих: „давление крестьянской стихии чувствуется даже здесь“. Я утверждаю, что эти три формулировки являются ничем иным, как ниспровержением не текста, а смысла всей работы XII съезда, и для того, чтобы обеспечить практическое прохождение решений съезда по нацвопросу, считаю необходимым объявить идейную и организационную решительную борьбу против этой позиции»⁴⁸.

Обсуждение «дела Султан-Галиева», несмотря на кажущееся единодушие, завершилось открытым признанием диаметрально противоположных точек зрения в трактовке решений XII съезда по национальному вопросу. Обе стороны не собирались искать точек соприкосновения, а готовы были к непримиримой борьбе. Масла в огонь подлило и разъяснение Троцкого по поводу того, чем вызвана его активность. «Что касается моего интереса к нацвопросу,— сказал он,— то я имел случай в прошлом проявлять его литературно. Об этом может получить справку кто заинтересуется. Несомненно, этот мой интерес к нацвопросу повысился ко времени XII съезда, когда он у всей партии повысился. Я сохраняю за собой право в первую голову интересоваться теми вопросами, которые интересуют партию. Не скрою: есть еще один момент, который побудил меня этими вопросами заняться,— это было личное письмо ко мне т. Ленина, который меня к этому приглашал»⁴⁹.

В своей второй речи на совещании (по докладу Сталина «Практические мероприятия по проведению резолюции XII съезда по национальному вопросу») Троцкий еще раз вернулся к выступлению Мануильского. Вооружившись стенограммой с авторской правкой Мануильского, Троцкий показал, что тот сознательно видоизменил ряд формулировок, «отступая на более правильные позиции». «Эпизод, подчеркнул он,— как видите, не очень ловкий, но свидетельствующий об угрызениях марксистской совести»⁵⁰.

Язвительность Троцкого в адрес самого ярого сторонника пересмотра решений XII съезда по национальному вопросу, ссылка на личное обращение Ленина укрепляли позицию противников великодержавнических устремлений централистов. Была принята еще одна поправка Троцкого, теперь уже к «Резолюции совещания по второму пункту порядка дня». Она гласила:

«Слабость или почти полное отсутствие современной промышленности и неизбежная медленность развития промышленности в ближайший период передвигают по необходимости партийную работу в сторону медленной, систематической, терпеливой идейно-воспитательной работы лучших элементов крестьянства, кустарей и пр. Надо помнить, что в отсталых республиках и областях только наша партийная организация открывает для известных низовых элементов, искренне революционных, но недостаточно развитых и закаленных, возможность постепенно развиваться в законченных коммунистов. Механическое перенесение сюда того классового революционного критерия, который сложился на основе опыта пролетарских центров, было бы в корне неверно и привело бы к прямо противоположным результатам. Именно то обстоятельство, что ядром РКП в целом являются закаленные рабочие промышленных центров, позволяет партии без опасения за свою классовую сущность применять указанный выше метод терпеливого идейно-воспитательного воздействия.

Товарищи из центра, участвующие в партийной работе среди более отсталых народностей, должны строго выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам в их коммунистической и советской работе, ни в каком случае не допуская ни в действиях, ни в речах ничего, что походило бы на присваивание себе права вязать и решать, допускать или отметать, вообще распоряжаться, формально опираясь на центр»⁵¹.

Сталин, согласившись на поправку Троцкого, попытался несколько дезавуировать ее значение, заявив, что она должна быть принята, это «абсолютно ничего не меняет в характере принципиальной части резолюции, более того, естественно из нее вытекает», повторяя, к тому же аналогичные положения решения X съезда⁵².

Сложившаяся на совещании ситуация заставила Сталина лавировать. Его доклад по второму пункту порядка дня был лаконичен и схематичен. Он затронул три группы вопросов. Первая — о воспитании и укреплении местных коммунистических кадров; вторая — о вовлечении «трудовых элементов местного населения» в партийное и советское строительство, о мерах по развитию национальных культур, поднятию сельскохозяйственного производства, о кооперации, создании очагов промышленности; третья — об определении структур союзной законодательной и исполнительной власти.

Впрочем, определяя особенность политики партии в деле воспитания и укрепления местных коммунистических кадров, Сталин вновь попытался доказать необходимость борьбы не с великодержавным шовинизмом, а на два фронта — с великорусским и местным национализмом. Причем сделал это весьма своеобразно — сославшись на основные этапы развития большевизма, обозначенные в работе В. И. Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме». При этом он утверждал, что если у большевиков до революции была возможность поэтапной борьбы с правыми и левыми, то «стоящая у власти партия» не имеет времени «сначала добить правых при помощи левых, как это имело место в истории нашей партии, а потом левых при помощи правых» и должна «вести борьбу на оба фронта одновременно»⁵³.

Исторический экскурс был прямолинеен и декларативен. Примитивизм сталинских аналогий стал предтечей будущего выхолащивания и догматизации любой ленинской мысли.

Правда, ориентируясь на настроения значительной части участников совещания, группирующихся вокруг Троцкого, Сталин сбалансировал свои выводы следующим признанием: «До последнего времени ЦК РКП обычно маневрировал на окраинах непосредственно, через головы коморганизаций на окраинах, иногда даже в обход этих организаций, вовлекая в общую работу советского строительства все и всякие национальные элементы более или менее лояльного характера. Теперь эту работу должны проделать сами окраинные организации». И дополнил это указанием на то, что «нужно изгнать из учреждений шовинистические элементы, разрушающие чувство дружбы и солидарности между народами Союза Республик, нужно очистить от таких элементов наши учреждения как в Москве, так и в республиках»⁵⁴.

Однако, перечисляя практические меры, направленные на реализацию решений XII съезда, Сталин не удержался от личных выпадов. Не называя Троцкого, он резко критиковал его за «значительное опоздание» в «деле выработки мероприятий в этом отношении». Были упомянуты также Раковский, Скрыпник и другие украинцы, выступившие со своими предложениями о конструировании президиумов Совета Союза и Совета национальностей и переводе Наркоминдела и Наркомвнешторга из разряда общесоюзных в союзно-республиканские⁵⁵.

И, хотя сообщения о положении дел в республиках и национальных областях в целом прошли спокойно и дали представление о реальном соотношении сил, экономическом и культурном развитии на местах, было ясно, что основной спор разгорится в прениях по второму пункту повестки дня.

Первым слово по докладу Сталина взял Зиновьев. Отметив своевременность созванного ЦК совещания, он подчеркнул: «...Мне кажется, можно уже теперь сказать, что совещание это удалось»⁵⁶.

Зиновьев отвел все обвинения в попытках пересмотреть решения XII съезда: «Здесь сообщали, что в нескольких городах раздавались голоса довольно влиятельных товарищей в том смысле, будто решения XII съезда по национальному вопросу якобы должны иметь только „международное“, „декларативное“ и т. п.

значение. Разумеется, ничего подобного нет и быть не может. Где-где, а уж на наших партийных съездах мы меньше всего занимаемся словесными декларациями. Если наш съезд что-либо постановил по такому важному вопросу, то совершенно ясно, что это всерьез. Я думаю, что если бы где-либо после настоящего совещания продолжали раздаваться голоса в таком же смысле, то эти голоса нельзя было бы квалифицировать иначе, как недобросовестные. Настоящее совещание должно показать каждому, как серьезно ЦК партии относится именно к практическому проведению того, что нам на XII съезде пришлось формулировать только теоретически»⁵⁷.

Зиновьев явно пытался сгладить впечатление, сложившееся от ряда выступлений на совещании. Он, например, счел необходимым солидаризироваться с заявлением Скрыпника, отметив, что тот «был совершенно прав, когда в своей речи говорил, что тяжелый инцидент с Султан-Галиевым ни в коем случае не должно использовать для того, чтобы ревизовать самую линию XII съезда». «Если бы это,— сказал он,— кто-либо вздумал делать, то нужно было бы дать ему по рукам. Таких охотников, однако, я не знаю. Если бы у нас даже было двадцать султангалиевских инцидентов, чего я, конечно, не допускаю, то это тоже ни в коем случае не могло бы нас побудить к тому, чтобы пересмотреть основную линию, которая выражает опыт нашей партии за ряд лет революции и подытоживает также весь опыт Коминтерна»⁵⁸.

Что касается борьбы с великодержавным шовинизмом, то Зиновьев счел нужным особо подчеркнуть: «...После решений XII съезда и после настоящего совещания, у нас есть и будет достаточная гарантия того, что эта борьба будет проведена достаточно серьезно. За это вам ЦК поручиться может»⁵⁹. Но уже ход обсуждения только одного вопроса — вопроса о Союзе ССР показал, что это далеко не соответствует действительности.

Фактически столкнулись два подхода: автономистский, какими бы словами о необходимости одного союзного государства это ни прикрывалось и ленинский — создание нового типа федерации, с сохранением суверенности объединяющихся республик.

Скрыпник говорил об этом так: «Думать, будто наш Союз ССР можно строить, как это говорил тов. Мануильский, только двумя путями: или путем конфедерации, или путем единой и неделимой республики,— неправильно, это упрощенное понимание. Мы имеем перед собой два искажения, два уклона по вопросу о формах государственного строительства. Одна точка зрения — это великодержавный централизм, имеющий своей формой единую неделимую Россию, точка зрения, осужденная и пригвожденная к позорному столбу нашим XII партсъездом, но все же, к сожалению, до сих пор имеющая своих сторонников в нашей партии. Нам придется выкорчевывать эту точку зрения, уничтожить ее, ибо до съезда она существовала, многие остались при этой точке зрения до сих пор. Надо не переставая отграничиваться от нее, ибо лозунг „единая неделимая республика“ есть лишь сменовеховская модификация деникинского лозунга „единой и неделимой России“». Эта точка зрения — не наша, а точка зрения крупной буржуазии. Мы должны с ней бороться, но мы равным образом должны бороться и с другой точкой зрения, которая представляет себе наш объединенный Союз Республик как какой-то конгломерат, где имеются национальные государственные единицы, в своей совокупности не имеющие единой государственной воли. И эта точка зрения конфедерации имеет еще многих и многих сторонников. Мы должны отграничиться от обоих уклонов»⁶⁰.

Этим двум точкам зрения, двум уклонам Скрыпник противопоставлял третью, ленинскую: «Мы не исходим из точки зрения ни единого государства, поглощающего объединяющиеся республики, ни конфедерации, где союз не имеет своей воли» (подчеркнуто нами.— А. Н.). Следуя за указаниями Ленина о необходимости избрания «нового этажа, федерации равноправных республик»⁶¹, Скрыпник подчеркивал: «Наш Союз Социалистических Республик имеет свою суверенную волю, наш Союз не является прошлой согласительной камерой,

где сталкиваются республики. Это есть единое суверенное государство, выступающее как единое целое». Вместе с тем «это вовсе не означает, что в таком союзе уничтожается воля объединяющихся в ней республик, что уничтожается суверенность объединяющихся в союз республик. Это не так. Мы строим свое государство таким образом, что свободные объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми, вместе с тем передавая определенную долю своей суверенности своему Союзу Социалистических Республик для экономической и политической борьбы вовне. Эта точка зрения находит, наконец, диалектическую линию, отмежевывающуюся и от конфедерации, и от единого неделимства. Мы строим весьма сложное объединение, к которому нельзя подходить лишь со старыми формулами старого буржуазного государственного права»⁶².

Об этом же говорил и Раковский: «...Нужно чрезвычайно осторожно относиться к строительству Союза, нужно, конечно, стремиться создать как можно более единый и более спаянный государственный орган, одно государство, но в него нужно, пользуясь всем нашим опытом, внести то содержание, которое сделало бы из этого единого государства действительно социалистическое государство»⁶³.

К этим трем самостоятельным и весьма различным точкам зрения, по мнению Скрыпника, особняком примыкала еще одна, которую он вслед за Зиновьевым назвал «национальным нигилизмом». Однако, когда он, возражая Мануильскому, считавшему, что на совещании борются лишь две точки зрения — «за единую и неделимую» и «конфедеративная», заявил: «...Здесь не две точки зрения борются, а четыре точки зрения», Троцкий с места справедливо заметил: «Пятую вы забыли; отсутствие точки зрения»⁶⁴.

К сожалению, на совещании большинство придерживалось этой пятой точки зрения. Последовательно ленинскую позицию отстаивали лишь украинцы и Троцкий. Они подчеркивали необходимость развития процессов коренизации партийного и советского аппарата на местах, четкого проведения мер по развитию национальных и утверждению равноправия всех общепринятых в республиках и национальных областях языков. Особо ставился вопрос о предоставлении республикам больших «прав в финансовом отношении и большей инициативы в распределении таких кредитов, каким является сельскохозяйственный кредит»⁶⁵. Скрыпник прямо говорил: «...нам недостаточно простого провозглашения того, чтобы республики имели определенный бюджет, о чем имеется решение ЦК. Теперь нужно это решение выразить более определенно и сказать, что республики имеют право не только передвигать из одной статьи бюджета в другую, — это право большое, но недостаточное. Когда в одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи, то из перекалывания из одного кармана в другой ничего не выйдет. Бюджетное право должно быть гарантировано предоставлением определенных доходов республике. А между тем в этом вопросе аппарат НКФина думает несколько иначе»⁶⁶. Выступивший на совещании председатель Госплана УССР Гринько привел тому несколько примеров. Наиболее вопиющий из них был связан с решением вопроса о развитии сельскохозяйственного кредита, которое застопорилось в связи с отрицательным отношением НКФина к идее создания на Украине собственного сельскохозяйственного банка⁶⁷.

Для того, чтобы ведомственные удобства и интересы не препятствовали бы экономической самостоятельности республик, в том числе и финансовой, Скрыпник считал необходимым установление гарантий того, «чтобы путем постепенного перерождения государственные аппараты не могли бы превратить решения партии в ее противоположность»⁶⁸. Эти гарантии он и другие члены украинской делегации видели в расширении прав Совета национальностей, когда все решения верховных органов Союза, «контролирующих, изменяющих, отменяющих и направляющих решения ЦИКов и СНК отдельных республик», обязательно проходили бы через эту палату⁶⁹. Предлагая создать в Совете национальностей свой президиум, они выдвигали идею о наделении его самостоятельной законодатель-

ной властью, тогда как в качестве исполнительного органа он выступал бы лишь совместно с Президиумом Совета Союза. Центральный Исполнительный Комитет, согласно их соображениям, и должен был быть составленным из президиумов обеих палат и собираться на сессии раз в четыре месяца⁷⁰.

Идею об экономической самостоятельности республик горячо поддержал Троцкий. «...Эта мысль, — отметил он, — положена в основу многих наших решений, но что здесь из этих в высшей степени ценных докладов вытекает с особой яркостью, это то, в какой мере в нашем необъятном Союзе имеется великая арена для местной хозяйственной инициативы. И это надолго (подчеркнуто нами. — А. Н.). ...Хозяйственный централизм опирается на известный уровень техники, а там, где горная страна и в ней только ослиные тропки, которые соединяют село с селом, как рассказывали сегодня, где путем субботников и воскресников прорывают первые каналы, — тут еще необъятное поле для местной инициативы, а стало быть, необходимо упразднение всякого излишнего бюрократически-централистического хозяйственного зажима»⁷¹.

С этой точки зрения Троцкий считал необходимым «в порядке работы найти то равновесие, при котором, с одной стороны, общесоюзный хозяйственный учет охватывает все то, что действительно созрело для централизма, и это вводит в рамки научно-продуманного и практически проработанного централистического плана, а с другой стороны, все остальное предоставляется инициативе „мест“, которые по необходимости входят у нас в рамки национальных республик и областей» (подчеркнуто нами. — А. Н.).

Как видим, здесь разговор переходил на главное. Предоставление инициативы «местам», входящим по необходимости в рамки национальных республик и областей, означало предоставление инициативы Советам снизу доверху. Именно они должны были составлять основу так называемой «местной» самостоятельности, определяя самостоятельность входящих в федерацию национально-государственных единиц и областных территориальных образований. Но развития и продолжения эта важная для определения принципов федерирования тема, как и ранее, когда с этим предложением на национальной секции XII съезда выступил Мдивани, не получила. Да и сам Троцкий тут же вновь перешел на проблему соотношения централизма и национальной самостоятельности: «Мне приходилось недавно читать лекции по промышленности молодым товарищам — свердловцам, и некоторые из них спрашивали: как же так, централистический хозяйственный план и национальная самостоятельность — ведь это противоречит друг другу? Ведь это ведет к уступкам, в ущерб единству социалистического плана? Теоретически это так. Но ведь добраться до хозяйства нельзя иначе, как через местную национальную среду, и, когда добиваются слишком централистически, как с нами случалось, то получается басмачество, бандитизм и т. д. Поэтому национальное сознание есть тоже хозяйственный фактор, который должен войти в социалистический план, и если этот фактор — живая историческая сила — требует сегодня уступок, то приходится централизм созидать, считаясь с национальным фактором в хозяйстве, ибо если слишком забежим вперед, то будем далеко отброшены назад»⁷².

Эту же идею — идею конституционного признания существования «национального фактора» в союзном хозяйстве — обосновывал и Гринько: «...Опыт последних лет убеждает в том, что вмешательства ВЦИК в работу и компетенцию ЦИК Украины, помимо неконституционности их, не могут быть формулированы как диктуемые практической целесообразностью. До середины 1922 года издавались отдельные распоряжения по конкретным вопросам, дальше явочным порядком образовалась формула: „распространяется на все союзные республики“. Когда был создан Союз Республик, эта кристаллизованная форма еще более укрепилась и трансформировалась: „распространяется на весь Союз“... Если мы на опыте трех лет подходим к необходимости оформить наши конституционные взаимоотношения, то не из любви к конституционной четкости, а из-за необходимости обеспечить развитие хозяйственной инициативы, которой такая боль-

шая республика, как Украинская, должна обладать полностью и реально. Мы будем настаивать на конституционном закреплении наших хозяйственных и конституционных прав... Без конституционно оформленных и закрепленных широких хозяйственных прав мы не можем сдвинуться с места в хозяйственном развитии и государственном строительстве»⁷³.

Как видим, украинские делегаты предпринимали реальные шаги по совершенствованию роли федерации равноправных республик. Правда, предлагаемая ими концепция «нового этапа федерации» абсолютизировала лишь национальную государственность и даже не ставила вопроса о развитии широкого местного самоуправления на советской основе. Но даже в этом виде Союз ССР представлялся им неким оптимумом между самостоятельностью входящих в него республик и суверенностью нового федеративного государства, исключаящего как унитаризм, подрывающий саму возможность осуществления полного равноправия советских народов, так и конфедерацию, ослабляющую союзные начала. Именно этого Сталин не понял.

Он увидел в позиции украинцев только желание преуменьшить опасность местного национализма и утвердить «конфедералистские» настроения. С присущей ему прямолинейностью он отчитал Скрыпника за то, что он якобы «дает хотя некоторый повод умозаключить» в том смысле, что неправильно трактует принципиальную часть предлагаемой резолюции совещания, «стараясь перед лицом основной задачи — борьбы с великорусским шовинизмом, представляющим главную опасность, затенить другую опасность — опасность местного национализма, что глубоко ошибочно»⁷⁴.

Раковского вместе со Скрыпником и другими членами ЦК КП(б)У Сталин обвинил в том, что своими поправками к проекту союзной конституции они добиваются «определения характера Союза» как «чего-то среднего между конфедерацией и федерацией с перевесом в сторону конфедерации». Он увидел этот перевес в предложениях: заменить формулу о том, что республики «объединяются в одно союзное государство», на формулу «образуют Союз Советских Социалистических Республик», разделить законодательную власть Президиума ЦИК между президиумами палат; перевести Наркомвнешторг и Наркоминдел из разряда общесоюзных (слитных) в союзно-республиканские (директивные). «...Между тем, — заключил Сталин, — ясно, что мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство, объединяющее военные, иностранные, внешнеторговые и пр. дела, государство, наличие которого нисколько не умаляет суверенности отдельных республик»⁷⁵. Характерно, что оспаривая предложения украинских коммунистов, Сталин ссылаясь на единогласную поддержку собственных конституционных формулировок и определения разряда указанных выше наркоматов в Политбюро ЦК.

Отвечая ему, Раковский, выступая в конце совещания по личным мотивам, заметил: «Мы не слышали от других обвинения, которое взвалил на меня тов. Сталин. Это обвинение относится ко всем украинским товарищам. Относительно наших конкретных контрпредложений, которые на Украине приняты почти единогласно и которые тов. Сталин уже хотел дать как иллюстрацию того, что мы хотим отделяться, я здесь по личному мотиву имею право сказать, что здесь была неточная формулировка. Никогда мы не предлагали Наркоминдел сделать самостоятельным, никогда не предлагали Внешторг сделать самостоятельным. Мы говорили — они слитны, сделаем их объединенными. Это тоже объединение. У нас были приняты объединенные комиссариаты и было принято предложение тов. Фрунзе, чтобы все уполномоченные назывались наркомами» (речь шла об уполномоченных объединенных комиссариатах, представители которых в республиках должны были называться наркомами и входить в республиканские совнаркомы). Подчеркивая, что «не в формулировках дело», Раковский считал, что суть вопроса в функциях и компетенции комиссариатов⁷⁶.

Весьма достойно и выдержанно прозвучала и конкретная оценка сталинских обвинений в адрес украинских коммунистов. «Я считаю, — сказал Раков-

ский,— что мы, украинцы, не меньше коммунисты, чем Сталин. Когда он в это понятие (социалистическое государство,— А. Н.) хочет внести более централистическое понимание, мы на этот счет будем спорить. И если это более централистическое понимание будет принято Политбюро и Пленумом ЦК, это не отнимает права у нас считать, что оно недостаточно целесообразно и, может быть, опыт покажет, что его нужно изменить. Значит, здесь спор идет не о различном понимании государства, этого спора нет и не может быть, а спор идет о различном содержании нашего союза»⁷⁷.

Вообще, касаясь спора о федерации и конфедерации, Раковский резонно заметил: «...Это не есть спор, о котором мы должны и можем слушать в кругу товарищей коммунистов». Фраза звучала не по-русски, выдавая волнение выступавшего, обычно отличавшегося высокой культурой речи на многих европейских языках, которыми Раковский владел свободно. «Конечно,— продолжил он,— мы можем сослаться на буржуазную науку, можем притащить немецкие фолианты и сказать: вот немецкие профессора, как они различают: „союзное государство“, „союз государств“. Это мы можем сделать. Мы можем проявить такое увлечение к немецкой науке для того, чтобы показать, насколько даже в буржуазной науке такой спор потерял всякое историческое значение. Сошлюсь на случайно находящийся в моем портфеле текст швейцарской конституции. Официальное название: „Федеральная конституция швейцарской конфедерации“. А в нашем договоре разве нет такого внешнего противоречия? Сказано: „заключает договор об одном союзном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик“. Это — одно государство или союз советских государств? Скажите мне, пожалуйста, если мы станем действительно подходить с формальной точки зрения, нельзя ли сказать, что это абсурд? Где же вы видели государство, части которого могут отделяться, как у нас сказано...»⁷⁸.

Сталину возражал и Скрыпник: «Вопрос о взглядах для нас, партийных работников, является наиболее важной частью нашей партийной личности и поэтому я вынужден буду ответить на заявление тов. Сталина, когда он приводил спор о федерации и конфедерации и причислил меня в своем распределении к определенной группировке, забывая, что я указал нечто противоположное: ни конфедерацию, ни единое неделимое, а что должна быть принята некоторая третья линия, которая была проведена XII съездом. Я считаю, что она вполне правильна и нам нужно бороться, чтобы не получился уклон ни в сторону конфедерации, ни в сторону единой неделимой России или ее сменовеховской модификации — единой неделимой республики. Нам нужно держаться лозунга, что суверенность республики не отнимет суверенности республик. Вы же, тов. Сталин, подтвердили нечто противоположное, хотя я высказывал совершенно иную точку зрения»⁷⁹.

Но Сталин ни одно из этих объяснений не принял. Он вновь утверждал: «Я вижу, что некоторые т.т. из украинцев за период от I съезда Союза Республик до XII съезда партии и настоящего совещания претерпели некоторую эволюцию от федерализма к конфедерализму. Ну, а я за федерацию, т. е. против конфедерации, т. е. против предложений тт. Раковского и Скрыпника»⁸⁰. Это лишний раз подтверждало догадку Раковского, которую он высказал, обращаясь к собравшимся на совещание, что стремление Сталина непременно опорочить взгляды украинских коммунистов служит тому, чтобы «в историю партии и нашего конституционного строительства... внесли такое представление, что вот здесь борются федералисты, конфедералисты и еще тов. Раковский наивных украинских членов ЦК ввел в заблуждение»⁸¹. К сожалению, догадка Раковского оказалась пророческой. Только выступление Фрунзе⁸², вовремя заявившего, что ЦК КП(б)У «ввиду разъезда ряда товарищей» просто просмотрел формулировку, позволившую Сталину квалифицировать ее как «большую ошибку», спасло значительную часть украинской оппозиции от причисления к разряду национал-уклонистов. Последнее слово в споре осталось за Сталиным, Раковский и его после-

дователи все эти годы в истории партии и конституционного строительства числились конфедералистами.

Жизнь уже на новом витке развития вернула нас к сознательно прерванным спорам почти семидесятилетней давности. Отказ от попыток реального учета практики национально-государственного строительства межнациональных отношений завел политику партии в национальном вопросе в лабиринт ложных построений, фальшивых деклараций, вызвал распад Союза, воссоздавшего в 1922 г. имперские структуры в новых формах.

Примечания

- ¹ Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1923. С. 9.
- ² Известия ЦК КПСС. 1991, № 4. С. 173.
- ³ Четвертое совещание... С. 10.
- ⁴ Там же. С. 10.
- ⁵ См.: Л е н и н В. И. ПСС. Т. 45. С. 358.
- ⁶ Лев Троцкий. Сталин. В 2-х тт. Т. II. М., 1990. С. 260.
- ⁷ Четвертое совещание... С. 3.
- ⁸ Там же. С. 11.
- ⁹ Там же. С. 15—16, 21.
- ¹⁰ Там же. С. 19.
- ¹¹ Там же. С. 27—28.
- ¹² Там же. С. 28.
- ¹³ Там же. С. 24.
- ¹⁴ См.: Л е н и н В. И. ПСС. Т. 45. С. 360.
- ¹⁵ Четвертое совещание... С. 25—26.
- ¹⁶ Там же. С. 29—30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 31—32.
- ¹⁹ Там же. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 66.
- ²¹ Там же. С. 34.
- ²² Там же. С. 36.
- ²³ Там же. С. 39.
- ²⁴ Там же. С. 43.
- ²⁵ Там же. С. 43—44.
- ²⁶ Там же. С. 45.
- ²⁷ Там же. С. 44.
- ²⁸ Там же. С. 44.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 47, 48, 49.
- ³¹ Там же. С. 49.
- ³² Там же. С. 49—50.
- ³³ Там же. С. 59.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 75.
- ³⁷ Там же. С. 246.
- ³⁸ Там же. С. 63.
- ³⁹ Там же. С. 68.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 65, 66.
- ⁴² Там же. С. 76.
- ⁴³ Там же. С. 79.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Т р о ц к и й Л. Д. Соч. Т. XXI. М., 1927. С. 317—326.
- ⁴⁶ Четвертое совещание... С. 76.
- ⁴⁷ Там же. С. 76—77.
- ⁴⁸ Там же. С. 79.
- ⁴⁹ Там же. С. 80.
- ⁵⁰ Там же. С. 216.
- ⁵¹ Там же. С. 213, 247.
- ⁵² Там же. С. 226.
- ⁵³ Там же. С. 82.
- ⁵⁴ Там же.

- 55 Там же. С. 85.
- 56 Там же. С. 188.
- 57 Там же. С. 188—189.
- 58 Там же. С. 189.
- 59 Там же.
- 60 Там же. С. 206.
- 61 Ле н и н В. И. ПСС. Т. 45. С. 212.
- 62 Четвертое совещание... С. 206.
- 63 Там же. С. 90.
- 64 Там же. С. 206.
- 65 Там же. С. 89.
- 66 Там же. С. 207.
- 67 Там же. С. 223.
- 68 Там же. С. 207.
- 69 Там же.
- 70 Там же. С. 89.
- 71 Там же. С. 211—212.
- 72 Там же. С. 212.
- 73 Там же. С. 222—223.
- 74 Там же. С. 227.
- 75 Там же.
- 76 Там же. С. 233.
- 77 Там же.
- 78 Там же. С. 232.
- 79 Там же. С. 233—234.
- 80 Там же. С. 234.
- 81 Там же. С. 232.
- 82 Там же. С. 231.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В СОЧИНЕНИЯХ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

140-летие со дня рождения крымскотатарского ученого, просветителя, публициста, основателя и редактора первой национальной газеты «Тэрджиман» («Переводчик»), реформатора татарской школы и тюркской печати Исмаила Гаспринского (1851—1914), отмеченное в Симферополе в марте 1991 г. проведением под эгидой ЮНЕСКО Международной конференции «Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель и гуманист», — дата не совсем круглая. Однако она чрезвычайно существенна для духовного возрождения современной крымскотатарской национальной культуры, которая обретает прочную базу в научных центрах (прежде всего на гуманитарных факультетах Симферопольского университета) воссозданной Крымской АССР и настойчиво ищет точки опоры в наследии, в исторической памяти народа, в страницах прошлого и в именах, некогда славных, широко известных и в России, и в международном мусульманском сообществе, однако забытых за долгие годы преступного игнорирования культурной ценности этноса крымских татар.

Оценка Исмаила Гаспринского в отечественной и мировой историографии на сегодняшний день крайне не однозначна.

Глухое молчание, окружавшее это имя после 1944 г., выявилось в вопиющих пробелах советской послевоенной исторической литературы. Имени Гаспринского нет в изданных за последние полвека в нашей стране энциклопедиях, справочниках, учебниках, нет его в научной, популярной общественно-политической периодике и даже в специальных исследованиях по истории, культуре, татарской печати¹.

За рубежом, напротив, Гаспринского не забывали. Особую активность в разработке его наследия проявляла турецкая историография, а также научные центры крымско-татарской эмиграции в Европе и Америке. Уже в 1930 г. в Варшаве была издана монография Дж. Сеидрахмета «Крым: прошлое, настоящее и борьба за независимость крымских татар»², в которой имя Исмаила Гаспринского связано с национально-освободительным движением крымско-татарского народа. Это направление в польской исторической науке нашло продолжение в книге А. Зихни «Из истории Крыма. Политика. Культура. Эмиграция»³. 50-летие со дня появления газеты «Тэрджиман» в 1933 г. было отмечено публикациями в печати и научными конференциями во всем мусульманском культурном мире, а также в европейских столицах — Берлине, Варшаве, Вильнюсе, Будапеште⁴.

Широкий спектр монографических исследований жизни, творчества, мировоззрения, просветительской и реформаторской деятельности Гаспринского развернулся в мировой тюркоязычной науке в послевоенные годы. Научный мир обогатился исследованиями А. Ага Оглу, Е. Кырымала, Э. Лаззерины, М. Сарая⁵, А. Б. Эрджиласуна, М. Кафалы, С. Турал, С. Эльджина и других ученых. Оксфордское факсимильное издание брошюры И. Гаспринского «Русское мусульманст-

* Червонная Светлана Михайловна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории искусств Академии художеств РАН.

во» включало обширную библиографию по крымским татарам (свыше 100 названий), в том числе более десятка персонально посвященных Гаспринскому статей и изданий⁶. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появились новые монографии, авторами которых являются турецкие историки М. Сарай, Н. Девлет⁷.

Солидная фактологическая основа и тематическая разносторонность не исключают, однако, некоторой концептуальной ограниченности ряда зарубежных изданий о Гаспринском и его роли в национальном движении тюрков России. По установившейся традиции его рассматривали за рубежом прежде всего как одного из ведущих идеологов пантюркизма, оставляя без внимания чрезвычайно глубокие и интересные, по сути интернационалистские гуманистические концепции, идеи межнационального консенсуса, русско-татарского культурного сближения и сотрудничества в его сочинениях. В этих трудах Гаспринский выступает как поборник идеи «культурного пантюркизма»⁸.

В советской довоенной историографии (1920–1930-х гг.) делался другой крен: акцентировались «революционный» характер общественно-политической деятельности Гаспринского, его заслуги в «борьбе с царизмом». Пафос таких характеристик, еще густо насыщенных вульгарно-социологической фразеологией, можно объяснить стремлением не потерять наследие Гаспринского, представить его советским читателям как «нашего» человека, интуитивно защитить от догматической подозрительности, нацеленной уже с конца 20-х гг. на беспощадную борьбу с любыми «нацдемовскими», «буржуазно-националистическими», «национально-демократическими» уклонами и уж тем более со зловещими признаками официально проклятого «пантюркизма». Однако неточность таких односторонних оценок деятельности Гаспринского и в фактологическом плане, и в принципе ныне совершенно очевидна. Так, например, в журнале «Крым» некий Асанов (судя по контексту, один из руководителей крымскотатарского Наркомпроса конца 1920-х гг.) писал: «После 1905 года на арену политической борьбы выступает народный учитель Гаспринский (заметим, начало активной общественно-политической деятельности И. Гаспринского относится к рубежу 1870—1880-х гг. — С. Ч.), который ведет борьбу с царизмом. Он впервые издает газету на татарском языке „Переводчик“ (в гор. Бахчисарае), через которую разоблачает существующий строй и распространяет свое влияние среди татарского населения не только в Крыму, но и в других губерниях»⁹. «Нашлись элементы в лице духовенства и мурз, которые препятствовали революционным начинаниям Гаспринского», — сообщает Асанов, но тут же заверяет читателя, что Гаспринский, хотя и «подвергался репрессиям», продолжал свою «революционную работу».

В те же 20-е годы в советской исторической литературе предпринимались и серьезные попытки более объективного анализа личности, деятельности и всего творческого наследия Гаспринского. В 1921 г. в Симферополе был открыт музей-читальня им. И. Гаспринского, в 1922 г. принято решение о превращении его дома в мемориальный музей. Оба эти объекта, просуществовавшие до 1932 г., когда все их фонды и материалы были переданы в Бахчисарайский дворец-музей, на протяжении целого десятилетия были той базой, на которой велось изучение рукописей, публикаций И. Гаспринского, его изданий, эпистолярного наследия, бережно сохраненных его сыновьями¹⁰. В это время появились труды О. Акчокраклы¹¹, Дж. Валиди¹², Х. Балича¹³, Б. Чобан Заде¹⁴, Г. Губайдуллина¹⁵, А. Саади¹⁶, А. Е. Крымского¹⁷ и других ученых, по достоинству оценивших значение просветительской деятельности Гаспринского для народов мусульманского Востока. Это еще не были монографии, персонально посвященные Гаспринскому, но в них — особенно в публикации О. Акчокраклы и Дж. Валиди, лично знавших Исмаил Бея, содержались аутентичные факты его биографии и выявлялся его вклад в различные области культуры (в развитие литературы, в реформу мусульманской школы, в модернизацию ислама, в издательское дело и развитие татарской периодической печати).

Имя Гаспринского и его теории привлекали также ученых, исследовавших национальную политику в СССР, историю национальных движений. Характер-

ны в этом отношении труды В. Елагина¹⁸ и А. Кричинского¹⁹. Разумеется, в зависимости от авторской позиции (в условиях еще не изжитого в 20-х гг. плюрализма мнений в советской исторической науке, с учетом публикаций в эмигрантской и собственно еще досоветской печати, в частности, в период правления мусаватистов в Баку) политическая оценка наследия Гаспринского оказывалась весьма разноречивой: его буквально рвали на части, растаскивая на цитаты, которые одним служили для доказательства «революционности» мыслителя, другим, напротив, — «контрреволюционности» и «буржуазного национализма» (особенно преуспел в яростных нападках на Гаспринского А. К. Бочагов)²⁰. И все же при всех противоречиях и пробелах имя Гаспринского занимало видное место в советской историографии 20-х гг., причем обращались к нему ученые Крыма, Москвы, Киева, Баку, Ташкента, Казани. Наиболее объективную, как бы итоговую характеристику Гаспринскому в это время дал украинский академик А. Е. Крымский, оценивший его как талантливого журналиста, педагога и беллетриста, отметив общетюркское значение издаваемой им газеты «Тэрджиман»²¹.

Ситуация резко меняется в 30-х гг., когда в советской исторической науке укореняется подозрительное, раздраженное и даже нетерпимое отношение к газете «Тэрджиман» как к «буржуазному» изданию. В 35-м томе Большой Советской Энциклопедии в очерке истории Крымской АССР сказано: «Татарская националистическая интеллигенция и буржуазия Крыма группировались вокруг газеты „Герджиман“ (ошибка в тексте БСЭ; надо — «Тэрджиман». — С. Ч.) — органа панисламистов»²².

Развернувшаяся тогда травля самой тени Исмаила Гаспринского приобретает характер антинаучной вакханалии в период гонений на всю культуру крымскотатарского народа, объявленного в 1944 г. «народом-предателем».

Через величайшие лишения, с огромным трудом преодолевая бюрократическое сопротивление, этот народ возвращается сегодня к достойной и полноценной жизни в содружестве свободных народов. Это возвращение ознаменовано и принципиальным изменением положения дел в современной советской историографии. Первой ласточкой, свидетельствующей об изменении климата и отношения к наследию Гаспринского, явилась статья Л. И. Климовича в ташкентском журнале «Звезда Востока»²³. Будучи сам одним из первооткрывателей наследия Гаспринского в советском востоковедении, а впоследствии одним из вынужденных участников того заговора молчания, которым было окружено это имя в официальной печати²⁴, Климович незадолго до своей смерти нашел в себе силы и мужество для того, чтобы совершить прорыв в многолетней информационной блокаде, принести запоздалое покаяние, поведать читателям новых поколений о просветительской деятельности Гаспринского.

С той поры лед тронулся. Появились публикации в периодической печати Узбекистана, Киргизии, Татарстана, Крымской АССР²⁵.

Огромное значение приобрела и упомянутая выше Международная конференция, определившая принципиальное сближение по многим позициям советского и зарубежного татароведения в оценке просветительской, реформаторской деятельности и гуманитарной программы Исмаила Гаспринского²⁶.

В свете всех этих исследований четко вырисовывается задача современной исторической науки по отношению к наследию Гаспринского. Ясно, что для широкой европейской и российской общественности это имя предстоит открыть во всей его полноте, ибо многое из его наследия забыто и неизвестно даже специалистам-историкам. Важно вписать его в контекст многонациональной отечественной культуры конца XIX — начала XX в. Предстоит уточнить немало деталей, характеризующих жизненный путь Гаспринского. Так, например, нет точных подтверждений того, что в Париже он учился в Сорбонне; неизвестна история ходатайства французских журналистов (из «Ревю дю Монд мюсюльман») и индийских педагогов о присуждении Гаспринскому Нобелевской премии мира в 1910 г. Следует иметь в виду, что роман «Кан донгу», который принято считать автобиографическим повествованием Гаспринского, содержит элементы свобод-

ного вымысла и не во всем точно совпадает с биографией его автора (некоторые выступавшие на Международной конференции 1991 г. проявляли излишнюю доверчивость к романтическим эпизодам этого произведения).

Архивные источники, рассеянные по миру, до сих пор мало исследованы, да и те труды Гаспринского, что были опубликованы при его жизни, в том числе на русском языке, так же, как газеты и журналы с его статьями или им редактировавшиеся, представляют ныне библиографическую редкость. Непереизданными, не переведенными на русский язык и практически недоступными нашим читателям остаются романы, повести, поэтические произведения, научные трактаты Гаспринского, его учебные пособия по географии, математике, медицине и другим предметам для мусульманских школ²⁷.

Все это позволяет сделать вывод, что сегодня перед исследователями крымскотатарской культуры стоит задача создания исторического портрета Исмаила Гаспринского, выявления значения, объема и содержания его деятельности, научного анализа его культурологических, этнополитических и философских концепций с современными позициями.

Возможны разнообразные подходы к исследованию наследия Гаспринского, в том числе и в свете проблематики таких наук, как филология²⁸, лингвистика (в ФРГ в 1950 г. была защищена докторская диссертация Г. Бурбиля «Язык Исмаила Гаспринского»²⁹; на Международной конференции 1991 г. был обнародован интересный доклад К. Усейнова из Самарканда «Лексический дефицит тюркских языков. Путь прорыва, предложенный И. Гаспринским»), педагогика и педология (особенности звукового метода обучения, разработанного Гаспринским; вся система «новометодных» школ, связанная с его деятельностью), искусствоведение (искусство шрифтов и графическое оформление изданий Гаспринского, первые иллюстрации в татарской газете, его рисунки), фольклористика³⁰. Особой темой социологических исследований могли бы стать социальные утопии, начертанные в романах Гаспринского, его отношение к социалистическим идеям и доктринам³¹. И, разумеется, огромное богатство сюжетов представляют как личная энергичная деятельность Гаспринского, так и его публицистика для историков ислама, исследователей джадидизма, всех многообразных теологических и философско-этических аспектов идейной борьбы с консерваторами-кадимистами, за модернизацию мусульманской религии в целом и ее морально-бытового кодекса — шариата, за европеизацию быта мусульман (этим проблемам посвящен ряд специальных трудов)³². Особой темой могло бы стать исследование подвижнической деятельности И. Гаспринского по раскрепощению мусульманки, его вклад в гуманное решение «женского вопроса» на Востоке.

Не имея возможности охватить все направления исследования, мы поставили своей задачей в данной статье подробнее раскрыть ту область, которая соответствует основному кругу наших научных интересов, направленных на изучение национальных отношений, проблем развития и взаимодействия национальных культур, и является, как нам кажется, особо актуальной в контексте современных исторических процессов. Речь идет о том комплексе, говоря словами Гаспринского, «мыслей, наблюдений и пожеланий», которые составляют конструктивную основу его теории межнационального консенсуса, сохраняющую свое значение в наши дни, спустя столетие после ее выдвижения Гаспринским на суд общественности.

* * *

Исмаил Бей Гаспринский родился 8(20) марта 1851 г. в деревне Аджиной, около Гаспры. Его отец мурза Мустафа Гаспринский, получивший в 1853 г. чин поручика и дворянство, был переводчиком у графа М. С. Воронцова. Своёму сыну он дал европейское образование, отправив его после окончания сельского мектеба сначала в Воронеж, а затем в московский Кадетский корпус. В годы учебы в Москве Исмаил сблизился с семьей известного ученого и публициста,

издателя журнала «Русский вестник» М. Н. Каткова. К этому времени относится также начало многолетней дружбы, связавшей Гаспринского с его товарищем по Кадетскому корпусу, литовским татаринном Мустафой Давидовичем (будущим мэром города Алушты, много сделавшим для развития крымской культуры на рубеже XIX—XX вв.). Вместе они совершили путешествие по Волге, Дону и Азовскому морю, побывали в Одессе (1867 г.). Попытка отплыть нелегально в Константинополь и на Крит окончилась для них неудачно, юношей вернули на берег³³. Видимо, не завершив полный курс Кадетского корпуса, Исмаил Бей вернулся в Крым и несколько лет учительствовал в мусульманской семинарии в Бахчисарае. Отсюда в 1873 г. он уехал в Париж, где провел около трех лет, посещая лекции в Сорбонне, занимаясь торговой рекламой на восточных языках в «конторе объявлений». Одно время он служил в качестве секретаря у И. С. Тургенева, который оказал сильное и плодотворное влияние на будущего писателя. Несколько путешествий дали Исмаилу возможность познакомиться с Францией, Испанией, Австро-Венгрией, побывать в Польше; в Крым из Парижа он возвращался через Алжир, Тунис, Египет и Грецию³⁴.

В 1876 г. Гаспринский возвращается на родину и активно включается в просветительскую деятельность, которая сразу приобретает чрезвычайно разносторонний характер. Это и непосредственная педагогическая практика (в 1881 г., завершая свое сочинение «Русское мусульманство», Гаспринский пишет, что уже много лет отдал работе в русской школе, открытой для татарских детей, и пришел к выводу о нецелесообразности начального обучения татар на русском языке), и подготовка сборников «Шефакъ» и «Тонгъуч», содержащих высказывания классиков мировой культуры и собственные суждения автора о науках и религиях.

Гаспринский постоянно живет в Бахчисарае («в прекрасном Бахчисарае», как нередко подчеркивает он в своих сочинениях). В марте 1878 г. его избирают в городскую думу, а в феврале 1879 г. он становится «городским головой» и, возглавляя муниципалитет Бахчисарая, отдает много сил благоустройству города, подъему его культурного, социального статуса. Он добивается от министра внутренних дел разрешения формировать городскую думу наполовину из христиан, наполовину из мусульман (раньше православные гласные в думе преобладали), и после выборов 1883 г. в Бахчисарайской думе, превратившейся в своего рода малый «совет национальностей», оказалось 34 татарина, 27 греков, 2 караима и 2 русских³⁵. На посту главы города Гаспринский находился, однако, сравнительно недолго. В 1884 г. он стал жертвой интриг влиятельных горожан и сложил с себя обязанности гласного думы. Однако до конца своих дней он пользовался в городе высоким авторитетом и принадлежал к числу наиболее почитаемых и знатных лиц³⁶.

Гаспринский много ездил по России, совершал специальные экспедиции для изучения быта, культуры литовских, касимовских, казанских, астраханских татар; поддерживал тесные связи с мусульманской интеллигенцией Закавказья — издателями азербайджанских газет в Тифлисе и Баку, с педагогами татарской учительской семинарии в Гори. Дважды, в 1893 и 1908 гг., он побывал в Туркестане, посетил Самарканд, Бухару, Ташкент, написал исследование о среднеазиатской культуре, обратив особое внимание на памятники средних веков, обсерваторию Улугбека и др.³⁷; в Бухаре он участвовал в открытии «новометодной» школы «Музаффария». К 1911 г. относится поездка Гаспринского в Индию. В Бомбее он издал учебное пособие «Ходжа суфьян», открыл «новометодную» школу для мусульман и дал в ней показательные уроки.

Гаспринский был крупным общественным деятелем своего времени, одним из лидеров джадидистского Союза мусульман «Иттифак эль-муслимин». Ему принадлежит идея созыва Международного конгресса мусульман всего мира.

Особое историческое значение имеет издательская деятельность Гаспринского. Она была разветвленной: кроме «Тэрджимана» он издавал еженедельную газету на крымскотатарском языке «Миллет» («Нация») и журнал «Алами ни-

связан» («Женский мир»). Но, конечно, главным детищем Гаспринского была его первая книга «Тэрджиман». 10 апреля 1883 г. появился 1-й номер отпечатанной в «Мусульманской типографии» в Бахчисарае газеты «Тэрджиман», подписанной «Редактор-издатель И. Гаспринский»³⁸. Сначала еженедельная, газета стала выходить затем чаще, через день, и просуществовала до 1918 г., на четыре года пережив своего основателя (после смерти Исмаила Гаспринского редактором стал его сын, Р. Гаспринский).

Отметим, что И. Гаспринский не только «писал» газету, реферируя для своих читателей российские и зарубежные известия, комментируя письма своих корреспондентов и отвечая им, составляя развернутые статьи — исторические очерки, географические описания, этнографические зарисовки, теологические пояснения к учению ислама и т. п., но выступал и в роли художника газеты, с большим вкусом подбирая наборные виньетки, намечая ритмические членения текста, декоративные мотивы. С исключительным изяществом был скомпонован каллиграфический заголовок «Тэрджиман». В более поздних выпусках в газете появились литографированные рисунки, в основном ограниченные изображением предметов неодушевленного мира (пароходы, бороздящие реки и моря, и т. п.), что не вступало в противоречие с запретами шариата на изображение живых существ. Как художник Гаспринский разработал модернизированную систему шрифтов для крымскотатарской печати на основе арабской каллиграфии, с упрощением и эстетическим совершенствованием ее знаковой системы, отвечающей техническим возможностям типо-литографий конца XIX — начала XX в.³⁹

Гуманитарное наследие Исмаила Гаспринского оказывается актуальным и в наши дни, и основу этой актуальности составляет тот вектор его размышлений и выступлений, который нацелен на поиск межнационального согласия, сближения и культурного сотрудничества народов России, возрождения их самобытности, достоинства, «национальной индивидуальности», как он сам подчеркивал, вкладывая в это понятие глубокий этносоциологический смысл.

Концепция межнационального консенсуса, развиваемая в сочинениях Исмаила Гаспринского, особо интересна для нас сегодня.

Прежде всего ее автор говорит о том согласии и сближении тюркских, мусульманских народов России, которое сам понимает как культурную общность, обладающую устойчивой внутренней цельностью, как формирование спаянного полиэтнического блока. Подчеркивая единство и нерасчлененность тюркоязычных мусульманских народов России, Гаспринский действительно в известной мере способствовал зарождению и распространению той теории «культурного пантюркизма», у которой оказалась очень сложная идеологическая судьба, рассмотрение которой увело бы нас далеко за пределы обозначенной названием данной статьи темы.

Границы тюрко-татарской общности определяются Гаспринским как область проживания тюркских племен на огромных просторах Евразии между христианским Западом и буддистским Востоком — область, входящая в сферу политических интересов Российской империи. «Племя это,— говорил он о тюрко-татарской общности,— разбросано на громадных просторах Европейской и Азиатской России и во многих местах смешано с русским или иным населением. Однако, имея особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни, оно представляется нам довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ее заслуживают, мне кажется, серьезного внимания общества и государства»⁴⁰.

Термин «племя» Гаспринский употреблял в значении суперэтнической общности, говоря о «тюрко-татарском племени» как об общности тюркоязычных мусульманских народов, оказавшихся в составе России. Он предвидел расширение этой общности за счет тех народов, которые еще (в конце XIX в.) не вошли в состав Российской империи, но которые Россия будет стремиться подчинить себе, не желая остановиться ни в Средней Азии, ни на турецко-российских рубежах в Закавказье. Дальнейший ход русской и мировой истории отчасти под-

твердил эти прогнозы Гаспринского. В 1881 г. он писал: «Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и... несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии»⁴¹.

Говоря о тюрко-татарской общности народов Евразии, Исмаил Гаспринский имел в виду только исламизированный мир, оставляя вне круга своих представлений об этой общности «тюрков» буддистской, языческой и христианской ориентаций. Несомненно, Российская империя стремилась к господству и над этим тюркоязычным миром в Сибири, в Центральной и Дальневосточной Азии, давно считая своей составной частью земли якутов, шорцев, Горный Алтай, Хакасию, и, кажется, последним актом экспансии царизма — уже накануне его собственного крушения — было установление в 1914 г. протектората Российской империи над Тувой.

Однако идея общности тюркских народов Российской империи в представлениях Гаспринского определялась принадлежностью к исламу. Мусульманское культурное и нравственное начало он считал важнейшей, цементирующей субстанцией этой общности. Характерно, что он включал в нее и литовских татар, фактически не являющихся тюркоязычным народом, поскольку язык своих предков они утратили несколько веков тому назад (но верность исламу сохранили). Принадлежность к тюркской культурной общности, по теории Гаспринского, определяется, таким образом, не столько границами расселения народов или явно подвижными государственными границами Российской империи, не только и не столько языковой близостью, сколько принадлежностью к исламу. Другим по значению стержнем этой общности Гаспринский считал историческую связь этих народов с Россией, отделяя по этому признаку «тюрко-татарское племя», или «русских мусульман» от персов, арабов, мусульман Индии, Африки и других регионов, где тоже распространен ислам, но нет той специфической российской ситуации, которая определяет характер и судьбу интересующей его тюрко-татарской группы народов.

Рассматривая Россию как преемницу бывшей татарской державы (можно было бы сказать — Золотой Орды, но этой терминологией Исмаил Гаспринский не пользуется), он писал: «...мне кажется, что, пока русские границы как наследие татар не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Таким образом... в будущем, быть может, недалеком, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»⁴².

Итак, представления Гаспринского о социально-политической, культурной, нравственно-религиозной, психологической, бытовой общности тюркских народов («тюрко-татарского племени») базировались на двух важнейших параметрах, на двух опорных пунктах: верность этих народов исламу и их принадлежность к истории государства Российского. Все, что на этих устоях зиждется, казалось ему устойчивой и цельной общественной структурой, не нуждающейся в drobных этнических членениях.

Здесь нельзя не коснуться одного момента, который сразу бросается в глаза, как, казалось бы, совершенно очевидное противоречие «пантюркистской» теории реальным процессам развития наций.

Живя в эпоху, названную идеологами марксизма-ленинизма эпохой бурного «развития капитализма в России», Исмаил Гаспринский не мог не видеть ростков национального самосознания не совпадающего с ощущением религиозной общности, не мог не наблюдать тех процессов этнической дифференциации, которые были связаны с формированием наций, с переходом многих народностей полуфеодальной России в новый социальный статус больших и малых наций цивилизованного капиталистического мира. Теряли значение многие бывшие родовые связи, структуры джусов и кланов, тенденции конфессиональной интеграции, безразличной к этническим компонентам. Эти процессы так или иначе шли по всей Российской империи. Поляки и литовцы, долгое время воспринимаемые и

царским двором, и массовым русским общественным сознанием, и собственной их интеллектуальной элитой как нечто единое, как католики, как обитатели Литвы, которую польский поэт Адам Мицкевич еще полвека назад с естественностью называл «моя отчизна», все более явно и последовательно выступали носителями разных национальных интересов и культур, вынашивали идеи своей (отнюдь не общей) национальной государственности. По мере роста латышского, эстонского национальных движений в конце XIX в. теряла значение идея какой бы то ни было «лютеранской» общности, скажем, населения Лифляндской и Эстляндской губерний, — общности немецкой, латышской и эстонской культур в некоей прибалтийско-протестантской среде. Если по отношению, к прошлым векам о такой общности хотя бы в каких-то узких, определенных аспектах можно было вести речь (например, в связи с художественной культурой позднесредневековой Риги, с характером маньеризма и барокко в северо-восточной Прибалтике, с общими установками просветительской философии и этики, с принципами классицизма в искусстве и т. п.), то к концу XIX в. она решительно уступала место ярко выявившейся национальной специфике и дифференциации во всех видах материальной культуры и духовного творчества народов: латыши, эстонцы, финны, немцы, не желая смешиваться друг с другом в «общелютеранской» массе, создавали свои национальные объединения, общества, братства, придавали первостепенное значение развитию национальных языков, печати, проводили свои фольклорные смотры, праздники песни и т. п., учреждали свои газеты, открывали свои национальные школы и даже на художественных выставках отделяли по национальному признаку «свое» искусство. Вовсе не ощущали в эту эпоху своей «русскости» многие народы гигантского православного мира, включая и восточных славян (украинцы даже от исторического понятия «Малороссия» стремились освободиться), и тем более многие насильственно крещенные народы угро-финского мира, европейского и азиатского Севера.

Казалось бы, настойчивые обращения И. Гаспринского к понятию «русские мусульмане», или «тюрко-татары», на фоне этих исторических процессов выглядят некоторым анахронизмом. В мусульманском мире тоже шли активные процессы дифференциации национального самосознания, опирающегося как на исторический опыт и память (к примеру, собственно «турки», или «османлы», вообще никогда не считали себя «татарами»; башкиры всегда ощущали свое этническое отличие от татар), так и на новые социально-политические реалии.

Исмаил Гаспринский и эту историческую память, и эти новые реалии, конечно, имеет в виду, неоднократно упоминая в своих трудах внутри тюрко-татарской общности разные народы, разные национальные структуры с их особой судьбой. Он говорит о кочевниках-«киргизах» (этот этноним он явно относил к казахам), считая их положение в царской России наиболее бедственным. Он говорит о праве башкир на их земли. Он говорит о «крымцах», отделяя от татарского контингента собственно крымских татар и с болью рассуждая об их усилившейся эмиграции в Турцию. Исключительное внимание уделяет он небольшой группе литовских татар, прослеживая их историю, изучая их культуру и «нестандартную» языковую ситуацию⁴³. В массе татар его особо интересуют «казанцы», «касимовцы», «кавказцы», сибирские татары. В Средней Азии как самостоятельную этническую зону он выделяет Туркмению. Называя узбеков сартами, придает особое значение их современной высокой культуре и печати «на сартском наречии»⁴⁴. Прослеживая исторический процесс формирования «русского мусульманства», он напоминал о разных государственных структурах, находившихся у истоков того постепенного объединения, «когда одно за другим... вошли в состав растущей Руси — царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее ханства Закавказья и в последнее время некоторые ханства Средней Азии»⁴⁵.

В статье «Два слова о русских мусульманах» Гаспринский писал: «Помимо различий в некоторых обычаях и образе жизни мусульман разных областей России, существуют также некоторые особенности между группой южнорусских му-

сультан, живущих в Крыму и Закавказье, с одной стороны, и мусульманами северных и восточных частей России, — с другой»⁴⁶.

Он группировал северо-восточное мусульманство, или «татарство», по оси Казань — Астрахань — Ташкент и южнорусское — в пределах широкого региона (Крым — Кавказ), непосредственно прилегающего к Турции. «Крымские и кавказские мусульмане, — замечает он, — находились под влиянием османской и арабской жизни и воззрений, тогда как северные и восточные мусульмане России просвещались Бухарой»⁴⁷.

Со скрупулезностью этнографа описывал он в мельчайших деталях все, даже явно ускользающие с прогрессом цивилизации различия в быту, трудовых и семейных традициях между «крымцами» и «казанцами» (кто как бреет голову, борodu, ест или не ест конину, считает неприличным курение или, напротив, курит и разводит табак, какие песни и какую музыку ценит). «Казанские мусульмане в последнее время довольно часто проявляют энергичную защиту собственного достоинства»⁴⁸, — пишет Гаспринский, отмечая активную роль поволжских татар в общем просветительском и национальном движении. Он особо подчеркивает древние истоки и основы ислама в культурной жизни казанских татар⁴⁹ и их современные достижения, в частности, итоги просветительской и издательской деятельности Каюма Насыри, за которой он, может быть, чуть ревниво, но с большим уважением следил. Столь же тщательное исследование проводил Гаспринский по истории и культуре касимовских татар⁵⁰. Таким образом, мы никак не можем упрекнуть И. Гаспринского в игнорировании процессов национальной дифференциации, в неразличении специфической истории, культуры и этногенеза разных групп татар и уж тем более тюркских народов Средней и Малой Азии.

Тем не менее ясно, что общность «русских мусульман», или «тюрко-татарского племени», для И. Гаспринского важнее, существеннее всех частных различий, которые он достаточно чутко улавливает. Триединство «секты, языка и племени»⁵¹ (т. е. религиозная, языковая и этническая близость) ставится Гаспринским во главу угла всех его исследований, всех рассуждений о связях, отношениях, солидарности между тюркоязычными мусульманами России. Ощущение этой общности — главный ключ всех историко-политологических решений и выводов Гаспринского, его методологический подход к проблеме.

С позиций частных национальных интересов этот подход, конечно, уязвим, как вряд ли состоятелен он и в научном плане. Гаспринскому легко бросить упрек в том, что вместо того, чтобы ратовать за возрождение неповторимой, особенной крымскотатарской культуры, он заботился о татарской культуре вообще; что за смутным определением «кавказцы» он не очень-то отличал азербайджанцев от турок или кумыков от карачаевцев и балкарцев Северного Кавказа (таких этнических терминов вовсе нет в его научном лексиконе); что усредненной, абстрактной «тюрко-татарской» культуры, может быть, вовсе не существует вне конкретных национальных форм.

Однако проблема тюрко-татарской общности имела для Гаспринского совершенно определенный политический ракурс. В единении народов, близких по языку, культурным традициям и религии, он видел силу, способную противостоять как ассимиляторским, русификаторским тенденциям, так и всякому вообще угнетению, ограничению прав и свобод, национальному унижению.

Не случайно его сочинение «Русское мусульманство» начинается с ностальгического экскурса в прошлое — к той «грозной, своеобразной власти татар», которую России удалось сломить лишь «после вековых испытаний и борьбы». Он пишет: «... Разрозненные ветви тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной, составной частью»⁵². Вот эти несколько слов: «в свое время единого и могущественного» — выражают важнейшее политическое кредо И. Гаспринского. Разумеется, с позиций современного исторического знания они не выдерживают критики. Никакого «единого» тюрко-татарского племени не существова-

до в Евразии ни до походов Чингиз-хана и его наследников (кстати, вовсе не тюркского происхождения), ни в период политического функционирования Золотой Орды, ни в эпоху тех поздних ханств, которые перечисляет Гаспринский в ряду последовательно присоединяемых к России. Вряд ли Гаспринский мог настаивать на таком единстве как историк и этнограф, в значительном объеме знаний которого не приходится сомневаться. Он, однако, здесь выступает не как историк, а как политик. Ему нужен смутный призрак былого единства, вырастающий из воспоминаний о силе и блеске средневековых ханств, о славе «даровитых, воинственных ханов»⁵³, ему нужен исторический миф о когда-то «едином и могущественном» тюрко-татарском племени, чтобы вселить в своих современников — мусульман России — веру в принадлежность к общему древу великой культуры, чтобы преодолеть их разобщенность и политическую пассивность, чтобы убедить их в необходимости объединения сил для отстаивания общих интересов.

Одному сравнительно маленькому народу, истощенному в многовековой неравной борьбе за свою веру, за свою землю, нередко уже полностью или частично отторгнутому от этой земли, согнанному с родных мест, рассеянному по огромной стране или уцелевшему на небольших островках, как, например, сибирские татары в Тоболо-Иртышском междуречье, в окружении инонациональной среды, наконец, давно ориентированному на системный «исход» — выталкиваемому в эмиграцию, как крымские татары⁵⁴, — такие задачи были. (или во всяком случае казались идеологам демократического национально-освободительного движения) непосильными. Только объединившись, протянув друг другу руки и услышав, как зов о помощи, знакомые, понятные речи друг друга через кавказские и уральские перевалы, через приволжские и казахстанские степи, через среднеазиатские пустыни и оазисы, через воды Черного и Каспийского морей, могли эти народы противостоять имперской политике культурного нивелирования и этноцида.

Насколько хуже было их положение (общая нищета, бесправие, социальная стагнация с элементами феодального права, оторванность от достижений западной цивилизации) по сравнению с тоже несладким, но все же гораздо более благоприятным положением коренных народов Украины и Белоруссии, прибалтийских провинций, Финляндии или Польши в Российской империи, настолько важнее было для народов Востока на данном этапе не размежевание освободительных и демократических движений по чисто национальному признаку, а их объединение под любым, даже мифическим лозунгом «тюркской» общности.

Надо сказать, что именно эту опасность «пантюркизма» (зادолго до распространения самого термина и его одиозной окраски) как силы, объединяющей многие народы в общей антиколониальной, антиимперской борьбе, отлично ощущали носители имперской, державной, шовинистической идеологии и политики как времен старорежимной монархии, так и эпохи сталинского террора. С «пантюркизмом» носители имперского мышления всегда вели гораздо более яростную войну, чем с любым проявлением частного «буржуазного национализма». В конце концов, последний грозил империи отделением от нее какой-то локальной, периферийной территории, будь то Финляндия или Польша, Литва или Латвия, Грузия или Бессарабия. С такой утратой так или иначе можно было примириться, отсечь потерянную территорию и остаться империей. «Пантюркизм» грозил взрывом изнутри всей системы, ибо Российская империя, как справедливо замечал И. Гаспринский, действительно стала крупнейшей мусульманской державой в итоге многовековой политики, когда, по его словам, «шаг за шагом русская сила и власть» надвигались «в недра» тюрко-татарского региона Евразии. Потерять такие просторы, такие земли, как Поволжье, Урал, Сибирь, которые давно срослись с телом Российского государства, стали регионами «внутренней России» (термин, популярный в отечественной политологии вплоть до 1920-х гг.), значило исчезнуть как империи, пережить взрыв изнутри. Исмаил Гаспринский оперировал цифрой в 10—12 млн. живущих в Российской империи му-

сульман. Сто лет тому назад это число казалось очень большим: масса людей, древняя устойчивая культура, обширнейшие просторы, включая обетованные земли Крыма, нефтеносного Прикаспия, хлебной житницы Среднего Поволжья, пастбища Зауралья, шелковые пути и оазисы Средней Азии — без всего этого уже тогда не мыслилась Российская держава⁵⁵.

Гаспринский считал невозможным отделение тюрко-татарского массива от России. Он понимал, что колесо истории нельзя повернуть назад на столько крутых оборотов, и был убежден, что вопрос о присоединении земель «северных и восточных мусульман» к России решен судьбою и историей бесповоротно, что все, что было когда-то великими и малыми татарскими ханствами — от Касимова до Сибири, от Казани до Крыма, — стало «нераздельной, составной частью» России⁵⁶.

В своих сочинениях, отмеченных точностью и выразительностью литературного стиля, емкой содержательностью каждого слова, он называл Россию родиной и русских — соотечественниками татар. «Родина наша — Россия, — писал он, — самое большое государство мира»⁵⁷. Перспективы культурного и экономического подъема, возрождения достоинства, национальной «индивидуальности» тюрко-татарского населения Гаспринский не связывал с каким-либо государственным, территориальным отделением от России. Пантюркистская идея у него вообще не связана с жесткой концепцией «собственной» государственности. Культурную миссию и ценность народов гигантского тюрко-исламского мира он выявлял вне зависимости от их способности создать и защитить огнем и мечом свою великую или малую державу.

Идея тюркской общности проповедуется Гаспринским в контексте идеи русско-тюркского, или русско-мусульманского консенсуса, «русско-восточного соглашения». Подводя итог своим размышлениям о внешней политике Российского государства и международном положении последнего десятилетия XIX в., Гаспринский выражал убежденность в том, что союз с Россией отвечает глубинным интересам мусульманского мира⁵⁸. При этом с поразительной для любого национального самосознания «неэгоистичностью» Гаспринский призывал своих «соплеменников» исходить из национальных интересов России, учитывать историческую необходимость ее многовековой борьбы за выход к южным морям, азиатским сырьевым ресурсам и торговым путям. «Россия, — пишет он, — ради интересов своего народа и торговли и отчасти ради облегчения... участи турецких христиан (этот термин он распространял на болгар, сербов, а также армян — все христианские народы, оказавшиеся в зависимости или под властью Турции. — С. Ч.) должна была вести свои войны, но вовсе не для того, как думают многие, чтобы только уничтожить или ослабить мусульманские земли»⁵⁹.

В изложении истории собственного отечества — Крыма — он придерживается самой благоприятной для России версии, бывшей, кстати, официальной и господствовавшей в русской историографии как дореволюционного, так и советского периодов. «...8 апреля 1783 года, — пишет он в связи со столетием этого исторического события, — маленькое ханство, измученное беспорядками и кровопролитиями, сделалось частью величайшей империи мира и получило успокоение под покровительством могучей власти»⁶⁰, подчеркивая в обращении к татарам-соотечественникам, что «праздник 8 апреля — наш праздник».

Итак, одна сторона политологической теории межнационального консенсуса Исмаила Гаспринского — обоснование им самого понятия «мы»: не десятка изолированных народностей и этнических групп, а цельной «тюрко-татарской» общности народов России. Данное обоснование неразрывно связано в трудах Гаспринского с другой стороной вопроса, с рассмотрением проблемы в другом ракурсе: речь идет об отношении этой общности с Россией как государством и с русским народом, в этом многонациональном государстве численно преобладающим.

Идеи культурной близости, общности национальных интересов тюркоязычных мусульманских народов Исмаил Бей Гаспринский развивал не в плане их

конфронтации с Россией, накопления обид и злобы, взаимных претензий, а под углом зрения необходимого прочного союза с ней. Это были идеи не межнациональной и религиозной вражды, а мира, согласия, сближения. В то же время это вовсе не была примиренческая, так сказать, коллаборационистская по отношению к самодержавию позиция, сводящаяся к тому, что татары и другие тюркские народы должны смириться со своим подчинением русскому царю.

И. Гаспринскому как просветителю, гуманисту, демократу было вовсе не безразлично, в каком положении окажется татарский народ в Российской империи, где пройдет граница сохранения им своей культурной самобытности, религиозной свободы, национального достоинства. Борьбе за расширение этих прав посвятил он всю свою жизнь. С болью писал он о невежестве, которое одинаково удручает и в проявлениях великодержавного снобизма (в незнании культуры ислама, нравственной сокровищницы Корана, древней и славной истории «тюрко-татарского племени»), и в равнодушии массы татарского народа к высоким ценностям европейской и русской цивилизации.

Не идеализируя ни внутреннюю, ни внешнюю политику царизма⁶¹, Гаспринский отмечал, что в России (среди русского общества) «...мало кто знаком с учением Корана и с бытом и положением мусульманских народов»⁶². «Цивилизаторскую миссию России на Востоке» властные структуры, по его мнению, понимают как смену кадий уездными начальниками, наибов — приставами, бекств — губерниями. С ужасом констатирует он, что итоги этой «цивилизаторской миссии», сменяющих друг друга «с быстротой крыльев ветряной мельницы» указов, распоряжений, межеваний, отчуждений и пр. — «общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края, и по окраинам, гибельная эмиграция!»⁶³

Чрезвычайно важно, однако, что ответственность за эти беды и страдания Гаспринский не перекладывает на русский народ. Русскому народу как «брату» и союзнику татар в их духовном национальном пробуждении посвящает он самые искренние строки сочинений. Пользуясь термином современной этнопсихологии, мы можем сказать, что он проявляет «встречную комплиментарность» (не к собственному, а к соседнему — русскому — народу), прилагая максимум усилий, чтобы разрушить в представлении татар ложный негативный «образ врага», стремится преодолеть любые проявления тюркской «русофобии». Противопоставляя народ, человека, личность самодержавной системе и ощущая губительное влияние системы на татарскую культуру и судьбу, И. Гаспринский писал: «...спасибо только русскому чутью и счастливому складу характера, что все-таки добрые и доверчивые отношения (между русскими и татарами) укрепляются и прогрессируют»⁶⁴.

«Самый многочисленный и главный народ России — русские, — писал Гаспринский, — одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими племенами. Зависть, враждебность, недоброжелательность к инородцам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая черта — несомненный залог величия и спокойствия России, где армяне, мусульмане, грузины, немцы, финны и многие другие племена живут мирно и дружно...»⁶⁵.

Проблемы многонациональных контактов внутри России чрезвычайно интересовали Гаспринского. Он исследовал их на примере своего города — Бахчисарая, отмечая сотрудничество русских, татар (мусульман), греков, караимов в культурной жизни, мирное сосуществование в городе разных церквей — православных приходов, нескольких действующих мечетей, еврейской синагоги⁶⁶. Собственно «контактной зоной» разных национальных культур Гаспринский считал всю Россию, акцентируя не противостояние — при всей ярко выраженной «особенности»! — этих культур, а их спонтанное сближение.

На вопрос: «Должны ли русские и мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом как случайные спутники, соседи, или между ними следует

развивать более близкие, родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?...» — Исмаил Гаспринский отвечал, решительно выбирая второе.

Задачи возрождения татарской культуры в своей статье «Что нам нужно?» он связывал с распространением просвещения, с развитием производительных сил, с подъемом национального движения и самосознания изнутри⁶⁷, не только не перекладывая ответственность за все народные беды на плечи соседних народов, но видя главную беду и опасность для татар в самоизоляции, в отчужденности от русского народа и других народов России. Об этом пишет он и с горечью, и с гневом, и с отчаянием от невежества, «мертвечины», и с надеждой переломить сложившуюся инерцию.

Самокритическая тональность рассуждений Исмаила Гаспринского по «национальному вопросу» (кстати, перекликающаяся с блистательными сатирическими памфлетами Габдуллы Тукая, Галиаскара Камала и других прогрессивных казанских публицистов, которых больше всего тревожил летаргический сон «нашей нации»⁶⁸) сама по себе становилась важнейшим условием в движении к межнациональному согласию. Не «они» (иноверцы, пришельцы, соседи, люди с другим языком и обликом, с другой верой) виноваты во всех наших бедах, а «мы» сами виноваты, сами ответственны за свое долготерпение, за пассивность, леность души, ограниченность мысли, — это не только вывод из исторического анализа ситуации, это важнейший методологический принцип исследования Гаспринским межнациональных отношений и предлагаемой им активной «национальной политики».

Напомним самые горькие строки из его трактата «Русское мусульманство»: «...Там, где можно было, мы бросали свои пепелища и уходили бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а где уйти было некуда и нельзя, мы уходили в свой тесный мирок... не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его узких интересов (мусульмане внутренних губерний)»⁶⁹. И далее: «Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества... ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи... Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба... Современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев... представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея с затхлой атмосферой неподвижности и застоя. ...Русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации, бессильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремления в область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о материальных преуспеяниях, — делал он вывод. — Мало того, — я с болью должен констатировать, что при русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их школами и письменностью... Только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться над вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза и других арабских и персидских писателей и философов»⁷⁰.

Гаспринский не снимал вопроса об ответственности империи («русского господства») за эту стагнацию, упадок, неподвижность и застой, но не к русскому народу обращал он этот гнев и упрек, еще и еще раз подчеркивая: «Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к... чужому племени, как наши старшие братья, русские... Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на „своих“, не высказывая, не имея узкоплеменного себелюбия»⁷¹.

«Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, — писал Гаспринский, — дайте им возможность приобретать знания, которые бы своей

живительной струей освежили их затхлое мировоззрение, облегчите доступ к ним новых идей и принципов,— и вы увидите, как быстро оживет, очеловечится и примкнет к русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса»⁷². Гаспринского глубоко тревожила индифферентность татарского общественного сознания («Все не свое его [татарина] не интересует, все, что не входит в круг его знаний, привычек и верований,— ему чуждо и не нужно»⁷³). Эту индифферентность Гаспринский считал бедой «русских мусульман», и задачу подъема, возрождения тюрко-татарской общности народов России он связывал с преодолением этого отчуждения: «В силу существующих социально-общественных условий быта и жизни русские и мусульмане лишены обмена мыслей и идей... Я глубоко убежден, что только незнание, неведение и недоразумение сдерживают мусульманина от близкого, деятельного и сочувственного приобщения к общей русской отечественной жизни»⁷⁴.

Исмаил Гаспринский в своем литературном наследии оставил интереснейший документ, который как бы служил живым, наглядным примером именно того практического сближения русской и мусульманской культур, за какое он ратовал теоретически. Речь идет об изданной в Казани в 1894 г. книге «Точный перевод дневника Его светлости Эмира Бухарского представляет И. Гаспринский из Бахчисарая».

Пользуясь этим источником, мы, разумеется, должны отнести все его концептуальные моменты и даже чисто литературные особенности, включая стилистическую переключку с классическими образцами «Путешествий» восточных авторов, на счет бухарского вельможи Сеид Абдул-Ахад-хана, чья поездка (с сыном и пышной свитой бухарской знати) в Петербург была составной частью сложной дипломатии Бухарского эмирата, надеявшегося сохранить хотя бы призрак самостоятельности «нашего государства», как любил говорить Сеид Абдул-Ахад-хан, и добрые отношения с русским царем. Гаспринский выступает здесь только как переводчик, проявляя при этом весь блеск своей артистической ученой, поэтической чуткости к литературному оригиналу, широкую эрудицию и тонкое понимание психологических оттенков восприятия России глазами мусульманина. И всплески восхищения, и скрытый скепсис, и наивность, и мудрая расчетливость Сеид Абдул-Ахад-хана характеризуют только его самого: к «точному переводу» Гаспринский не добавляет ни слова. Но сам выбор этого литературного памятника (к тому же ценного источника по истории русско-бухарских отношений 1880—1890-х гг.) не случаен. Титанический труд вложен Гаспринским в тщательный, виртуозный перевод этого пространного (местами несколько тяжеловесного по стилю, с характерными декоративно-словесными длиннотами, подобными орнаментальным арабескам) сочинения. Само издание, реализованное вовсе не как придворный заказ, а как научный труд в типографии Казанского университета, судя по всему, было результатом собственной инициативы Гаспринского.

Проявить такую инициативу побудило его, несомненно, внутреннее согласие с тем подходом к России, которое обнаруживает в своих дневниках бухарский эмир, сохраняя — в любой ситуации сложного пути — собственное чисто человеческое и национально-религиозное достоинство и в то же время проявляя максимальную открытость, доброжелательность и интерес к русской культуре, к европейскому образу жизни, к искусству (театру, музыке, балету, архитектуре русских городов). Достаточно напомнить красочные описания тифлисского музея древностей России и Кавказа, московского Кремля, Зимнего дворца и коллекции Эрмитажа, Киева, Одессы⁷⁵, чтобы ощутить ту тягу к пониманию высоких ценностей европейской культуры, которую Гаспринский сумел оценить в сановном авторе путевых заметок и как бы рекомендовал своим соотечественникам и единоверцам как норму культурного поведения «мусульманина в России».

Рассказывая легенду о справедливом падишахе по имени Адиль-Нур-Ширван, который понял, что справедливо не только звать к своему столу всех, кто и стар, и млад, и богат, и беден, и мусульманин, и иноверец, но надо еще расс-

доть и принять их так, чтобы учесть потребности (силу, слабость, вкусы и т. п.) каждого, Гаспринский фактически формулировал идею и принципы индивидуального подхода к каждому народу в многонациональной общегосударственной семье, считая, что эти принципы лежат в основе общегосударственной справедливости, недостижимой без дифференцированной национальной политики. Равенство между народами, по его мнению, нельзя понимать механистично, без учета особой природы каждой «национальной индивидуальности» и групповой общности близких народов.

Итак, проблемы культурной, социальной, нравственно-религиозной, языковой и исторической общности тюркских народов России, или «русских мусульман», Исмаил Гаспринский рассматривал как важнейшие внутренние проблемы многонационального российского государства, призывая положить в основу его политики и в основу саморегулируемого поведения народов принципы гуманизма, взаимодоверия, межнационального консенсуса, знания, бережного отношения и учета национальных особенностей и интересов друг друга.

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, — писал он, завершая свою книгу „Русское мусульманство“, — если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства. Я верю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства»⁷⁶.

Сказанные 110 лет тому назад, эти слова и сегодня являются выражением нашей надежды.

Примечания

¹ См.: Каримуллин А. Г. Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983. С. 230. Упоминается газета «Тэрджиман», но не называется имя ее издателя.

² Seydahmet Jafar. Krym: pzesloszc, terazniejszosc i dazenia niepodleglosciowe Tatarow Krymskich. Warszawa, 1930.

³ Zihn i Abd. Z dziejow Krymu. Polityka. Kultura. Emigracja. Warszawa, 1938.

⁴ Именно к этой дате появились статьи в берлинском (турецком) журнале «Яна Милли» (1933. № 4), в будапештском «Туран» (1933. № XVI), в варшавском «Всхуд — Орьент» (1933. № 3—4) и других изданиях.

⁵ Aga Oglu Ahmed. Ismail Bey Gasprinski//Türk Jurdu (Istanbul). Vol. VII. P. 2416—2418; Kirimal Edige. Der nationale Kampf der Krimturken. Emsdetten, 1952; Lazzarini Edw. Y. Ismail Bey Gasprinski and Muslim Modernism in Russia, 1878—1914. Seattle, University of Washington. 1973 (doct diss. Unpubl.); Saray Mehmet. The Man Who Awoke the Turkic World — Ismail bey Gaspirali//Emel (Istanbul). 1983.

⁶ См.: Общество исследования Средней Азии. Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Оксфорд, 1985. С. 75—84.

⁷ Saray Mehmet. Türk dünyasında eğitim reformu Gaspirali Ismail Bey. Ankara, 1987; Devlet Nadir. Gaspirali Ismail Bey. Istanbul, 1989; Gülensoy Tuncer. Ismail Gaspirali ve anadolu türklüğü. Kayseri — Akmescit, 1991.

⁸ См., напр.: Lazzarini Edw. Y. Op. cit.

⁹ Асанов. Народное образование в Бахчисарайском районе//Крым. 1926. № 2. С. 180.

¹⁰ Позднее все эти фонды были разрознены и частично погибли при депортации крымских татар. Председатель нынешнего Координационного центра Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД) историк И. Заатов подготовил на эту тему к Международной конференции 1991 г. сообщение «Музей-читальня им. Исмаила Гаспринского в г. Бахчисарае и его судьба» (не опубликовано).

¹¹ Aqchoqraqly Osman. Qart Mu'allim ve Jazyjlarımyzdan Isma'il Gasprinski//Oku ishleri (Simferopol). 1925. № 2. P. 7—14. Эта статья в симферопольском журнале «Оку ишлеры» («Вопросы учебы») содержит основную сумму биографических сведений о Гаспринском, изложенных в «Протоколе», составленном как отчет об открытии Музея-читальни им. Гаспринского в Бахчисарае 21 марта 1921 г. В дальнейшем Л. И. Климович и другие советские и зарубежные исследователи, характеризуя жизненный путь И. Гаспринского, ссылались на этот «Протокол». О. Акчокраклы был одним из первых биографов И. Гаспринского. Свидетельства его тем более ценны, что он застал последние годы жизни Гаспринского в Бахчисарае и сам был одним из авторов «Тэрджимана» (его первая статья по национальному вопросу была опубликована в № 25 за 1903 г.).

¹² Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Пг., 1923. Валиди переписывался с Гаспринским в последние годы его жизни, просил (по свидетельству Л. И. Климовича) прислать подробные биографические сведения о себе и еще в своих доре-

волюционных работах по истории татарской культуры, учитывал деятельность Гаспринского в Крыму (см.: В а л и д и Дж. Татар эдэбияты, тарихи. Оренбург, 1912; е г о ж е. Эдэби хэрэкэт//Ан, 1915. № 3, 4, 6, 7).

¹³ Balich Huseyin. Qyrym tatar milli medeni yetinin tarahi mukadderati. Akmescit (Baghchesaray), 1926.

¹⁴ Ч о б а н Заде Бекир. Религиозная реформа и культурный переворот. Акмечеть (Симферополь), 1927.

¹⁵ Г у б а й д у л л и н Г. К вопросу о идеологии Гаспринского//Известия Азербайджанского восточного факультета. Т. IV. Баку, 1929.

¹⁶ С э а д и Г. Татар эдэбияты тарихы. Казан, 1926.

¹⁷ К р ы м с к и й А. Е. Студії з Криму. Київ, 1930.

¹⁸ См.: Е л а г и н В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы//Новый Восток. 1924. № 5. С. 190—216; № 6. С. 205—225.

¹⁹ К р и ч и н с к и й А. Очерки русской политики на окраинах. Часть 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919; Часть 2. Борьба с просвещением и культурой крымских татар. Баку, 1920.

²⁰ См.: Б о ч а г о в А. К. Милли Фирке — национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь, 1930. Обоснованную критику этой книги дал на Международной конференции 1991 г. историк Ю. И. Горбунов в докладе «Гаспринский и Медиев. Критика одной вульгарно-марксистской концепции» (не опубликовано). Близка к вульгарной социологии Бочагова по своему духу также статья Н. Смирнова «Классовая база ислама в Крыму» (Воинствующий атеист/М./, 1931. № 8—9).

²¹ К р ы м с к и й А. Е. Тюркские литературы//Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. М., 1931. С. 370—371.

²² Большая Советская Энциклопедия. М., 1937. Т. 35. С. 311.

²³ К л и м о в и ч Л. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете «Тэрджиман» и ее издатель И. Гаспринском//Звезда Востока. 1987. № 8. С. 173—179.

²⁴ Надо отметить, что в «самиздатовских» прокламациях представители крымскотатарской интеллигенции уже в 1960—1970-х гг. пытались привлечь внимание к забытому и фальсифицированному наследию И. Гаспринского. Завесу лжи пытались также приподнять некоторые историки (К. Е. Бендриков, И. З. Нуруллин, А. Г. Каримуллин, Ш. Ф. Мухамедьяров), приводя в своих трудах о культуре Татарстана или Туркестана некоторые параллели, не позволяющие вовсе вычеркнуть из исторической памяти ценности крымскотатарской культуры.

²⁵ В журнале «Йылдыз» (Ташкент), издающемся на крымскотатарском языке, появилась публикация списка основных статей Гаспринского в газете «Тэрджиман» за 1883—1915 гг. Эта библиография, тщательно составленная С. Гафаровым (1909—1987), восполнила многолетний пробел в представлениях современников о просветительской деятельности Гаспринского (См.: Библиография. Азырлагъан Сеитгъазы Гафаров//Йылдыз. 1989. № 4. С. 131—144). Там же была опубликована статья казанского историка Н. Субаева «Мустафа Субхи и газета «Тэрджиман», исследующая важное направление русско-турецких культурных связей через Крым и Кавказ конца XIX — начала XX в. (см.: Субаев Нияз. Мустафа Субхи ве «Тэрджиман» газетасы//Йылдыз. 1989. № 4. С. 128—129). К открытию Международной конференции 1991 г. в Симферополе газета «Достлук», выходящая на крымскотатарском языке, полностью посвятила номер 140-летию И. Гаспринского (1991, 15 марта). В Ташкенте первые отклики на юбилей появились в журналах «Общественные науки в Узбекистане», «Узбек тили ва адабиёты», «Саодат», «Еш куг» и др. В Бишкеке монографию о Гаспринском подготовил академик АПН Киргизстана А. Э. Измайлов. В Казани опубликована статья С. М. Червонной «Исмаил Гаспринский: «пантюркистская идея»...» (Татарстан. 1991. № 6).

²⁶ На конференцию прибыли делегации ученых тюркологов из США, Турции, Польши, Сирии, Румынии, Литвы, большая группа советских ученых — представителей научных центров РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдовы, Узбекистана, Киргизстана, Казахстана, Туркмении, Татарстана, Башкирии. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: «Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель народов Востока» А. Э. Измайлова, «И. Гаспринский и азербайджанская литературно-культурная среда» А. Мирахмедова, «Проблемы тюркской культурной общности у Гаспринского и современные задачи возрождения крымскотатарской культуры» С. М. Червонной, «Исмаил Гаспринский и турецкая тюркология» Т. Тюленсой, «Реформация культуры тюрков южной Азии и Исмаил Гаспринский» М. Сарая, «Перспективы возрождения Крыма» М. Кафалы, сообщения председателя ОКНД М. Джемилева, председателя стамбульского Общества культуры и взаимопомощи крымских татар И. Чекая, директора Крымскотатарского исторического музея в Нью-Йорке А. Темираяка, президента Крымскотатарского общества Турции А. Кырымлы, воспоминания И. Ханум (Стамбул) «Мой дед Исмаил Гаспринский». Около ста докладов и сообщений было сделано на секционных заседаниях. Работой секции «И. Гаспринский и Россия» руководил Ш. Ф. Мухамедьяров, «И. Гаспринский и Восток» — А. Э. Измайлов, «И. Гаспринский и Запад» — Ю. И. Горбунов.

²⁷ Среди этих сочинений: Rehber-i Mu'allimin yanc mu'allimlere Joldash. Baghchesaray, 1898; Qira'ati Turki. Baghchesaray, 1886, 1894; Gaspirali Isma'il bey. Atlasi cihanname. Hartali corafya. Baghchesaray, 1892; Khoja-yi Sebian. Baghchesaray, 1892; Hisab-Mukhtasar ilm-i hisab ve mesa il-i hisabiye. Baghchesaray, 1897; Turkistan ulemast. Baghchesaray, 1900; Meshur paytakhtlar. Baghchesaray, 1901; shara'it al-Islam; Majlis-i hukani-i Islam Baghchesaray, 1902. Под псевдонимом муллы Аббаса

Франсави, от имени которого ведется литературное повествование, был опубликован роман: *Dar ul-Rahat Musulmanlary. Baghchesaray*, 1891 и др.

²⁸ Романы и повести Гаспринского заслуживают специального филологического исследования, которое позволило бы выделить в этих сочинениях и типичные для многих восточных литератур так называемой «второй волны» турецкого просветительства (1880-х гг.) черты дидактичности, нравоучительства, социальной сатиры, и сугубо индивидуальные особенности его видения мира, его фантазий и утопий. Наиболее благодатный материал для таких исследований могут дать его романы «Французские письма» и «Мусульмане страны благоденствия», составляющие своеобразную диалогическую, проникнутую идеей соединения европейского научно-технического прогресса с устоями восточной духовности. Опыт такого исследования содержал в себе зачитанный на Международной конференции 1991 г. доклад Д. А. Балича (Ташкент) «Гаспринский и Запад».

²⁹ *Burgiel G. Die Sprache Ismail Bey Gaspryalis. Hamburg, 1950 (Doct. Diss.)*.

³⁰ В докладе Л. И. Левина на Международной конференции 1991 г. «Исмаил Гаспринский и пути развития крымскотатарской музыкальной фольклористики» был выявлен узел проблем, соединяющих просветительскую программу Гаспринского с методологией исследования народного творчества крымских татар.

³¹ Собственно, это исследование уже началось в докладах на Международной конференции 1991 г., с которыми выступили Н. Девлет (Стамбул) — «Прошлое и будущее во взглядах И. Гаспринского», Ю. Османов (Симферополь) — «И. Гаспринский и социалистические доктрины». Ш. Ф. Мухамедьяров обратил внимание на статью И. Гаспринского «Социалистическое учение», опубликованную в «Тарджимане» в 1906 г., а также на социальные утопии, отраженные в его романах «Мусульмане страны благоденствия» и «Сто лет спустя. 2000-й год». Если первый роман дает утопическую картину будущего в духе традиционных для русской демократической мысли идеалов крестьянской общины, то во втором романе государство «социалистического» будущего обретает некоторые далеко не радужные признаки неизбежного кризиса социалистических утопий.

³² *Zenkowski Serge. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1967; Lazzarini Edw.J. Op. cit.; Beningsen A. Ismail Bey Gasprinski (Gaspraly) and the Origins of the Jadid Movement in Russia Оксфорд, 1985. С. 5—20.*

³³ Эти обстоятельства были отражены в докладе на Международной конференции 1991 г. А. Якубаускаса «Гаспринский в Вильнюсе. Штрихи к портрету» (не опубл.).

³⁴ Маршруты европейских путешествий Гаспринского проследил Д. А. Балич в своем докладе на Международной конференции 1991 г.

³⁵ Эти факты и цифры привел В. Ю. Ганкевич в докладе «Исмаил Гаспринский в Бахчисарайской городской думе» (не опубл.).

³⁶ Не случайно Гаспринский встречал и сопровождал в Бахчисарае в 1893 г. бухарского эмира Сеид Абдул-Ахад-хана, которого на его пути из Бухары в Петербург и обратно во всех городах (Баку, Тифлисе, Владикавказе, Москве, Киеве, Одессе, Севастополе и т. д.) принимали самые крупные и знатные чиновники губернской и уездной администрации, местного дворянства и духовенства.

³⁷ Об этом сообщил на конференции Ш. Турдиев в докладе «Гаспринский и Туркестан».

³⁸ «... Приступая к делу во имя Аллаха, — писал Исмаил Бей Гаспринский в редакционной статье первого номера, — беремся за перо, чтобы служить правде и просвещению... «Переводчик» будет служить по мере сил проводником трезвых, полезных сведений из культурной жизни в среду мусульман и обратно, знакомить русскую (публику) с их жизнью, взглядами и нуждами» (Переводчик, 1883. № 1 /10 апр./ С. 2).

³⁹ Работа в этом направлении параллельно шла и в других центрах татарской культуры в России. В Казани в типографии И. Н. Харитоновы новые шрифты по рисункам Галиасгара Камала гравиравал Ибрагим Юзеев, в типографии «Миллят» над рисунком усовершенствованного шрифта работал Мухаммед Идрисов. См. об этом подробнее: Каримуллин А. Т. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974; Червоная С. М. Искусство Татарии. М., 1987. С. 274—276.

⁴⁰ Гаспринский Исмаил Бей. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 3.

⁴² Там же. С. 4.

⁴³ «Пример весьма поучительный и доказывающий необыкновенную племенную устойчивость татар, — писал Гаспринский, — представляют литовские татары, рассыпанные чуть ли не в десяти губерниях Юго-Западного и Привисленского края...» (Русское мусульманство... С. 27). «... Они пережили несколько столетий, сохранив свою религию и упорно отстаивая свою индивидуальность. У них такие же мечети, те же обряды, как у прочих мусульман» (Там же. С. 28). Гаспринский проявляет максимум внимания к той своеобразной, даже исключительной ситуации, в которой оказались литовские татары, и приходит к выводу, что они «... сохранив и строго охраняя свои мусульманские традиции, отлично усвоили европейскую культуру и образ жизни и умственно стоят во главе русского мусульманства» (Там же, С. 8).

⁴⁴ См.: Мусульманская печать в России//Переводчик. 1883. № 1 (10 апр.). С. 2. Заметим при этом, что узбекская газета, на которую ссылается И. Гаспринский, получила довольно резкую критическую оценку в советской историографии. А. Г. Каримуллин, в частности, писал: «В тех же це-

лях — привлечения на свою сторону «верхушку» местного населения — самодержавие начало издавать казенную газету на узбекском языке в Ташкенте «Туркестан вилайетининг газетеси» (Газета Туркестанского края) в 1870 г.» (К а р и м у л л и н А. Г. Татарская книга пореформенной России. С.229).

⁴⁵ Г а с п р и н с к и й Исмил Бей. Русское мусульманство... С. 3.

⁴⁶ Два слова о русских мусульман[ах]//Переводчик. 1883. № 11 (15 июля). С. 3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Из внутренней и иностранной жизни//Переводчик. 1883. № 10 (1 июля). С. 2.

⁴⁹ См.: Казанские мусульмане//Переводчик. 1886. № 24 (1 апр.). С. 1.

⁵⁰ См.: Касимовские мусульмане//Переводчик. 1883. № 7 (29 мая). С. 3.

⁵¹ См.: Два слова о русских мусульман[ах].

⁵² Г а с п р и н с к и й Исмил Бей. Русское мусульманство... С. 3.

⁵³ Там же. С. 4.

⁵⁴ «За 30 лет господства русского самодержавия в Крыму,— писал позднее крымскотатарский историк А. Озенбашлы,— от четырехмиллионного компактного татарского населения осталось на склонах Крымских гор полтора тысяч человек» (О з е н б а ш л ы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар//Крым. 1926. № 2. С. 144).

⁵⁵ Напомним в этой связи для сопоставления, что, по переписи населения 1989 г., те, кого Гаспринский называл «тюрко-татарами», или «мусульманами России», составляли уже около 47 млн. человек (из общего состава населения СССР — 288 млн. 624 тыс. человек), причем имеют более высокий естественный прирост населения (за счет рождаемости), чем славянские и другие народы европейской части СССР. К этому числу нужно прибавить и 4 млн. 215 тыс. таджиков и представителей многих других народов Памира, Средней Азии, Кавказа, принадлежащих к бывшему мусульманскому ареалу, но не к тюркской языковой группе. К современному тюркоязычному населению нашей страны (мы берем во внимание только интересовавший Гаспринского «мусульманский мир») относятся узбеки (16 698 тыс.), казахи (8136 тыс.), азербайджанцы (6770 тыс.), татары нескольких этнографических групп (6649 тыс.), киргизы (2529 тыс.), туркмены (2729 тыс.), башкиры (1449 тыс.), каракалпаки (424 тыс.), кумыки (282 тыс.), крымские татары (272 тыс.), уйгуры (263 тыс.), турки (208 тыс.), карачаевцы (156 тыс.), балкарцы (85 тыс.), ногайцы (75 тыс.).— СССР в цифрах в 1989 году: Краткий статистический сборник. М., 1990. С. 38—42.

⁵⁶ Г а с п р и н с к и й Исмил Бей. Русское мусульманство... С. 3.

⁵⁷ Россия//Переводчик. 1884. № 1 (8 янв.). С. 1.

⁵⁸ В «Русско-восточном соглашении» Гаспринский цитировал парижский «Мешверет» (1896. № 4) — печатный орган младотурков: «Мы не чувствуем никакой вражды к России. Она имеет свою историческую миссию, а мы со своей стороны озабочены охраной нашей независимости и достоинства... Можно ли согласовать эти, по-видимому, противоположные точки зрения? Мы верим, что возможно» (Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай, 1896. С. 18). Он приводил также признание одного турецкого писателя (анонимно): «Османлы (турки) должны и будут до последней крайности защищать свою самостоятельность, жертвуя для того всем, что во власти человека, но если должен пробить их роковой час, то я желал бы, чтобы народ наш шел под власть России, а не иной какой-либо державы. Причина — не русофильство,— я османлы и ничего больше,— но жить с русскими будет лучше и легче: они ближе к нам по складу и культуре, чем народы Запада». Там же. С. 6—7.

⁵⁹ Россия и Восток//Переводчик. 1883. № 8 (10 июня). С. 2.

⁶⁰ Столетие//Переводчик. 1883. № 1 (10 апр.). С. 2.

⁶¹ Для объективности, однако, мы должны отметить, что в сочинениях Гаспринского встречаются и чисто «верноподданнические» заявления, в частности, заверения, в том, что в России мусульманам живется «так вольно», что «им даны все необходимые права и открыты все пути духовного, умственного и материального преуспеяния» (Священная война//Переводчик. 1887. № 14/19 апр./ С. 1). Подобные пассажи, продиктованные политическим расчетом, оказываются в явном противоречии с другими страницами «Переводчика» и трактатов Гаспринского, где он дает более глубокий и нелицеприятный анализ подлинного положения мусульман в России.

⁶² Русско-восточное соглашение... С. 5.

⁶³ Там же. С. 6—7.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Переводчик. 1884. № 1 (8 янв.). С. 1.

⁶⁶ См.: Бахчисарай//Переводчик. 1887. № 20 (12 июля). С. 1.

⁶⁷ Что нам нужно?//Переводчик. 1883. № 17 (23 сент.). С. 1.

⁶⁸ Так, например, в статье «Умерла ли наша нация или она только спит?» (1906) Г. Тукай писал: «Наша нация и не умерла, и не заснула, она только лишилась сознания» (Т у к а й Г. Избранное. Казань, 1961. Т. 2. С. 25). Вернуть ей это сознание, по мысли поэта, способно культурно-просветительское движение и собственное, национальное искусство («... Овеем ее мягким ветерком газетных номеров... в ярких картинах отразим ее собственное лицо...» — Там же).

⁶⁹ Г а с п р и н с к и й Исмил Бей. Русское мусульманство... С. 7.

⁷⁰ Там же. С. 8—9.

⁷¹ Там же. С. 9.

⁷² Там же. С. 31.

⁷³ Там же. С. 21—22.

⁷⁴ Там же. С. 22.

⁷⁵ Сеид Абдул-Ахад-хан. Путешествие из Бухары в Петербург. Точный перевод дневника Его светлости Эмира Бухарского представляет И. Гаспринский из Бахчисарая. Казань, 1894. С. 14, 20, 36 и др.

⁷⁶ Гаспринский Исмаил Бей. Русское мусульманство... С. 30.

© 1992 г.

Н. С. КИНЯПИНА*

БОЛГАРИЯ В БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1886—1896 гг.)

Восточный вопрос — проблема многомерная. Она составляет магистральное направление внешней политики России с конца XVIII до начала XX в. Ее сердцевиной являлись Балканы, это «яблоко раздора» между государствами, и проливы. В разное время эти два центральных вопроса менялись местами, но всегда их решению подчинялись другие аспекты проблемы. В 80—90-е гг. XIX в., время, которое составляет содержание работы, первостепенное значение для России имел балканский вопрос.

Важность проблемы для Европы и Турции объясняет многообразие литературы — русской дореволюционной, советской, зарубежной. Есть работы общего плана, книги о политике великих держав и балканских стран, исследования по конкретным сюжетам истории восточного вопроса¹. Но распределяется эта литература неравномерно. Прежде всего, и это справедливо, изучаются «большие точки», связанные с крупными событиями в истории балканских народов, Турции, европейских стран. Применительно к XIX в. и политике России это — восточный кризис 20-х гг. XIX в. и освобождение Греции от турецкой неволи; Крымская война, восточный кризис 70-х гг., русско-турецкая война 1877—1878 гг. и создание на Балканах самостоятельных государств; соединение Северной и Южной Болгарии, болгарский кризис 80-х гг. (особенно обильно представлены две последние темы в болгарской историографии). Привлекают также внимание историков события второй половины 90-х гг. — восстановление русско-болгарских дипломатических отношений и возрождение влияния России на Балканах.

Утрата Россией ключевых позиций на Балканах в результате крупных ошибок царского правительства, приведшая к разрыву русско-болгарских отношений в конце 80-х гг., влияние этого события на балканскую политику России, ее взаимоотношения в эти годы с великими державами и балканскими странами слабее всего представлены в историографии. Из дореволюционных авторов об этом времени в очерковом плане писал известный официозный историк С. С. Татищев². Главными побудительными мотивами для написания своих трудов, как он сам считал, было восстановление своей репутации в глазах государя³. Однако хорошее знание обстановки на Балканах, широкое привлечение материалов из российских и зарубежных архивов, даже несмотря на пристрастность в оценках, позволяют и современному читателю обращаться к его трудам.

В советской историографии есть две статьи, касающиеся не всей политики России на Балканах в 80-е гг. XIX в., а лишь Болгарии. Это — статьи С. Сидельникова и А. С. Бейлиса⁴. У обоих авторов источниковая база свелась к весьма несовершенной публикации П. Павловича⁵, не использованы ими архивные материалы, пресса, что объясняет, помимо времени, просчеты историков. Очень хорошие книги С. А. Никитина⁶ и С. Д. Сказкина⁷ посвящены более

* Киняпина Нина Степановна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

раннему времени, хотя они важны для понимания взаимоотношений европейских держав на Балканах. Книга В. И. Косик, вышедшая в 1991 г., охватывает конец 70 — середину 80-х гг. XIX в. Однако суждения автора о характере российской политики в Болгарии, а также оценки личности и деятельности С. Стамболова ценны для осмысления внутренних процессов, происходивших в Болгарии^{7а}.

Из западной историографии можно назвать две обзорные работы известных американских историков Чарльза и Барбары Елавич (Джелавич)⁸ «Образование балканских национальных государств. 1804—1920» и «История Балкан. XVI—XIX вв.»⁹ Оба автора в хронологической последовательности упоминают главные события времени, связывая негативную реакцию России на воссоединение Болгарии, помимо отношения к болгарскому князю, с задачами Союза трех императоров, боязнью Петербурга аннексии Боснии и Герцеговины Австрией¹⁰. Переходя к внутреннему положению Болгарии после разрыва отношений с Россией, они высоко оценивают деятельность С. Стамболова как «сильного политического лидера», отстаивавшего интересы Болгарии¹¹. Политика России на Балканах в 80—90-х гг. XIX в. ими специально не рассматривается.

Достаточно обширна балканская, по преимуществу болгарская, литература, в которой в последние годы внимание исследователей сосредоточивается не столько на политике великих держав, сколько на истории самих балканских стран в их взаимоотношениях между собой и Турцией. Отметим два сборника статей, вышедших в 70—80-х гг. в Софии, и две книги Радослава Попова — о балканской политике Болгарии 1894—1898 гг. и «Болгария и Россия 1894—1898 гг.»¹² Авторы этих трудов — видные болгарские историки, хорошо знающие собственные и зарубежные архивы и публикации. Но слабое использование документов из советских архивов, а также не всегда критический подход в объяснении территориальных претензий правительства балканских стран, подчас отождествление их с национальными интересами самих народов приводят авторов к определенной односторонности выводов. В этих сборниках констатируются ошибки русской дипломатии в Болгарии, приведшие к разрыву отношений, но последующие действия России на Балканах до восстановления отношений не исследуются.

Считаю целесообразным остановиться на вышедшем в 1988 г. в Велико Тырнове сборнике, куда включены материалы Национальной сессии 1984 г., посвященные 130-летию годовщины со дня рождения С. Стамболова¹³. Во вступительной статье члена-корреспондента болгарской Академии наук Ил. Димитрова (ныне академика) обращается внимание на противоречивость оценок личности Стамболова. «Одни считают его символом государственной мудрости, политической доблести и патриотизма, другие — источником всяческого зла»¹⁴. При всей многозначности оценок, полагает историк, С. Стамболов — крупный революционер, общественный и государственный деятель.

В докладе Т. Митева были затронуты некоторые «недооцененные», по его мнению, аспекты болгаро-русских отношений в годы стамболовского правления. К таковым ученый относит вопрос о влиянии на политику Стамболова «недалновидного реакционного курса Александра III и попыток реалистически мыслящих русских дипломатов ослабить его последствия»¹⁵. Но объем доклада не позволил ученому достаточно глубоко аргументировать свои интересные идеи.

В выступлении К. Косева «Стефан Стамболов — революционер и политический деятель» подчеркнуты противоречия революционного прошлого С. Стамболова как борца за освобождение Болгарии от «султанского мракобесия» и защитника демократии с последующей его политической деятельностью как единоличного правителя страны¹⁶.

Сессия не могла во всем объеме раскрыть деятельность такого масштабного политика, как С. Стамболов. Но она положила начало всестороннему исследованию его роли в истории Болгарии.

Ближе всего к теме данной статьи стоит книга И. Панайотова, вышедшая в 1941 г.¹⁷ Автор пытается раскрыть политику этого непростого для Болгарии вре-

мени через личности, прежде всего С. Стамболова. С его именем он связывает успехи и ошибки в политике Болгарии. Стамболов, по мнению автора, оставил неизгладимый след в истории страны. Он объединил ранее разъединенный на враждующие лагеря народ, снял опасность нападения извне. Но, освободившись от русского патроната, Болгария попала в зависимость от враждебных ей сил, чего Стамболов не понял. В конечном итоге, заключает автор, антирусская политика Стамболова и привела его к падению. Причины восстановления русско-болгарских дипломатических отношений И. Панайотов видит не столько во внутреннем состоянии Болгарии, сколько в изменившейся международной обстановке: образовании русско-французского союза, обострении франко-английской колониальной борьбы, заставившей Великобританию ослабить свое покровительство Болгарии¹⁸.

Цель статьи — исследование политики России в отношении Болгарии в годы утраты Петербургом ведущей роли в регионе и влияние этого фактора на положение балканских стран. Начальная хронологическая грань — ноябрь 1886 г.: разрыв русско-болгарских отношений после миссии генерала Н. В. Каульбарса в Болгарию и его диктаторских действий, конечная — возрождение влияния России на Балканах, восстановление русско-болгарских отношений в середине 90-х гг. XIX в. Статья написана на основании документов, извлеченных из Архива внешней политики России (АВПР), Центрального исторического архива Болгарии, публикаций и литературы вопроса.

Прекращение дипломатических связей между Россией и Болгарией не было актом случайным. Оно явилось следствием крупных просчетов царского правительства, его грубого вмешательства во внутренние дела Болгарии, что было использовано государствами Запада, а также и зависимыми от них балканскими правительствами. В России середина 80-х — начало 90-х гг. XIX в. были временем экономического спада и политической реакции. «Народная воля» после событий 1 марта утрачивала свой былой авторитет, социал-демократия еще не создала своей партии, либеральная оппозиция была слаба и нерешительна.

Во главе государства стоял император Александр III, обладавший, по собственному утверждению, «нескладным умом». Он имел свои, хотя и несложные понятия о назначении самодержавной власти и направлении политики. Отстранив от управления государством многих видных политических деятелей, отличавшихся либерализмом взглядов (Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Меликов), в вопросах экономической политики новый царь следовал курсу своего отца. Особое значение он придавал железнодорожному строительству как в центре, так и на окраинах, внимательно прислушиваясь к советам и предложениям крупного политика С. Ю. Витте. Царь обладал редкостной работоспособностью. Множество донесений, получаемых из-за границы, особенно с Балкан, им прочитывались самым тщательным образом с пометами, нередко дельными, но далекими от соблюдения дипломатического этикета.

Министр иностранных дел Н. К. Гирс не обладал авторитетом своего предшественника, А. М. Горчакова, однако был умен, трезво оценивал возможности России, вместе со своим помощником В. Н. Ламздорфом критиковал «нелепые» действия генерала Н. В. Каульбарса в Болгарии¹⁹.

* * *

Середина 80-х гг. XIX в. отмечена важными событиями в жизни Европы и Азии. Болгарский кризис 80-х гг. совпал по времени с обострением англо-русских антагонизмов в Средней Азии; 1887 год привел к новому конфликту Германии с Францией, а также к созданию по инициативе Англии так называемой «Средиземноморской Антанты» — блоку Англии, Австро-Венгрии, Италии, направленному против России.

В этих условиях русско-французское сближение представляло неоспоримую значимость для обеих стран. Россия и Франция благодаря союзу выходили из

изоляции; оба правительства сумели выработать общую позицию в балканском вопросе и противостоять Тройственному союзу. Для Франции сближение с Россией было важно для решения проблем европейской политики, прежде всего в борьбе с Германией. Союз был необходим Франции в ее колониальном соперничестве с Англией в Азии и Африке. Не случайно в период болгарского кризиса 1886—1887 гг. Франция поддерживала Россию. «Болгарские события,— писал русский посол в Париже А. П. Моренгейм в Петербург 11(23) сентября 1886 г.,— представляют собой зародыш осложнений слишком важных, чтобы парижский кабинет мог быть лишь изолированным зрителем»²⁰. Не имея широких интересов в балканском регионе, Франция внимательно следила за районом Средиземноморья, за судьбой владений Османской империи, прежде всего Египта. По мнению русского посла, «вопрос о Египте ... занимает французский кабинет больше, чем мысли о реванше против Германии»²¹. Известным подтверждением суждений (правда, несколько категоричных) русского дипломата служат турецко-английские переговоры 1887 г. об эвакуации из Египта английских войск, начатые султаном под сильным давлением Франции²².

Русская общественность в эти годы была активной силой, склонявшей правительство к союзу с Францией. Она критиковала действия Министерства иностранных дел, пытавшегося «оживить» добрые отношения с Германией. Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, не удовлетворившись статьями в газете и используя свое влияние на Александра, 8 января 1887 г. послал ему «всепопданнейшую записку», в которой доказывал, что единственно выгодным для России союзом может быть только союз с Францией²³. Но единство принципов монархических держав, совместная борьба «с идеями социалистов», словесные заявления Бисмарка об отсутствии у Германии собственных интересов на Балканах и Ближнем Востоке, некоторые практические шаги в этой области (в частности, непризнание Ф. Кобурга князем Болгарии), а также начавшиеся экономические трения двух стран, которые должен был сгладить новый союз, явились побудительными мотивами подписания в 1887 г. русско-германского (без участия Австро-Венгрии) так называемого «договора перестраховки». Н. К. Гирс, давая инструкцию П. А. Шувалову в Берлин для ведения русско-германских переговоров (апрель 1887 г.), важнейшими условиями считал договоренность по балканскому вопросу: признание Германией «исторических прав России на Балканском полуострове», в частности ее «преобладающего влияния в обеих Болгариях», а также внесение статьи о неприкосновенности проливов и уважения этого принципа другими державами²⁴. Таким образом, в русско-германском договоре, подписанном в июне 1887 г., важное место, как и прежде, отводилось Балканам и признанию интересов там России.

С прекращением дипломатических русско-болгарских отношений позиция Петербурга на Балканах были ослаблены. «Удаляясь из Болгарии,— писал С. С. Татищев в одной из своих записок в МИД,— Россия добровольно покидала свой передовой пост на Балканах»²⁵. Эта «добровольность» была, бесспорно, вынужденной. Но, оставляя Софию, Россия не покинула Балканы. Она изменила лишь методы и средства своей деятельности в этом регионе. Посылая инструкции русским дипломатам в балканских странах, царское правительство, как заклинание, повторяло: не вмешиваться в их внутренние дела²⁶.

Положение Болгарии, ее взаимоотношения с соседними странами и великими державами по-прежнему составляли центральное звено балканской политики России. Следует заметить, что разрыв отношений с Болгарией не прекратил экономических (всегда весьма скромных), культурных, религиозных контактов двух стран. Как и прежде, болгарская молодежь обучалась в светских и религиозных учебных заведениях России, продолжался обмен книгами, между странами практиковались поездки частных лиц. А. И. Нелидов, русский посол в Константинополе, из числа сторонников России в Болгарии прежде всего выделял болгарское крестьянство²⁷.

Разрыв отношений с Россией, удаление А. Баттенберга привели к установлению власти регентов во главе с С. Стамболовым, что обострило внутреннюю обстановку в Болгарии. В январе-феврале 1887 г. вспыхнули мятежи в Русуке (Русе) и Силистрии (Силистре), в организации которых участвовали при покровительстве петербургского кабинета недовольные режимом регентства военные и болгарские эмигранты. Планы восставших не были продуманы, в их действиях отсутствовало единство, не было широкой поддержки народа. Регентству удалось подавить мятеж и учинить кровавую расправу над его участниками: 15 человек из 200 арестованных были казнены²⁸, произведены аресты в Софии и других городах. Регентство также жестоко подавило восстание, руководимое майором Паницей. Глава восстания был казнён, участники (свыше 200 человек) арестованы.

О положении в Болгарии Россия получала сведения от русских представителей в балканских странах, от послов в Константинополе и Вене, от болгар-эмигрантов, находившихся в России и Румынии. Эти сведения не всегда были точными; иногда болгары-эмигранты сгущали обстановку в Болгарии, желая убедить Петербург во всеобщем недовольстве населения политикой регентства. Тем важнее была прямая договоренность России с Турцией — сюзереном Болгарии. В 80—90-е гг. инициативная роль в осуществлении этих контактов принадлежала России: Порты была заинтересована в сохранении напряженности на Балканах и ослаблении там позиций Петербурга, что усиливало влияние Константинополя и особенно зависимость Болгарии от султана²⁹.

В турецком правительстве, как видно из документов АВПР, не было единства взглядов на отношения с Болгарией. Одна часть правительства, менее влиятельная, стояла за вмешательство в болгарские события, другая — султан и великий везир — поддерживали с регентством дружественные связи, считая целесообразным не военное, а мирное решение вопроса. Нелидов отмечал «мягкость» позиции Порты в отношении Болгарии. Султана Абдул-Хамида II он характеризовал как человека неуверенного, одновременно боязливого и жестокого, зависимого в своих действиях от Англии³⁰.

Бездеятельность султана, распри в Болгарии приводили к распространению самых различных слухов относительно претендентов на болгарский престол. После того, как кандидатура князя Николая Мингрельского, предложенная Россией Порте, была отвергнута Западом и болгарским правительством, Россия обратилась к посредничеству Германии, которая могла бы повлиять на своих союзников и Турцию. Но Бисмарк не поддержал эту просьбу³¹.

Одновременно назывались новые кандидатуры: сербский король Милан, румынский — Карл, даже говорилось о султанине как князе Болгарии, с назначением которого будто бы произойдет «слияние Турции с Болгарией по примеру Австро-Венгрии», а при утверждении Милана или Карла — соответственно должно было произойти слияние Болгарии с Сербией или Румынией. При острых противоречиях и недоверии, которые существовали между балканскими странами, территориальных спорах между ними вряд ли реальной могла быть конфедерация болгаро-сербская или болгаро-румынская, не говоря уже о болгаро-турецкой. Все эти планы Нелидов считал «несерьезными»³².

Выжидательную позицию султана, лояльность со стороны правительств Запада умело использовал С. Стамболов, наиболее авторитетный из трех регентов (два других — П. Каравелов, С. Муткуров). Установив единоличную власть в Болгарии, овладев положением и несколько стабилизировав обстановку в стране, он отправился во главе делегации в поездку по Европе. Там он добился согласия австрийского офицера Фердинанда Кобурга на избрание его в качестве болгарского князя. Народное собрание в Тырнове утвердило этот выбор. В 1887 г. австрийский ставленник Фердинанд Кобург, католик по вероисповеданию, стал князем Болгарии. Его избрание, происшедшее без согласия держав, подписавших Берлинский трактат, и утверждения султана, формально было незаконным. Россия опротестовала это решение. Ее поддержала Франция; Англия, Австрия, Италия приветствовали избрание Кобурга; Германия отнеслась «достаточно безучастно».

стно», Порты — «осторожно». Последняя обратилась к правительствам, подписавшим Берлинский договор, за советом³³. Русский посол в Константинополе рекомендовал Порте удалить из Болгарии Фердинанда. Но султан соглашался на этот шаг только при условии единогласия всех великих держав, которого, естественно, не было.

Для России в эти годы более опасными противниками были Англия и Австро-Венгрия, а не Турция. «Англия,— передавал А. И. Нелидов из Константинополя,— толкает Турцию согласиться с этим выбором (Фердинанда) и предложить державам сделать то же»³⁴. Венский кабинет, хотя и отрицал свою причастность к выдвижению кандидатуры Ф. Кобурга, считал желательным, чтобы выборы были признаны великими державами и Портой. Они, по мнению Австрии, «разрядят обстановку в Болгарии»³⁵, сообщил из Вены посол России А. Б. Лобанов-Ростовский.

Отказ России признать законность избрания князем Болгарии Фердинанда поддержали Турция, Франция, Германия³⁶. Тогда петербургский кабинет пожелал официально узаконить этот акт. В феврале 1888 г. Н. К. Гирс известил европейские правительства о направлении в Константинополь демарша с предложением Порте издать официальную декларацию, объявляющую незаконность присутствия и власти Фердинанда в Болгарии³⁷. Но султан считал вполне достаточным простое непризнание Кобурга и не желал дальнейшего обострения болгаро-турецких отношений. Франция и Германия, хотя и поддерживали Россию в этом вопросе, не хотели новых осложнений на Балканах. Учитывая разногласия держав, султан ограничился простым сообщением болгарскому правительству протеста России и уведомлением, что выборы князя Фердинанда не одобрили великие державы и не санкционировала Порта³⁸.

Непризнание Турцией, сюзереном Болгарии, нового режима в стране не только осложняло положение Фердинанда и Стамболова, но и влияло на престиж Болгарии. Стамболов стал искать выход из создавшегося положения. В декабре 1887 г. он отправил Захария Стоянова (вице-председателя Народного собрания) в Белград выяснить отношение короля Милана к Болгарии и якобы возможность объединения с Сербией на случай борьбы с Россией. Как сообщал в Петербург русский представитель в Белграде А. И. Персиани, «Милан в разговоре со Стояновым не касался сделок с болгарскими дельцами»³⁹. При всей субъективности донесений Персиани, итог переговоров не был утешительным для Стамболова; болгаро-сербское соглашение не состоялось.

Тогда Стамболов, человек колоссального честолюбия, огромной силы воли, с большим опытом политической борьбы, прошедший путь от революционера до диктатора, решился на рискованный шаг. В феврале 1888 г. через своего приятеля, болгарского эмигранта, жившего в России, купца Антона Теохорова, он обратился с письмом к директору Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьеву с предложением свергнуть князя Фердинанда и улучшить русско-болгарские отношения. Письмо это было передано Стамболовым Теохорову в Адрианополе⁴⁰.

Этот документ найден автором статьи в Центральном историческом архиве Болгарии в Софии в фонде К. Стоилова. Насколько могу судить по литературе, он не опубликован, хотя упоминание о нем содержится в приложениях к воспоминаниям В. Велчева⁴¹. Письмо датировано 25 февраля 1888 г. (т. е. спустя полгода после того, как Стамболов добился избрания Фердинанда князем Болгарии, и через два месяца после переговоров с Сербией) и начинается с заявления: 1) «Главная причина недоразумений Болгарии с Россией — князь, которому я помог стать князем и которого я сейчас ненавижу». Далее Стамболов предлагает свергнуть князя. 2) «После свержения Кобургского,— пишет он,— я сразу созову народное собрание в Тырнове и оно направит депутацию в С.-Петербург просить царя назначить своего кандидата на болгарский трон. Когда русский кандидат будет избран единогласно, тогда восстановятся братские отношения. 3) Новый князь, который будет избран, получит от меня власть, а потом я добровольно отойду от власти». Во избежание беспорядков в Болгарии Стамболов предла-

гал русскому правительству временно оставить в России болгарскую (военную и гражданскую) эмиграцию. За эти услуги русское правительство должно было обещать Стамболову «нравственные и материальные гарантии»⁴².

12 марта 1888 г. И. А. Зиновьев составил ответ на письмо Стамболова, который также находится в фонде К. Стоилова. Письмо Зиновьева опубликовано в воспоминаниях В. Велчева. Сравнение текстов убеждает в их идентичности. Историки прошли мимо этих писем. В литературе, даже в такой фундаментальной книге, как работа И. Панайотова, нет упоминания об этой весьма важной для понимания русско-болгарских отношений и деятельности С. Стамболова странице истории. У И. Панайотова сообщается лишь о переговорах в Софии, которые неофициально вел со Стамболовым С. С. Татищев в 1890 г.

В своем ответе Зиновьев напоминает (со ссылкой на «Правительственный вестник») о пожеланиях России, обращенных к Болгарии: «не входить ни в какие враждебные России политические комбинации», с тем чтобы она не превратилась «в притон нигилистических и социалистических учений, которые, как доказывают многочисленные исторические примеры, ведут к расслаблению государства», чтобы правители Болгарии не отдали свою родину «иностранным эксплуататорам» и имели бы постоянно в виду пример Сербии, которая «в самое короткое время доведена эксплуататорами этими до полного разорения и истощения». Если болгарские правители будут следовать этим условиям, то они могут рассчитывать на сочувствие им России и на содействие Болгарии. Зиновьев следующими словами определил тактику России на Балканах: «В дела внутреннего управления и расчеты между партиями мы не намерены вмешиваться, изведав на опыте, что такое вмешательство при самых лучших намерениях неизбежно ведет к недоразумениям»⁴³.

Переходя к конкретным пунктам программы Стамболова, он пишет: «1) Пока в Болгарии будет находиться принц Кобургский, России невозможно возобновлять с нею сношения. Но те лица, которые откажут самозванцу в своей поддержке и сумеют удалить его из Болгарии, тем самым загладят вины свои перед Россией и получат в наших глазах право вступить от имени болгарского народа в сношения с русским правительством. 2) В таком случае мы без всякого предубеждения отнесемся к составу болгарского правительства, не исключая г. Стамболова и никого другого, кто готов будет отказаться от минувших заблуждений. 3) Присылка в Россию болгарской депутации необходима для восстановления сношений. С этой депутацией мы готовы будем обсуждать вопросы о будущем князе, личность коего была бы залогом будущего благоденствия Болгарии и поддержания между нею и Россией отношений, основанных на взаимном доверии».

Зиновьев считал, что соглашение относительно князя не может встретить никаких затруднений, так как Россия не намерена ставить в этом отношении Болгарии сколько-нибудь стеснительных условий. Созыв Великого болгарского народного собрания для избрания князя, относительно которого установится соглашение, будет зависеть от болгарского правительства. На предложение Стамболова «задержать на время болгарских эмигрантов в России», МИД ответил, что Россия «воздерживается в будущем от вмешательства во внутренние дела Болгарии и представляет самим болгарам разрешить вопрос об эмигрантах». Последние замечания Зиновьева касались будущего русско-болгарских отношений. Он полагал, что с прибытием болгарской депутации в Россию «все минувшие недоразумения будут окончательно преданы забвению и русское правительство ни под каким видом не будет мстить кому бы то ни было, так как чувства мести не совместимы с его достоинством». Письмо заканчивается следующим образом: «Сообщая Вам эти объяснения и предоставляя Вашему благоусмотрению конфиденциально сообщить их тем из болгар, кому Вы признаете это нужным, я наперед уверен, что в Ваших руках дело это может получить лишь вполне сообразное с интересами как России, так и Болгарии направление. Желая успеха»⁴⁴. Зиновьев просит Теохорова (ответ Зиновьева был составлен на его имя) принять все меры к тому, чтобы о настоящем письме не узнал никто из

лиц, не имеющих прямого отношения к этому делу, и уведомить корреспондента как о получении этого письма, так и о том, что болгарская сторона намерена предпринять.

Последняя просьба Стамболова «о нравственных и материальных гарантиях» осталась без ответа. Нового обращения Стамболова к России не последовало. По мнению В. Велчева, переговоры были прерваны из-за отказа русских дать Стамболову «средства» для организации заговора⁴⁵.

С восстановлением русско-болгарских дипломатических отношений в 1896—1897 гг. копия письма Стамболова к Зиновьеву была выкрадена из архива МИД России за 2 тыс. руб. (6 тыс. левов) и передана Теохорову, который его сфотографировал, а экземпляры были вручены Фердинанду, Стоилову и еще некоторым лицам⁴⁶. Такова судьба этого документа.

Как можно оценивать обращение С. Стамболова к России в 1888 г.? Думаю, что оно — свидетельство политической беспринципности диктатора, а не жест раскаявшегося грешника, каким представляет себя Стамболов в письме. Положение Болгарии после непризнания Фердинанда Европой и особенно Турцией, в вассальной зависимости от которой находилась Болгария, было непростым. Ранее, когда Россия покровительствовала Болгарии, подчиненность политике султана была менее ощутима, чем теперь, когда Болгария осталась одна. В этих условиях Стамболову было безразлично, откуда придет помощь, — лишь бы удержать власть в своих руках. Когда переговоры с Сербией оказались безуспешными, он попытался договориться с Россией. После отказа Петербурга принять его условия, Стамболов с редким ожесточением активизировал борьбу с Россией, вымаливал уступки у Турции, заискивал перед Западом. В конечном итоге в 1894 г. он был вынужден уйти в отставку, а через год был убит.]

Что же касается ответа российского МИД на обращение болгарского диктатора, то он составлен уважительно к адресату, достаточно корректно и определено. Ошибки прошлого не прошли бесследно для русского правительства. В ответе чувствуется прежний интерес России к Балканам, содержатся советы для Болгарии — не повторить путь Сербии, фактически утратившей самостоятельность, и утверждается новый подход — невмешательство во внутренние дела балканских государств.

Это письмо Стамболова, независимо от конкретной его оценки (она может быть различной), имеет более общее значение для понимания обстановки в целом на Балканах, тех сдвигов в пользу России, которые там начались с конца 80-х гг. Известно, что с конца 70-х — начала 80-х гг. Австро-Венгрия заняла ключевые позиции на балканском рынке, чему способствовали ее географическое положение, более высокий, чем у балканских стран, промышленный потенциал, умелая железнодорожная политика. Важную роль в этом комплексе причин сыграли германо-австрийский договор 1879 г., активизировавший деятельность Австро-Венгрии на Балканах, и поддержка Англии с ее антироссийской направленностью политики. Подчиненность Австро-Венгрии и соответственно антироссийский курс характеризовали политику большинства балканских стран с конца 70-х — начала 80-х гг. Так, Румыния, связанная с середины 70-х гг. с Австро-Венгрией торговым договором, в 1883 г. была вынуждена войти в состав Тройственного союза.

«Об исключительном влиянии венского кабинета в Болгарии»⁴⁷ писал А. И. Нелидов. Греция испытывала экономическое и политическое давление Англии. Единственной страной на Балканах, где авторитет России был по-прежнему велик, оставалась Черногория. «Черногория, — сообщал русский представитель из Цетинье, — является барьером для многих вождслений (convoitises) держав, в первую очередь Австрии»⁴⁸. Россия поддерживала Черногорию в австро-черногорских конфликтах по поводу Боснии и Герцеговины, была на стороне Черногории в турецко-черногорских пограничных спорах, конфликтах по поводу Албании, католическое население которой пользовалось поддержкой Австрии, а Турция была на стороне албанцев-мусульман и подстрекала их к борьбе с католика-

ми⁴⁹. У черногорского и русского правительства был общий взгляд на антибалканскую и антироссийскую политику Австро-Венгрии. «Черногорцы в австрийцах, — писал русский представитель в Черногории Аргиропуло, — давно видят явных врагов, более опасных, чем турки»⁵⁰.

Особый интерес проявляла Россия к Сербии, ранее считавшая ее «Пьемонтом Балкан». Ее полная подчиненность Австро-Венгрии граничила с потерей суверенитета. Подписанный сербским князем Миланом в июне 1881 г. политический договор с Австро-Венгрией без ведома Скупщины закреплял господство Австро-Венгрии в Сербии. По его условиям Сербия отказывалась от своих претензий на Боснию, Герцеговину и Новопазарской санджак. Она лишалась права на самостоятельные переговоры и соглашения с другими государствами, получая за это поддержку Австро-Венгрии в намерениях Милана провозгласить себя королем Сербии⁵¹. Этот договор имел не только антисербскую, но и антибалканскую направленность, поскольку Австро-Венгрия за уступки, предоставленные ей князем, обещала Сербии территориальные приращения за счет других балканских стран, что неизбежно подрывало их единство в борьбе с Турцией.

Подписанный месяцем ранее австро-сербский торговый договор широко открывал австрийским товарам и капиталу сербский рынок. В 80-е гг. XIX в. 80% сербского вывоза направлялось в Австрию, 60% австрийского экспорта шло в Сербию⁵². Австро-Венгрия и Германия имели привилегии перед другими странами по вывозу своих товаров на Балканский полуостров. «Произведения Сербии и Болгарии, — сообщал из Константинополя А. И. Нелидов Персиани, — при сбыте их к морю в Салоники или Константинополь подчинены гораздо более возвышенной провозной пошлине, чем товары австрийского и германского происхождения, что наносит удар болгарской и сербской торговле» и вызывает протесты Англии и других европейских стран⁵³. Англия, борясь с монополией Австрии, в ряде сербских городов учредила свои конторы для лучшего сбыта в Сербию английских товаров, которые теснили австрийские.

В Сербии зрело недовольство политикой Милана, который справедливо считался «слепым орудием Австрии». Провозгласив себя в 1882 г. королем, он начал свою деятельность с роспуска Скупщины и разоружения народной армии, созданной в 60-х гг. князем Михаилом. Эти антиконституционные действия Милана привели в 1883 г. к восстанию в Восточной Сербии, жестокое подавление которого еще более накалило обстановку в стране. Для укрепления своего престижа, не без поддержки Австро-Венгрии, в 1885 г. он решился на братоубийственную войну с Болгарией. Война закончилась поражением Сербии, что привело к дальнейшему падению авторитета короля. В стране усилилось влияние радикальной партии, ориентировавшейся на Россию и требовавшей отставки Милана. В разговоре с русским представителем в Белграде А. И. Персиани король признавался в «запутанном состоянии Сербии», росте внешнего долга, говорил, что в глазах России он «заслуженно скомпрометирован»⁵⁴. В 1889 г. Милан был вынужден отказаться от власти в пользу малолетнего сына Александра и покинуть страну, что положительно сказалось на отношениях с Россией. «Со времени падения Милана, — передавал из Белграда Персиани, — заметно стремление сербов сблизиться с Россией»⁵⁵. Это, в частности, выразилось в возвращении в Сербию из изгнания митрополита Михаила — сторонника независимой политики Сербии, деятельность которого поддерживалась Россией.

В конце 80-х — начале 90-х гг. улучшаются отношения Сербии с соседними странами на почве «взаимного противодействия австрийскому гнету»⁵⁶. В ответ на закрытие Австрией своей границы для вывоза сербских товаров Сербия ищет пути сближения с Румынией. В 1889 г. переговоры завершаются подписанием румыно-сербского торгового договора, который, пусть в малой степени, освобождал обе страны от кабальной зависимости от Австро-Венгрии⁵⁷. В те же годы между рядом балканских стран велись переговоры о создании союзов: сербо-греческого, болгаро-греческого. В 1891 г. в Софию приезжал глава греческого правительства Трикупис и вел переговоры со Стамболовым. Но камнем преткнове-

ния вновь стал вопрос о Македонии, и переговоры были прерваны⁵⁸. Однако самый факт визита в Болгарию греческого лидера при известной обособленности политики Греции от других балканских государств и греко-болгарских спорах по церковному вопросу — свидетельство определенной консолидации балканских стран в их совместной борьбе с политикой правительств Запада и Портой.

В 1892 г. русский посол в Константинополе А. И. Нелидов посетил Сербию, где ему был оказан торжественный прием. В Белграде состоялась встреча с главой сербского правительства Н. Пашичем; обсуждались помимо политических вопросов пути расширения русско-сербской торговли, в частности, была открыта выставка русских мануфактурных изделий, которая произвела в Белграде «наилучшее впечатление»⁵⁹.

Вслед за Сербией отказывается от безоглядного австрофильства Румыния. Помимо внутренних причин недовольства местной буржуазии зависимостью от австро-германского капитала этому содействовали внешнеполитические факторы; складывание русско-французского союза, который противостоял Тройственному союзу, активизация политики Германии в Турции, усиление австро-германских экономических конфликтов по поводу балканской торговли.

В 90-е гг. усиливается проникновение в румынскую экономику французского капитала, что в некоторой степени ослабило влияние Австро-Венгрии и сгладило русско-румынские территориальные конфликты по поводу Бессарабии. В этих условиях правящие круги Румынии избрали для себя путь лавирования между двумя блоками европейских держав, отдавая, однако, предпочтение Тройственному союзу⁶⁰.

Позже других балканских стран отходила от прозападной ориентации Болгария. Если судить по донесениям из Константинополя и Белграда, направлявшимся в Петербург, то положение Болгарии при режиме Стамболова было «критическим»⁶¹. О тревожной обстановке в Болгарии писал в своих статьях в «Новом времени»⁶² и архивных записках российский публицист и историк С. С. Татищев, посетивший как частное лицо Софию в августе 1890 г. На столичном вокзале он был подвергнут допросу, а в гостинице «Болгария» у его номера стоял жандарм. Тем не менее Татищев был принят Стамболовым, который в беседе с ним заявил о желательности примирения между Россией и Болгарией⁶³. В Петербурге не доверяли этим словам, расходившимся с делами главы болгарского правительства. Так, товарищ министра иностранных дел России В. Н. Ламздорф, много страниц своего дневника посвятивший Балканам, писал о С. Стамболове: «Он прежде всего честолюбив; считает себя Бисмарком, ему льстят похвалы, которые ему расточают то австрийский император, то британский премьер, и он крайне доволен, что Европа обращает на него внимание». Ссылаясь на разговор Гирса с бывшим болгарским министром Станчевым, Ламздорф записал: «Стамболов никогда искренне не пожелает сближения с Россией»⁶⁴.

Прошлое Стамболова — связь с демократическими организациями в годы учебы в России, активная борьба с турецкими угнетателями за независимость Болгарии — вызывает уважение. Его деятельность в 80—90-е гг. — установление диктаторского режима в стране, расправа с инакомыслящими — свидетельство отказа от тех демократических принципов, которые он исповедовал в юности.

Его политика вела Болгарию к кабальной зависимости от Турции и Запада. Не случайно отставка Стамболова обеспокоила не только Австро-Венгрию и Англию, но и Порту. Стамболов, получая льготы от султана в виде бератов, разрешавших строительство в Македонии болгарских школ и церквей, сталкивал Болгарию с Сербией, Черногорией, Грецией, создавал невиданную ранее напряженность на Балканах, что явилось одной из причин гибели диктатора.

Новое правительство К. Стоилова, хотя и осторожно, но встало на путь восстановления отношений с Россией, проявив в этом плане инициативу. В феврале 1896 г., после крещения наследника болгарского престола в православную веру и просьб болгарского правительства, российское правительство сообщило Порте, что Петербург не видит препятствий для признания Фердинанда князем Болга-

рии. Вслед за Россией и Портой все правительства, подписавшие Берлинский трактат, официально подтвердили право Фердинанда на болгарский престол⁶⁵.

Русско-болгарские дипломатические отношения были восстановлены. Логика истории была такова, что стремления балканских стран к закреплению своей независимости, полученной с помощью России, вступили в противоречия с планами царизма, а также западных правительств и Портой. Последние под видом помощи предоставляли балканским правительствам займы, подписывали торговые и политические договоры, которые по существу вели к ликвидации их суверенитета.

* * *

Конец 80-х — начало 90-х гг. XIX в. для правительств балканских стран были в их отношении к России переломными. Правительства Сербии, Болгарии, Румынии, изведав на собственном опыте экономический и политический гнет Запада и Турции, вновь признали авторитет России на Балканах. Ясно, что царизм преследовал здесь собственные цели, которые не отличались гуманностью. Хотя правительство Александра III не разрабатывало в эти годы планов по территориальному захвату балканских земель, оно не оставляло попыток контроля над деятельностью балканских правительств, отказавшись, правда, от грубого вмешательства во внутренние дела балканских стран. Особенностью российской политики были усилия по объединению всех балканских народов в совместной борьбе с Турцией, смягчению напряженности в религиозных и других спорах. Не случайно, что балканские союзы 60, 90-х гг. XIX в., начала XX в., образование которых вызывалось внутренними причинами, поддерживались Россией. Западные правительства и Порта, напротив, углубляли противоречия между балканскими государствами, лишали народы альтернативы выбора путей самостоятельного развития.

Еще одно обстоятельство следует иметь в виду, говоря об особенностях политики России сравнительно с Западом: обострение противоречий между Россией и балканскими правительствами прежде всего сказывалось на политике кабинетов. Оно в меньшей степени затрагивало балканские и российские народы. Веками существовавшая между ними языковая, культурная, религиозная общность, отсутствовавшая у других стран, составляла нравственную основу русского влияния и позволяла сохранить приязнь между ними даже в самые мрачные периоды межгосударственных отношений. Не случайно, что даже во время стамбуловского правления в Болгарию не переставали поступать книги, статьи, издававшиеся в Москве, Киеве, Одессе и других городах⁶⁶.

Примечания

¹ История дипломатии. Т. II. М., 1963; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 г. Киев, 1967; Попов Р. Болгария и Русия 1894—1896. София, 1985.

² См: Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890; его же. Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый. 1889. СПб., 1890; Год второй. 1890. СПб., 1898.

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 132 (С. С. Татищев), л. 85—85 об.

⁴ Сидельников С. Авантюра русского царизма в Болгарии 1878—1896 // Уч. зап. Ленинградского ун-та. 1939. № 36. Сер. истор. наук. Вып. 3; Бейлис А. С. К вопросу о русско-болгарских отношениях в 80-е годы XIX в. // Уч. зап. Львовского ун-та Т. XVII. Сер. истор. Вып. 4. Львов, 1949.

⁵ Авантюра русского царизма в Болгарии: Сб. документов. Л., 1935.

⁶ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей 50—70 гг. XIX в. М., 1970.

⁷ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.

^{7а} Косик В. И. Русская политика в Болгарии. 1879—1886. М., 1991.

⁸ Jelawich Charles and Barbara. The Establishment of the Balkan National States 1804—1920. Univ. of Washington Press. Seattle and L., 1977.

- ⁹ Jelawich B. History of the Balkans. V. 1. XIV—XIX Cambridge Univ. Press. 1983.
- ¹⁰ Jelawich Ch. and B. Op. cit. P. 165.
- ¹¹ Ibid. P. 168.
- ¹² Национално-освободителни движения на Балканите в края на XIX в. София, 1976; Великите сили и балканските взаимоотношения в края на XIX и началото на XX в. София, 1982; Попов Р. Балканската политика на България 1894—1898. София, 1984; ето же. България и Русия 1894—1898. София, 1985.
- ¹³ Стефан Стамболов — революционер и книжовник. Велико Търново, 1988.
- ¹⁴ Там же. С. 1.
- ¹⁵ Там же. С. 53—54.
- ¹⁶ Там же. С. 7.
- ¹⁷ Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос след избора на княз Фердинанд (1888—1896). София, 1941.
- ¹⁸ Там же. С. 185, 196.
- ¹⁹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1886—1890. М., 1926. С. 4.
- ²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1886, д. 83, л. 483 об.
- ²¹ Там же, л. 484 об.
- ²² Англия соглашалась эвакуировать свои войска из Египта при сохранении руководства египетской армией со стороны английских офицеров, а также права англичан в случае волнений в Египте первыми ввести свои войска. Условия, выдвинутые Англией, фактически сохраняли английское господство в Египте и не были приняты Турцией.
- ²³ Красный архив. 1933. № 3 (88). С. 78.
- ²⁴ АВПР, ф. Посольство в Берлине, оп. 509 в, д. 83, л. 146—146 об.
- ²⁵ Там же, ф. Канцелярия, д. 132, л. 288.
- ²⁶ Там же, ф. Политархив, оп. 482, 1887, д. 437, л. 5—5 об.
- ²⁷ Там же, ф. Посольство в Константинополе, оп. 512/2, 1887, л. 259.
- ²⁸ Там же, ф. Политархив, оп. 482, 1886—1887, д. 2240, л. 34—35.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: Самарджиев Б. Политика на Османска Турция към Княжества България (1888—1896) // Великите сили и балканските взаимоотношения в края на XIX и началото на XX в.
- ³⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, оп. 512/2, 1887, д. 82, л. 194 об.—195, 196.
- ³¹ Документы по истории Болгарии свидетельствуют, что у Германии уже в эти годы были планы, направленные против России. См.: Документи на българската история. Т. IV. Ч. II. Турецкий стол (1863—1909). София, 1942. Док. 166. С. 103.
- ³² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1887, д. 82, л. 240 об.; ф. Политархив, 1886—1887, д. 2240, л. 90; 1887, д. 2181, л. 11, 35.
- ³³ Там же, ф. Политархив, 1886—1887, д. 2240, л. 83.
- ³⁴ Там же, ф. Посольство в Константинополе, оп. 512/2, 1886—1887, д. 2240, л. 126.
- ³⁵ Там же, л. 63, 74.
- ³⁶ DDF I Serie. T. VIII. Paris, 1937. Doc. 59. P. 64.
- ³⁷ Ibid. Doc. 47. P. 54.
- ³⁸ См. подробнее: Самарджиев Б. Указ. соч. С. 88.
- ³⁹ АВПР, ф. Политархив, 1888, д. 439, л. 3 об.—4.
- ⁴⁰ Централен държавен исторически архив (ЦДИА) Болгарии, ф. К. Стоилова, № 600, д. 1304, л. 6.
- ⁴¹ См.: Велчев В. Стамболов и Фердинанд. София, 1922. С. 165—166.
- ⁴² ЦДИА Болгарии, ф. К. Стоилова, № 600, д. 1304, л. 7—7 об.
- ⁴³ Там же, л. 18—18 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 19—20 об.
- ⁴⁵ Велчев В. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁶ ЦДИА Болгарии, ф. К. Стоилова, № 600, д. 1304, 1896, л. 6—7; Велчев В. Указ. соч. С. 166.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, 1890, д. 448, л. 23.
- ⁴⁸ Там же, 1880, д. 1512, л. 64 об.
- ⁴⁹ Там же, 1883, д. 1524, л. 2, 36.
- ⁵⁰ Там же, 1885, д. 1531, л. 21.
- ⁵¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М., 1925. С. 97—99.
- ⁵² Јаши и Ђ. Из новија србске историја. Београд, 1953. С. 84.

- ⁵³ АВПР, ф. Политархив, 1890, д. 448, л. 24—25. Об экономическом противодействии Австрии стран Запада см.: Известия на Института на българската история. Т. VII. София, 1957. С. 159.
- ⁵⁴ АВПР, ф. Политархив, 1888, д. 447, л. 57, об.—58 об.
- ⁵⁵ Там же, 1890, д. 448, л. 52.
- ⁵⁶ Там же, 1891, д. 450, л. 22.
- ⁵⁷ Там же, 1890, д. 448, л. 107.
- ⁵⁸ См.: Д а н о в а Н. Към въпроса за българо-гръцките отношения през последното десетилетие на XIX в. // Национално-освободителни движения на Балканите в края на XIX век.
- ⁵⁹ АВПР, ф. Политархив, 1892, д. 452, л. 255.
- ⁶⁰ Подробное см.: А г а к и А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976.
- ⁶¹ АВПР, ф. Политархив, 1890, л. 448, л. 40.
- ⁶² Новое время. 1890. 12—19 сентября.
- ⁶³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 132, л. 308, 324.
- ⁶⁴ См.: Л а м з д о р ф В. Н. Дневник. 1891—1892. М., 1934. С. 254.
- ⁶⁵ См. подробнее: М а р т ы н е н к о А. К. Указ. соч.
- ⁶⁶ АВПР, ф. Политархив, 1888, л. 439, л. 46 об.: Г л е б о в В. Л. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX в. // Советское славяноведение. 1973. № 4.

© 1992 г.

Б. Н. Ф Л О Р Я *

«СЛУЖЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Вопрос о характере общественного строя Древней Руси в XI–XII вв. является в настоящее время предметом острой дискуссии в нашей исторической литературе. Точки зрения расходятся от утверждения о том, что общество Киевской Руси ничем принципиально не отличалось от раннефеодальных обществ стран Западной Европы, до утверждения, что в это время древнерусское общество находилось в основном на доклассовом и догосударственном этапе развития. Возникновение столь сложной ситуации в современной советской историографии связано не в последнюю очередь с источниковедческими трудностями: на всей территории Восточной Европы не сохранился сколько-нибудь значительный комплекс документальных источников, относящихся не только к XI–XII, но и к XIII — первой половине XIV в.

В таких условиях остается лишь один путь обогащения источниковой базы исследования — ретроспективный анализ документальных источников второй половины XIV–XV вв. с целью выявления в них архаизмов, элементов социальной организации раннефеодального времени. Однако при этом помимо достаточно большой хронологической удаленности этих источников от исследуемой эпохи неизбежно встает вопрос о критерии выделения таких архаизмов. Вопрос этот особенно труден для решения, если учесть те разногласия в оценке древнерусского раннефеодального общества, о которых упоминалось выше. Однако есть возможность попытаться преодолеть эти препятствия.

В соседних с Древней Русью славянских странах — Польше и Чехии — сохранился довольно значительный комплекс актов источников XI–XIII вв. Их интенсивное изучение, начатое в 50-х гг., позволило в настоящее время чешским и польским ученым (среди них следует назвать прежде всего Д. Тржештика в Чехии и К. Модзелевского в Польше) прийти к заключению, что XI–XII века в истории этих стран представляли собой такой период в развитии феодализма, для которого характерна особая организация государства и общества, отличная от порядков и эпохи «военной демократии», и сформировавшегося, развитого феодализма. Им удалось также построить конкретную модель устройства такого общества, где деревенские общины были объектом централизованной эксплуатации со стороны воинов, объединенных в составе военной корпорации особого типа — так называемой «большой дружины», являвшейся одновременно и главной военной силой, и административным аппаратом раннефеодального государства. В рамках такой модели централизованная эксплуатация оказывалась и единственной формой эксплуатации общинников, и ведущей формой эксплуатации в обществе в целом.

Учитывая, что Древняя Русь и ее западнославянские соседи начали свое общественное развитие в сходных исторических условиях, представляется перспек-

* Флоря Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

тивной попытка выяснить — не могут ли быть выявлены в восточноевропейских источниках XIV—XV вв. архаизмы, отражающие определенные черты кратко очерченной выше модели. Разумеется, при этом следовало бы сосредоточить внимание на выявлении остатков таких институтов, которые были специфичны именно для данной модели, которые не встречаются в иных системах организации раннефеодального общества и без которых данная модель не могла бы успешно функционировать. К числу таких институтов принадлежит «служебная организация».

Вопрос о роли и значении «служебной организации» в становлении и развитии феодального общества и феодальной государственности занял важное место в исторической литературе послевоенных десятилетий, посвященной истории стран Центральной Европы¹.

Термином «служебная организация» в ней обозначается совокупность групп людей (той или иной профессии), которые несли какую-либо определенную «службу» и поэтому были освобождены от других обязанностей*. Наличие таких групп населения в центральноевропейском обществе засвидетельствовано уже документами XI в.²

Эмпирически факт их существования был установлен уже исследователями XIX в., но развернутой оценки исторической роли этого явления наука того времени не дала. Одной из первых задач, которую пытались решить исследователи, приступившие в 50—60-х гг. XX в. к изучению «служебной организации», стала систематизация сведений о занятиях различных групп служилых. Главным материалом здесь послужили акты государственных пожалований епископам, монастырям и другим церковным учреждениям в XI — начале XII в., когда наряду с земельными владениями, населенными крестьянами, им передавались группы служилых разных специальностей. Дополнительный материал для исследователей представляет одна из особенностей статуса служилых — они часто размещались в особых поселениях, нередко носивших название, производное от занятий их жителей. Это позволило привлечь к исследованию данные топонимики.

В итоге появилась следующая классификация служилых по роду их занятий³.

Первая группа — это люди, занятые разными видами обслуживания (вплоть до обслуживания за столом — подстолии), приготовлением пищи (пекари, повара, пиво- и медовары), уходом за телом и одеждой (прачки, банщики), присмотром за конями (конюхи). Другая группа профессий связана с поставками продуктов питания, получение которых требовало особой специализированной деятельности (виноградари, бортники, овчары, свиары, скотники, рыболовы, солевары). Сюда можно условно причислить и людей, занятых выпасом и кормлением конских табунов.

Ряд групп был связан с охотой (сокольники, ястребники, псары, бобровники). Третья группа — служилые люди, занятые изготовлением различных видов ремесленных изделий (кузнецы, оружейники, кожевники, ткачи, гончары, портные, ювелиры), и представители ряда других профессий. Верхушку служилых составляли «слуги», использовавшиеся для разных «посылок», которые в Польше и Чехии носили название «коморников».

Ряд исследователей XIX в., обращавших внимание на существование таких «специализированных» групп населения, в соответствии с господствовавшей в то время «вотчинной теорией» расценивали их как признак наличия вотчинного хозяйства крупных духовных (а, возможно, и светских) феодалов. Однако Р.

* Указанные группы людей в европейской научной литературе принято называть служилыми людьми. Именно в этом смысле употребляется понятие «служилые люди» в данной статье. Его следует отличать от традиционно принятого в русской историографии термина «служилые люди», относящегося к другой исторической эпохе (XVI — начало XVIII в.) и к иному социальному слою — всем лично свободным лицам, обязанным военной или административной службой в пользу централизованного государства.

Гродецкий в начале XX в. показал, что, по источникам XI—XIII вв., слой служилых людей связан исключительно с княжеской властью и что лишь в результате княжеских пожалований отдельные группы служилых могли появиться в составе населения частнофеодальных владений⁴. Дополнительные исследования подтвердили правильность этого вывода.

В пользу такого вывода свидетельствует также наличие у ряда групп служилых особых, предоставленных государственной властью прав. Об этих правах достаточно точно можно судить как по выступлениям против них церковных деятелей XIII в., так и по формулам жалованных грамот того же столетия, отменявших эти права. Так, население любых владений должно было обеспечивать княжеских сокольников, псарей, бобровников, как и их ловчих птиц и псов, ночлегом и кормом, следить за исправным состоянием бобровых «гонов» и соколиных гнезд, а также принимать на прокорм княжеских коней и нести их охрану. Служилые могли действовать на любой территории, независимо от того, кому она принадлежала. Так, княжеские бортники имели право вести свой промысел в любых лесах, а не только в княжеских. Еще более существенно, что некоторые служилые обладали своеобразной монополией на свою деятельность: лишь княжеские рыболовы могли ловить рыбу с помощью неводов и устраивать езы на реках, и только бобровники могли бить бобров⁵.

Достаточно полно изучен исследователями социальный статус служилых⁶. Значительную группу среди них составляли посаженные на землю рабы. Отто, князь моравский, в 1078 г., передавая основанному им монастырю служилых разных специальностей, отметил, что часть из них еще следует купить, и установил, что тот из них, кто захочет освободиться от рабства, должен уплатить за себя 300 денариев⁷. Вместе с тем известны случаи, когда отдельные группы служилых судятся между собой в государственном суде из-за земли, известны и споры служилых в суде с господами, под властью которых они оказались (подробнее об этом см. далее). Наконец, в документах XIII в. прямо отмечается, что в составе служилых людей есть и рабы, и свободные.

Вместе с тем можно выделить и некоторые общие признаки для всего слоя служилых в целом. Главный из них — это наследственная прикрепленность к службе, которая может быть отменена или заменена другой по приказу князя. При этом они освобождались от всех (или большей части) общегосударственных налогов и повинностей. Своеобразным возмещением за службу были земельные наделы, на которых, судя по всему, велось обычное крестьянское хозяйство. Князь в соответствии со своими нуждами и интересами мог менять не только обязанности отдельных служилых, но и их наделы. О прочности связи служилых с государством говорит еще одна черта их статуса: если князья могли по своему усмотрению менять обязанности служилых, то этим правом не обладали новые господа, к которым они попадали по пожалованию князя, и в случае нарушения установленных норм служилые могли на них жаловаться в государственный суд⁸.

Исследования характера занятий служилых и их общественного статуса позволили сделать следующий вывод: возникновение «служебной организации» было не результатом создания крупного вотчинного хозяйства и углубления разделения труда в процессе стихийного экономического развития, а планомерной акцией раннефеодального государства, направленной на удовлетворение его разнообразных потребностей в условиях слабого развития товарно-денежных отношений. Выделив из подвластного населения часть людей для несения определенных служб, государство обеспечило себе услуги, продукты и изделия, что было не под силу членам подчиненных ему общин, постоянно занятым обычным земледельческим хозяйством. Очевидна принципиальная важность такого вывода для выявления не только уровня экономического развития, но и характера отношений между государственной властью и населением в период раннего феодализма.

Следующий этап изучения «служебной организации» был связан с выработкой новых представлений о сущности раннефеодального общества в странах

Центральной Европы. Самая общая характеристика модели раннефеодального общества и государства дана выше⁹. Здесь же следует подробнее сказать о тех ее сторонах, которые существенны для понимания места «служебной организации». Согласно этому построению, не располагавший крупной земельной собственностью господствующий класс («большая дружина») жил главным образом за счет доходов, поступающих в пользу государства через общегосударственную систему эксплуатации. Вместе с тем в рамках этой модели было проведено разграничение между такой общегосударственной системой и личным княжеским хозяйством, в состав которого, подобно хозяйству других феодалов, входили земли, обрабатывавшиеся трудом посаженных на землю рабов. Поэтому, чтобы выяснить роль «служебной организации» в функционировании такой модели, оказалось необходимым установить, составляла ли «служебная организация» часть личного княжеского хозяйства и была, следовательно, ориентирована лишь на удовлетворение потребностей монарха, его семьи и ближайшего окружения («малой дружины») или она представляла собой важный компонент общегосударственной системы эксплуатации и целью ее создания было удовлетворение разнообразных потребностей верхов господствующего класса в целом.

Предмет спора состоял в том, было ли связано служебное население с «двором» как центром княжеского хозяйства или с «градом» как военно-административным центром и местом проживания верхушки господствующего класса.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, кого конкретно обслуживали прачки и банщики, кому конкретно поступали изделия служилых ремесленников (следует при этом учитывать, что и система общегосударственной эксплуатации с юридической точки зрения являлась княжеской и соответствующие поборы и повинности взимались в пользу князя). Исследователи поэтому пытались получить ответ косвенным путем, реконструируя сеть размещения поселений служилых по всей территории страны (при этом были использованы данные топонимики — названия поселений, производные от профессий их жителей¹⁰). Полученные при этом результаты имеют принципиальное значение для понимания функционального назначения «служебной организации» и ее места в обществе в целом. Было установлено, что поселения служилых размещались не только вблизи главных административных центров, но и возле обычных административных центров округов, и, что особенно интересно, рядом с крепостями, явно не имевшими административного значения (о самом их существовании стало известно благодаря находкам археологов). Вместе с тем изучение итинерария польских правителей XIII в., предпринятое К. Модзелевским, показало, что основную часть времени правители проводили в главных административных центрах, либо в своих очень немногочисленных сельских резиденциях. Административные центры округов посещались ими крайне нерегулярно, а о более мелких поселениях и говорить не приходится. Между тем имеющиеся немногие данные о служилых, занимавшихся обслуживанием (в частности, сообщения об их службе «по неделям» или об обязанности поставлять изделия регулярно в течение года)¹¹, свидетельствуют о регулярной, а не временной, от случая к случаю, службе.

Все эти наблюдения (основанные, правда, не на прямых показаниях, а на анализе суммы косвенных признаков) послужили основанием для следующих важных выводов: «служебная организация» была создана не только для удовлетворения потребностей монарха и его свиты, целью ее создания было обеспечение потребностей военно-административного аппарата страны в целом; в состав такого аппарата следует включать не только лиц, обладавших административной властью, но и рядовых воинов. В условиях, когда господствующий класс нуждался во множестве постоянных услуг и разнообразных изделиях, а отдельные его члены, не обладая земельной собственностью, не могли получить все это за счет своего зависимого населения и хозяйства, «служебная организация» становилась необходимой для исправного функционирования такого общественного устройства. Тем самым существование в той или иной стране «служебной организации» является доказательством того, что в данной стране социальные отношения осно-

ываются на системе централизованной эксплуатации при скромном удельном весе (или даже отсутствии) частнофеодальных элементов.

Существенным результатом обсуждения проблемы стала также констатация того факта, что институтов, подобных «служебной организации» центральноевропейских государств, нет не только на территории стран, входивших в состав Каролингской империи, но и в ряде стран не-каролингской Европы (например, в Скандинавии). Следовательно, наличие «служебной организации» в той или иной стране можно рассматривать как важный признак определенного варианта становления феодализма. В свете сказанного ясно, насколько важно попытаться выяснить, можно ли обнаружить в источниках XIV—XV вв. следы существования у восточных славян института «служебной организации».

Уже в 20-х гг. польский историк В. Гейнош в своей монографии о «русском праве» на территории Галицкой Руси выявил на основе источников XV в. наличие здесь нескольких групп населения, живущих по «русскому праву», близких по своему статусу и функциональному назначению служилому населению Центральной Европы¹². Эти наблюдения, однако, не привлекли к себе внимания. К. Бучек — автор одной из первых работ, специально посвященных «служебной организации», отметил, что в исследованиях таких ученых второй половины XIX в., как Ф. И. Леонтович и М. К. Любавский, содержится обширный материал о группах населения Великого княжества Литовского, организованных как служилое население и выполнявших те же обязанности. Поскольку данные о них были извлечены из источников второй половины XV — первой половины XVI в., К. Бучек был склонен видеть в них стадийно более позднее явление, связанное с польским культурным влиянием на восточнославянское общество уже в период развитого феодализма¹³. Такая постановка вопроса заставляет в дальнейшем заняться одновременно решением двух вопросов: не только выявлением следов существования отдельных групп служилого населения, но и доказательством их генетической связи с раннефеодальным периодом.

Как уже отмечалось выше, на наличие «служебной организации» может указывать возникновение поселений, получивших свои названия от профессии — «службы», возложенной на их жителей. В этой связи обращают на себя внимание названия некоторых поселений в грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епископии (середина 30-х гг. XII в.) — «Бортники», «Бобровники», «Солодовники»¹⁴. Возникновение поселений с такими «профессиональными» названиями ведет к логичному предположению, что в Древней Руси существовали группы служилого населения соответствующих специальностей. Попытка проверить его правильность была предпринята несколько лет назад на примере топонима «Бобровники»¹⁵. Исследование показало, что источниками более позднего времени зафиксировано существование такой группы служилого населения, как бобровники, статус которых по всем основным параметрам совпадает со статусом польских бобровников XIII в. Поскольку бобровники фиксируются в разных частях Древней Руси (Северо-Восточная Русь, Рязанская земля — часть Юго-Восточной Руси, древнерусские земли Великого княжества Литовского)¹⁶, есть основания полагать, что эта группа населения сложилась в границах еще единого Древнерусского государства. В настоящем тексте аналогичное исследование будет предпринято относительно другого «профессионального» топонима смоленской грамоты — бортников.

Дарения бортников (*custodes apum*, *mellifices*, *mellis colutires*) вместе с землей, на которой они жили, а также доли поступлений меда от этих княжеских людей зафиксированы уже в пожалованиях чешских князей церковным учреждениям XI в.,¹⁷ следовательно, поселения княжеских бортников существовали уже в столь раннее время. Поэтому в появлении их нельзя вслед за Л. В. Черепнинным видеть результат «специализации в области крестьянских добывающих промыслов»¹⁸, сложившейся в ходе экономического развития XIV—XV вв. Получившие в свое распоряжение землю, на которой они вели хозяйство, как и крестьяне, бортники, освобожденные от большей части государственных служб и

повинностей¹⁹, должны были вносить натуральный оброк медом. Наряду с уже начавшейся практикой содержания пчел в ульях, бортничество долгое время оставалось преобладающим способом добычи меда. Мед поступал в распоряжение княжеского «cellarius» (ключника) для хранения и переработки в княжеских «cellaria». В польских документах XIII в. поселения княжеских бортников и княжеские «cellaria» зафиксированы в разных землях и в разных административных центрах Польши²⁰. Поскольку имеются достаточно ранние свидетельства внесения меда обычным тяглым населением, например, при уплате некоторых судебных штрафов, ясно, что сбор меда не являлся княжеской регалией. Однако определенным проявлением верховных княжеских прав на территорию страны было право княжеских бортников добывать мед на землях любых категорий, в том числе и во владениях феодалов. Сохранившееся как пережиток более ранней эпохи в Мазовии XIV—XV вв., это право было официально ликвидировано в 1538 г.²¹

Сопоставление с материалами о положении бортников в Великом княжестве Литовском, собранными М. К. Любавским, показывает совпадение их статуса со статусом польских и чешских бортников периода раннего феодализма. По уставе имений господарского домена 1529 г. обязанностью «подлазников» и бортников было «дерево бортное заведити и на нас ходити». Кроме того, на них налагалась обязанность участвовать в толоке и сенокосе, но это было явным нововведением — в инвентарях некоторых господарских дворов и после этой даты отмечалось, что бортники «службы тяглое не служат и тягла не дают», «сами ходят, а две части меду на замок дают»²².

Собранный мед поступал в распоряжение великокняжеских ключников. Его переработкой занимались такие группы служилых, как медосытцы и медовары²³. Их положение было схоже с положением бортников. Как отмечено в инвентаре Берестейского староства 1566 г., медосытцы здесь «ничого не платят, одно з домов своих и огородов и сеножатий повинны на замковые потребы мети (!) сытити»²⁴. М. К. Любавский ввел в оборот отчет киевского ключника 1496 г. со сведениями о распределении собранного продукта. Значительная часть меда отправлялась господарю в Вильно, остальное раздавалось лицам, стоящим во главе местной администрации, православным и католическим духовным учреждениям²⁵. Наблюдения М. К. Любавского позволяют также пополнить представления об организации управления княжескими бортниками: «ключ медовый» в Смоленске в некоторых документах выступает как «чашництво Смоленское»²⁶. Чешским и польским источникам X—XII вв. хорошо известны в числе дворцовых чинов должности чашника (pincepna) и подчашего (subpincepna)²⁷, но о функциях этих лиц они ничего не говорят. Приведенное М. К. Любавским свидетельство позволяет предположить, что чашник — вельможа из княжеского окружения — стоял во главе организации, включавшей в свой состав и бортников, и медосытцев, и ключников.

Гораздо более богатый материал и о положении бортников, и об организации этой специальности «княжих» людей содержат источники, относящиеся к Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Княжескими бортниками этого времени специально интересовался С. В. Бахрушин²⁸. Как он хорошо показал, княжеские бортники были крестьянами, ведущими обычное земледельческое хозяйство. Земельные наделы отводились им представителями княжеской администрации. Натуральный оброк медом в казну здесь также собирали с них ключники. Комплекс документов, связанных с бортной волостью Тальша Владимирского уезда, позволяет пополнить эти наблюдения²⁹. Выясняется, что медовым obroком и уплатой 5 денег с пуда «ключничьих пошлин» ограничивались все обязанности бортников по отношению к государству. Бортники также освобождались от юрисдикции наместников и кормов в их пользу. При доставке меда они не должны были уплачивать проезжих пошлин. Поселения княжеских бортников и бортные угодья были разбросаны по всей территории страны. Так, в духовной Дмитрия Донского кроме бортников в «станах городских» вокруг Москвы упоминается

о передаче Коломны, Звенигорода, Можайска и Дмитрова с «бортью» и бортников в ряде отдельных волостей³⁰. В соответствии с этим в разных городах имелись, судя по данным источников XVI в., великокняжеские ключники и сытники, занимавшиеся варкой меда³¹.

В Северо-Восточной Руси во главе служилого населения этой категории стоял чашник. Так, уже Дмитрий Донской освободил переданные Симонову монастырю бортные деревни от въезда и суда чашников³². По грамоте тверского великого князя Михаила Борисовича чашникам и подлазникам запрещался въезд в слободу Калязина монастыря³³. Прямое соседство в этой формуле чашника и подлазников также указывает на чашника как руководителя княжеских бортников. Об этом же говорит соседство чашника и старосты бортного в грамоте Софьи Витовтовны 1438 г.³⁴ По-видимому, при объезде земель, на которых работали бортники, этот сановник брал в свою пользу особую пошлину — «поддубное»³⁵. Совокупность поселений бортников и обрабатываемых ими угодий, подчиненная руководству чашника, представляла особую отрасль княжеского хозяйства и одновременно особое ведомство — «чашнич путь»³⁶.

Передача церковным учреждениям бортных угодий сопровождалась запретами княжеским бортникам (или подлазникам) «вступать» на переданные церкви земли, брать здесь с населения пошлины и устраивать ночлеги³⁷. Но не всегда такое пожалование полностью освобождало церковные земли от княжеских бортников. Так, в грамоте Ивана III Спасо-Евфимьеву монастырю указывалось: «И мои бобровники и бортники по рекам и по лесам ходят, а в их селах монастырских их крестьян на дело не емлют, ни кормов, ни подвод у них не емлют же»³⁸. Население монастырского владения освобождалось лишь от кормов и работ в пользу княжеских бортников, но сами эти бортники по-прежнему пользовались правом «ходить» по этой территории для сбора меда. Таким образом, как и бортники польских князей, русские княжеские бортники обладали правом заниматься своим промыслом на частновладельческих землях, брать с населения «пошлины» и корм и мобилизовывать его на подсобные работы. Это право со временем было постепенно ограничено.

Полученные результаты следует сопоставить со свидетельствами источников с территории Рязанского княжества, генетически составлявшего часть другого историко-географического ареала — Юго-Восточной Руси (Рязанское княжество выделено из состава Черниговской земли). С. В. Бахрушин справедливо отмечал особое богатство Рязанской земли бортным лесом³⁹. Действительно, из деловой рязанских князей 1496 г. ясно, что поселения бортников в разных районах княжества — один из главных объектов раздела. «Подвозники медовые», упоминаемые в том же документе, были особой группой служилого населения самой столицы княжества. В их обязанность входила, очевидно, доставка меда в столицу⁴⁰.

О взаимоотношениях бортников с княжеской администрацией рязанские источники сведений не содержат. Лишь ссылки на передачу монастырям владений «с бортным уходом, и с поземом, и бортники»⁴¹ указывают на то, что, по-видимому, и здесь главной обязанностью бортников была уплата оброка. Ряд важных сведений дают жалованные грамоты. Так, среди свидетелей пожалований, начиная со знаменитой грамоты кн. Олега Ивановича Ольгову монастырю (ок. 1371 г.), фигурирует княжеский чашник⁴². Тот же князь, передавая Солотчинскому монастырю бортные ужожи, отметил, что в них не должны въезжать «ни чашники мои, ни ключники, ни поездове» (подвозники?)⁴³. Очевидно, что здесь организация управления княжескими бортниками была такой же, как и в Северо-Восточной Руси. Однако отношения с частнофеодальными владениями в Рязанском княжестве, по-видимому, носили несколько иной характер. Лишь в одной из многочисленных жалованных грамот XV в., процитированной выше, запрещался въезд княжеских чашников и ключников на частновладельческую землю. Точно так же (хотя запрет въезжать на такую землю для ряда категорий княжеских людей является стабильной частью формуляра рязанских княжеских грамот) лишь в одном из этих актов в числе княжеских людей упоминается бор-

тник⁴⁴. Вероятно, в Рязанском княжестве и в XV в. частновладельческие земли, как правило, не освобождались от «въезда» княжеских бортников и их начальников.

Итак, и здесь налицо — особая группа служилого населения, название которой совпадает с топонимом смоленской грамоты. Статус этой группы во всех наиболее существенных моментах соответствует статусу бортников западнославянских стран раннефеодального периода, а сама группа населения с таким статусом обнаруживается также в разных частях Древней Руси. Все это дает дополнительные аргументы в пользу того, что служебная организация, принципиально однотипная центральноевропейской, была важным институтом древнерусского общества уже в домонгольский период его развития.

В настоящее время этот вывод может быть подкреплён археологическими данными, полученными Б. А. Тимощуком при изучении княжеских (государственных) крепостей на территории Буковины X—XI вв. Здесь были выявлены остатки так называемых «селищ — спутников княжеских крепостей», где располагались не только усадьбы земледельцев, но и особые ремесленные мастерские. На одном из таких селищ были обнаружены остатки большой пекарни, в которой выпекался хлеб для гарнизона крепости (в домах на территории селища имелись свои хлебные печи)⁴⁵, что красноречиво характеризует связь между крепостью и сопутствующим ей селищем. Ясно, что Б. А. Тимошук открыл остатки тех окружающих грады поселений служилого люда, которые для этого времени хорошо известны по письменным источникам западнославянских стран, но пока археологами не найдены. Наблюдения Б. А. Тимошука подтверждают, что «служебная организация» в Древней Руси возникла на том же этапе зарождения раннефеодального государства, что и «служебная организация» стран Центральной Европы, и с тем же функциональным назначением — обслуживать потребности княжеских дружин на градах. Особенно важно, что раскопанные Б. А. Тимощуком пункты представляли собой не крупные административные центры, а обычные крепости. Наличие поселений служилых около центров такого рода не только указывает на правильность выводов картографических исследований польских и чешских ученых, но и позволяет утверждать, что в Древней Руси понятие «господствующего класса», который обслуживали служилые, следует также трактовать в широком смысле.

И сопоставление данных археологии с данными письменных источников, и пробные исследования отдельных групп служилого населения говорят о том, что «служебная организация» Древней Руси возникла в период раннего феодализма и по своему назначению принципиально не отличалась от «служебной организации» западнославянских стран.

Материал, освещающий разные стороны функционирования и развития «служебной организации», сохранился в разных регионах Древней Руси неравномерно. Наиболее полно и всесторонне он представлен для территории Великого княжества Литовского. В актовых книгах его государственного архива — Литовской метрики — имеется большой массив документальных данных о разных группах служилого населения и об особенностях их статуса. Этот материал систематизирован во второй половине XIX в. Ф. И. Леонтовичем и М. К. Любавским⁴⁶, для которых осталось неясным функциональное назначение и историческое место «служебной организации». Знакомство с результатами их исследований показывает, что в ней наличествовали не только все основные группы служилого населения, связанные с исполнением различных функций, но и само количество конкретных специальностей оказывается большим, чем это известно из западнославянских источников. Таким образом, и по своему масштабу, и по круту служб «служебная организация» у восточных славян ничем не уступала аналогичному институту у славян западных.

В собранном исследователями материале четко прослеживаются такие типичные черты статуса служилых, как их освобождение от большей части или вообще от всех налогов и повинностей ради несения специальной службы, наследст-

венный характер этой службы, зависимость служилых от государственной власти, которая могла отобрать у них землю, перевести их в другое место и передать вместе с землей светскому или церковному феодалу. Это совпадение некоторых общих параметров также следует рассматривать как довод в пользу принципиального сходства самих явлений.

Признание факта существования на древнерусских землях «служебной организации» того же типа, что и западнославянская, означает возможность привлечь новый материал для прояснения ряда аспектов внутренней структуры и функционирования этого института.

Данные восточнославянских источников позволяют существенно пополнить наши представления об организации управления служилым населением. Документами XII — начала XIII в. установлено присутствие при дворах чешских и польских князей вельмож, носивших титулы конюшера (*marscalcus*, *agazo*), ловчего (*venator*), чашника (*pincerna*), стольника (*dapifer*)⁴⁷. Исследователями давно постулировалась связь между этими вельможами и теми группами служилого населения, которые ходили за стадами, занимались охотой, собирали мед и изготавливали напитки, занимались обслуживанием стола. Однако о характере связи между этими вельможами и служилым населением исследователи стран Центральной Европы не могли сказать ничего определенного⁴⁸. Привлечение восточнославянского материала позволяет выяснить эту сторону дела.

Наиболее ранние данные на этот счет содержат завешания и dokonчания московских князей XIV в. В договоре Семена Ивановича Гордого с братьями упоминается, что братья уступили ему «соколничий путь, и садовници да конюший путь и кони ставити, ловчий путь»⁴⁹. Другие «пути» в договорах и завешаниях XIV—XV вв. не упоминаются, но по актам начала XVI в. известен еще «столичный путь»⁵⁰ и «чашнич путь»⁵¹. В междукняжеских договорах XIV в. упоминаются «путные бояре»⁵², очевидно, такие вельможи, как стольник, чашник, ловчий, стоящие во главе соответствующих «путей».

Раскрыть содержание термина «путь» даст возможность писцовое описание Тверского уезда середины XVI в. В этом описании неоднократно фигурируют «волостки» сокольничьего и ловчего путей, а на их территории — деревни, в которых проживают служилые люди (в деревнях сокольничьего пути — это сокольники и помочники, а в деревнях ловчего пути — псары)⁵³. Таким образом, «путь» представлял собой совокупность поселений служилых того профиля, который соответствовал профилю определенного ведомства. В описании подчеркивалось подчинение населения пути соответствующему дворцовому чину (см. пометы при описании «псарских» деревень — «а владеют теми деревнями ловчие тверские»⁵⁴).

Ряд жалованных грамот отдельным поселениям служилого населения XVI в. позволяет уточнить представления об управлении этим населением⁵⁵. Из документов видно, что подобные поселения были изъяты из подчинения местной администрации — наместников и волостелей и освобождались от поборов в их пользу. Служилое население подчинялось либо прямо соответствующим дворцовым чинам (например, сокольничьему, ловчему), либо волостелям «пути» и должно было снабжать их кормами. Лишь в делах о «душегубстве» и при «сместном суде» на служилое население распространялась юрисдикция наместников.

Источникам из архивов Великого княжества термин «путь» в указанном выше значении (за исключением, может быть, Смоленской земли) неизвестен, хотя производные от него термины в текстах встречаются. Но и здесь имеются указания на подсудность отдельных групп служилого населения соответствующим дворцовым чинам и на то, что они осуществляли контроль за землями и повинностями служилых⁵⁶.

Цели такой организации управления служилым населением остаются не совсем ясными, и их установление — одна из важных задач будущего исследования «служебной организации».

Однако из того факта, что служилое население административно подчинялось

дворцовым чинам, было бы поспешным делать вывод, что служилое население составляло часть личного княжеского хозяйства. Обращает на себя внимание, что в формулах княжеских завещаний «пути» отличаются не только от черных волостей, но и от «сел» — личных владений князей, управлявшихся их ключниками и поселскими (см. формулу о передаче отдельных городов «с волостями и с селы и с путями») ⁵⁷. Стоит также отметить, что в грамоте переяславским рыболовам, освобождавшей их от подсудности переяславским наместникам, одновременно говорится об их обязанности ловить рыбу в пользу этих наместников ⁵⁸.

Главное значение восточнославянских материалов состоит в том, что они позволяют внести ясность в вопрос о функциональном назначении «служебной организации». Собранные М. К. Любавским сведения из актовых книг Литовской метрики конца XV — начала XVI в. дают возможность (и не совсем так, как предполагалось ранее) решить вопрос: с «дворами» или с «градами» была связана «служебная организация». Во многих волостях Великого княжества имелись господарские дворы с приписанным к ним служилым населением. Об этом говорят не только немногие сохранившиеся описания таких дворов, но и «заставные листы» господарей об отдаче их в заклад. В таких «листах» первых десятилетий XVI в. группы служилого населения постоянно фигурируют как принадлежность двора, а так как перечни этих групп непрерывно варьируются, то ясно, что речь идет не о простом воспроизведении формуляра, а о постоянном учете реальных фактов ⁵⁹. Связь служилого населения с «дворами» проступает и в уставе господарским имениям 1514 г. ⁶⁰ Вместе с тем в документах того времени постоянно идет речь об обязанностях служилого населения по отношению к государственному административному центру — «замку». Ряд бесспорных указаний на такие обязанности обнаруживается в документальном материале, собранном М. К. Любавским. Так, угольщики «только уголье дают на замок Новгородский», соляники Гродна «даивали в каждый год по бочке соли на замок наш Городенский», рогатинники «робили на замок Витебский по пол-третьяцати рогатин со службы» ⁶¹. Эти отдельные упоминания могут быть дополнены данными более поздних податных описаний — инвентарей, полнее и разностороннее характеризующих повинности служилого населения. Так, инвентарь Оршанского замка — важного административного центра Восточной Белоруссии (1560 г.) — фиксирует «службы» целого ряда лиц различных специальностей на нужды «замка», т. е. Оршанской крепости и находившихся в ней представителей власти. В ней упоминаются два слесаря, которые должны «ку свирнам и ку воротам замковым замки новые дати <...> гаковницы оправляти», гончары, которые «до кухни на потребу горшки давати винны», ковшовник, который «на каждый год на врьд ковшов деревяных черленых давати винен» и, наконец, бобровники, которые «повинности никоторое не полнят, одно на замок короля его милости бобры гонят» ⁶².

Изучение материалов из архива Великого княжества Литовского выявляет также ложность самого противопоставления «града» и «двора». Уже рассмотрение документов о закладе отдельных владений показывает, что, например, такой центр как Гродно был отдан в заклад «со всеми дворы и людьми ка Городну прислухаючими». Такая зависимость вовсе не возникла в результате заклада, так как, например, в 1503 г. католический храм Витебска получил в свою пользу десятину «со всех господарских дворов ку Витебску прислухаючих» ⁶³. Что речь идет не об отдельных фактах, а об общегосударственной практике, доказываются предписаниями Сигизмунда I в его уставе о господарских имениях, «иже бы замковый врьдник мел завжды поразуменье с урядниками або з державцами тых дворов, которым повинны службы до замку служити» ⁶⁴. Эти предписания свидетельствуют не только о том, что господарские дворы и их администрация были подчинены властям, находящимся в замках. Из них ясно следует также и то, что это подчинение выражалось в несении населением дворов определенных служб в пользу замка.

Как все это выглядело на практике, позволяют выяснить материалы некоторых судебных дел, например, двух, касающихся разных категорий слуг господарского Илемницкого двора Витебского повета. Первое из них началось с жалобы «конюшков» другого, Лутосенского двора, что илемницкие конюхи отказались нести вместе с ними службу «к замку Витебскому». В итоге судьи «тых конюшков илемницких к замку привернули». Еще интереснее другое дело — о возвращении в состав населения Илемницкого двора покинувшего его «жибентя» (литовский термин, означающий, по-видимому, факельщика). Решение судей мотивировалось тем, что он «потребнейши... для сторожи и иншое послуги, кьгды бы господарь до замку Витебского приехал, албо теж и воевода, который на Витебску будет»⁶⁵.

В свете этих свидетельств получают свое объяснение те несколько неясные выражения, касающиеся обязанностей служилого населения, которые мы находим в польских документах XIII в., например, в грамоте 1234 г. Тынецкому монастырю, где о служилых ряда специальностей говорится, что они «*nostro iure vel aliquibus nostris baronibus aliqua perpetua servitute sunt obnoxii*» (по праву обязаны вечной службой нам или кому-либо из наших баронов)⁶⁶.

Так, исследование восточнославянского материала позволяет на основе прямых свидетельств источников, а не косвенных признаков, установить, что обязанностью служилого населения было прежде всего обслуживание различных потребностей представителей государственной власти, находившихся в местных административных центрах — «замках», и, следовательно, «служебная организация» составляла часть не личного княжеского, а, выражаясь современным языком, «государственного» хозяйства.

Привлечение восточнославянского материала дает возможность пролить дополнительный свет и на некоторые другие стороны «служебной организации». Вопрос о социально-правовом статусе служилого населения и его изменении с течением времени является одним из самых спорных вопросов в истории «служебной организации» в западнославянских странах, в частности, из-за отсутствия правовых памятников⁶⁷. Польский исследователь К. Бучек уже пытался обратиться для решения этого вопроса к древнерусским законодательным памятникам. Его внимание привлекла ст. 15 Пространной Русской Правды начала XII в., где жизнь «ремесвенника» ограждалась штрафом в 12 гривен, значительно более высоким, чем штраф за жизнь обычного холопа (5 гривен)⁶⁸. В таком «ремесвеннике» К. Бучек был готов видеть княжеского «служебника»⁶⁹. Заинтересовавшая ученого статья помещена в Пространной Правде среди комплекса статей, заимствованных из княжеского устава в составе Правды Ярославичей, в которых устанавливались денежные штрафы за жизнь разных групп несвободного населения, находившихся под опекой княжеской власти⁷⁰. Среди них специальной статьи о «ремесвеннике» еще не было. Очевидно, необходимость введения санкций, касающихся этой группы населения, появилась уже после составления Правды Ярославичей. Полной уверенности в том, что статья имеет в виду именно служилых людей, разумеется, нет, так как непонятно, какие причины могли привести к особому выделению ремесленников из достаточно разнообразной по видам занятий массы служилого населения. Однако установление их социального статуса не составляет особого труда, если учесть, что по той же Пространной Правде вергельд «свободного мужа» равняется 40 гривнам. Очевидно, перед нами группа несвободного населения, стоявшая на достаточно низкой ступени социальной иерархии, хотя благодаря специальным знаниям находившаяся в заметно лучшем положении, чем обычные рабы.

К сожалению, К. Бучек не обратил внимания на нормы I Литовского статута 1529 г., содержащие прямые свидетельства о социально-правовом статусе разных категорий служилых людей. Статьи I Литовского статута, как и статьи Пространной Правды, включают в себя санкции — денежные штрафы за убийство (и ранение). Обращение к ним позволяет прояснить термин «ремесвенник» Пространной Правды. Под заголовком «О головщины и навезки ремесных людей»

здесь перечисляются не только лица, действительно занимавшиеся ремеслом, как «коваль» или «дойлид» (плотник), но также лица, занимавшиеся охотой (псарь, сокольник) и обслуживанием (кухарь). Термин «ремесственник», следовательно, мог обозначать людей самых разных занятий. За пределами этой общности в Статуте находятся только «путные слуги», занимавшие в рамках «служебной организации» действительно особое положение, и бортники⁷¹.

Сопоставляя этот раздел Литовского статута с соответствующими статьями Пространной Правды, Е. И. Колычева выяснила, что размеры ряда ставок, хотя и выраженные в разных денежных единицах, в обоих источниках совпадают⁷². Действительно, если по Пространной Правде за убийство «сельского» тиуна устанавливалось 12 гривен, за убийство «ремесственника» — 12 гривен, а за убийство холопа — 5 гривен, то по I Литовскому статуту за те же поступки устанавливалось соответственно 12, 12 и 5 «рублев грошей». При формальном совпадении ставок тем более разительными оказываются перемены в статусе служилых по сравнению со статусом основной массы сельского населения — «тяглых» крестьян. Если во времена Пространной Правды вергельд «свободного мужа» составлял 40 гривен, превышая более чем в три раза возмещение за убийство ремесленника, то, согласно I Литовскому статуту, за убийство «мужика тяглового», лично свободного, а не «паробка»-холопа, полагалось всего 10 коп грошей⁷³. Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода из группы, находившейся в самом низу социальной иерархии, служилые, благодаря резкому понижению социального статуса основной массы бывших рядовых свободных, превратились в привилегированную группу в составе податного населения.

Эту динамику развития, так ярко выявляющуюся на восточнославянском материале, следует иметь в виду и исследователям, изучающим историю «служебной организации» в западнославянских странах. С учетом этого фактора, по-видимому, смогут найти объяснение и те трудности с определением правового статуса служилых, с которыми столкнулись польские и чешские ученые. С одной стороны, целый ряд свидетельств ясно говорит о несвободном, близком к рабскому статусе служилых. Черты именно такого статуса наиболее ярко выступают в самых ранних свидетельствах о «служебной организации» — чешских документах XI в. Так, в жалованной грамоте кн. Спитигнева капитулу в Литомержицах 1057 г. предписывалось наделить капитул «из челяди (*familia*) всех видов занятий от всех моих градов... по мужчине с женой, сыновьями и дочерьми»⁷⁴. «*Familia*», из состава которой должны быть выделены по одной семье каждой специальности, обозначала в документах того времени несвободную челядь. В другом документе XI в. — грамоте кн. Оты Моравского монастырю св. Стефана от 3 февраля 1078 г. — прямо указывалась цена (триста денариев за одну «голову»), по которой следовало купить служилых для этого монастыря⁷⁵. О том же говорят и факты пожалования отдельным монастырям только служилых-женщин. Правда, в тех же документах предусматривалась возможность для служилого выкупиться из рабства и даже дать вместо себя для исполнения службы другого «серва»⁷⁶.

Иную картину рисуют польские документы XIII в. Хотя здесь также встречаются данные о пожаловании церкви служилых со всем их потомством (*cum sua posteritate*)⁷⁷, но вместе с тем в целом ряде документов того времени земля, находившаяся в распоряжении служилых, определяется как их *hereditas*. Из-за этих земель они ведут судебные споры с церковными землевладельцами: передавая в 1279 г. краковскому капитулу землю, принадлежавшую группе служилых, князь Болеслав Стыдливый нашел нужным специально запретить им оспаривать права капитула на эту землю⁷⁸. Такие факты, разумеется, трудно укладываются в представление о рабском, невольничьем статусе.

В этой связи заслуживает внимания то, что подобные различия обнаруживаются при сопоставлении древнерусских источников разного времени. Если «ремесственник» Пространной Русской Правды был, судя по всему, несвободным, то иначе обстоит дело с «ремесными людьми» I Литовского статута. Устанавливая

норму штрафа за убийство или ранение этих людей, законодатель специально отмстил, что соответствующая сумма должна выплачиваться независимо от того, «хотя бы тяглый або невольный был ремесником». В одном из списков памятника содержание этой краткой формулы раскрывается комментарием, характеризующим способ действий в противоположной ситуации: «И естли тое работы не будут вмети, тогда им головщина подле роду их: если кто хлоп, то ему хлопье, а естли мужику, то мужицкое»⁷⁹. Разумеется, подобные нормы могли появиться лишь в ситуации определенной социальной деградации потомков рядовых свободных раннего средневековья, когда возмещение служилому по своему размеру стало превышать возмещение лично свободному крестьянину. Но сейчас важно отметить другую сторону дела — слой служилых пополнялся не только из среды холопов, но и из числа лично свободных людей.

Для Северо-Восточной Руси мы располагаем свидетельствами памятника более раннего, чем I статут, завешания князя Владимира Андреевича Серпуховского (ум. в 1410 г.). Князь передал сыну ряд групп служилого населения («ко-нющей путь, бортники, садовники, псари, бобровники, барыши»), сопроводив этот акт следующим распоряжением: тот из этих людей, «на которого грамоты полные не будет», если «не всхоет жити на тех землях, ин земли лишон, поиди прочь»⁸⁰. Таким образом, и здесь состав служилого населения не был однородным: помимо холопов, являвшихся юридически собственностью князя, попавших к нему в зависимость по «полной грамоте», в число служилых входили также свободные люди.

Сопоставление данных, относящихся к разным ареалам, но рисующих сходную картину, позволяет поднять вопрос об изменениях с течением времени не только статуса служилого населения, но и места «служебной организации» в обществе — от института, рекрутировавшегося первоначально из княжеских рабов (и, возможно, поэтому, подчиненного юрисдикции дворцовых чинов), к институту, для функционирования которого оказался необходимым приток людей из разных слоев общества. Анализ завешания Владимира Андреевича позволяет выделить те признаки, которые объединяли группы служилых, различавшихся по личному правовому статусу: предоставление земельного надела за несение «службы» и принудительный характер ее выполнения (даже для ухода лично свободных было необходимо специальное распоряжение князя).

Констатация того факта, что «служебная организация», по крайней мере на одном этапе своего развития, включала в свой состав не только несвободное, но и лично свободное население, ставит нас перед вопросом: каким образом свободные члены городских или деревенских общин становились служилыми людьми — частью персонала княжеского (государственного) хозяйства? В материалах из архива Великого княжества Литовского нет сведений на этот счет, зато они обнаруживаются в сравнительно ранних московских источниках. Так, уже в договоре Симеона Гордого с братьями (конца 40-х — начала 50-х гг. XIV в.) читается: «А которые люди по нашим во[ло]стем выиманы нын[е] во ины[е] службы, и их] нам к себе [не при]имати. А которы[х] людий отець наш, князь великий, выимал из [волостей] в службу, те так и знают свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к себе не приимати»⁸¹. Текст, разумеется, не во всем понятен (неясно, в частности, какие имеются в виду «иные службы»), но общий смысл сомнений не вызывает: князья «выимали» людей из населения находившихся под их властью «волостей» (несомненно лично свободного), чтобы определить их для несения тех или иных «служб». Такая практика применялась, как видно из приведенной цитаты, уже Иваном Калитой (ум. в 1340 г.), а возникновение ее следует, вероятно, относить к гораздо более раннему времени.

Наряду с волостями в распоряжении князей находился и крупный средневековый город Москва, где существовала городская община с довольно сложным социальным составом. Князья, как видно из договора 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем, брали на себя взаимные обязательства сохранять ее целостность: «А гости, и суконьников, и городьских людей блюсти ны с одного,

а в службу их не приимати», т. е. прием на службу горожан (в отличие от жителей волостей) запрещался. Как видно из контекста, Москва была общим владением князей, а принимая горожан к себе на службу, каждый из них приобретал бы односторонние преимущества⁸². В следующей статье соглашения речь шла о посылке в Москву наместников, чтобы «очистити» пришедших сюда «холопов» и «сельчан»⁸³. Термин «очистити» Л. В. Черепнин совершенно справедливо раскрыл как судебное разбирательство, целью которого было выяснить, не имеется ли к пришельцам каких-либо претензий со стороны бывших господ или местных властей⁸⁴.

Зимой 1390 г. Владимир Андреевич заключил новый договор с новым великим князем, сыном Дмитрия Донского Василием Дмитриевичем. В нем текст норм, касавшихся города, оказался пополнен двумя новыми статьями: «А закладней ны в городе не держати. А с двором человека не купити, блюсти ны с одного»⁸⁵. Таким образом, князья-совладельцы договорились не вовлекать в личную зависимость тяглецов — членов посадской общины. Вместе с тем в договоре был опущен фрагмент, содержавший обязательство не принимать городских людей «в службу». Поскольку соответствующие фрагменты договоров 1389 и 1390 гг. относятся явно к московской городской общине и заканчиваются одним и тем же оборотом, подчеркивающим, что она является совместным объектом владения («блюсти ны с одного»), представляется достаточно очевидным, что один текст заменил другой. Взаимные обязательства князей «не принимать в службу» горожан были тем самым аннулированы, очевидно, потому, что князья сумели найти иное решение вопроса, отвечавшее их общим интересам⁸⁶.

И действительно, в договоре 1390 г. непосредственно за статьей об «очистке» находившихся в Москве холопов и сельчан был помещен следующий новый текст: «А кого собе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому з братьею, два жеребья, а тебе, брате, треть»⁸⁷. Смена текстов отражает смену подхода к вопросу. Если первоначально князья взоймнно обязывались не принимать горожан на «службу», то теперь они договорились о том, чтобы совместно «выимать» из числа горожан нужных специалистов, деля их между собой в пропорции, соответствующей доле князя в общих правах на Москву. Непосредственное соседство текстов об «очистке» и о «выимании» не оставляет сомнений, что в обоих случаях речь идет о Москве. Так это понимали все исследователи. Эта непосредственная близость двух текстов дала основание М. Н. Тихомирову объединить их в единый комплекс: после расследования, имели ли право поселиться в Москве пришедшие туда холопы и сельчане, из их состава изымались для княжеских нужд мастера и огородники⁸⁸.

Сопоставление этого текста со статьей dokonчания сыновей Калиты о «выимании» людей по волостям и со всей совокупностью изменений, внесенных в текст договора (в частности, с отменой взаимного обязательства «не принимать в службу» горожан), позволяет выдвинуть другое предположение: норма договора устанавливала практику систематического «выимания» мастеров и огородников для определения их «на службу», как прямо отмечено в договоре Симеона с братьями, не только по волостям, но и в центре княжества — Москве. М. Н. Тихомиров полагал, что это какая-то чрезвычайная акция, связанная с возвращением в княжескую зависимость бежавших в город людей, но то, что подобные действия ранее, по-видимому, систематически (и при Калите, и при его сыновьях) осуществлялись на территории «волостей», позволяет судить о них как о постоянных мероприятиях, направленных на пополнение княжеского хозяйства необходимыми кадрами специалистов.

Вывод М. Н. Тихомирова, что упоминаемые в договоре «мастера» и «огородники» причислялись к персоналу княжеского хозяйства, вызвал возражения Л. В. Черепнина. Этот исследователь обратил внимание на то, что в договоре ничего не говорится об их похолоплении, обращении в личную зависимость от князей. Вместе с тем он привлек к исследованию сведения о «мастерах» из духовной Ивана III 1504 г. Л. В. Черепнин отметил, что в ней «дворы, принадле-

жавшие княжеским мастерам... упомянуты в одном ряду с дворами, которыми владели бояре, князья, дети боярские, дворяне, дворцовые люди. Эти дворы Иван III передал своим сыновьям-наследникам на тех же началах, что и другие „дворы городцкие посадные“. Значит, это — тяглые, а не дворцово-вотчинные мастера»⁸⁹.

Первый из доводов Л. В. Черепнина вытекает из молчаливой презумпции, что персонал княжеского хозяйства состоял только из несвободных людей. Но, как видно из приведенных выше данных, в действительности в нем работали как свободные, так и несвободные. Князьям не нужно было обязательно похлопотать о людях, чтобы определить их на свою службу.

Второй аргумент заслуживает более подробного рассмотрения. В разделе духовной Ивана III, оформлявшей передачу Москвы его старшему сыну Василию (а не сыновьям-наследникам, как полагал Л. В. Черепнин), в пределах города различаются три вида владения: 1) «все дворы городцкие» — очевидно, дворы, входившие в состав московской городской общины — посада; 2) дворы феодалов, их «отчины и купли» или пожалования великого князя — Василий не должен в них «вступаться» и 3) великокняжеские («мои») дворы, в которых живут феодалы, часть из них находится также «за дворцовыми людьми, и за конюхи, и за мастера за моими» — эти дворы передаются Василию⁹⁰. Следовательно, «мастера» живут не на «городцких», а на княжеских дворах и, по-видимому, непосредственно обслуживают нужды князя (названы «моими»). Эти черты их статуса явно объединяют их в одну группу с «дворцовыми людьми» и «конюхами», которые, хотя и выделены особо, несомненно также входили в персонал княжеского хозяйства. Все это заставляет видеть в «мастерах» духовной Ивана III, вопреки мнению Л. В. Черепнина, не посадских тяглецов, а именно ремесленников, занятых в княжеском хозяйстве. Судя по всему, именно такой статус и получали «мастера» и «огородники», изъятые княжескими властями из числа московских горожан. Установленная договором 1390 г. практика продолжала существовать, по крайней мере, до середины XV в. Свидетельством могут служить изменения, внесенные в текст статьи об «огородниках» и «мастерах» при составлении в 1447 г. договора между Василием II и внуком Владимира Андреевича Василием Ярославичем. Если ранее «выимание» мастеров и огородников было совместным делом князей-совладельцев, то в 1447 г. это стало исключительной прерогативой великого князя⁹¹.

Таким образом, «служебная организация» московских князей XIV—XV вв. систематически пополнялась за счет принудительных наборов нужных специалистов из лично свободного населения. Учитывая несомненное присутствие среди служилого населения западнославянских стран XIII в. лично свободных людей, следует сделать вывод, что подобная практика в этих странах также, вероятно, должна была иметь место. А само существование такой практики, несомненно, говорит о достаточно высокой степени подчинения в то время лично свободного населения власти феодального государства. То обстоятельство, что соответствующая система отношений распространялась не только на сельское, но и на городское население даже в условиях, когда уже определенно сложились городские общины, также, думается, имеет более общее значение и должно быть принято во внимание исследователями истории городов западнославянских стран, а также Украины и Белоруссии, в частности, того периода их истории, который предшествовал оформлению городского самоуправления на «немецком праве». Сохранение описанной системы отношений вплоть до середины XV в. заставляет поставить вопрос о ее судьбе в едином Русском государстве, образовавшемся во второй половине этого столетия.

Имеется источник конца XVI в., который позволяет дать на этот вопрос определенный ответ. Это — фрагмент податного описания Новгорода начала 80-х гг. XVI в. Город к моменту описания сильно запустел, и писцы, которым, по-видимому, было поручено выяснить причины запустения, сообщали о судьбе владельцев брошенных дворов и времени их запустения. Обращает на себя внимание

довольно большая группа записей типа «взят к Москве на житье». Не всегда, но достаточно часто указывается время этого события. В разных местах описания встречаются следующие даты: 1564—1565 гг., 1567—1573, 1577—1578 гг. Уже из приведенного хронологического перечня ясно, что имеется в виду не массовый «свод» новгородцев в Москву, имевший место в 1571 г., а какая-то более мелкая, но постоянная практика. К счастью, в описании имеется ряд записей, где краткая формула раскрывается более подробно: «взят к государю в портные мастера», «взят ко государю в серебряные мастера», «взят к Москве в государевы столечные мастера», «взяты к государю в иконные мастера» и даже «взят в государевы веселые»⁹². Эти сведения податного описания не оставляют сомнений в том, что практика принудительного пополнения персонала княжеского хозяйства за счет членов городской общины со временем вовсе не сошла на нет. Думается, что именно этот тип отношений как стадияльно наиболее ранний послужил исходной моделью, образцом для выработки других мер, связанных с принудительным перемещением городского населения, но преследовавших своей целью уже не укрепление княжеского хозяйства, а решение более общих экономических или политических задач, стоявших перед государством. Достаточно отметить в этой связи и «своды» горожан, преследовавшие как политические цели, так и необходимость заселить разоренную в 1571 г. столицу, и практику принудительного пополнения «гостиной» и «суконной сотен».

Проделанное исследование дает возможность прийти к следующим выводам:

Сопоставление западнославянского и восточнославянского материала позволило обнаружить в русских, белорусских и украинских источниках XIV—XV вв. такой характерный для раннефеодального общества западнославянских стран институт, как «служебная организация». Поскольку у западных славян институт «служебной организации» составлял неотъемлемую, необходимую часть общественной организации, основанной на системе централизованной эксплуатации, при отсутствии у членов господствующего класса крупной земельной собственности, то есть основания полагать, что в соответствии с аналогичной моделью была организована и общественная жизнь восточных славян. Такой вывод представляется тем более правомерным, что именно восточнославянские материалы дали новые весомые доказательства обоснованности представлений польских и чешских ученых о функциональном назначении «служебной организации». Кроме того, можно говорить об определенной динамике развития этого института, которая выражалась как в постепенном расширении рамок «служебной организации» за счет принудительного вовлечения в сферу ее действия не только рабов, но и лично свободного населения, так и в улучшении социального статуса служилых за счет определенного понижения социального статуса крестьян — потомков бывших рядовых свободных. И в том, и в другом сказывалось укрепление феодальной государственности и феодальной общественной структуры. В исследовании обращалось внимание прежде всего на те аспекты сведений источников о служилых и «служебной организации» у восточных славян, которые могут пролить свет на генезис этого института и первые этапы его развития. Рассмотрение вопроса о судьбах «служебных организаций» в зрелом феодальном обществе с характерным для него развитием частного феодального землевладения требует анализа источников XIV—XV вв. (и более позднего времени) под иным углом зрения.

Примечания

¹ Основные исследования по теме: Buczek K. *Książeczka ludność służebna w Polsce wczesnofeudalnej*. Wrocław; Kraków, 1958; Modzelewski K. *Z badań nad organizacją służebną w Polsce wczesnofeudalnej* // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1961. № 9; idem. *Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X—XIII wiek*. Wrocław [etc.], 1975; Krzemińska B., Těstík D. *Služebná organizace v raně středověkých Cechách* // *Ceskoslovenský časopis historický*. 1964. № 5; Kucera M. *K problému včasnostředověké služební organizace na Slovensku* // *Historický*

časopis. 1964. № 2; i d e m. Anmerkungen zur Dienstorganisation im frühmittelalterlichen Ungarn//Zborník Filozofickej fakulty University Komenského v Bratislave. Historica. T. 21. 1970.

² Modzelewski K. Organizacja... S. 8.

³ Buczek K. Op. cit.; Krzemińska B., Třeščík D. Op. cit.; Kučera M. Anmerkungen...

⁴ Grodecki R. Książęca włość trzebnicka//Kwartalnik Historyczny 1913. № 1.

⁵ Buczek K. Op. cit. S. 39—43, 46—49, 76, 78—89; Krzemińska B., Třeščík D. Op. cit. S. 651.

⁶ Buczek K. Op. cit. S. 89 in; Krzemińska B., Třeščík D. Op. cit. S. 663—664; Kučera M. Anmerkungen... S. 122—124; i d e m. Sociálna štruktúra obyvateľstva Slovenska v 10—12 storočí//Historický časopis. 1965. № 1. S. 46—50.

⁷ Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae (далее — CDB). Pragae, 1904. T. 1. Fasc. 1. № 79.

⁸ Об этой стороне статуса служилых см.: Buczek K. W sprawie interpretacji dokumentu trzebnickiego z r. 1204//Przegląd historyczny. 1957. № 3; Modzelewski K. Jus aratorum na tle praw grupowych ludności chłopskiej//Społeczeństwo Polski średniowiecznej. T. 1. Warszawa, 1981.

⁹ Наиболее разносторонняя и систематическая характеристика такой модели (на польском материале) принадлежит К. Модзелевскому: Modzelewski K. Chłopi w monarchii wczesnopolskiej. Wrocław etc., 1987. См. также: Třeščík D. K sociálnímu struktuře premyslovských Čech. Kosmas o knížecím vlastnictví půdy a lidů//Československý časopis historický. 1971. № 4; Krzemińska B., Třeščík D. Hospodářské základy rané středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko, Uhry v 10—11 století)//Československý časopis historický. 1979. № 1; Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья//Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

¹⁰ Основные картографические исследования см.: Modzelewski K. La division autarchique du travail à l'échelle d'un Etat: L'organisation «ministériale» en Pologne médiévale//Annales. Economies — Sociétés — Civilisations. № 19. 1964. P. 1125—1138; Krzemińska B., Třeščík D. Přemyslovská hradistě a služební organizace premyslovského státu//Archeologické rozhledy. R. 17. Praha, 1965. S. 624—655; Modzelewski K. Grody i dwory w gospodarce polskiej monarchii wczesnofeudalnej//Kwartalnik historii kultury materialnej. 1973. № 1—2.

¹¹ Krzemińska B., Třeščík D. Služební organizace... S. 662—663.

¹² Hejnosz W. Jus Ruthenicale: Przeżytki dawnego ustroju społecznego na Rusi Halickiej w XV wieku. Lwów, 1928.

¹³ Buczek K. Książęca ludność... S. 100.

¹⁴ Древнерусские княжеские уставы XII—XV вв. М., 1976. С. 142. В грамоте упоминается и о том, что «Святеи Богородици» передается «тетереvник с женою и з детьми» (там же. С. 144). С этим сообщением следует сопоставить распоряжение в преамбуле к Тысячной книге 1550 г. «учинить» поместья «в перевесных деревнях и в тетереvничих... от Москвы верст за 60 и за 70» (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-гг. XVI в./Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 53).

¹⁵ Флоря Б. Н. «Служебная организация» у восточных славян//Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 143—145.

¹⁶ К сказанному здесь следует добавить свидетельство одного из древнейших рязанских актов — грамоты пронского князя Александра (убит в 1340 г.) рязанский архиерейской кафедре, где говорится о передаче архиерейскому дому не только бобровников, но и служилых некоторых других категорий (Советские архивы. 1967. № 1. С. 112).

¹⁷ Krzemińska B., Třeščík D. Služební organizace... S. 650.

¹⁸ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 297.

¹⁹ Buczek K. Książęca ludność... S. 85.

²⁰ Ibid. S. 83—84.

²¹ Rafacz J. Regale barine na Mazowszu w późniejszym średniowieczu. Lwów, 1938.

²² Любавский М. К. Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве. М., 1892. С. 323; Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 130.

²³ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 169.

²⁴ Документы... Т. 1. С. 445.

²⁵ Любавский М. К. Указ. соч. С. 846.

²⁶ Там же. С. 267, 847.

²⁷ Novotný V. České dějiny. T. 1. Č. 3. Praha, 1928. S. 15.

²⁸ Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.// Сб. статей, посвящ. В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 571—579.

²⁹ Государственный архив Владимирской области, ф. 575. № 7, л. 9—27 об. (писцовое описание волости Тальша 1550 г.); № 1, л. 19—22 (жалованная грамота Ивана IV Тальшанским бортникам 1540 г.). Тексты этих документов предоставлены автору В. А. Кучкиным, которому он глубоко благодарен.

- ³⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 12. С. 33—35.
- ³¹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 577—578. В волости Тальша лишь небольшая часть оброка передавалась в Москву погребному ключнику Большого дворца, а большая часть вносилась ключнику во Владимире.
- ³² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). Т. II. М., 1958. № 340.
- ³³ Там же. Т. III. М., 1964. № 158.
- ³⁴ Там же. Т. I. М., 1952. № 133.
- ³⁵ См. грамоту кн. Андрея Углицкого 1484 г. И. Познякову, чтобы он в лес «по борти по дубью не ездил, ни бортников не посылал... ни поддубного бы еси не имал» (АСЭИ. Т. II. № 395).
- ³⁶ В источниках XIV—XV вв. этот термин, правда, не встречается, но в документах XVI в. упоминается об отдаче в кормление «чашничья пути» в Москве и в Костроме (Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества/Собр. и издал А. Юшков. Ч. 1. М., 1898. № 63; Боярская книга 1556 г./Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. III. СПб., 1861. Отд. II, л. 59, 63, 109).
- ³⁷ АСЭИ. Т. I. № 133; Т. II. № 340, 417; Т. III. № 118, 158. Одной из таких пошлин было, вероятно, «подлазное», упомянутое в двух дмитровских грамотах (Т. I. № 400, 652).
- ³⁸ АСЭИ. Т. II. № 466.
- ³⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 572.
- ⁴⁰ ДДГ. № 84. С. 334—335.
- ⁴¹ АСЭИ. Т. III. № 329. С. 358. Ср.: № 322.
- ⁴² Там же. № 322. С. 351.
- ⁴³ Там же. № 325. С. 354.
- ⁴⁴ Там же. № 328. С. 356. Другие сведения такого рода встречаются лишь в частных записях (см.: № 341а. С. 367; № 352. С. 377).
- ⁴⁵ Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 50—54, 62—63, 78—80.
- ⁴⁶ Леонтович Ф. И. Литовско-русские друскеники — солярни и соляники//Варшавские университетские известия. 1896. Кн. V, VI; его же. Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве//Там же. 1897. Кн. IV, V, VII; его же. Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве//Там же. 1898. Кн. II—III; Любавский М. К. Указ. соч. Ряд дополнений к составленным ими спискам специальностей дает В. И. Пичета: Пичета В. И. Указ. соч. С. 169. Систематизацию части материалов по Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. см.: Бахрушин С. В. Указ. соч. (автор трактует данные в духе «вотчинной теории»).
- ⁴⁷ Nowotny V. Op. cit. T. I. Č. 3. S. 12—20; Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. T. 1 (do połowy XV wieku). Warszawa, 1965. S. 128—129.
- ⁴⁸ Kučera M. Anmerkungen... S. 120; Buczek K. Książęca ludność... S. 29, 31, 43, 50; Krzemińska B., Trzeźniak D. Służebna organizacja... S. 662—663.
- ⁴⁹ ДДГ. № 2. С. 11.
- ⁵⁰ См. грамоту 1506 г. рыбной слободе в Переяславле Залесском «столяничья пути» (АСЭИ. Т. III. № 25).
- ⁵¹ См. грамоту Василия III об отдаче в кормление чашничьего пути на Костроме//Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ... № 63.
- ⁵² ДДГ. № 11. С. 32; № 14. С. 40 и др.
- ⁵³ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 160, 177, 258, 287—288, 290.
- ⁵⁴ Там же. С. 287, 290.
- ⁵⁵ АСЭИ. Т. III. № 25—27.
- ⁵⁶ Любавский М. К. Указ. соч. С. 842—849.
- ⁵⁷ ДДГ. № 20. С. 55 и др.
- ⁵⁸ АСЭИ. Т. III. № 25. С. 44.
- ⁵⁹ Любавский М. К. Указ. соч. С. 118, 139, 146, 148 и др. См. также: Пичета В. И. Указ. соч. С. 169 и др.
- ⁶⁰ Любавский М. К. Указ. соч. Прил. № 23.
- ⁶¹ Там же. С. 332, 335, 783.
- ⁶² Документы... Т. I. С. 129—130.
- ⁶³ Любавский М. К. Указ. соч. С. 179, 768.
- ⁶⁴ Акты Западной России. Т. II. СПб., 1846. № 159. Арт. 33.
- ⁶⁵ Белорускі архіў. Менск, 1928. Т. 2. № 18. С. 15—16; № 246. С. 176—177.
- ⁶⁶ Kodeks dyplomatyczny klasztoru tyńieckiego. Lwów, 1875. № 17.
- ⁶⁷ См. признание Б. Кржеменьской и Д. Тржешика: «трудно составить представление о социаль-

ном и правовом статусе служилых» (Krzemieńska B., Třeštlík D. Služební organizace... S. 663).

- ⁶⁸ Ср. статьи 15 и 16 Пространной Русской Правды.
- ⁶⁹ Buczek K. Księzca ludność... S. 93.
- ⁷⁰ Ср. ст. 22—27 Краткой Правды и ст. 12—17 Пространной.
- ⁷¹ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 114.
- ⁷² Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971. С. 211.
- ⁷³ Статут... С. 115.
- ⁷⁴ CDB. T. I. Fasc I. № 55-A. P. 54.
- ⁷⁵ Ibid. № 79.
- ⁷⁶ Krzemieńska B., Třeštlík D. Služební organizace... S. 663—664.
- ⁷⁷ Buczek K. Księzca ludność... S. 28—29.
- ⁷⁸ Ibid. S. 18, 19, 24, 27—28, 32, 43; Modzelewski K. Organizacja... S. 209 i n.
- ⁷⁹ Статут... С. 114.
- ⁸⁰ ДДГ. № 17. С. 46.
- ⁸¹ Дефектный текст реконструирован В. А. Кучкиным (Кучкин В. А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 19—20). Ср.: ДДГ. № 2. С. 12.
- ⁸² Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 119—120.
- ⁸³ ДДГ. № 11. С. 32.
- ⁸⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 337—339.
- ⁸⁵ ДДГ. № 13. С. 39.
- ⁸⁶ Л. В. Черепнин полагал, что оба текста «говорят, по существу, об одном» (Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 420), однако есть различие между «закладом» тяглица или покупкой его двора и его приемом на княжескую службу.
- ⁸⁷ ДДГ. № 13. С. 39.
- ⁸⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 99—100.
- ⁸⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 340.
- ⁹⁰ ДДГ. № 89. С. 354.
- ⁹¹ Ср.: ДДГ. № 27 («А кого собе, господине, вымем огородников и мастеров» — договор 1433 г.) и № 45 («А кого, господине, вымешь себе огородников и мастеров» — договор 1447 г.).
- ⁹² Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 110, 114, 123, 141, 232, 263.

Человек и время

© 1992 г.

М. М. ГОРИНОВ, С. В. ЦАКУНОВ*

ЕВГЕНИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Старый большевик, секретарь ЦК РКП(б) в 1920—1921 гг., один из лидеров левой («троцкистской») оппозиции талантливый публицист, Евгений Алексеевич Преображенский тем не менее как историческая личность сравнительно мало изучен¹. В настоящей статье предпринята попытка отчасти восполнить этот пробел.

1. «Я ПЕРЕХОЖУ В РЯДЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ»

Е. А. Преображенский родился 15 февраля 1886 г. (по ст. ст.) в г. Болхове Орловской губернии, в семье православного священника Троицкой церкви, законоучителя городского училища Алексея Александровича Преображенского и Варвары Алексеевны Преображенской (урожденной Левицкой): Он был третьим ребенком в семье (старшие — Людмила и Виктор, младшие — Ольга и Александра). «В детстве был очень религиозен». На четырнадцатом году жизни через протест против материального неравенства, под влиянием чтения литературы «либерально-народнического направления», атеистических работ, наблюдения «всей религиозной кухни с ее закулисной стороны» Преображенский приходит к «абсолютному отрицанию» религии². Позднее атеизм «из морального пафоса, из любви к добру и справедливости»³, как это было свойственно наиболее нравственно чутким представителям русской интеллигенции, привел его не к цинизму, а к революционному радикализму⁴. Ибо, писал Н. А. Бердяев, «структура души остается та же, русские интеллигенты-революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры»; «русская мысль стремится к целостности»⁵.

В конце 1903 г. Преображенский вступает в РСДРП, причем примыкает к ее наиболее радикальному, большевистскому крылу. Так им была обречена новая тотальность мирозерцания: место «антинаучного» православия занял «научный коммунизм».

Начавшаяся в 1905 г. революция постепенно втягивает Преображенского в тучу событий тогдашней политической жизни. В октябре он кооптируется в Орловский комитет РСДРП, в ноябре переезжает в Москву, где, будучи ответственным пропагандистом Пресненского района, принимает активное участие в баррикадных боях.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания по предложению руководителя Московского комитета РСДРП А. И. Рыкова Преображенский отправляется на Урал. Здесь судьба сводит его с Я. М. Свердловым и его женой, К. Т. Новгородцевой. Преображенский ведет работу в Екатеринбурге, Челябинске, Перми и наиболее активно в Уфе, Златоусте. Входит в состав Уральского областного бюро РСДРП. Летом 1907 г. в качестве делегата от Урала его направляют на Всероссийскую партийную конференцию в Финляндии, где он знакомится с Лениным⁶. Одновременно в 1907—1908 гг. Преображенский обучается на юри-

* Горинов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Цакунов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем.

дическом факультете Московского университета⁷, который, однако, ему так и не удается закончить.

Все более пристальный интерес к «Леониду» (партийная кличка Преображенского в эти годы) проявляет полиция. Его неоднократно арестовывают, но пока из-за недостатка улик отпускают на свободу⁸. В документах Охранного отделения Преображенский характеризуется как «видный член Российской социал-демократической рабочей партии». Молодой революционер становится известен высшим чинам охранки. «Все функции областного комитета, — отмечается в письме начальника Пермского охранного отделения от 20 апреля 1908 г. директору Департамента полиции, — в настоящее время выполняются одним товарищем „Леонидом“»⁹. Круг сужается. После очередного ареста Преображенский, осенью 1909 г. был осужден, получив ссылку на поселение, которую отбывал в с. Воробьеве Карабанской волости Киренского уезда Иркутской губернии.

Годы борьбы в революционном подполье, многолетняя тотальная конфронтация с режимом, а зачастую и с обществом порождали у наиболее цельных революционных натур экзальтированное отношение к грядущей революции, что помогало им преодолевать социальную отчужденность, придавало высокий смысл их аномальному, с точки зрения обыденного сознания, бытию, лишенному простых житейских радостей, освобождало их от следования нормам традиционной морали: Революция для них становилась новым Абсолютом, занимавшим место отринутого Бога. Ф. Г. Виноградов, проведший некоторое время с Преображенским в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском, вспоминал: «Один из докладов т. Преображенского (который он сделал в тюрьме. — *Авт.*) — „Этика с материалистической точки зрения“ — отвечал назревшей потребности осветить, каковы должны быть предъявлены этические требования к революционеру. Доклад исходил из основного положения: „Благо революции — высший закон“. Дискуссия по этому докладу заняла два вечера»¹⁰. «Благо революции — высший закон!» Звучало хлестко, афористично, красиво. Но из этой революционной максимы с неумолимой логикой следовало: «Все, что совершается во имя революции, — то благо». Еще один дедуктивный ход: «Все дозволено, если на благо революции». В 1922 г. Н. И. Бухарин, напишет: для пролетариата «нормы его поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку... Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать»¹¹.

И эти рассуждения не были только игрой экзальтированного революционного ума. С неумолимой последовательностью они претворялись в действительность. В Златоустовской социал-демократической организации, где первую скрипку играл Преображенский, в боевых организациях состояло около 300 рабочих, и их активность была выше, чем боевых организаций эсеров¹². Б. В. Савинков следующим образом реконструировал мироощущение эсеровского террориста Егора Сазонова: «Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о „не убий“»¹². Думается, аналогичным образом мог рассуждать и Преображенский. А что если на пути революции встанет не царский министр, а та или иная партия, социальная группа, класс? Какие методы революционного действия допустимы в этом случае? Данный вопрос перейдет в практическую плоскость в 1918 г. И Преображенский, не колеблясь, ответит: «Советская власть защищает пролетарскую революцию. „А какими средствами“, — спрашивает левый эсер. На это мы отвечаем: Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их»¹³. Революционный максимализм таил в себе страшную разрушительную силу. «...Определяющей силой в духовной жизни человека является его религия — не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям.

Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину — это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное», — писал С. Булгаков¹⁴. «Высшей и последней ценностью», «религиозным центром» Преображенского была коммунистическая революция.

Сам же он порой напоминал апостола новой веры. Сохранилось интереснейшее свидетельство Бобровникова, слушателя кружка учащейся молодежи, в котором Преображенский в годы ссылки читал лекции. «Про себя скажу, — писал Бобровников, — что мое сознательное существование, которое уже имеет какой-то смысл, начинается с того момента, когда я вступил в эту организацию. Я думаю, что это является общехарактерным признаком для всех участников нашей организации. В то время меня очень мучил вопрос о смысле жизни — для чего люди существуют... Когда я вступил в эту организацию, я увидел, в чем смысл. Если до этого моя жизнь не представляла никакой ценности, то с этого момента я почувствовал интерес к жизни, стал лучше учиться (а до этого имел очень плохие отметки), появилась энергия, вкус, интерес к жизни и все осветилось определенным светом...»¹⁵.

Период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России был для Преображенского временем неоднократных арестов, ссылок и продолжения подпольной революционной борьбы.

Февраль 1917 г. застал его в Чите.

2. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!»

Импульс революционного взрыва в Петрограде, дойдя до Восточной Сибири, властно вмешался и в судьбу Преображенского. В литературе отмечается активная роль, сыгранная им в февральских событиях в Чите. Преображенского выбирают товарищем председателя Читинского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом президиума Комитета общественных организаций города¹⁶. Читинский Совет в то время стоял на позициях сотрудничества с Комитетом общественных организаций и условной поддержки Временного правительства. Не отличались радикализмом и взгляды Преображенского, исходившего из оценки свершившейся революции как «буржуазной по своим задачам, но [которая] осуществляется силами революционного пролетариата и крестьянства»¹⁷. Разъясняя суть двух частей Программы РСДРП (Программы-минимум и Программы-максимум), он, в частности, отмечал: «В нашей теперешней революции мы можем достигнуть только первой части нашей программы, только ближайших требований. Для достижения же второй части нужно, чтобы рабочий класс стал самым сильным классом в стране, чтоб, освободившись от капиталистов, он был способен сам вести все дело производства. А для этого нужна не только вторая, на этот раз уже социалистическая революция, но и то, чтоб развитие нашей промышленности достигло такой степени, что устранение капитала могло бы совершиться легко и безболезненно. Пока же нам до этого далеко...»¹⁸.

Преображенский вновь в центре революционных событий. Его избирают делегатом на 1-й Восточносибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (7—10 апреля 1917 г.)¹⁹, а спустя некоторое время — делегатом на I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов²⁰. Выступая на этом съезде, он говорил: «Я думаю... мы находимся накануне перелома русской революции и, быть может, нам скоро придется сказать, что русская революция кончилась, что русская революция дала максимум того, что она могла дать»²¹.

После съезда, на котором он был избран членом ВЦИК, Евгений Алексеевич возвращается на Урал. Но вскоре он уже среди делегатов VI съезда РСДРП(б) (26 июля — 3 августа). Здесь он избирается в мандатную комиссию и кандидатом в члены ЦК. При голосовании пункта 9 резолюции «О политическом положении» по докладу И. В. Сталина, в которой перед революционными классами

России ставилась задача взятия власти и ее направления «в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества», Преображенский предложил иную редакцию: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму». Это предложение вызвало резкое несогласие Сталина: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь»²². Эта полемика предвосхитила последующие острейшие споры середины 20-х гг. по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

На съезде Преображенский указал на двоякую возможность дальнейшего развития событий: либо «соглашение между контрреволюционной буржуазией, капиталистами, помещиками и крестьянами», в таком случае «победа контрреволюции может оказаться более глубокой, чем мы думаем, и тогда революция в национальных пределах кончена...», либо «на почве невозможности разрешить все конфликты мелкой буржуазии с крупной ... мы будем поставлены перед новым взрывом революции», пролетарско-крестьянской по своим движущим силам. В отличие от Сталина (докладчика от ЦК), доказывавшего, что «мирный период революции кончился», а потому следует снять лозунг «Вся власть Советам!», Преображенский утверждал: «Роль Советов еще не кончена. Их состав может измениться. Лозунг "Вся власть Советам!" должен быть сохранен, поскольку возможность аграрной революции не исключена». В этой связи он выступал за «взрывы» прямого политического действия рабочих и крестьян (подобных июльскому) лишь «как за подсобное средство, а не как за основное средство борьбы»²³.

Октябрьскую революцию Преображенский встретил на Урале, в Златоусте. Здесь его делегировали на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где он был вновь избран членом ЦИК. Одновременно он был выдвинут в число руководителей Уральской организации большевиков. В мае 1918 г. он становится председателем Уральского областного комитета РКП(б)²⁴.

Весной 1918 г. Преображенский — один из лидеров «левых коммунистов». По вопросу о Брестском мире он характеризовал «позицию Троцкого как компромисс на неделю... Предложенный им выход давал отсрочку для решения вопроса, но не давал самого решения, которое должно было произойти либо в виде подписания мира в случае немецкого наступления, либо в виде революционной войны». Преображенский полагал, что лишь «революционное содержание» деятельности советской власти «служило фактором европейской революции. Отнимите у нее это содержание, и тогда... она превратится неизбежно на практике в орудие германского империализма... Такая власть скомпрометировала бы самую идею диктатуры пролетариата... Весь план тов. Ленина является, в сущности говоря, попыткой спасти жизнь советской власти посредством самоубийства». Отсюда делался вывод: «Революционная война, как бы слабо мы ни были к ней подготовлены, неизбежна... Эта война укрепит советскую власть внутри страны и никакие поражения на внешнем фронте не в состоянии будут ее свалить»²⁵. Почти вся партоганизация Урала поддержала позицию «левых коммунистов»²⁶.

Преображенский не остался в стороне и в апреле—мае 1918 г., когда обсуждались вопросы экономической организации нового общества. Н. И. Бухарин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, Г. Сафаров и другие лидеры «левых» отрицательно отнеслись к идее Ленина использовать государственно-капиталистические формы при организации хозяйства²⁷.

Левизна Преображенского на послеоктябрьском этапе российского революционного процесса ничуть не противоречила его умеренности в период от Февраля к Октябрю. В основе и той, и другой позиции лежала общая причина: осознание того факта, что материальных, экономических предпосылок для социализма в стране недостаточно. Отсюда — до Октября — стремление не брать преждевременно власть, а после — желание компенсировать слабость материальной базы

пролетарского режима в России радикализацией политико-идеологического процесса, чтобы, по терминологии тех лет, «не переродиться», «не предать мировую революцию», «продержаться» до нее и т. д.

В мае — июне 1918 г. Преображенский — один из организаторов отпора белочехам.

На Урале, охваченном пламенем гражданской войны, он создает свою первую крупную работу «Анархизм и коммунизм», в которой отразились тогдашние представления большевистской партии о коммунизме как централизованном плановом хозяйстве — антитезе рыночной экономике.

В июле 1918 г., будучи делегатом от Урала на V съезде Советов, он участвовал в разгроме партии левых эсеров в Москве, был контужен. Затем командирован Реввоенсоветом на несколько дней в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в расположенных здесь воинских частях. Таким образом, во время расстрела царской семьи Преображенского на Урале не было.

После падения Екатеринбурга, когда красные отступили на север, Преображенский возвращается на Урал, где возглавляет Уральский областной комитет партии, взявший на себя функции политотдела 3-й армии²⁸. Вторая половина 1918 г. — это, пожалуй, пик «левачества» Преображенского. В ноябре 1918 г. в Вятке прошли губернский съезд Советов и губернский съезд комитетов бедноты, часть вопросов обсуждалась на совместных заседаниях съездов. По докладу Преображенского была принята резолюция о коммунистическом земледелии, в которой ставились задачи уничтожения частной собственности на орудия сельскохозяйственного производства и перехода целых деревень к общественной обработке земли. Наступление белых армий помешало тогда осуществить эти планы.

Поскольку Уральское областное объединение в ходе гражданской войны потеряло почти всю свою территорию, ЦК постановил распустить Уральский областной комитет²⁹. В начале января 1919 г. Преображенский отзывается в Москву, где начинает работать в редакции «Правды». От Пензенской губернской организации РКП(б) он делегируется на VIII съезд партии (март 1919 г.). Вместе с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Пятаковым, Евдокимовым и Сидовичем его избирают в Президиум съезда³⁰.

Постепенно Преображенский приобретает статус способного теоретика партии. Он входит в состав Программной комиссии, редактировавшей и готовившей окончательный вариант Программы РКП(б), принятой на VIII съезде. Вскоре после этого на материале текста Программы Преображенский вместе с Бухариным всего за три недели напишут знаменитую «Азбуку коммунизма» — популярный учебник коммунистической грамоты для партийных школ³¹. Эта работа — памятник эпохи «военного коммунизма», когда господствовали представления о «немедленном строительстве коммунизма», бестоварная концепция социализма и коммунизма. Однако, учитывая специфические условия строительства социализма в России (низкий удельный вес промышленности в народном хозяйстве, экономическая разруха, мелкобуржуазный характер страны) и курс съезда на союз с середняком, авторы сделали акцент на постепенности революционных преобразований. В частности, намечались достаточно умеренные темпы обобществления аграрного производства³².

В годы гражданской войны большевистская партия не раз использовала блестящие способности Преображенского-пропагандиста, умевшего в критические моменты вдохнуть веру в победу в уставших, деморализованных бойцов. И после VIII съезда партии Преображенского командировуют уполномоченным от ВЦИК и ЦК РКП(б) на его родину, в Орловскую губернию. Его задача — помочь местной власти в мобилизации всех сил и средств на борьбу с наступающим Деникиным³³. После освобождения Урала Преображенского направляют на партийную и советскую работу в Уфу, где он пытается наладить деятельность партийных и советских органов, потушить нараставший с конца 1919 г. конфликт на национальной почве между центром и Башрееспубликой.

От Уфимской организации он делегируется на IX съезд РКП(б), состоявший-

ся в конце марта — начале апреля 1920 г. Съезд избирает его в ЦК, а ЦК — одним из своих трех секретарей. Так революционная волна вознесла Преображенского на самый пик формировавшейся политической пирамиды.

Преображенский перебирается с семьей в Москву. Семья его состояла из трех человек: сам Евгений Алексеевич, жена Р. А. Невельсон и трехлетний сын Леонид; в 1921 г. родилась дочь Ирина. Преображенские поселились во 2-м доме Советов (ныне гостиница «Метрополь»), но довольно скоро переехали в 1-й дом (гостиница «Националь»). Жили скромно: штора делила гостиничный номер на две части, в одной находился кабинет, в другой — все остальное. По воспоминаниям Л. Е. Преображенского, к ним часто приходили Н. И. Бухарин, Л. П. Себряков, Н. Н. Крестинский, М. В. Фрунзе, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др. Вместе отмечали праздники, дни рождения. Стол был скудным. Однако особая одухотворенность отличала эти вечера. Душой компании был Бухарин. Они были особенно близки с Евгением Алексеевичем в эти годы.

На IX съезде РКП(б) Преображенский был избран сразу в два руководящих органа — Оргбюро и Секретариат. Работа в Оргбюро отнимала у Преображенского почти все время. Заседания проводились обычно раз в 3—4 дня и шли довольно долго, поскольку в среднем рассматривалось 30—35 вопросов. В те дни, когда не было заседаний Оргбюро, Преображенский работал в Секретариате. Прежде всего необходимо было принять посетителей. Как вспоминал Преображенский, в день через его кабинет проходило до двух десятков человек. Кроме того, надо было одновременно решать не меньшее количество «бумажных» дел. На литературную работу времени уже не хватало. Преображенский не мог мириться с бюрократизмом, который охватил к 1920 г. центральный аппарат партии в связи с концентрацией в его руках большинства функций по управлению партией и страной. На почве материального неравенства членов партии, привилегий, злоупотреблений аппаратчиков, отсутствия демократизма, во многих партийных организациях наметилось противостояние руководства партийным «низам», требовавшим изменения порядков в партии. И Преображенский попытался изменить ситуацию. Летом 1920 г. к Пленуму ЦК им были подготовлены тезисы, легшие в основу циркулярного письма ЦК о борьбе с бюрократизмом и материальным неравенством в партии³⁴.

Преображенский вошел и в состав первой ЦКК³⁵, избранной для контроля за состоянием партии, разрешением конфликтных ситуаций, возникающих в ней.

3. НА ПЕРЕЛОМЕ

Гражданская война подходила к концу. Перед большевиками вставала задача разработки путей мирного строительства. В связи с этим в РКП(б) обостряется фракционная борьба, выплеснувшаяся наружу в форме ожесточенной дискуссии о профсоюзах. К весне 1921 г. в рядах партии было достигнуто согласие относительно признания необходимости экономической либерализации и параллельного «закручивания гаек» в политико-идеологической сфере (решения состоявшегося в марте 1921 г. X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом и о запрете фракционной деятельности).

Преображенский играл заметную роль в период подготовки и проведения X партсъезда: он поддерживал «буферную» платформу Бухарина в дискуссии о профсоюзах, а на самом съезде — совместный проект резолюции Бухарина—Троцкого; представил съезду проект тезисов о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии, сделал от имени ЦК доклад на эту тему; первым выступил в прениях по докладу Ленина о замене продразверстки продналогом. Кроме того, при поддержке Ленина он предложил съезду принять специальную резолюцию о необходимости пересмотра финансовой политики, приведения ее в соответствие с новой экономической политикой. Тем не менее его позиция по вопросу о профсоюзах повлияла на то, что он (как и два других

секретаря ЦК — сторонники платформы Бухарина—Троцкого—Н. Н. Крестинский и Л. П. Серебряков) не был избран в новый состав Центрального Комитета и соответственно Секретариата ЦК. Ленин, едва не потеряв контроль над партией в ходе дискуссии о профсоюзах, позаботился о том, чтобы в состав Оргбюро и Секретариата — органов, к тому времени контролировавших почти всю деятельность партии, — вошли его сторонники. В состав Секретариата ЦК были избраны В. М. Михайлов, В. М. Молотов, Е. М. Ярославский.

Но нет худа без добра. После X съезда РКП(б) у Преображенского появилось больше времени для научно-исследовательской, научно-организационной работы (хотя вплоть до второй половины 1927 г. он продолжает занимать ответственные партийно-государственные посты: заведующий Главным управлением профессионально-технических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), председатель комиссии ЦК и Совнаркома по проведению финансовых реформ, член коллегии Госплана, член Главконцесскома и др.)³⁶. Его теоретическая работа осуществляется в эти годы в стенах Социалистической (позже — Коммунистической) академии, членом Президиума и заместителем председателя которой он являлся. Первый номер «Вестника Социалистической академии» открывался вступительной статьей Преображенского, посвященной ближайшим задачам академии, которая, по его мнению, должна была сделаться своего рода «Госпланом в области идеологии». Преображенский интенсивно публикуется в периодической печати: в «Правде», «Экономической жизни», «Известиях», «Вестнике Коммунистической академии», «Красной нови», «Пролетарской революции» и др. Конкретные проблемы, анализируемые им в той или иной статье, подчинены решению главной «сверхзадачи» — как увязать социалистическую перспективу с нэпом? Ибо поворот 1921 г. внес смятение в умы большевиков: «С новой экономической политикой у нас случилось так, что несколько месяцев большинство коммунистов, особенно в провинции, находились в каком-то обалделом состоянии. Не было ясно, куда мы идем и как вообще можно придти теперь туда, куда мы вообще идем»³⁷.

Схема интеллектуальной эволюции, проделанной Преображенским в 1921—1923 гг., приблизительно следующая: от решения конкретных финансовых проблем, поставленных нэпом, через углубленный анализ крестьянского вопроса к созданию целостной теории пути к социализму в России: концепции первоначального социалистического накопления.

В марте 1922 г. в условиях резко обострившегося финансового кризиса собрался XI партсъезд. На нем Преображенский сделал содоклад по финансовому вопросу вслед за наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым. Докладчики ввиду острого бюджетного дефицита исключали «возможность немедленной денежной реформы, направленной на создание устойчивой денежной валюты»³⁸. Такой реформе, по их мнению, должно было предшествовать осуществление специальной программы финансового оздоровления народного хозяйства: широкое развитие торговли, денатурализация экономических отношений, радикальное освобождение госсектора от балласта мелких и средних предприятий, жесткая урезка административного аппарата.

К съезду Преображенский также подготовил тезисы о политике партии в деревне, в которых попытался с учетом начавшихся процессов развития товарно-денежных отношений в деревне наметить задачи партии в отношении различных слоев крестьянства. Эти тезисы были посланы первоначально Ленину, который, ознакомившись с ними, направил письмо членам Политбюро. Ленин признал тезисы «неподходящими» и предложил вместо них организовать на съезде совещание делегатов, работающих в деревне, с целью изучения местного практического опыта. «Все тезисы т. Преображенского архи- и переакадемичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос- и хозработа», — такова была жесткая оценка Ленина.

О чем же говорилось в этих тезисах? О том, что после отмены продразверстки и в связи с увеличением емкости городского товарного рынка развитие кре-

стьянских хозяйств начинает идти по пути превращения их из хозяйств потребительских в товарные. Возобновляется процесс социального расслоения. Появляется кулачество. Этот слой, выполняя функции интенсификации своими мелкобуржуазными методами, представляет собой тем самым необходимое звено в формировании новых экономических отношений в деревне. Поэтому «политика неприятия этого слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. была бы вреднейшей ошибкой», писал Преображенский. Ленин возразил: «война, например, может принудить к комбедовским способам». Указывая на недопустимость внеэкономического принуждения, Преображенский писал о необходимости государственных мер по ограничению эксплуататорских устремлений кулачества с помощью более высокого налогообложения. Было бы грубейшей ошибкой, считал Преображенский, поддерживать этот слой в ущерб другим под предлогом скорейшего поднятия сельского хозяйства. Ленин поддержал это предложение. Далее, Преображенский писал о необходимости «использовать в доступных размерах начавшийся процесс капиталистического накопления в деревне для накопления социалистического». Ленин пометил: «Последние слова II-го параграфа верны, но непопулярны и не развиты. Подработать надо»³⁹. На наш взгляд, в середине 20-х гг. Преображенский и его оппонент Бухарин (с 1923 г.) попытались каждый по-своему «развить» («подработать») эту поддержанную Лениным идею. Однако Бухарин обжегся на дозунге «Обогащайтесь!», а Преображенский попал в «теоретики троцкизма». Своими размышлениями о перспективах развития деревни в условиях нэпа Преображенский в определенной степени опередил события: то, о чем он писал в тезисах, стало актуальным в середине 20-х гг.

Сразу же после XI съезда партии Преображенский отправляется в Италию для участия в Генуэзской конференции (там, в частности, произошла его встреча с выдающимся английским экономистом Д. М. Кейнсом)⁴⁰. В работе «Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы» Преображенский, не отказываясь в принципе (в стратегии) от концепции мировой пролетарской революции, обосновывает идею развития экономического сотрудничества советской страны с западными странами в ближайший период (в тактике)⁴¹.

Курс в среднесрочной перспективе на мирное сосуществование с мировым капитализмом, на широкое использование товарно-денежных отношений в советской экономике явно не укладывался в рамки Программы партии, принятой на VIII съезде и отражавшей представления о возможности на волне мировой революции и использования военно-коммунистических методов прямо перейти к первой фазе коммунизма (бестоварному социализму). В 1922 г. Преображенский пишет книжку «От нэпа к социализму (взгляд в будущее России и Европы)», где пытается обрисовать перспективы развития страны за «десятилетия нэпа». Модель будущей эволюции основывалась на понимании нэпа как товарно-социалистической экономики, в которой борются элементы социализма и капитализма. В результате этой борьбы, по прогнозу Преображенского, советское общество в конце 20-х гг. попадает в «экономический тупик», выход из которого обеспечивает помощь европейского пролетариата, победившего в европейской социалистической революции конца 20-х — начала 30-х гг. В этом прогнозе безусловно нащупана тенденция развития советской и мировой экономики (вспомним структурный кризис капитализма в 1929—1933 гг. и обострение отношений города и деревни в СССР к концу 20-х гг.), хотя и приведшего к иным результатам: переходу к массивному государственному вмешательству в экономику на Западе, к сталинской «революции сверху» в Советской России. В 1922—1923 гг. Преображенский еще не раз попытается привлечь внимание партии к вопросу о перспективах нэпа, о необходимости изменения военно-коммунистической программы партии⁴². Однако он говорил для глухих. Весной 1923 г. фактически уходит от дел Ленин. Летом и осенью в стране нарастают хозяйственные затруднения. В партии разворачивается острая дискуссия. Ее верхнем эшелоне усиливается борьба за власть. Тут было не до программы.

21 января 1924 г. Ленин умер. Ушел из жизни, пожалуй, единственный из людей, перед кем Евгений Алексеевич, человек довольно ироничный по натуре, испытывал чувство благоговения (что, впрочем, не мешало ему нередко полемизировать с ним). Ленин же ценил Преображенского как крупного экономиста-марксиста, неоднократно привлекал его как эксперта по проблемам финансовой политики. Сближало их и общее увлечение: оба были страстными охотниками⁴³. Отношения взаимной симпатии сложились и между Преображенским и Крупской, с которой была дружна его вторая жена, П. С. Виноградская (они поженились в середине 20-х гг.)⁴⁴.

Однако теплые личные отношения не мешали Ленину в ряде случаев резко критиковать Преображенского. Так, на XI съезде РКП(б) Ленин, отметив отсутствие у Преображенского политической гибкости, указывает: «...читается буква за буквой и строчка за строчкой (партийной программы.— *Авт.*), а на дальнейшее человек глядеть не хочет... Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверно, к гибели. Не потому, что тов. Преображенский неправильно понимает политику вообще, а потому, что он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону, а, когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное»⁴⁵.

По Ленину, главный недостаток Преображенского как политика — отсутствие гибкости при проведении в жизнь партийной программы. Действительно, такой «грех» за Евгением Алексеевичем водился. Но, как представляется, не это было главным и не это определило драму его жизни, как, впрочем, и судьбы Ленина, большевизма, России. Корень трагедии был глубже и заключался, думается, в безудержном стремлении Преображенского (и большевизма в целом) подчинить жизнь догме, любой ценой переделать реальность в соответствии с умозрительно сконструированным идеалом. Ленин был гибче, Преображенский — прямолинейнее в своем служении идее. Но и тот, и другой ради свободы, счастья абстрактного человека будущего не останавливались перед лишением свободы и жизни множества реальных людей.

«Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден,— писал в 1923 г. Преображенский.— Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса. Высшая мудрость пролетарской борьбы состоит не в том, чтобы каждый ковырялся внутри своей собственной личности и декларировал насчет ее прав, а в том, чтоб каждый умел беззаветно, почти стихийно, без фраз и лишних жестов, не требуя ничего лично для себя, влить свою энергию и энтузиазм в общий поток, пробиться к цели со своим классом, м. б., свалившись мертвым по дороге... Пролетариат только тогда реализует полностью все силы своего класса, когда каждый отдельный член класса будет готов, когда нужно, бросить свое тело на постройку моста, по которому весь пролетарский коллектив перешагнет в общество будущего»⁴⁶. Преображенский отмечал, что в юности властителями его дум были М. Е. Салтыков-Щедрин и особенно Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев⁴⁷. Вероятно, в те годы он подписался бы под следующими словами своего земляка Писарева: «Жизнь не терпит произвольных ампутаций и механических склеиваний; кто хочет коверкать на свой лад живую действительность, тот этим самым желанием обнаруживает полное непонимание жизни и полную неспособность действовать на нее благотворно... Самое драгоценное достояние человека — его личная независимость, его свобода»⁴⁸.

Между тем, пройдя в погоне за социалистической химерой сквозь тернии подполья, революции, гражданской войны, красного террора, Преображенский в 1923 г. смог без тени сомнения написать: «С точки зрения социалистической является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть

лишь отдельная точка при переходе рода от прошлого к будущему... Преждевременно ставить вопрос, можно ли в будущем ожидать вмешательства социалистического государства, а когда его не будет, вмешательства науки в половую жизнь в целях улучшения расы путем искусственного полового отбора. Здесь нам нужно лишь указать на полное и безусловное право общества довести свою регламентацию половых связей даже до этого предела»⁴⁹. И здесь опять приходят на память слова Бердяева: «В истоках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилась в новую бесчеловечность»⁵⁰.

И не в бескомпромиссном ли атеизме коренились, как полагал С. Булгаков, причины характерного для русского коммунизма «жесточайшего насилия с попранием всех личных прав»? Ибо для русского коммунизма не существовало «тех религиозных границ, которые полагаются насилью признанием личной свободы и неотъемлемых прав личности на самоопределение»⁵¹.

4. «Я СЧИТАЛСЯ ОДНИМ ИЗ ТЕОРЕТИКОВ ТРОЦКИЗМА»

Итак, с отходом от дел, а затем и смертью Ленина в партии усиливаются разногласия, разгорается борьба за власть. В ходе внутрипартийной дискуссии 1923 г. Преображенский выступил на стороне Л. Д. Троцкого, позиция которого из всех членов Политбюро была ему наиболее близкой. Их объединяла с Троцким общность взглядов по следующим основополагающим вопросам внутренней и внешней политики партии: стратегическая ориентация на мировую пролетарскую революцию, без которой, как они думали, победа социализма в СССР была невозможна; приоритетное внимание к промышленному сектору экономики; подчеркивание роли планирования; стремление к демократизации внутрипартийной жизни.

По мнению Преображенского, усложнение экономической обстановки при этом требовало развития самостоятельности первичных партийных организаций, большинство же ЦК пошло по пути противопоставления этому процессу усиления роли аппарата, что приводило к замиранию внутрипартийной жизни, росту карьеризма в партии⁵². Усложнение задач руководства политической и хозяйственной жизнью в условиях нэпа требовало, полагал Преображенский, и изменения методов работы членов ЦК по выработке и принятию важнейших решений. «Вынужденный универсализм ЦК и его отдельных членов при решении ряда вопросов» являлся одним из вредных пережитков «военного коммунизма», который препятствовал повышению уровня компетентности в деятельности ЦК. Он предложил создать из членов ЦК и наиболее квалифицированных специалистов «ряд постоянных комиссий по основным отраслям нашей политической, экономической, научно-просветительской, административно-советской и партийной деятельности», что позволило бы «партии руководить хозяйством не на словах, а на деле»⁵³.

Интересен подход Преображенского к сложной политической проблеме, сформулированной в свое время Лениным: «вождь — партия — класс — массы». В результате роста авторитета Ленина, отмечал Преображенский, в «партии установилась такая система отношений между коммунистами и их вождем, которая напоминала что-то вроде деловой диктатуры, основанной на доверии... В централизованной партии, но остающейся одновременно массовой партией рабочего класса, выработка наиболее целесообразных решений при сохранении максимального единства и быстроты в действии представляет из себя крайне сложную и трудную проблему. Решение этой проблемы при наличии такого вождя, как Ленин, и без такого вождя не может быть одинаковым... Вариант без вождя... требует замены той социальной функции, которую выполнял вождь, соответствующим эквивалентом в отношении партии и ее центров с рабочей массой и в изменении в связи с этим методов работы внутри партии»⁵⁴. Из ситуации «без вождя» Пре-

ображенский видел выход не на путях создания «новых вождей», а на пути замены складывающегося аппаратного режима фракционной диктатуры «большинства» режимом рабочей и внутрипартийной демократии⁵⁵.

Широкая пролетарская внутрипартийная демократия в условиях фактического слияния функций правящей партии по политическому и хозяйственному управлению страной, по мнению Преображенского, позволила бы своевременно учитывать колебания хозяйственной конъюнктуры, корректировать курс экономической политики, осуществляя тем самым реальное, а не только декларативное, регулирующие-плановое воздействие на экономику.

В ходе второй части дискуссии 1923 г. Преображенский сыграл значительную роль в разработке альтернативной взглядам «большинства» экономической программы. Ее основные пункты включали: «усиление планового начала в нашем хозяйстве», «вопрос о необходимости усиления борьбы с нэповским накоплением», товарную интервенцию, необходимость «в корне реорганизовать теперешнюю кооперацию, которая не контролируется снизу и в этом отношении не представляет общественное учреждение, не подвергается контролю сверху и поэтому торгует хуже, чем государственные торговые предприятия», и др.⁵⁶ Преображенский ездил в это время по районам Москвы, выступал на собраниях партийного актива в качестве содокладчика представителей «большинства», предлагал принять свой вариант резолюции по экономическим вопросам⁵⁷. На одном из таких собраний он объяснял свое поведение следующим образом: «Я советую и считаю, [что] каждому докладчику Центр. Комитета [нужно] быть похожим на тов. Ленина. Тов. Ленин, начиная свой очередной доклад перед партией, меньше всего думал, чтобы преуменьшить те ошибки, которые были сделаны за этот год. Он совершенно ясно и категорически называл [их], нарочно преувеличивая, с педагогическими последствиями для наших партийных работников, он не нуждался в содокладчиках, которые бы доказывали то, что не досказал официальный докладчик ЦК. Я принужден, товарищи, преследовать тов. Каменева на каждом собрании, где он докладывает от имени Ц. К. Сегодня принужден некоторые дополнения сделать по докладу тов. Сокольников, потому что функции, которые были выполнены нашей партией, поскольку мы имели всегда от тов. Ленина совершенно объективный обзор, где он не скрывал ошибок, эти функции не выполняются официальными докладчиками Ц. К. /А п л о д и с м е н т ы./»⁵⁸.

Собравшаяся в январе 1924 г. XIII партконференция как бы завершала трехмесячный марафон дискуссии, подводя ее итоги. Основным докладчиком по вопросу о партстроительстве от «большинства» на вечернем заседании 17 января 1924 г. выступил Сталин. На следующее утро, попросив 40 минут для содоклада, по тому же вопросу выступил Преображенский. Сталин закончил свой доклад призывом не терпеть фракции и группировки в партии, держать партию единой и монолитной. Он предложил также рассекретить пункт резолюции X съезда о единстве, согласно которому ЦК получал полномочия исключать из партии тех, кто нарушал партийную дисциплину или создавал фракции. Возражая, Преображенский бросил: «Тов. Сталин, вы искусный политик, вы должны прекрасно понимать, какой смысл это имеет против определенной части нашей партии, которая выполняла необходимые функции в партии, предупреждала от опасностей старого курса. Это определенное орудие, и им вы запугиваете всю партию целиком»⁵⁹. В содокладе Преображенский суммировал аргументы в пользу расширения внутрипартийной демократии. Он также выступил на конференции по докладу Рыкова, посвященному хозяйственным вопросам, отстаивая экономические взгляды «левых».

Оппозиция не смогла добиться существенных реальных перемен внутри партии, изменения методов формирования и реализации политического курса, XIII съезд ВКП(б) (май 1924 г.) подтвердил своим авторитетом характеристику, данную оппозиции XIII партконференцией: «мелкобуржуазный уклон». Отказавшись от конструктивного диалога с оппозицией, руководство партии встало на путь непримиримой политической борьбы с любыми проявлениями инакомыс-

лия, с любыми отклонениями от «генеральной линии». В итоге ярлык «оппозиционера» и «троцкиста» оказался надолго приклеенным к имени Преображенского. Он станет главным критерием оценки его взглядов и действий.

В середине 20-х гг. Преображенский создает свой главный труд — «Новая экономика», посвященный анализу теоретических закономерностей развития советского хозяйства, конкретных путей перехода к социализму в условиях неповской России. Появившиеся в печати главы, а потом и вся первая часть 1-го тома «Новой экономики» попали под политически заостренный критический обстрел. Главным оппонентом выступил бывший соавтор и друг — Бухарин⁶⁰, который, по мнению Преображенского, «теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня»⁶¹.

Из всего круга проблем «Новой экономики» мы выберем лишь одну, вызывающую до сих пор несправедливые обвинения по адресу Преображенского. Речь идет о «теории первоначального социалистического накопления». Но сначала подчеркнем ключевую деталь. Е. А. Преображенский, как и его главный оппонент Н. И. Бухарин, принадлежал к господствовавшему течению советской марксистской мысли 20-х гг., рассматривавшему социализм как бестоварный планомерно-организованный строй, как антитезу капитализму и товарному производству. Согласно данным представлениям, государственная промышленность считалась в основном социалистической, а мелкотоварное производство составляло источник развития капитализма. Исходя из этого, вполне правомерен и логичен был взгляд Преображенского на советскую экономику как на смешанное хозяйство, в котором социализм с его плановостью противостоит укладам, функционирующим на основе частной собственности и рынка. Основной угол зрения, под которым проведен теоретический анализ советского хозяйства в «Новой экономике», это представление об экономическом развитии к социализму как постоянной борьбе противостоящих друг другу социалистических и товарно-капиталистических форм хозяйства. И именно потому, что Бухарин исходил из тех же представлений о социализме и рынке, он не мог спорить с Преображенским по существу.

Однако сложность пути к социализму в России, по Преображенскому, была не только и даже не столько в борьбе плановых и рыночных форм внутри страны (поскольку частнохозяйственный капитализм в России был относительно слаб), сколько в технико-экономическом отставании советского народного хозяйства от западных экономик, что делало СССР крайне уязвимым при возможном военном столкновении. В этой связи, как считал Преображенский, «бороться за свое существование для государственного хозяйства на данной стадии означает как можно скорее пробежать тот опасный период его жизни, когда оно и экономически, и технически слабее капиталистической экономики»⁶². Стране предстояло пройти особый период «первоначального социалистического накопления», который должен был продолжаться до тех пор, «пока наше государственное хозяйство не получит технического и экономического преобладания над капитализмом»⁶³. Сложность задачи усугублялась тем, что Россия сравнительно с дореволюционным временем лишилась внешних источников финансирования, средства из которых (прямые инвестиции и займы) в основном направлялись в тяжелую промышленность; кроме того, основной капитал (оборудование) российской промышленности из-за мировой и гражданской войн длительное время не обновлялся («проедался») и был крайне изношен. Поэтому стране грозило нарастание хозяйственной диспропорции между промышленными отраслями групп «А» (тяжелая индустрия) и «Б» (легкая промышленность); между промышленным и аграрным секторами экономики, что, в свою очередь, было чревато политическим кризисом и крахом пролетарской диктатуры. Следовательно, чтобы обеспечить объем капиталовложений, необходимый для осуществления расширенного воспроизводства народного хозяйства (а тем более, для преодоления технико-экономической отсталости), была неизбежна перекачка в промышленность части ресурсов из аграрного сектора. Более того, поскольку на 3 млн. индустриальных

рабочих в СССР приходилось 22 млн. крестьянских хозяйств, постольку объективно большую часть затрат на индустриализацию должно было нести крестьянство. Соответственно ставилась задача определения путей и методов перекачки части избыточных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный (Преображенский предлагал использовать в основном не прямое, а косвенное налогообложение деревни). И он призывал не к тому, чтобы превращать деревню в колонию города, чтобы «брать больше» в деревне, чем брал царизм, чтобы пролетариат эксплуатировал крестьянство, в чем его несправедливо обвиняют, начиная с 20-х гг., а к тому, чтобы «брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны»⁶⁴. То есть речь здесь шла о том, чтобы использовать накопления богатеей деревни для индустриализации страны, а вовсе не о том, чтобы посадить село на голодный паек.

Однако построение схемы динамического равновесия советского народного хозяйства показало Преображенскому, что внутри страны недостаточно средств для осуществления пропорционального развития экономики, которое позволило бы одновременно и преодолеть нарастание межсекторской диспропорции, и ликвидировать технико-экономическую отсталость, и сохранить социалистическую перспективу. В статье «Хозяйственное равновесие в системе СССР», опубликованной в «Вестнике Коммунистической академии» в 1927 г., представлявшей часть так, очевидно, и не завершеного второго тома «Новой экономики», он следующим образом подытожил результаты своих экономических изысканий: «Нам достаточно было только наметить в самых общих чертах основы динамического равновесия хозяйственной системы СССР, чтобы видеть всю сумму экономических и социальных противоречий, которые неизбежно обнажает наше развитие к социализму в условиях нашей изолированности.

Накопление на базе неэквивалентного обмена — и необходимость ликвидации этой неэквивалентности с несовпадением во времени этих процессов.

Накопление за счет прибавочного продукта рабочих — и неизбежность систематического роста заработной платы.

Необходимость, в интересах сокращения „мук родов индустриализации“, максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличения внешних кредитов, — и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира.

Накопление за счет производящего сырья крестьянства наряду со всем крестьянством вообще — и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья.

Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления — и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен.

Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства — и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части — хозяйства бедняцких и маломощных групп деревни.

Необходимость снижения цен на базе рационализации производства — и борьба с растущей безработицей.

Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам, и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран»⁶⁵.

«„Закон“ Преображенского, — по определению Ст. Козна, — явился грандиозной мозаикой из проницательного анализа, широких исторических аналогий, теоретических новшеств и соображений, связанных с экономической политикой»⁶⁶. Однако в середине 20-х гг. важные теоретические разработки Преображенского рассматривались сталинско-бухаринским большинством исключительно сквозь призму борьбы с «троцкизмом», звучавшие в них предостережения о на-

растающей (вследствие отставания развития промышленности от растущих потребностей аграрного сектора) хозяйственной диспропорции, чреватой острейшим политико-экономическим кризисом, игнорировались, клеймились как «сверхиндустриализм», объявлялись «неверием» в победу социализма в СССР. Объективные экономические проблемы «большинство» пыталось «решить» идеологическими заклинаниями и политическими репрессиями.

В 1927 г. острота борьбы в партии между большинством и «левой» оппозицией достигла своей предельной точки. Легальные возможности отстаивания оппозиционных взглядов в партийной печати были сведены до «аптекарской дозы» в «дискуссионном листке» раз в два года⁶⁷. «Левые» переходят к нелегальному печатанию своих материалов. В организации подпольной типографии активное участие принимает Преображенский вместе с Л. Серебряковым, Я. Шаровым и др., за что они исключаются из партии. Трое берут всю вину на себя: «Заявляем вам, что политически ответственными за это дело и его организаторами являемся мы, нижеподписавшиеся, а не случайно связанные с этим беспартийные... Мы требуем немедленного освобождения всех арестованных по данному делу, так как за все отвечаем мы» (из заявления Преображенского, Серебрякова, Шарова)⁶⁸.

Во время демонстрации 7 ноября 1927 г. Преображенский, Смилга и другие видные деятели оппозиции выступали в Москве с балкона бывшей гостиницы «Париж», выходившей на угол Охотного ряда и Тверской, перед проходящими колоннами демонстрантов с лозунгами «левых»⁶⁹. Точку поставил состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), признавший «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии»⁷⁰. Преображенский подал в Президиум съезда заявление, в котором решительно отвергал беспочвенные обвинения по своему адресу⁷¹, но, разумеется, это было безрезультатным: вместе с остальными лидерами «левой» оппозиции он был выслан из Москвы и попал в г. Уральск (в 1929 г. переведен сначала в Казань, а в конце года — в Нижний Новгород, в марте 1930 г. вызван в Москву).

Однако ссылка не сломила его. Преображенский ведет переписку с соратниками, анализирует протекающие в стране и в партии процессы⁷². Интересный документ этого времени — тезисы Преображенского «Левый курс в деревне и перспективы» (23 апреля 1928 г.)⁷³. Анализируя потрясший советскую экономику в начале 1928 г. кризис хлебозаготовок, Преображенский видит в нем подтверждение справедливости экономической программы «левой» оппозиции. По его мнению, этот «хозяйственный кризис в СССР не является ни кризисом конъюнктурным, ни кризисом только экономическим: это кризис длительный и кризис социальный. В основе его лежат два коренных факта: отставание промышленности от сельского хозяйства, т. е. отставание с индустриализацией страны, во-первых, и обострение имманентного нашей системе противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, что до сих пор прежде всего выражалось в растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов деревни в руках кулачества, во-вторых».

Преображенский моделирует два возможных альтернативных пути выхода из кризиса: «правый курс» — «попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность без затрат на это государственных ресурсов... Эта политика неизбежно потребовала бы увеличения нажима на рабочий класс в городе (рост хлебных цен, увеличение норм выработки и т. д.), а в деревне была бы связана с ростом аграрного перенаселения, а также с замедлением темпа индустриализации страны». Причем, поскольку кулачество терроризировано примененными недавно «чрезвычайными мерами», постольку за то, чтобы внушить ему доверие «пришлось бы заплатить какой-то неслыханной ценой, ценой настолько резкого поворота вправо, что даже самые правые из наших правых ...на это не решатся...». На этом пути возникала и опасность утраты политической власти.

«Левый курс» — «политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты» на путях производственной кооперации, создания совхозов. Чтобы блокировать контртенденции, объективно порождаемые «левым курсом» (возможное сокращение производства в крупнотоварных зажиточно-кулацких хозяйствах и сложность его компенсирования расширением производства в преимущественно потребительских бедняцко-середняцких хозяйствах), Преображенский предложил систему взаимоувязанных мер: 1) «ускорение темпа индустриализации, потому что хлеб у этих (середняцко-бедняцких. — *Авт.*) слоев можно брать только экономическими методами, только товарообменом, добываясь экономическими путями также и уменьшения потребления с.-х. продуктов в деревне за счет увеличения спроса на предметы потребления индустриального производства (подчеркнуто нами. — *Авт.*); 2) вести левую политику в Коминтерне, «гарантирующую большую обороноспособность СССР в случае войны»; 3) расширение социального положения рабочих объективно невозможно, постольку необходимо «немедленное улучшение правового положения рабочих, особенно внизу на фабрике, т. е. проведения режима рабочей демократии».

Предлагавшийся Преображенским пакет мер представляется достаточно уязвимым. Подъем товарности бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств экономическими методами в самом деле предполагал ускорение темпа индустриализации, но последнее, в свою очередь, требовало роста товарного производства сельскохозяйственной продукции (чтобы обеспечить промышленность сырьем, а рабочих — питанием). Форсирование же индустриализации за счет «затягивания поясов» рабочих плохо стыковалось бы с предложением расширить социальную опору в городе. Вероятно, Преображенский, как и в более ранних своих работах, надеялся на вторую ипостась «левого курса» — революционную политику в Коминтерне, успех которой мог привести к победе социалистических революций в развитых европейских странах, что, казалось ему, решило бы и проблему протомаров для деревни.

5. «ТЫ ВСЕ ЖЕ ДОЛЖЕН ИДТИ С ПАРТИЕЙ»

В связи с высылкой в 1929 г. за пределы СССР Троцкого и резким «полевением» Сталина в рядах оппозиции усиливаются колебания. 25 апреля 1929 г. в письме Суварину Троцкий пишет: «Вы сообщаете о колебаниях Радека, Смилги и Преображенского. Я об этом знаю достаточно хорошо. Они колеблются не первый месяц, не первый день и не первый год»⁷⁴. 13 июля 1929 г. после долгих продолжительных переговоров и «торгов» в «Правде» публикуется «Заявление в ЦКК бывших руководителей троцкистской оппозиции гг. Е. Преображенского, К. Радека и И. Смилги о разрыве с оппозицией», помеченное 10 июля. В показаниях, написанных в тюрьме при последнем аресте в 1936 г., Преображенский отмечал, что наибольшую сложность в переговорах между ЦК и лидерами оппозиции о признании своих ошибок и разрыве с оппозицией занял пункт о признании всей осуществляемой руководством политики ленинской.

Подача заявления в ЦКК в письме активного деятеля оппозиции Е. Солнцева своим соратникам была расценена как «неслыханное предательство»⁷⁵. По нашему мнению, поступок Преображенского, Смилги и Радека свидетельствовал о том, что они верили, что большинство ЦК во главе со Сталиным, ударив по правым, перешло на их позиции⁷⁶. А раз исчезла политическая основа разногласий, надо, отбросив былые обиды, вернуться в партию. Преображенский еще не знал, какими методами будет Сталин бороться за осуществление «генеральной линии». Когда же он это увидел, то полностью поддержать эти методы не смог: «Я мог стрелять так, как я хотел, а не так, как партия стреляла... И вот я был исключен из партии второй раз... (во время горячих боев за коллективизацию в деревне)»⁷⁷.

В промежутке между двумя исключениями из партии Преображенскому уда-

стся опубликовать ряд теоретических экономических работ⁷⁸⁻⁷⁹. Наиболее глубокие из них — «Теория падающей валюты», в которой исследуются развитие валютных систем в условиях денежной эмиссии и инфляции, влияние этих процессов на производство, психологию потребителя, и «Закат капитализма», показывающая, как монополизм — следствие концентрации производства — деформирует, сравнительно с эпохой свободной конкуренции, капиталистический воспроизводственный цикл, в результате чего оказывается чрезвычайно затруднен переход во всемирном масштабе к новому циклу расширенного воспроизводства.

Доказав, что в новую эпоху сам механизм капиталистического воспроизводства требует вмешательства в него государства, Преображенский посчитал, что тем самым наступает «закат капитализма», так как «капитализм и плановое хозяйство — вещи несовместимые. Если капитализм заходит в тупик и начинает нуждаться в плановом хозяйстве, то плановое хозяйство не нуждается в капитализме»⁸⁰. В жизни оказалось не все так просто. Действительно, старый капитализм — свободной конкуренции, монополистический — зашел в тупик. Но он вышел из него на путях регулируемого рыночного хозяйства (кейнсианство, фашистские варианты). Научная интуиция все же подсказывала Преображенскому, что капитализм может найти выход. В частности, он писал, что «всеобщий экономический кризис при монополизме, если он не приводит к мировой войне или не прерывается технической революцией, неизбежно перерастает в общий не только экономический, но и общественный кризис всей системы капитализма»⁸¹ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). И сегодня нас привлекает в этой работе Е. А. Преображенского не столько неоправдавшийся прогноз о скором «закате капитализма», сколько вскрытие им — в самом начале 30-х гг.! — действительных резервов тогдашнего капитализма: 1) государственного вмешательства в процесс капиталистического воспроизводства; 2) экспансии военно-промышленного комплекса; 3) использования достижений научно-технического прогресса.

Последние работы Преображенского свидетельствуют о его вступлении в пору творческой зрелости. Однако в печати нарастает травля. Против Преображенского выдвинуто, пожалуй, наиболее убийственное в те годы обвинение — в «контрабанде троцкизма»⁸². В конце 1931 г. Евгений Алексеевич посылает в редакцию журнала «Проблемы экономики» статью «О методологии составления генплана и второй пятилетки». Статью не печатают, но подвергают разному: цитируют из нее несколько абзацев, сопровождая их развернутыми комментариями, а то и просто ограничиваются одними «комментариями»⁸³.

Что же так смутило оппонентов? Из просочившегося на страницы печати можно понять, что Преображенский, учитывая результаты и опыт первой пятилетки, призывает построить план второй пятилетки так, чтобы по возможности достичь в ходе ее пропорционального развития народного хозяйства. Реконструктивный период «начинается и продолжается при огромной гипертрофии производства средств производства, прежде всего элементов основного капитала... В дальнейшем по мере завершения задач перевооружения неизбежна перестройка взаимоотношений между накоплением и потреблением, неизбежно превращение все больших и больших масс потенциального накопления в реальное потребление общества, либо уменьшение размеров всего общественного труда»⁸⁴. Во второй пятилетке при увеличивающемся из года в год накоплении наступит «совершенно неизбежная диспропорция» между I и II подразделениями как результат усиленного накопления за счет потребления. Чтобы избежать своеобразного «перенакопления» оборудования и продукции тяжелой промышленности, Преображенский предложил с конца 1934 г. постепенно перейти к более ускоренному производству предметов потребления по сравнению с производством средств производства. Иначе — нарастание диспропорций в экономике⁸⁵. Результатом этого вполне здравого анализа стало то, что его одновременно с протаскиванием «троцкистской контрабанды» обвинили в «правооппортунистическом уклоне»⁸⁶. Но вскоре XVII съезд ВКП(б) (январь—февраль 1934 г.) по существу пришел к тем же выводам, что и Преображенский⁸⁷.

В частных беседах с единомышленниками в этот период Евгений Алексеевич подвергал резкой критике политику сталинского руководства. Так согласно его показаниям на допросе в органах НКВД от 5 июня 1937 г., в 1932 г. он «защищал и проводил следующие положения в отношении политики партии:

1. Темпы коллективизации взяты не по силам. Деревня отошла от середняцкого хозяйства и не освоила коллективное, а в результате резкое падение производительных сил сельского хозяйства; огромные продовольственные затруднения, особенно на Украине, и ряд совершенно ненужных жестокостей в борьбе с кулачеством.

2. Темпы индустриализации взяты непосильные. В результате невыполнение плана капиталовложений, срыв сроков ряда строек, сокращение личного потребления рабочих, перенапряжение в труде и как результат — общее ухудшение материального положения пролетариата.

3. Неверная политика в Коминтерне, приводящая к изоляции компартии в борьбе с фашизмом, особенно в Германии.

4. Невыносимый партийный режим, при котором невозможно обсуждение ни одного большого вопроса, волнующего страну. Партийной дисциплине противопоставлялась троцкистская внутрипартийная демократия.

5. На идеологическом фронте — полнейший застой. Это результат политики ЦК, которая доводит дисциплину мысли до централизации мысли и, культивируя бездарности, задерживает всякое умственное развитие молодежи.

Из всего этого, естественно, делался вывод о необходимости борьбы с политической ЦК и руководством партии»⁸⁸.

Оппозиционность Преображенского не осталась секретом для «органов». В январе 1933 г. он был выслан ОГПУ за троцкистскую работу и находился в ссылке в г. Семипалатинске по август 1933 г. В январе того же 1933 г. Преображенского во второй раз исключают из партии (был вне рядов ВКП/б/ по декабрь 1933 г.)⁸⁹. Как вспоминает Л. Е. Преображенский, никогда, ни до, ни после, он не видел отца в столь подавленном состоянии. Но надо было жить. А жить без партии Евгений Алексеевич не мог. Нам это может показаться преувеличением, ходульной фразой. Но это было так. В середине 20-х гг. Преображенский написал для журнала «Пролетарская революция» два некролога, посвященных памяти двух женщин-революционерок — В. Н. Лобовой и Е. Б. Бош. В них ему удалось запечатлеть черты «старых, революционеров-большевиков», которые, по его словам, «вымирают быстрее, чем вырубались вишневые сады в дворянских гнездах»⁹⁰. «Основные черты всех старых революционеров того типа во главе с Ильичем — полная и безраздельная преданность интересам рабочего класса и его освободительным целям, полное подчинение всей своей работы, всей жизни интересам коллектива, неразрывная, почти физическая связь с воплощением коллективной воли класса — партией, величайшая скромность в личной жизни, величайшая строгость к себе, отзывчивость по отношению к товарищам»⁹¹. К этому типу революционеров относился и он сам.

31 января 1934 г. Преображенский выступает на XVII съезде партии с внешне покаянной речью, в которой, однако, на наш взгляд, в завуалированной форме содержится критика сталинских методов коллективизации⁹². Не будем преувеличивать: это не оппозиция Сталину, скорее — произвольная фронда. Сталин победил. Ценой колоссальных жертв, но все же вывел страну из, казалось бы, тупиковой экономической ситуации конца 20-х гг. И сделал это без помощи так и не вспыхнувшей мировой революции. Преображенский разумом признает это, пытается отречься от своего «я»: «Если у тебя не поворачивается язык говорить так, как говорит партия, ты все же должен идти с партией, должен говорить как и все, не надо умничать, должен больше верить партии». Но как плохо у него это получается! «Когда надо что-нибудь политическое сказать не совсем так, как думаешь, у меня язык не поворачивается. Старые товарищи знают этот мой политический недостаток»⁹³.

Преображенский запутывался все больше и больше. Теоретически он допу-

скал возможность применения насилия по отношению к народу в интересах строительства нового общества, но масштабы репрессивной политики Сталина ужасали его. Умом он должен был признать, что из экономического тупика, в котором в полном соответствии с его прогнозом оказалась страна в конце 20-х гг., при отсутствии революции на Западе, можно было выйти, сохранив верность марксистской догме (идее бестоварного социализма), лишь при помощи «чрезвычайных мер», использованных Сталиным, но его сердце отказывалось принять «Кобу» в качестве наследника Маркса и Ленина, а сталинский «социализм» 30-х гг. — за реальное воплощение своих юношеских грез о счастливом свободном справедливом обществе. Жить с такими мыслями в душе было невозможно. А жизнь продолжалась.

В 30-е гг. Преображенский занимал ряд ответственных постов, но уже не в верхнем эшелоне. В 1929—1930 гг. он являлся заместителем председателя крайкома в Нижнем Новгороде, в 1930—1931 гг. работал в Наркоминделе, в 1932 г. — член коллегии Наркомлегпрома, в 1933 г. работал консультантом областной плановой комиссии в г. Семипалатинске, с сентября 1933 г. — заместитель начальника планового отдела Наркомата совхозов СССР. «После возвращения в партию (в 1934 г. — *Авт.*), — писал Преображенский в показаниях от 31 декабря 1936 г., — я не хотел и фактически не встречался почти с бывшими троцкистами, кроме Радека. У меня был лишь узкий семейный кружок: я, жена П. Виноградская (которую я погубил), и С. Виноградская. Я вел уединенную жизнь и все время проводил дома и в наркомате». Семья, работа — хрупкое убежище в тоталитарном обществе. «Приближалось время, когда на партийном собрании Наркомсовхоза должно было обсуждаться дело Пятакова, Радека и др., — свидетельствует протокол допроса Преображенского от 16 марта 1937 г. — Я с ужасом думал, что я скажу о себе и об известных мне террористических установках организации (под давлением следствия Преображенский уже признал, что ему о них „известно“). — *Авт.*) Я решил поехать в Астафьево, написав письмо в ЦК о моем предательстве, и покончить с собой. Однако арест расстроил мои планы». Преображенский был арестован 20 декабря 1936 г. В его показаниях от 31 декабря 1936 г. особенно горько читать последние абзацы: «... как можно квалифицировать мою деятельность с точки зрения классовой борьбы».

Отвечаю так: если я оказался предателем и изменником партии в пользу троцкистско-зиновьевских террористов и реставраторов капитализма, значит также и я работал на пользу ненавистного мне капитализма, борьбе с которым посвятил я лучшие годы моей революционной большевистской деятельности.

Не может быть приговора тяжелей... за высшую меру измены и предательства высшую меру наказания. Я не буду просить никакого снисхождения, жить я после всего пережитого не хочу и весь смысл остатка моих дней до приговора вижу в том, чтоб разоблачением того, что знаю, помочь партии в окончательной ликвидации троцкизма»⁹⁴.

Несколько месяцев длилось следствие. Закрытое же судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР заняло всего 10 минут: началось 13 июля 1937 г. в 14 час. 50 мин. и закончилось в тот же день в 15 час. 00 мин. Обвиненный в преступлениях, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 УК РСФСР, Преображенский был приговорен «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». В тот же день приговор был приведен в исполнение⁹⁵.

* * *

Евгений Алексеевич Преображенский, как и всякий революционер, фигура глубоко трагическая. Ведь революция — это прежде всего ломка старого, предполагающая использование насилия. Однако субъективно последнее применяется революционерами отнюдь не ради того, чтобы «производственные отношения пришли в соответствие с уровнем и характером развития производительных

сил». Для них революция — это всегда «штурм неба», мистика, гуманистическая утопия, в какие бы «научные одежды» она ни рядилась. Но земля не небо: она остается землей. И вот возникает искушение использовать насилие не только для сокрушения отжившего (да и как, кто определит, что «отжило?»), но и для созидания нового, чтобы воплотить утопию, приблизить небо. Так гуманная цель рождает антигуманные методы и тем самым лишается ореола гуманности: искомая «земля обетованная» оборачивается преисподней. Преображенский был слишком честен, чтобы полностью принять антигуманные методы; слишком целен, чтобы отказаться от гуманной цели; слишком умен, чтобы не понять неразрешимости конфликта между ними. И в итоге еще раз подтвердилась горькая истина, открытая Дантоном: «Революция подобна Сатурну, пожирающему своих детей».

Примечания

- ¹ По политическим причинам жизнь и творчество Е. А. Преображенского длительное время не изучались в советской литературе. В последние годы сделано несколько попыток объективно проанализировать его экономические взгляды: Пути развития: дискуссии 20-х годов. Е. А. Преображенский, Н. И. Бухарин/Сост. Корицкий Э. Б. Л., 1990; Омаров А., Корицкий Э. Концепция «первоначального социалистического накопления»//Финансы и кредит, 1990, № 6; Горин М., Цукун С. Е. А. Преображенский: краткий очерк экономических взглядов//Известия АН СССР. Сер. экон. 1990, № 5. Основные биографические вехи отмечены в статье Н. Н. Попова, О. Г. Поповой «Преображенский Евгений Алексеевич» (в кн. «37-й на Урале». Свердловск, 1990). Вместе с тем вышли работы, повторяющие крайне политизированные оценки 20-х гг. См.: Ципко А. Истоки сталинизма//Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2. В западной литературе (преимущественно экономической) Е. А. Преображенского считают экономистом-теоретиком, создавшим оригинальную теорию экономического роста и предвосхитившим во многом подобные исследования на Западе на несколько лет. См.: Erlich A. The Soviet Industrialisation Debate, 1924—1928. Oxford, 1960; The Crisis of Soviet Industrialization. E. A. Preobrazhensky/Ed. by Donald A. Filtzer. The Macmillan Press LTO, 1980; Ellman M. E. A. Preobrazhenski in: Planning System. New Palgrave. The Macmillan Press. L., 1990.
- ² Преображенский Евгений Алексеевич: Автобиография (далее — Автобиография)//Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41. Ч. 2. С. 120; ЦГАОР СССР, ф. 102 (Д. 7), оп. 1906, д. 6113, ч. 34, л. 1—106; оп. 1911, д. 2349, л. 26; Государственный архив Орловской области, ф. 64. оп. 1, д. 524, л. 128. Это произошло во время учебы (1897—1905 гг.) в Орловской 1-й классической гимназии.
- ³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 35.
- ⁴ Автобиография. С. 121.
- ⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 9, 24.
- ⁶ Автобиография. С. 121—124, 128; Голубков А. О 1905 годе (Отрывки из воспоминаний)//Каторга и ссылка. 1931. Кн. 7. (80). С. 9; Преображенский Е. А. В. И. Ленин (Социологический набросок). М., 1924. С. 9. 37.
- ⁷ ЦГИА Москвы, ф. 418, оп. 32, д. 1496.
- ⁸ Автобиография.
- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102. (ДП ОО). оп. 1908, д. 12, ч. 67, л. 4 об.; д. 42, л. 3; д. 5, ч. 42, л. 42.
- ¹⁰ Виноградов (Ягодин) Ф. Борьба за коллектив в Александровской ссылке в 1910 году//Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934. С. 32.
- ¹¹ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. Новгород, 1922. С. 233.
- ^{11а} ЦГАОР СССР, ф. 102 (ДП ОО). оп. 1908. д. 5, ч. 42, л. 55 об.
- ¹² Савинков Б. В. Избранное. М.: Политиздат, 1990. С. 49.
- ¹³ Уральский рабочий. 1918. 13 августа.
- ¹⁴ Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип//Наш современник, 1990, № 11. С. 137.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 1028, л. 7.
- ¹⁶ Каторга и ссылка, 1928. № 6. С. 121; Забайкальский рабочий. 1917. 18—19 марта.
- ¹⁷ Преображенский Е. Двоевластие, двоедушие, малодушие//Там же. 1917. 31 марта.
- ¹⁸ Преображенский Е. О программе нашей партии//Там же. 22 марта.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 1026, л. 24, 28.
- ²⁰ Автобиография. С. 130; Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. Изд. 3. М., 1987. С. 383.
- ²¹ I Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: 1930. С. 218.

- ²² VI съезд РСДРП(б) Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 250.
- ²³ Там же. С. 114—116.
- ²⁴ Уральский рабочий. 1918. 10 мая.
- ²⁵ Там же. 3, 6, 9 марта.
- ²⁶ См.: Коммунист. 1918. № 3; Уральский рабочий. 1918. 23 апреля.
- ²⁷ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 255; Уральский рабочий. 1918. 9 мая.
- ²⁸ Автобиография. С. 131.
- ²⁹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (январь—март 1919 г.): Сб. 6. М., 1971. Док. № 1; Автобиография. С. 131.
- ³⁰ VIII съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 7. 583.
- ³¹ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. Изд. 2. Пг., 1920. Бухарин в основном осветил общетеоретические аспекты Программы, Преображенский — написал главы по организации сельского хозяйства, распределения, банков, денежного обращения и финансов.
- ³² Там же. С. 124—125.
- ³³ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июль—июль 1919 г.): Сб. 8. М., 1973. С. 15, 91.
- ³⁴ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 86, д. 203.
- ³⁵ См.: X съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 65.
- ³⁶ См.: Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. Изд. 1. М., 1924. С. 29.
- ³⁷ Правда. 1922. 8 февраля.
- ³⁸ XI съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1961. С. 676. Об экономических взглядах Преображенского этого и последующих периодов см. подробнее в статье авторов в сборнике «Марксистская мысль в первой половине XX века» (М., 1989).
- ³⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 44; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22933.
- ⁴⁰ См.: XII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1968. С. 183.
- ⁴¹ Преображенский Е. А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922. С. 18.
- ⁴² В конце 1922 г. Преображенским были подготовлены тезисы о переходном периоде от капитализма к социализму, представляющие перечень основных проблем, в общем совпадающий с проблематикой книги «От нэпа к социализму» (ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 2, д. 55, л. 220—223). Они были приложены к его письму в Политбюро, в котором ставился вопрос о необходимости разработки и принятия Пленумом ЦК резолюции о переходном периоде от капитализма к социализму в России. О том же говорилось и в заметке Преображенского «Пора» (Правда. 1923. 25 января). См. также его выступление на XII съезде//XII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 42.
- ⁴³ См., напр.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 253—254, 311—312, 384, 458, 541—542, 555; Т. 11. С. 199, 276, 321—322, 410, 416, 434, 450 и т. д.; Т. 12. С. 18.
- ⁴⁴ До конца жизни он пользовался одной машиной на двоих вместе с Крупской. (См.: Виноградская П. С. События и памятные встречи. М., 1968; е е же. Памятные встречи. М., 1972).
- ⁴⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 121.
- ⁴⁶ Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М., Пг., 1923. С. 73.
- ⁴⁷ Автобиография. С. 121.
- ⁴⁸ Писарев Д. И. Надо мечтать. М., 1987. С. 164.
- ⁴⁹ Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. С. 101—102.
- ⁵⁰ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 35.
- ⁵¹ Булгаков, прот. Сергей. Православие. Очерки учения православной церкви. Изд. 3. Париж, 1989. С. 362—363.
- ⁵² Преображенский Е. А. О нашем внутрипартийном положении//Правда. 1923. 28 ноября.
- ⁵³ Его же. О том, что назрело//Правда. 1923, 24 марта, 3 апреля. Эти предложения соответствовали разосланному членам ЦК письму Преображенского «Проект организации постоянных цехистских комиссий» (См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 86, д. 203).
- ⁵⁴ Преображенский Е. А. В. И. Ленин (социологический набросок) М., 1924. С. 41, 44.
- ⁵⁵ Заявление 46-ти. В Политбюро ЦК РКП//Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР/Ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 1. М.: Терра, 1990. С. 85. Мы цитируем этот документ, так как подпись Преображенского стоит под ним первой.
- ⁵⁶ XIII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1924. С. 196—203.
- ⁵⁷ Преображенский выступал в Бауманском, Замоскворецком, Краснопресненском районах, на совещании актива Московской организации 11 декабря 1923 г. См.: Партархив МК КПСС, ф. 3, оп. 4, д. 36; ф. 69, оп. 1, д. 138.

- ⁵⁸ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 138, л. 17.
- ⁵⁹ XIII конференция РКП(б). Бюллетень № 3. М., 1924. С. 116.
- ⁶⁰ См.: Бухарин Н. И. Избр. произведения. М., 1988. С. 86—115; его же. К вопросу о закономерностях переходного периода. М.; Л., 1928.
- ⁶¹ Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. Ч. 1. Изд. 2, испр. и доп. М. 1926. С. 250. В приложении к этому изданию Преображенский убедительно опровергает аргументы своих оппонентов, в том числе Бухарина.
- ⁶² Преображенский Е. А. Новая экономика... С. 251.
- ⁶³ Там же. С. 30.
- ⁶⁴ Преображенский Е. А. Основной закон первоначального социалистического накопления//Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. VIII. С. 59.
- ⁶⁵ Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 70.
- ⁶⁶ Коэн Ст. Бухарин: Политическая биография. М., 1988. С. 188.
- ⁶⁷ Преображенский Е. За что нас исключили из партии? (письмо к партийному съезду)//Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 84.
- ⁶⁸ Цит. по: Анфертьев И. Гениальный рабочий//Красная звезда. 1989. 18 февраля.
- ⁶⁹ Смилга И. Что было у гостиницы «Париж» 7 ноября 1927 г. Архив Троцкого//Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 258—260.
- ⁷⁰ XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. Т. 2. М., 1962. С. 1434.
- ⁷¹ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 55, оп. 1, д. 99, л. 3—4.
- ⁷² См.: Минувшее (Исторический альманах). Т. 7. Paris, 1989. С. 259—260.
- ⁷³ Этот документ находится в фонде Л. Д. Троцкого в Хаугтонской библиотеке Гарвардского университета (Т—1262). Авторы выражают искреннюю признательность профессору В. П. Данилову, любезно предоставившему в их распоряжение его копию.
- ⁷⁴ Цит. по: Ярославский Ем. Мертвые шагают быстро (Развал троцкизма)//Большевик. 1929. № 18 (30 сентября). С. 60.
- ⁷⁵ Там же. С. 73.
- ⁷⁶ Ср.: Преображенский Е. За что нас исключили из партии? (письмо к партийному съезду). С. 84; Заявление в ЦК бывших руководителей троцкистской оппозиции...//Правда, 1929. 13 июля.
- ⁷⁷ XVII съезд ВКП(б); Стеногр. отчет. М., 1934. С. 238.
- ⁷⁸⁻⁷⁹ Преображенский Е. А. Экономическая природа советских денег и перспективы червонца//Под знаменем марксизма. 1930. № 4; его же. Теория падающей валюты. М.; Л. 1930; его же. Закат капитализма. Воспроизводство и кризисы при империализме и мировой кризис 1930—1931 гг. М.; Л., 1931 и др.
- ⁸⁰ Его же. Закат капитализма. С. 11.
- ⁸¹ Там же. С. 97.
- ⁸² См., напр.: Борлин Б. Против извращений марксистско-ленинской теории на экономическом фронте//Проблемы экономики. 1931. № 10—12.
- ⁸³ Там же; Бугаев К. К вопросу о материальной базе социализма//Проблемы экономики. 1932. № 1 и др.
- ⁸⁴ Цит. по: Бугаев К. Указ. соч. С. 9.
- ⁸⁵ Там же. С. 12.
- ⁸⁶ Там же. С. 19.
- ⁸⁷ XVII съезд ВКП(б) С. 661.
- ⁸⁸ Центральный архив КГБ СССР. Архивно-следственное дело на Преображенского Евгения Алексеевича.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 170.
- ⁹¹ Там же. 1925. № 2. С. 15.
- ⁹² XVII съезд ВКП(б). С. 236—239.
- ⁹³ Там же. С. 239.
- ⁹⁴ Показания Е. А. Преображенского требуют специального анализа. Здесь лишь отметим, что нет в них угодничества перед Сталиным и следователями, нет просьб о помиловании, достаточно откровенно характеризуется «троцкистская деятельность» лишь тех лиц, которые либо уже были к тому времени казнены, либо сами дали на себя намного более откровенные показания. Преображенский крайне скуп на фамилии оппозиционеров и т. д.
- ⁹⁵ Е. А. Преображенский был полностью реабилитирован по государственной линии в декабре 1988 г., по партийной — в мае 1990 г.

© 1992 г.

А. А. Преображенский*

К 100-ЛЕТИЮ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО

16 октября 1991 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося историка нашей страны Алексея Андреевича Новосельского.

А. А. Новосельский родился в Тамбове. Его отец служил по ведомству народного просвещения и достиг чина статского советника. После окончания местной мужской гимназии А. А. Новосельский поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1915 г. с высшими оценками по всем предметам и был удостоен золотой медали. Студентом он написал интересную работу о Верховном тайном совете и был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. За 1915—1918 гг. были успешно сданы магистерские экзамены, и в 1919 г. А. А. Новосельского зачислили в качестве университетского преподавателя русской истории. Пробные лекции в студенческой аудитории для Новосельского стали первой педагогической практикой. С 1918 г. он начинает работу в архиве МАМЮ (затем — Древлехранилище), продолжая ее до 1930 г.

Возникновение Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) позволило А. А. Новосельскому поступить на работу в Институт истории. За время работы в этом институте А. А. Новосельский опубликовал свои первые научные труды, отмеченные творческим, зрелым подходом к изучаемым проблемам. Он не раз выступал с докладами на заседаниях секции русской истории, председателем которой являлся М. М. Богословский. В ту пору Алексей Андреевич трудился в среде уже именитых ученых — С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, В. И. Пичеты, А. Н. Филиппова. Особенно близкими были у него отношения с А. И. Яковлевым, которого Алексей Андреевич считал своим учителем.

Уже к 1926 г. им была подготовлена рукопись «Хозяйство вотчины 70—80-х гг. XVII века (вотчина стольника А. И. Безобразова)» объемом 10 листов¹. Книга увидела свет несколько позже под названием «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке» (М.; Л., 1929). Отечественная историография получила ценнейшее исследование, значение которого сохраняется и поныне. Правда, официальный орган того времени журнал «Историк-марксист» откликнулся на книгу довольно прохладной рецензией. Его автор завершил свой отзыв так: «Книга Новосельского окажет несомненную помощь историкам своим фактическим материалом. Она является антимарксистской по своей идеологической установке»². Это была типичная для того времени оценка солидного академического труда, автор которого обвинялся чуть ли не в аполитетике крепостного режима.

А. А. Новосельский построил книгу на материалах переписки помещика средней руки со своими родственниками и знакомыми, а главным образом с московскими и деревенскими приказчиками. По степени сохранности, разнообразию

* Преображенский Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

сведений архив А. И. Безобразова — явление уникальное, хотя Новосельский указал и на некоторые слабые места использованных источников. Тогда в арсенале науки уже были работы о крупнейшем землевладельце XVII в. боярине Б. И. Морозове (И. Е. Забелин) и о князе Н. И. Одоевском (Ю. В. Арсеньев). Особое место занимала книга А. И. Заозерского, посвященная хозяйству царя Алексея Михайловича³. Новосельский же обрисовал жизнь достаточно типичного для России XVII столетия московского дворянина не самого высшего ранга.

Бесхитростные документы сугубо личного происхождения, не предназначенные для предъявления в государственные учреждения, позволили вдумчивому и тонкому исследователю почерпнуть в них богатейшие, колоритные сведения о повседневной жизни вотчинника, о способах и практике управления своими владениями, о взаимоотношениях людей разного социального положения в деревенской крепостной среде. Длительная работа в Древлехранилище обеспечила А. А. Новосельскому максимальную полноту привлечения источников по теме. Ученый реконструировал частный архив А. И. Безобразова, включив в орбиту своих изысканий обширные фонды Разрядного и Поместного приказов.

Монография закрепила за ее автором репутацию крупного знатока отечественной истории. Книга заняла почетное место в ряду лучших исследовательских трудов наших ученых. Глубина анализа, убедительность и четкость выводов, оценок сделали эту работу незаменимым пособием не только для специалистов по истории XVII в., но и всех, интересующихся этим периодом. Без преувеличения можно сказать, что влияние монографии на развитие науки оказалось огромным и непреходящим.

А. А. Новосельский емко охарактеризовал служебную карьеру своего героя, закончившуюся на плахе по делу Ф. Шакловитого. Прослежены родственные связи А. И. Безобразова, круг знакомств в столице. Перед читателем предстает служилый человек XVII в., показанный автором в различных сферах жизнедеятельности.

А. А. Новосельский шаг за шагом показывает на живом, конкретном материале «земельную политику» А. И. Безобразова, в основе которой находилось мелочное стяжание, стремление приобрести побольше рабочих рук для обслуживания разветвленного хозяйства. Как землевладелец-крепостник этот феодал использует разнообразные средства для округления своих владений и приобретения новых. Судебные тяжбы, уговоры служилой мелкоты, прямое насилие — все пускается в ход и приносит свои плоды. Вотчине он отдает явное предпочтение перед поместьем, что отвечало общим тенденциям развития земельной собственности в России того времени.

Следующее принципиальное наблюдение исследователя: Безобразов стремится внедриться в южные плодородные уезды страны, развертывая там хозяйство, переводя туда крестьян из замосковских владений. Земледельческое освоение вчерашнего «дикого поля» вовлекает в хозяйственный оборот новые территории, что способствует колонизации края. Кроме русских крестьян, здесь появляются инонациональные элементы из числа «литовского полона», заполученного Безобразовым для заселения южных имений. Использует вотчинник в этих целях и беглых крепостных, право на сыск которых получает от хозяев, отчаявшихся найти и вернуть беглецов. Энергичная, кипучая деятельность вотчинника в конечном счете имеет одну цель — извлечение наибольшего дохода, выжимание соков из крепостной деревни. Монография с поразительной ясностью показывает, что хозяин далек от мысли усовершенствовать производство сельскохозяйственных продуктов, действует преимущественно по старинке, перекладывая все тяготы на плечи крестьян и холопов. А. А. Новосельский отдает отчет в том, что его основной источник не может предоставить сколько-нибудь исчерпывающих данных о реальном состоянии крестьянской платежеспособности. Тем не менее письма вотчинника и приказчиков позволяют установить, что Безобразов ориентировался на барщинные повинности или их разновидность — «изделья». При этом уровень эксплуатации порой был настолько жестким, что ставил кре-

стьян на грань разорения. Вероятно, индивидуальные качества вотчинника — его скопидомство и скарденность, изощренные попытки увильнуть от долгов, стремление заполучить что-либо без всяких затрат — не способствовали развитию предпринимательства.

После исследования А. А. Новосельского существенно прояснилась картина управления вотчинным хозяйством, воссозданная автором весьма выразительно. Ученый показал, что Безобразов руководствовался определенными принципами во взаимоотношениях со своими приказчиками — управителями. Вотчинник держал все нити управления в своих руках, напрямую, без посредников общался с приказчиками, поощряя взаимный надзор и доноительство. В книге дано отчетливое представление о довольно широко поставленном письменном начале в деятельности вотчин — книги, памяти, росписи, «грамотки» и другие документы были обычным делом в практике управления.

Немаловажное значение в управленческой сфере имела своеобразная система знакомств, особенно в среде приказного люда. Управители Безобразова хорошо знали не только думных дьяков, но и самых мелких приказных служителей. Некоторые из людей Безобразова даже находились в родстве с подьячими. «Друзья» и «знакомцы» из приказного аппарата, получая от вотчинника соответствующую мзду, оказывали ему немалые услуги. По запросу Безобразова могли перевернуть приказной архив, дать юридическую консультацию, отредактировать челобитную и т. д.

Книга А. А. Новосельского погружает читателя в мир житейских хитросплетений Москвы XVII столетия, дает богатейший материал для понимания психологии соответствующей среды русского общества, что имеет значение, далеко выходящее за рамки исследования избранной темы.

Не ограничиваясь характеристикой деятельности Безобразова и его людей в столице, А. А. Новосельский рисует и низшее звено управления — деревенских и сельских приказчиков вотчинника, а также приоткрывает завесу над обликом крестьянской общины — «мира». А. А. Новосельский один из первых обратил внимание на характер взаимоотношений вотчинного управления и общины, а именно на то, что в последующей литературе стало квалифицироваться как общественный дуализм крестьянской общины. Интерес представляют и наблюдения автора относительно функционирования вотчинного суда с участием крестьянских старост и выборных от «мира», а также вывод А. А. Новосельского о вмешательстве вотчинной администрации в брачные отношения крепостной деревни, что особенно стало характерным в следующем столетии.

Богатство содержания монографии А. А. Новосельского далеко не исчерпывается очерченными выше сюжетами. Она свидетельствует помимо прочего о происходившем в стране хозяйственно-экономическом районировании, которое заставляло стольника Безобразова учитывать местные особенности владений. Современный читатель, несомненно, обратит внимание на те вопросы, которые ранее были как бы в тени. Это касается, например, состояния природной среды в различных зонах, где располагались владения стольника, — от Вологды до орловско-белевских мест на юге.

Автор книги весьма невысоко оценивает культурные запросы своего героя, но думается, он не совсем прав. Безобразов не был чужд благотворительности, когда строил каменные и деревянные церкви, старался их обеспечить хорошо выполненными иконами и книгами. В поле зрения хозяина находилось нотное пение, поиски учителей музыки, создание крепостного хора и оркестра. Примечательно разведение цветников с использованием заграничных видов растений. Пересыпанная бранными словами, переписка А. И. Безобразова воссоздает повседневный, бытовой лексикон эпохи, сочный, колоритный и яркий.

Выраженное в предисловии к монографии пожелание об издании архива А. И. Безобразова, к сожалению, по сию пору не осуществлено. Это тем более досадно, что в последние годы жизни А. А. Новосельский руководил подготовкой к печати материалов архива Безобразова. Ценнейший том источников остался в

рукописи и находится на хранении в архиве Института Российской истории Российской АН.

Книга «Вотчинник и его хозяйство» была самым значительным, но далеко не единственным научным трудом А. А. Новосельского в бытность его сотрудником Института истории РАН ИОН. Уже первая статья А. А. Новосельского «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в.» внесла новую струю в отечественную историографию⁴. Речь в ней шла о роли беглых в колонизации окраин России, об организации сыскных работ после введения крепостного права в стране. Общие выводы и конкретные наблюдения этого исследования без натяжки можно назвать этапными в развитии нашей науки. Ученый продемонстрировал, что могут быть небольшого объема исследования, которые стоят солидных томов, ибо пролагают новые пути познания прошлого. Вероятно, нет необходимости говорить о плодотворности этой работы А. А. Новосельского для последующих поколений отечественных историков. Десятки монографий, статей, посвященных разным регионам России, подтвердили правомерность и необходимость подобного исследовательского направления. Роль трудящихся масс в заселении, хозяйственном освоении, а также в защите новых территорий предстала достаточно убедительно и красноречиво.

В те же годы А. А. Новосельский наметил еще одну важнейшую проблему, нуждающуюся в специальном изучении. Его работа «Правящие группы в служилом «городе» XVII в.»⁵ осветила малоизвестную грань истории дворянского сословия. Корпоративные объединения провинциальных служилых людей («город»), как показал ученый, были примечательной чертой организации дворянства XVII столетия. Одновременно была выявлена тенденция к постепенному подрыву этой формы дворянских объединений в изменяющихся исторических условиях. Переход к регулярной армии означал конец служилого «города» как сословной организации дворянства.

Продолжая тему истории дворянства, А. А. Новосельский опубликовал работу о взаимоотношениях феодального класса с верховной властью второй половины XVII в.⁶ В научный оборот было введено до полутора десятков ранее неизвестных источников — коллективных дворянских челобитных, которые служили серьезным средством давления на правительство в интересах господствующего сословия.

Научные труды А. А. Новосельского 20-х гг. по существу определили исследовательские интересы ученого и в последующее время.

Помимо авторской работы А. А. Новосельский выполнял в те годы и организационные обязанности, будучи ученым секретарем секции русской истории. По воспоминаниям Л. В. Черепнина, А. А. Новосельский чрезвычайно добросовестно относился к своим обязанностям, в число которых входило и ведение протоколов заседаний секции. Протоколы прочитывались и утверждались на заседаниях сотрудников, неизменно получая высокую оценку участников. В частности, в воспоминаниях приведен лестный отзыв М. К. Любавского, который называл этот материал прекрасным источником для будущего историка исторической науки⁷. Как известно, подобная практика существовала в дореволюционных научных обществах, в частности в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

В Институте истории РАН ИОН А. А. Новосельский работал с 1922 по 1929 г. Одновременно он продолжал состоять в ведомстве ЦАУ СССР (Древлехранилище). Будучи прекрасным знатоком архивных материалов, Алексей Андреевич участвовал в подготовке к печати документальных сборников. Совместно со своим учителем А. И. Яковлевым он редактировал тома 3—5 «Памятников истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.» (М., 1925).

Рубеж 20—30-х гг. для многих историков-профессионалов оказался весьма тяжелым. Были закрыты институты РАН ИОН, преобразована Академия наук, историческая наука как таковая практически перестала существовать. Кадры ученых «с дореволюционным стажем» очутились в лучшем случае не у дел, если

не в ссылке. А. А. Новосельский не был репрессирован, однако его научная деятельность с той поры не отвечала ни интересам, ни творческим возможностям ученого. В 30-е — начале 40-х гг. он работал в Академии истории материальной культуры (Московское отделение), Государственном Историческом музее, но главным образом в ГБЛ (1930—1935) и в Музее антропологии при МГУ (1935—1942). Показателен тот факт, что только в 1938 г., после почти десятилетнего перерыва, появилась в печати его новая исследовательская работа на страницах недавно учрежденного академического издания под эгидой Института истории АН СССР⁸. Вместе с тем это свидетельствовало о том, что годы безвременья не прошли даром. В том же году исторический факультет МГУ присвоил А. А. Новосельскому ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

С педагогической деятельностью А. А. Новосельский был связан в течение многих лет. В 30-е гг. Алексей Андреевич преподавал в Тверском и Московском педагогических институтах. Накануне Великой Отечественной войны он вел занятия со студентами в МИФЛИ. С 1943 г. началась его педагогическая служба в Московском историко-архивном институте. А. А. Новосельский читал лекции, вел семинарские занятия по истории СССР до XIX в., последовательно занимая должности доцента, профессора и заведующего кафедрой. Без малого полтора десятилетия он был связан с МГИАИ, способствуя творческому росту студенческой молодежи, успешно руководя аспирантами. Автору этих строк посчастливилось слушать лекции профессора Новосельского. Лектор, неизменно спокойный и уравновешенный, не стремился к внешним эффектам, не искал популярности, не подлаживался к слушателям. Четкое, логичное построение лекций, ясный и простой стиль изложения позволяли всем желающим, не слишком утомляясь, вести записи услышанного. Как мне помнится, А. А. Новосельскому особенно удавались обзорные лекции по курсу, которые он читал накануне государственных экзаменов. Это был высший уровень синтеза обширного и сложного материала. В первых числах июля 1949 г. А. А. Новосельский присутствовал на выпускном вечере нашего курса. Едва ли не впервые я встретил его в непринужденной обстановке. И был приятно удивлен, когда всегда серьезный профессор весело рассмеялся на какую-то мою шутку. Его смех был таким непосредственным и полным обаяния, что сразу раскрывал его душевную суть. Позже, будучи аспирантом Алексея Андреевича, я оценил его подход к воспитанию молодых ученых: сочетание доброжелательного внимания с требовательностью, прямотой суждений. Одоблив мою кандидатскую диссертацию, Новосельский вместе с тем заметил: «Немного растянута». Такого греха я за собой не ведал, но на всю последующую жизнь взял за правило стремиться к лаконичному изложению. Работы самого Алексея Андреевича в этом отношении показывали добрый пример. Он не любил многословия на заседаниях и вежливо, но твердо останавливал излишне велеглаголивых ораторов, иногда повторяя: «Стиль — это человек».

Военные годы А. А. Новосельский безвыездно оставался в Москве. Его деятельность в ту тяжкую пору была отмечена медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В 1942 г. А. А. Новосельский стал докторантом Института истории АН СССР. Тема его докторской диссертации «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» органически выросла из предыдущих исследовательских занятий. К тому времени ученый основательно разработал проблемы колонизации южных окраин России XVII столетия, в равной мере владел историческим материалом как о крестьянстве, так и о дворянстве этих регионов, представлял себе и контуры правительственной политики. Но автор будущего исследования хорошо понимал, что невозможно обойтись без изучения внешнеполитического аспекта. Ведь в течение XVII в. происходил трудный процесс продвижения русского населения в степные пространства «дикого поля», где неизбежно было столкновение с крымскими ордами, чьи разорительные походы против мирных жителей колонизируемой окраины создавали постоянное напряжение в русско-

крымских отношениях. А. А. Новосельский существенно расширил круг изучаемых им проблем, связав воедино хозяйственно-экономическую и политическую (прежде всего внешнеполитическую) тематику. В 1945—1947 гг. он публикует серию работ, в которых рассмотрены конкретно-исторические и источниковедческие вопросы, связанные с докторской диссертацией. Среди них — исследования о беглых крестьянах юга России, скрупулезный анализ весьма ценного источника, фиксировавшего возврат обнаруженных беглых их вчерашним владельцам. Особое место отводилось освещению деятельности Земского собора 1639 г., о котором до Новосельского почти ничего не было известно. Этот блестящий исследовательский этюд как нельзя лучше раскрыл творческую манеру автора⁹.

17 июня 1946 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР А. А. Новосельский с блеском защитил докторскую диссертацию. Официальные оппоненты С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский и В. И. Пичета дали высокую оценку выполненному исследованию. А вскоре научная общественность получила фундаментальную монографию А. А. Новосельского, с большим интересом и одобрением встреченную в печати¹⁰.

В замыслы историка входило изучение проблемы на протяжении всего XVII в., но осуществить их в полной мере ему не удалось, помешала смерть. Однако разделы монографии, посвященные русско-крымским отношениям второй половины XVII столетия, имеются в архиве ученого, они подготовлены к изданию сотрудниками Архива Российской Академии наук, учениками А. А. Новосельского.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что труд А. А. Новосельского выдержал испытание временем. Он по-прежнему в активе науки, так как его автор столь глубоко и разносторонне разработал тему, что к выводам, наблюдениям и материалам монографии ученые прибегают и поныне. Вполне оправдываются слова Алексея Андреевича о том, что его труд «не заржавеет»¹¹. Всего один пример в этом плане. Опубликованная спустя 40 лет после упомянутой монографии книга Г. А. Санина подтвердила основные выводы А. А. Новосельского¹². Примечательная черта исследования А. А. Новосельского — объективно-научный подход к изучаемым проблемам, политически-конъюнктурные моменты по сути дела не отразились на содержании работы. Огромный и в большинстве своем впервые введенный в научный оборот фактический материал монографии, умело организованный, проанализированный и обобщенный, осветил сложнейшие вопросы русско-крымских, русско-ногайских и в известной мере русско-турецких отношений второй половины XVI — середины XVII в. Детально прослежены все перипетии военных, политических и дипломатических отношений между Россией и Крымским ханством. Исследователь определил периоды особого обострения отношений, влекших за собой разорительные для Руси походы крымских войск, пленение и гибель людей, уничтожение населенных пунктов, грабеж имущества. В монографии приведены цифры ущерба, нанесенного России за первую половину XVII в. татарскими набегами (численность «полона», расходы на различные выплаты крымским правителям и т. д.). Отмечены и времена относительного затишья на южных рубежах, положительно сказавшиеся на колонизационных процессах в этих краях. Благодаря широкому взгляду на тему автор смог убедительно показать влияние международной обстановки на внешнюю политику России в этом регионе. Конкретное рассмотрение хода многочисленных переговоров, запечатленных в статейных списках послов и в других источниках, вскрыло чрезвычайную сложность проблем и конфликтов между сторонами. Регулярно выплачиваемые Крыму «поминки» воспринимались там на правах прежнего «выхода» (дани), которую давали в свое время ордынским правителям московские государи. Иными словами, Московская Русь как бы оказывалась зависимой от ханства. Русские дипломаты, руководствуясь правительственными инструкциями, решительно и последовательно отвергали подобную интерпретацию, доказывая независимое, суверенное положение России в тогдашнем мире. Кажущаяся несоразмерность людских и материальных возможностей России, с одной стороны, и Крымского ханства — с другой — нередко ставила историков пе-

ред сакраментальным вопросом: почему так было, почему огромная страна не могла справиться с небольшим государством? В известной мере ответ дает книга А. А. Новосельского, где выявлены факторы внутреннего и внешнего порядка, объясняющие сложившуюся обстановку.

Большой заслугой исследователя признается обстоятельная картина правительственной оборонительной политики, результатом которой явилось строительство Белгородской засечной черты. Эта мера оказалась в достаточной степени эффективной. Укрепления Белгородской линии обеспечили безопасность южных районов, существенно оградив их население от ханских набегов. Согласно наблюдениям Новосельского, именно такая стратегия борьбы за безопасность южных рубежей государства показала свои преимущества перед попытками Польши сдерживать натиск крымцев на Правобережную Украину путем отдельных военных экспедиций в глубь степей. Даже их победный исход не мог предотвратить повторения набегов.

Весьма важное значение приобрел вывод Новосельского о побудительных мотивах, приведших крымские орды к активным действиям против своих соседей в расчете на захват «полона» и добычи. Довольно низкий уровень производительных сил, застойность общественных отношений, усиление феодальной верхушки, заинтересованной в сохранении постоянного военного напряжения — все это приводило к превращению военных походов на соседей в своеобразный источник получения средств к жизни для одних и обогащения для других. Автор отметил и такое явление, как насильственные меры со стороны крымской верхушки, направленные на сколачивание из рядовых татар вооруженных отрядов, предназначенных для захватнических походов.

Как известно, Крымское ханство являлось вассалом Турции. Данный факт в должной мере был учтен в работе Новосельского. Его выводы стали несколько неожиданными: роль Стамбула в определении внешнеполитической линии Крымского ханства далеко не всегда была жестко детерминирована. Ученый привел на сей счет достаточно убедительную аргументацию, но, будучи верен взвешенному подходу к изучаемым вопросам, допускал возможность (и необходимость) продолжения исследования этой темы. Тем не менее свою позицию он отстаивал и в рецензии на труд Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» (Т. I—II. М., 1946) и выразил несогласие с одним из основных тезисов своего коллеги¹³.

Одновременно с монографией Новосельский опубликовал чрезвычайно важный источник, характеризующий распределение земельных владений и крестьян между верхними слоями светских и духовных феодалов по данным переписных книг 1678 г. Для понимания сложнейшей проблемы крепостного права много дала работа ученого об «урочных летах»¹⁴.

В первые послевоенные годы А. А. Новосельский, оставаясь профессором Историко-архивного института, стал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1950 г., после кончины С. В. Бахрушина, он был назначен заведующим сектором истории СССР до XIX в., а в 1951 г. — заместителем директора института. Однако обязанности заместителя директора Алексей Андреевич выполнял недолго — до 1953 г. Отстранение от должности было связано с переменами в руководстве института, вызванными болезнью и смертью директора Б. Д. Грекова. По-видимому, одной из причин отставки стали такие личные качества ученого, как независимость, неприятие чиновничества, щепетильность в вопросах чести. Можно себе представить, сколь не простой была отставка для Алексея Андреевича, но ничто в его отношениях к людям и в повседневном общении не говорило о его внутренних переживаниях. По-прежнему ровный, спокойный, доброжелательный, он принял назначение на должность заведующего новым сектором публикации источников (позже название сектора изменилось). В этой должности А. А. Новосельский проработал 10 лет, вплоть до ухода на пенсию. Возглавленный им коллектив трудился дружно и плодотворно. Прирожденный источниковед, опытный археограф, Алексей Андреевич развернул широкомасштабную деятельность в столь знакомой ему области. Но прежде чем оха-

рактизовать эту сторону творческой биографии ученого, необходимо сказать о его активной роли в подготовке обобщающих коллективных трудов Института истории АН СССР.

Три важнейших объекта стали сферой приложения усилий талантливого ученого в конце 40-х и в 50-х гг. В ознаменование 800-летнего юбилея Москвы институт выпустил шеститомное издание по истории столицы. Среди авторов и редакторов первого тома, увидевшего свет в 1952 г., был А. А. Новосельский. Его перу принадлежат разделы, посвященные Москве в годы интервенции начала XVII в. и восстанию 1648 г. (в соавторстве с С. В. Бахрушиным). Особенно велик его вклад в подготовку и издание тома «Очерков истории СССР», посвященного XVII в. (М., 1955). В тесном сотрудничестве с Н. В. Устюговым, также редактором и автором был создан серьезный исследовательский труд, обобщивший все лучшее, что имелось в отечественной историографии к началу 50-х гг. А. А. Новосельский выполнил для этого издания огромную работу, которая выразилась в многочисленных авторских текстах. Организующее начало и направление исследования отдельных проблем в томе определяло емкое и четкое общее введение, а также введения к разделам о классовой борьбе, внутренней политике, внешней политике, истории народов. Кроме того, ученый написал для «Очерков» главы и параграфы о сельском хозяйстве, феодальном землевладении, о боярстве, дворянстве и церкви, о крестьянах и холопах. Он являлся автором текстов о городских восстаниях середины XVII в. и Земском соборе 1648—1649 гг., о Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина. И это далеко не все. Новосельский — автор разделов о международном положении Русского государства в 20—30-х гг. XVII в. и Смоленской войне, а также о сношениях России со странами Азии. Был написан текст о начале формирования русской нации. В общей сложности А. А. Новосельскому в этом издании индивидуально или в соавторстве принадлежит более 200 большеформатных страниц, т. е. целая книга. Имя ученого встречаем в составе главной редколлегии серии «Очерков истории СССР».

В 1956 г. под грифом МГУ и Института истории АН СССР вышел новый учебник «История СССР (с древнейших времен до 1861 г.)» для истфаков вузов под редакцией группы ученых, включая А. А. Новосельского. Издание должно было заменить учебник предыдущей поры, написанный еще накануне Великой Отечественной войны. Новое пособие было заметным шагом вперед по пути совершенствования учебных книг по отечественной истории, предназначенных для студентов исторических факультетов. Главы, посвященные XVII столетию, в этом учебнике преимущественно написал А. А. Новосельский. Второе издание книги вышло в 1964 г.

Продолжая затронутую уже тему о деятельности А. А. Новосельского в области источниковедения, археографии, вспомогательных исторических дисциплин, необходимо подчеркнуть ее размах и высокую результативность. Новосельский стоял у истоков интересных начинаний, возрождал и поддерживал некогда прерванные издания.

На этом фоне вполне естественными выглядят статьи и доклады А. А. Новосельского, подводящие итоги разработки проблем публикации документов и источниковедения, намечающие пути дальнейших исследований. В этом цикле работ ученого — доклад (совместно с В. И. Шунковым) для X Международного конгресса историков в Риме, обзор публикаторской деятельности в нашей стране к 40-летию Октября, напечатанный в только что тогда открытом журнале «История СССР». Состояние разработки вспомогательных исторических дисциплин ученый рассмотрел на страницах архивоведческого органа¹⁵. По инициативе А. А. Новосельского возобновился документальный сборник «Исторический архив». Он входил в редколлегию ряда томов этого издания. Опять-таки при активном его участии возродилась публикация сборников «Проблемы источниковедения» (Алексей Андреевич возглавил редколлегию IV—XI томов). Источниковедческие исследования, помещенные в этих сборниках, утвердили права данного жанра,

способствовали повышению интереса к соответствующей проблематике, который приобрел с тех пор, можно надеяться, необратимый характер.

Преодолевая препятствия со стороны бюрократов от науки, А. А. Новосельский с настойчивостью и энергией добивался публикации документов. Так, после закрытия серии сборников «Исторический архив» Алексей Андреевич сумел наладить издание «Материалов по истории СССР», которые по существу продолжали прекращенную работу под иным названием (в 1955—1959 гг. вышло 6 томов).

На поприще публикации источников до последних дней жизни А. А. Новосельский играл виднейшую роль. Под его руководством были разработаны нормативные археографические документы — «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1955; изд. 2. М., 1956). Авторитетное мнение ученого учитывалось практически во всех изданиях, к которым он был причастен. Под редакцией и с предисловием А. А. Новосельского увидел свет сборник документов о Крестьянской войне под предводительством Разина¹⁶. Столь исчерпывающего фонда источников по этой теме, ставшего доступным всем заинтересованным исследователям и любителям отечественной истории, наука еще не знала. Значение сборника далеко выходит за рамки собственно событий движения Разина, раскрывая все многообразие исторических условий в России конца 60-х — начала 70-х гг. XVII в. Заботясь о том, чтобы историки имели под руками необходимый справочный материал — в виде научных описаний архивных фондов — А. А. Новосельский выступил ответственным редактором тома описи столбцов хорошо ему знакомого фонда Разрядного приказа (ЦГАДА)¹⁷.

Алексей Андреевич подготовил для публикации материалы дворянских коллективных челобитных второй половины XVII в., напечатанные уже после его кончины¹⁸. Обнаруженные в свое время Новосельским уникальные документы Земского собора 1639 г. опубликовал В. Н. Шумилов.¹⁹ Возглавляемый Новосельским сектор участвовал в публикации трехтомного документального сборника «Воссоединение Украины с Россией» (М., 1953). Ученый входил в состав редколлегии международного сборника источников об исторических связях народов нашей страны и Румынии²⁰. В 1963 г. вышел третий, заключительный том академического издания «Правды Русской». А. А. Новосельский составил для издания палеографические описания рукописей, будучи также ответственным редактором книги. Тогда же появился из печати под его редакцией ценный справочник А. А. Гераклитова «Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения». Ныне хорошо известна специалистам серия «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Начало ей было положено в 1960 г., когда вышел первый том с участием Новосельского в качестве члена редакционной коллегии.

Ученый сотрудничал и в документальных изданиях, казалось бы, далеких от его исследовательских интересов. Его приглашали как эрудированного историка, имеющего огромный опыт археографической работы. Поэтому его деятельность в редакционных коллегиях таких изданий была далеко не формальной. Припоминаю такой факт. Алексей Андреевич вернулся с весьма ответственного заседания, на котором обсуждался вопрос о публикации переписки И. В. Сталина с руководителями стран антигитлеровской коалиции. Не вдаваясь в подробности, он поделился своими свежими впечатлениями, из которых явствовало, что на совещании Алексей Андреевич твердо отстаивал принцип полноты публикации документов. Позже не без удовлетворения я увидел его фамилию в числе членов редакционной коллегии этого важного издания²¹. Не приходится удивляться и тому, что его имя значится в таких многотомных публикациях источников, как «Документы внешней политики СССР» (т. 1—4. М., 1957), «Декреты Советской власти» (т. 1—3. М., 1957—1964), «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы» (М., 1955—1965) и др. А ведь кроме того Новосельский много лет был председателем Ученого совета, являлся членом редколлегии «Исторических записок» — органа, в котором он не раз выступал в качестве автора,

ответственного редактора индивидуальных монографических исследований своих коллег и учеников.

Столь большая загрузка научно-организационной работой не могла не сказаться на личных творческих планах ученого в последние годы его жизни. Тем не менее он регулярно посещал ЦГАДА, особенно после 1963 г., уже будучи на пенсии, когда собирал материал для второго тома монографии о борьбе с Крымским ханством. Служебная деятельность Новосельского началась в архиве, с ним он был связан всю жизнь. Незадолго до кончины Алексей Андреевич выступил на заседании Научного совета ЦГАДА с призывом к ученым не отрываться от базы архивных источников, без которых нет настоящего историка²². Оставаясь неизменно требовательным к себе, он не спешил с публикациями своих изысканий. Он с тщанием отрабатывает некоторые грани проблем, давно находившихся в поле его исследовательского внимания. Так, в 1961 г. появляются в печати его работы, исследующие положение дворцовых крестьян в южном регионе и распад организации местного дворянства — служилого «города», а также источниковедческие вопросы статейных списков русских посольств в Крым²³.

Вклад А. А. Новосельского в отечественную историческую науку ценен тем, что его идеи, подходы к разрешению сложных и актуальных проблем прошлого выдержали строгую проверку временем. Немало изменилось в сфере исторических исследований, но труды ученого и поныне служат примером фундаментальных разработок, на них опираются новые поколения исследователей. Им не грозит ни забвение, ни старение. Это понимали его современники, посвящая Алексею Андреевичу сборники исследовательских статей, что для ученых, не имевших академических званий, всегда было редким явлением. Первый сборник вышел из печати к 70-летию А. А. Новосельского, второй — спустя восемь лет после его кончины²⁴. В юбилейном сборнике содержательную статью о нем опубликовал Н. В. Устюгов. В мемориальном сборнике характеристику основных направлений деятельности ученого дал Н. И. Павленко. Здесь же впервые увидели свет теплые воспоминания Л. В. Черепнина. Наиболее полный список опубликованных работ А. А. Новосельского сопровождает статью-некролог С. М. Троицкого в «Исторических записках»²⁵.

В 1975 г. вышел в свет первый том капитального издания источников «Акты Русского государства. 1505—1526 гг.». Это — тоже своеобразный памятник А. А. Новосельскому. В траурной рамке на контртитule значилось его имя в качестве соредатора книги. Некогда С. Б. Веселовский готовил к изданию документы архива Троице-Сергиева монастыря, но дело застопорилось. А. А. Новосельский проявил инициативу продолжить работу и довести ее до печатного станка. Сейчас очередные тома серии ждут публикации.

Сегодня, вспоминая светлый облик, доброе имя и большие дела выдающегося русского ученого-историка, отметим его бескорыстное служение на избранном поприще. Знавшие Алексея Андреевича глубоко уважали его, а ученики любили.

Примечания

¹ Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 4. 1929. С. 222.

² Историк-марксист. Т. 13. 1929. С. 248.

³ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. Кн. I. С. 5—49; Кн. II. С. 465—514; Арсеньев Ю. В. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкою вотчиной (1650—1684). М., 1902; Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. Кроме того, имела работа, посвященная небогатому служилому человеку В. А. Даудову, но она прошла почти не замеченной в историографии, хотя ее можно считать до некоторой степени предшественницей монографии А. А. Новосельского (Селифонтов Н. Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. СПб., 1871).

⁴ Труды Института истории РАН ИОН. Вып. 1. 1926. С. 325—354.

⁵ Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 5. 1928. С. 315—335.

⁶ Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобития по вопросам межевания и опи- сания земель в 80-х гг. XVII в. // Ученые записки Института истории РАНИИОН. Т. 4. 1929. С. 103—108.

⁷ Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 230.

⁸ Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. Т. 4. 1938. С. 21—40.

⁹ Егоров Е. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государ- ства в первой половине XVII в. // Там же. Т. 16. 1945. С. 58—64; егоров Е. Отданные книги бег- лых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды Историко-архи- вного института. Т. 2. 1946. С. 127—152; егоров Е. Земский собор 1639 года. // Исторические запи- ски. Т. 24. 1947. С. 14—29.

¹⁰ Егоров Е. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 442 с. Рецензии: Вопросы истории. 1950. № 1 [К. В. Базилевич]; Новый мир. 1949. № 3 [К. В. Базилевич]; Известия АН СССР. Сер. истор. и филос. 1949. № 3 [Б. Б. Кафенгауз]; Совет- ская книга. 1949. № 5 [Е. Н. Кушева]; Уч. зап. Ленинградского ун-та. Сер. востоковед. наук. 1952. № 3 [И. П. Петрушевский]; Przegląd historyczny. 1952. R. 42. [В. Чапинский]; Historische Zeitschrift. 1955. Bd. 180. № 1 [Г. Яблоновский].

¹¹ См.: Павленко Н. И. О научном наследии А. А. Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 12.

¹² См.: Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII ве- ка. М., 1987. Работы Г. Н. Айплатова, В. М. Важинского, В. П. Загоровского, А. Г. Манькова, Л. Г. Заничевой (Дубинской) и др. авторов также продолжили изыскания А. А. Новосельского.

¹³ Вопросы истории. 1948. № 2. С. 131—138.

¹⁴ Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находящихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. 4. 1949. С. 88—149; егоров Е. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1952. С. 178—183.

¹⁵ Новосельский А. А., Шунков В. И. Издание исторических источников в СССР. // Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956. С. 56—78. См. также: их же. Издание исторических источников в СССР. // Исторический архив. 1956. № 2. С. 192—204; Новосельский А. А., Кондратьев В. А. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. // История СССР. 1958. № 3. С. 204—219; их же. О развитии вспомогательных исторических дисциплин // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 21—33.

¹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов / Сост. Е. А. Швецова. Т. 1—3. М., 1954—1962.

¹⁷ Разрядный приказ (начало XVI в.—1711 г.). Опись столбцов дополнительного отдела архивно- фонда. М., 1954.

¹⁸ Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв. С. 303—343.

¹⁹ Там же. С. 293—302.

²⁰ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Т. 1—3. М., 1965—1969.

²¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министра- ми Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 1—2. М., 1957.

²² См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 228.

²³ Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в Рос- сии. М., 1961. С. 65—80; егоров Е. Распад землевладения служилого «города» в XVII веке (по десят- ням) // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 231—253; егоров Е. Разновидность крымских стáтейных списков XVII века и приемы их составления // Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1961. С. 182—194.

²⁴ Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в Рос- сии. М., 1961; Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII в.

²⁵ Троицкий С. М. Памяти А. А. Новосельского (1891—1967) // Исторические записки. Т. 81. 1968. С. 278—286.

© 1992 г.

Л. Г. КИСЛЯГИНА *

А. Д. ГОРСКИЙ — УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Анатолий Дмитриевич Горский (1923—1988) относится к тому поколению советских историков, которые прежде чем сесть на студенческую скамью «прошагали пол-Европы, пол-Земли...». Участник Великой Отечественной войны, А. Д. Горский закончил ее в Берлине.

Вернувшись в Москву, он поступил на исторический факультет Московского университета, окончил его с отличием и был принят в аспирантуру по кафедре истории СССР периода феодализма. В 1958 г. защитил кандидатскую, а в 1973 г. — докторскую диссертацию. С 1956 г. Горский преподавал на историческом факультете, был ассистентом, доцентом, профессором, заведующим кафедрой истории СССР периода феодализма. За этими скупыми данными — большая творческая жизнь педагога и ученого-историка, влюбленного в свою профессию.

Выходец из семьи старой русской интеллигенции (родители были учителями, трудившимися на просвещенческой ниве), А. Д. Горский в 1947 г. поступил на исторический факультет, размещавшийся тогда на улицах Герцена и Моховой. В 1949 г. он записался в семинар к Л. В. Черепнину, и это обстоятельство определило его научную судьбу. Черепнин стал его учителем, старшим другом, любовью и уважением к которому ученик сохранил до конца своих дней. В спецсеминаре Черепнина обозначился круг его научных интересов — история русского крестьянства в XI—XVI вв. В этом семинаре Горский сформировался как ученый.

Выдающийся советский историк и прекрасный педагог, Л. В. Черепнин прививал своим ученикам те качества исследователя, которыми обладал сам. А. Д. Горский был его достойным продолжателем. По Черепнину он сверял свои работы, высоко оценивая методы и принципы научных исследований учителя. Впоследствии он писал: «Среди этих методов и принципов такие, как требование исчерпывающего (а не выборочного) привлечения и учета при решении того или иного вопроса всех источников, всех известий, имеющих к нему отношение... требование при анализе содержания какого-либо источника выяснить причины и цели его создания, учитывать конкретно-историческую обстановку времени его появления, выяснять значение... источников как в период их написания, в период их первоначального действия, так и цели использования их в более позднее время»¹. Уже после смерти Л. В. Черепнина, обращаясь иной раз к очередному историческому сюжету, Анатолий Дмитриевич не раз с восхищением говорил: «Думал, я первый об этом скажу, а посмотрел у Льва Владимировича, оказывается, он об этом не только знал, но и написал».

Во второй половине 40-х и в 50-х гг. в советской исторической науке стала одной из ведущих проблема образования Русского централизованного государства. Прошедшая в 1946 г. дискуссия показала настоятельную необходимость глубокого ее исследования на конкретном историческом материале. В числе прочего выявилась необходимость изучения производительных сил в сельском хозяйстве и специфики аграрных отношений в различных частях Руси. Л. В. Черепнин принял самое активное участие в разработке широкого круга вопросов, связанных с образованием единого государства, начав с подготовки к печати актового материала XIV — начала XVI в., в результате чего была значительно расширена источниковая база исследований². Одновременно Л. В. Черепнин работал над

* Кислягина Лоя Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. периода феодализма исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

фундаментальным трудом «Образование Русского централизованного государства», заложившим серьезную научную основу для последующего изучения процесса складывания единой государственной территории и политической централизации. К разработке этой проблемы Черепнин подключил и своих учеников.

А. Д. Горского привлекла сложная и малоисследованная тема об экономическом положении крестьян в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. Кандидатская диссертация, изданная затем как монография «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.», увидела свет в 1960 г., одновременно с книгой Л. В. Черепнина. В работе А. Д. Горского исследовался тот аспект проблемы, который у Л. В. Черепнина специально не рассматривался. «Я не ставлю задачей дать всестороннюю характеристику сельского хозяйства Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., — писал Л. В. Черепнин. — Это достаточно детально сделано А. Д. Горским»³. Именно Горским вопрос впервые был исследован монографически, хотя его в той или иной степени затрагивали и другие ученые (П. Н. Третьяков, С. Б. Веселовский, В. П. Левашова, В. А. Мальм и др.). Внимание автора в монографии сосредоточено на трех важных для характеристики экономического положения крестьян вопросах: их хозяйственной деятельности, на крестьянском землевладении и на повинностях крестьян. В основу исследования были положены все известные к тому времени виды источников, включая археологический и изобразительный материал. Ученым была проделана сложнейшая работа, если учесть неразработанность темы, особенности письменных источников того времени, их территориальную и хронологическую разобщенность, крайнюю скудость и фрагментарность содержащихся в них сведений по исследуемым вопросам. Проведенный с присущей А. Д. Горскому как исследователю скрупулезностью анализ источников позволил показать со всей полнотой роль русского крестьянства в развитии земледелия, скотоводства, бортничества, охоты, промыслов и торговли. Впервые в исторической литературе так обстоятельно рассмотрены все виды производственной деятельности крестьян. В частности, выявлен набор сельскохозяйственных культур, не только зерновых, но и огородных, садовых, раскрыты системы земледелия, характер севооборотов, особенности землепользования.

Прогрессивное развитие производительных сил в сельском хозяйстве Руси XIV—XV вв. при характерном для феодализма рутинном состоянии техники обеспечивалось благодаря опыту и трудовым навыкам крестьянства, которое нашло силы и возможности не только восстановить разрушенное ордынскими набегами народное хозяйство, но и увеличить фонд пахотных земель, усовершенствовать системы земледелия и орудия труда. Принципиально важным был вывод о распространении с XIV в. и постепенном увеличении в земледелии удельного веса паровой системы с трехпольным севооборотом⁴. Развитие трехполья А. Д. Горский связывал с распространением двузубой сохи как более производительного орудия труда, постепенно вытеснявшего многозубые сохи и однозубые рала. Документированное выяснение всех сфер деятельности русского крестьянина позволило А. Д. Горскому охарактеризовать его «как весьма многостороннего работника, обладающего суммой трудовых навыков в самых различных отраслях производства»⁵.

В монографии рассмотрен бывший уже тогда дискуссионным вопрос о характере землевладения черных крестьян. А. Д. Горский заявил о себе как о стороннике той точки зрения в науке, согласно которой черный крестьянин рассматривался как владелец, а не собственник земли. Анализ актов о материале, содержащего упоминания о черных землях и черных крестьянах, позволил Горскому аргументировать свою точку зрения, показав, что в правовом отношении принципиальных различий между землевладением черных и владельческих крестьян в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси не было. Земля и фактически, и юридически находилась в собственности либо частных феодалов, либо феодального государства.

Процесс присвоения земли феодалами в исследуемое время ученый не считал

завершенным и потому не исключал возможности существования свободной собственности крестьян или крестьянских общин. «Но такое положение,— подчеркивал он,— было в XIV—XV вв. исключением, притом исключением временного характера, а не нормой. Нормой же в это время на основной территории Северо-Восточной Руси была феодальная собственность на землю (собственность отдельных феодалов или феодального государства)»⁶. И даже черная община, отмечал он, «как правило уже не является собственником земли»⁷. Важнейшим обоснованием этого тезиса для А. Д. Горского был выявленный им длиннейший перечень разнообразнейших повинностей черных крестьян в пользу государства, явно не укладывавшихся в понятие обычного налога и по сути являвшихся феодальной рентой. Именно отсутствие земли в собственности у крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. и определяло их положение как эксплуатируемого класса общества⁸.

Право собственности феодалов на землю реализовывалось путем взимания феодальной ренты с крестьянства. А. Д. Горским раскрыты формы ренты и их конкретное содержание. Ученым определены государственные, вотчинные, мирские повинности (около 200 наименований), отмечены специфические особенности феодальных повинностей в различных уездах, выявлено наличие всех трех форм ренты. «Отныне,— отметил в своей рецензии на книгу А. А. Зимин,— ни один исследователь не сможет пройти мимо этих наблюдений автора»⁹.

Вывод о наличии в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси трех форм ренты вносил значительные коррективы в существовавшие в исторической науке представления. Б. Д. Греков и ряд других ученых считали, что господствующими тогда были натуральные формы ренты. Оговорив свое осторожное отношение к роли полевой барщины, А. Д. Горский поддержал мнение А. П. Пьянкова об одновременном существовании барщинных повинностей и натуральных оброков¹⁰ и пошел дальше, доказав, что натуральная и отработочная формы ренты были характерны для вотчин, а в государственных повинностях превалировали денежные и отработочные (А. Д. Горский не исключал денежных платежей и в вотчинах). В конце XV в., по его наблюдениям, наряду с ростом повинностей крестьян в целом происходило «увеличение удельного веса денежных платежей в общем комплексе... государственных повинностей»¹¹.

Обобщенный в монографии конкретный материал, выводы и наблюдения автора создали существенные предпосылки для дальнейшего изучения процесса образования единого Российского государства в сфере аграрных отношений. Книга, как видим, выходила на ряд дискуссионных и малоисследованных в советской историографии вопросов и, естественно, сразу же привлекла внимание специалистов. Не со всеми выводами автора согласились, но и сам А. Д. Горский, видимо, не считал свою работу над темой законченной. Всю последующую творческую жизнь он продолжал заниматься изучением хозяйственной деятельности крестьянства и его экономического положения, расширяя хронологические рамки — от VII до XVII в. Результаты этих исследований были изложены им в ряде статей, а также в «Очерках русской культуры» и во втором томе «Истории крестьянства в СССР»¹².

А. Д. Горский одним из первых обратился к берестяным грамотам как к историческому источнику, подчеркнув их значимость для изучения истории земледелия в Новгородской земле. Он показал, что берестяные грамоты позволяют не только выявить весь набор сельскохозяйственных культур, распространенных в Новгородской земле, но и судить о системах земледелия, об основных земледельческих орудиях, рабочем скоте и этапах земледельческих работ. Берестяные грамоты, писал А. Д. Горский, «позволяют проверить справедливость различных наблюдений по истории Древней Руси, основанных на изучении других видов письменных источников, а также археологических материалов»¹³.

Особенно интересовали ученого пахотные орудия. Им были изучены все археологические находки пахотных орудий (он сам делал обмеры сошников), все известные изображения земледельческих орудий и земледельческого труда крестьян в древнерусских миниатюрах, введены в научный оборот ранее неизвест-

ные миниатюры с изображением пахоты. Все это позволило сделать ряд важных наблюдений, касающихся совершенствования орудий крестьянского труда, в частности, выявить постепенный, но довольно определенный рост размеров сошников (от 20 см в VII—X вв. до 30—40 см в XIV—XVI вв.), что, по мнению ученого, было обусловлено потребностями развивающегося земледелия. А. Д. Горский снова подтвердил свой вывод о переходе Северо-Восточной Руси в XIII — начале XIV в. к двузубой сохе — более удобному, универсальному и производительному орудью, чем многозубая соха, что говорило о «значительном прогрессе в земледелии изучаемого времени»¹⁴.

Интерес к экономическому положению русского крестьянства неизбежно ставил перед исследователем вопрос о свободе крестьянских переходов. В XV в. свобода крестьянских «отказов» стала ограничиваться Юрьевым днем. Известные науке 8 княжеских и великокняжеских грамот о крестьянских «отказах» (2 — белозерского князя Михаила Андреевича, 1 — Василия II, 3 — Ивана III и 2 — вологодского князя Андрея Васильевича) специально не изучались. На них и обратил внимание А. Д. Горский. Результаты работы он изложил в докладе на 6-й сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории России. Увидев в грамотах не простую сумму однотипных актов, а «определенный комплекс документов, находящихся в известной взаимосвязи»¹⁵, он начал с уточнения датировки этих грамот. Расположив их затем в хронологическом порядке, он заметил, что основные пункты грамот довольно последовательно приобретают все более обобщающий характер: это касалось и формулировок положения о Юрьеве дне, и перечня категорий «отказывающихся» крестьян, и пунктов о денежных расчетах. Сопоставление грамот белозерского и вологодского князей, с одной стороны, и Василия II и Ивана III — с другой — позволило исследователю сделать вывод о том, что политика ограничения крестьянских переходов Юрьевым днем проводилась московскими великими князьями жестче и последовательнее (меньший срок «отказа», распространение норм Юрьева дня на более широкий контингент крестьян), а условия для «отказывающихся» крестьян на территории Московского княжества были более тяжелыми. В связи с этими наблюдениями он высказал предположение (вопреки имевшемуся в литературе мнению), что норма о Юрьеве дне возникла первоначально не в Белозерском удельном княжестве, а в Великом Московском¹⁶.

Русскому крестьянству посвящена и докторская диссертация А. Д. Горского¹⁷. К исследованию борьбы русских крестьян за землю в XV—XVI вв. он обратился еще в спецсеминаре Л. В. Черепнина, защитив дипломную работу на тему «Классовая борьба русских крестьян в XIV—XV вв.» Естественно, не только это обстоятельство определило направление его дальнейших научных изысканий. История крестьянства времени образования Русского централизованного государства не была ясна без изучения его борьбы за лучшие условия существования.

В исторической литературе был отмечен рост начиная с XIV в. светского и церковного землевладения. Хозяйственное оживление в стране, связанное с восстановлением хозяйства и складыванием единого государства, стимулировало интерес к земле в среде господствующего класса. Об этом свидетельствовали и возросшие цены на землю, и усилившаяся борьба за нее внутри класса феодалов, и захват феодалами крестьянских черных земель. Факты борьбы крестьян за землю были отмечены в ряде исследований по социально-экономическому и политическому развитию Руси¹⁸. Актовые материалы, содержащие известия о борьбе за землю, большей частью были опубликованы и введены в научный оборот; анализ основных видов этих актов — правых грамот и судебных списков — проведен Л. В. Черепниным в капитальном труде о русских феодальных архивах. Источниковедческое исследование этих источников принадлежит Л. И. Ивиной¹⁹.

Учитывая результаты работы своих предшественников, Горский поставил перед собой кроме общей задачи «исчерпывающего по возможности сбора и использования всего имеющегося материала по теме, максимально полного его ос-

вещения», задачу поиска новых методов, позволяющих решить проблему корректности раскрытия закономерностей развития тех или иных общих процессов в Северо-Восточной Руси XV — начала XVI в. на таком ограниченном материале, как актовые источники.

Правомерность оценки сравнительно небольшого фонда сохранившихся русских актовых материалов XIV — начала XVI в. как репрезентативной «естественной выборки» из некоей не дошедшей до нас генеральной совокупности в литературе уже оживленно обсуждалась. Была опубликована острая полемическая статья Н. Е. Носова по поводу интересных построений С. М. Каштанова, реконструировавшего общую земельную, налоговую и иммунитетную политику Русского государства почти исключительно на актах монастырского происхождения, поскольку из актов светских феодалов уцелели весьма и весьма немногие²⁰.

А. Д. Горский практически решил труднейший вопрос о репрезентативности монастырских актов, применяя целый ряд новых методик. Прежде всего следует отметить, что он взялся за решение вопроса (борьба крестьян за землю), который в равной мере мог касаться как монастырских, так и светских вотчин. Кроме того, проблема репрезентативности решалась им путем реализации системного подхода. Рассматривая процесс борьбы крестьян за землю как повсеместное для Северо-Восточной Руси явление, ученый применил такие верификационные методики, как «наложение, проецирование количеств актов, содержащих интересующие нас известия и относящихся к данному региону, периоду или фонду, на все число сохранившихся актов этого региона, периода или фонда»²¹. Процентные сопоставления частот встречаемости того или иного явления по разным регионам, периодам или фондам в случае их близости делали бы вполне очевидным сходство процессов, а следовательно, и достоверность самих источников. Плодотворен, на наш взгляд, и примененный А. Д. Горским метод сопоставления «параллельных рядов», иллюстрирующих однородность сути тех или иных явлений, отраженных в разных по типу актах.

Наиболее же интересным и важным моментом этого исследования А. Д. Горского является оригинальная интерпретация известного статистического приема сопоставления так называемых доверительных интервалов. В математической статистике метод доверительных интервалов обычно применяется как способ проверки репрезентативности выборок путем выяснения принадлежности двух или более выборок одной и той же генеральной совокупности (ибо если доверительные интервалы «пересекаются», то выборки сделаны из одной и той же генеральной совокупности, следовательно, корректны). А. Д. Горский сумел применить этот метод не только по своему прямому назначению (т. е. проверка репрезентативности), но и в плане выявления качественного изменения во времени уровня развития борьбы крестьян за землю. Суть его метода в том, что в случае «пересечения» доверительных интервалов ученый оценивает два смежных периода в развитии борьбы крестьян как качественно однородные (а статистически это единая генеральная совокупность). Если же доверительные интервалы «не пересекаются», то перед нами два качественно разных периода (а статистически — это разные генеральные совокупности). Реализация новых методик была большим научным достижением ученого.

В решении вопроса о борьбе крестьян за землю в период образования единого Российского государства Горский исходил из марксистского представления о решающей роли народных масс в истории, о значении классовой борьбы как одной из основных движущих сил развития антагонистических обществ. В борьбе крестьян за землю ученый видел одну из конкретных форм классовой борьбы.

Наблюдения и выводы, к которым пришел А. Д. Горский в монографии, о носителе характера прав черных крестьян на землю, о формах, масштабах, характерных чертах, результатах борьбы русского крестьянства, представляют особую ценность. Им убедительно доказано, что условия борьбы крестьян за землю зависели от социально-экономической и политической обстановки, складывавшейся в стране в разные периоды исследуемого времени. Наиболее небла-

гоприятными они оказались во второй половине XIII — первой половине XIV в. в результате разгрома Руси полчищами Батые и в конце 20-х — начале 60-х гг. XV в. Приходившаяся на эти годы феодальная война, как показано в монографии, отмечена резким повышением интереса феодалов к земле, борьбой за нее внутри господствующего класса и наступлением феодалов на крестьянские земли, сопровождавшимся ростом крестьянских повинностей и ограничением права крестьянского «отказа». Феодальная война, делает вывод автор, со всеми ее последствиями «в небывалой степени усилила недовольство крестьян». Ненависть к захватчикам волостной земли с особой силой проявилась во второй половине XV — начале XVI в. На 1463—1505 гг. приходится наибольшее количество актов с известиями о борьбе за землю — около 250, в том числе более 150 актов с участием крестьян в качестве одной из спорящих сторон²².

Своим исследованием А. Д. Горский подтвердил имевшиеся в исторической литературе наблюдения об усилении борьбы крестьянства к концу XV в. Борьба черных и дворцовых крестьян с монастырями, митрополичьей кафедрой и светскими феодалами, как показал автор, была упорной и охватила почти всю территорию Северо-Восточной Руси, вплоть до ее тогдашних окраин²³. В монографии впервые была специально рассмотрена борьба владельческих крестьян за землю. Оценивая все известные, зафиксированные в документах случаи участия владельческих крестьян в земельных конфликтах, А. Д. Горский рассмотрел и другие формы сопротивления крестьян их владельцам: борьбу за величину наделов, за соотношение наделной и барской земли в каждом отдельном владении, переход («отказ») владельческих крестьян вместе со своим наделом в черную волость. В исследовании рассмотрена также борьба крестьян за хозяйственную самостоятельность.

Одной из главных форм борьбы черных и дворцовых крестьян за землю было обращение их в качестве истцов в княжеский суд с целью возвращения своей земли. В суд обращались не только отдельные крестьяне, но и группы крестьян, а то и целые волости. Крестьянский иск от волости, как выяснилось, был «весомее, перспективнее для крестьянской стороны». Касаясь оценки в исторической литературе эффективности борьбы черных крестьян за землю через суд, А. Д. Горский не согласился с выводами Л. В. Черепнина, А. И. Копанева, Я. С. Лурье и др., что крестьяне лишь в исключительных случаях выходили победителями. Он убедительно доказал, что выигрыш в земельных спорах черных крестьян не такое уж редкое явление. Во многом он зависел от позиции великокняжеской власти — ее заинтересованности в сохранении фонда черных земель²⁴.

Автор приходит к выводу, что борьбу крестьян за землю следует признать классовой борьбой. Он полагал, что это была «борьба непосредственных производителей материальных благ, трудящихся, эксплуатируемых классом феодалов через посредство феодального государства, за основное средство производства...» Ей свойственны, по мнению А. Д. Горского, все черты борьбы средневекового крестьянства: стихийность, разобщенность, раздробленность, локальность. Тем не менее сила ее была велика. Именно она толкала феодалов на сплочение вокруг княжеской власти и поддержку централизаторской политики великих князей. Она же способствовала сосредоточению материальных, а следовательно, и политических средств в руках великокняжеской власти и объективно «являлась одной из движущих сил, обеспечивающих успех политики объединения русских земель вокруг Москвы»²⁵.

Конечно, напрямую с процессом централизации борьба крестьян за землю не была связана, она входила в общий поток борьбы князей за объединенное государство вследствие совпадения интересов великокняжеской власти и крестьянства. Борьба крестьян за сохранение своего хозяйства имела основополагающее значение для жизнедеятельности всего общества. Сохранение производства и крестьянского хозяйства являлось гарантом существования общества в целом. Со своей стороны, централизаторская политика московских князей отвечала

интересам крестьян, так как объединение вело к более рациональному расходу прибавочного продукта.

Необходимо отметить такое важное достоинство монографии, как богатство фактического материала. Перед нами разворачивается панорама жизни русских крестьян, в сложных исторических условиях занимавшихся тяжелым повседневным трудом: пахавших, сеявших, косивших, вынужденных при этом бороться за лучшие условия хозяйствования, отстаивать свои земли от посягательств феодалов. Крестьянин XIV—XV вв. еще не унижен крепостничеством, он с достоинством держится перед княжескими судьями и, потерпев поражение в суде, не сдается.

Л. В. Черепнин высоко оценил труд своего ученика, написав в рецензии, что автор создал книгу, «которая обогатила науку»²⁶.

Позднее, в главах, написанных А. Д. Горским для обобщающего труда «История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (т. 2), ученый вновь возвращается к осмыслению объективных итогов трудовой деятельности русского крестьянства и его борьбы за землю, считая, что именно эти моменты были одними из важнейших в процессе создания единого Русского государства. Больше того, ученый в том же плане оценил и объективный итог борьбы великих и удельных князей с крестьянскими переходами. Причем в основе этих переходов также лежали устремления крестьян избежать усиления феодальной эксплуатации.

В последующие годы А. Д. Горский продолжал заниматься вопросами о сущности, характере и особенностях земельной собственности при феодализме.

Дискуссия о характере землевладения черных крестьян, природе черных земель, в которой А. Д. Горский занял четкую позицию еще в 60-е гг., получила продолжение и в дальнейшем. Вдаваться в подробности дискуссии, очевидно, нет необходимости, поскольку существовавшие по этому вопросу точки зрения были обстоятельно рассмотрены в свое время Л. В. Черепниным. Л. В. Черепнин отметил большое теоретическое значение проблемы, так как от решения ее зависит оценка уровня развития феодализма в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. «Наличие большого массива свободных крестьянских „волостей“, — писал он, — позволило бы говорить о низком уровне феодализации, большом весе... [дофеодального] уклада. Если же „черные“ земли представляют собой разновидность феодальной собственности, то тем самым исследователь получает основание для утверждений о развитом феодализме в изучаемый период. Последняя точка зрения наиболее аргументированно и детально развита Горским»²⁷. С его позицией Черепнин выразил полное согласие. Горский снова обратился к этому вопросу в докладе «К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв.», с которым он выступил на конференции, прошедшей в 1977 г. на историческом факультете МГУ. В докладе объектом критического анализа стала теоретическая позиция по вопросам черного землевладения на Руси И. И. Смирнова, Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, признававших черных крестьян свободными и полными собственниками черной земли, и компромиссная позиция А. Л. Шапира.

Затяжной характер дискуссии А. Д. Горский объяснил нечеткостью «в определении спорящими сторонами исходных теоретических позиций, исходных понятий...» Одним из таких расхождений было различие в понимании характера собственности черных крестьян. Оппоненты Горского видели в черных крестьянах собственников земли. Свою точку зрения они аргументировали ссылками на принятое в юридической литературе понимание права собственности как права распоряжения ею, т. е. сводили понятие собственности к отношению «люди — вещи». А. Д. Горский теоретически обосновал свое понимание черного землевладения крестьян. Он исходил в решении вопроса о черном землевладении из марксистского понимания собственности как отношения между людьми по поводу средств производства. Возражая оппонентам, он отмечал, что «ведущим принципом, критерием оценки социально-экономического статуса черных земель является факт их эксплуатации феодальным государством как представителем гос-

поддвужающего класса феодалов». Солидаризируясь с С. М. Каштановым, Н. Н. Покровским, А. М. Сахаровым, Л. В. Черепнинным, А. Д. Горский еще раз подтвердил свои прежние выводы о том, что черное землевладение XIV—XV вв. представляет собой одну из форм феодальной земельной собственности. «Можно и нужно, — говорил он, — отмечать и изучать отличия черного землевладения и положения черных крестьян от частнофеодального землевладения и положения частновладельческих крестьян... Но при этом не следует, на наш взгляд, упускать из виду главного, что определяет социально-экономическую сущность черного землевладения как разновидности феодальной земельной собственности, факта эксплуатации черных крестьян феодальным государством, причем эксплуатации феодального характера»²⁸.

Широта постановки теоретических проблем и оригинальная трактовка конкретно-исторического материала, характерные для Горского — ученого и педагога, нашли отражение не только в его монографиях и статьях, но и в разработке теоретического семинара для студентов, специализирующихся по кафедре истории СССР периода феодализма. Эти семинары проходили оживленно, часто в бурных дискуссиях, но всегда участие студентов в них было заинтересованным. К сожалению, Анатолий Дмитриевич не успел опубликовать результаты этой своей работы. Она, несомненно, привлекла бы внимание преподавателей исторических факультетов вузов.

Интересы Горского не ограничивались проблемами социально-экономического развития Русского централизованного государства. Его привлекала тема борьбы русского народа против иноземного гнета, политическая история средневековой Руси, история русской культуры, общественной мысли, политическая история России начиная со времен Киевской Руси и до современности.

Особое место в его научной и педагогической работе занимала история исторической науки, дореволюционная и советская историография. Много лет он читал курс историографии истории СССР феодального периода. Его интерес к историческим источникам эпохи образования Русского централизованного государства нашел отражение в ряде статей, содержащих характеристику различных исторических памятников, в том числе и таких нетрадиционных и малоисследованных, как миниатюры древнерусских лицевых сводов²⁹. Одним из первых он обратился к методам комплексного исследования данных письменных, археологических и этнографических источников и, как отмечалось выше, одним из первых применил при обработке средневековых документов статистические методы исследования, включая методы математической статистики.

А. Д. Горский постоянно искал возможности повышения информационной отдачи хорошо известных исторической науке источников. Вслед за Л. В. Черепнинным он подошел к актовому материалу (жалованным, правовым и другим грамотам) как источнику, характеризующему режим ордынского ига в Северо-Восточной Руси. Он увидел в этих документах отражение повседневных, бытовых проявлений иноземного гнета, «преломление отдельных событий и явлений, связанных с существованием ига, в сознании различных слоев населения тогдашней Руси»³⁰. В этой группе актов, как показал А. Д. Горский, получила отражение эксплуатация Ордой населения Руси: платежи в Орду («ординское серебро»), транспортные повинности населения («татарский проезд», «татарский ям») и т. д. Отражение в актах нашли и некоторые татарские нашествия («Едигеева рать», «Белевщина», «Мамутякова рать», или «Суздальский бой»). Материалы актов Северо-Восточной Руси, как показал Горский, документально свидетельствуют о тяжести иноземного ига.

В центре внимания ученого оказались и вопросы борьбы с иноземным игом. Особый интерес в этом плане представляет его историографический доклад на юбилейной научной конференции, посвященной 600-летию Куликовской битвы. Горским были рассмотрены этапы изучения величайшего события в истории русского народа, начиная с первых десятилетий после Куликовской битвы и кончая работами, вышедшими к 600-летию ее юбилею. В его докладе содержался ана-

лиз с историографических позиций огромного количества трудов, статей, брошюр по этой теме, что позволило ему оценить результаты работы историков, филологов, историков военного искусства по изучению битвы и наметить пути дальнейшего исследования вопроса³¹.

И все же главными в его научных изысканиях были проблемы землевладения в Северо-Восточной Руси. Именно их он предлагал для исследования своим ученикам — дипломникам и аспирантам. Под его руководством было изучено землевладение ряда монастырей Северо-Восточной Руси: Суздальского Покровского, Суздальского Спасо-Евфимьева, Савво-Сторожевского Звенигородского, Успенского девичьего во Владимирском уезде, Ипатьевского в Костроме, Нижегородского Печерского, Спасо-Ярославского, Можайского Лужицкого, Ярославского Толгского, Амвросиева-Дудина, изучено хозяйство Калязина монастыря. Защищены кандидатские диссертации по землевладению Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв., по феодальному землевладению Ярославского, Романовского и Коломенского уездов, по социально-политической борьбе в Новгороде во второй половине XIII — середине XV в. Вопросы политической истории периода образования Русского централизованного государства исследовались студентами сквозь призму политических биографий великих московских князей — Ивана Калиты, Василия I, Ивана III, внутренней политики отдельных князей, в том числе Дмитрия Донского, Василия Темного.

А. Д. Горский принимал активное участие в коллективных трудах: он был членом редколлегии и одним из авторов издаваемой Московским университетом серии «Очерков русской культуры» XIII—XVII вв. Написанный им для этого издания очерк о сельском хозяйстве и промыслах Руси XIII—XV вв. является уникальным по широте охвата и глубине анализа фактического материала. За участие в этой работе А. Д. Горский в числе других авторов был награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР, а в 1982 г. удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. С 1983 г. А. Д. Горский стал ответственным редактором продолживших это издание «Очерков русской культуры XVIII века», возглавив на общественных началах работу коллектива Лабораторий истории русской культуры. Как один из авторов он участвовал в подготовке академического многотомного издания «История крестьянства СССР». Под его редакцией вышел второй том «Российского законодательства X—XX вв.» («Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства». М., 1985). Он был постоянным и активным участником Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, межведомственных и международных научных конференций и семинаров.

Перу А. Д. Горского принадлежит ряд статей в Большой советской энциклопедии, Советской исторической энциклопедии; он — один из редакторов-составителей двухтомного Энциклопедического словаря.

Говоря о жизненном пути А. Д. Горского, невольно задаешь себе вопрос: чему в его творческой работе был отдан приоритет — научной или педагогической деятельности? У него эти два вида творчества были тесно связаны. Его широкие научные интересы во многом определялись потребностями педагогической работы, а глубокие научные знания, творчество исследователя делали его занятия интересными для студентов. И в этом примером для него был Л. В. Черепнин. О принципах педагогической деятельности своего учителя Горский рассказал в статье «Л. В. Черепнин — профессор Московского университета». В полной мере эти принципы были характерны для самого Анатолия Дмитриевича. Он писал, что «в деятельности любого крупного ученого большое место занимает работа по передаче его знаний, опыта, методов исследования коллегам, ученикам, последующим поколениям специалистов, осуществляемая разными способами: через печатные труды, доклады и сообщения на различных научных форумах, во время совместной работы с коллегами и учениками... Но, разумеется, главный способ воспитания новых поколений специалистов в любой области науки — преподавательская деятельность»³².

А. Д. Горский запомнился студентам истфака лекциями и семинарами. Он вел практически все виды преподавательской работы: читал лекции общего курса, курс историографии истории СССР, введение в изучение истории, различные спецкурсы. Под его руководством защищено более 30 дипломных работ, 6 кандидатских диссертаций.

Занятия со студентами в просеминарах первого курса А. Д. Горский любил. Он вообще любил и понимал молодежь, студентов, всегда интересовался их жизнью, бывал у них в общежитии. На консультациях он беседовал не только по теме дипломной или курсовой работы, но интересовался условиями жизни студентов, их увлечениями.

При всем том, что Анатолий Дмитриевич вел занятия в просеминарах первого курса много лет, он к каждому занятию тщательно готовился. Большое значение он придавал первым вводным занятиям с первокурсниками, вчерашними школьниками, считая, что с самого начала их студенческой жизни следует показать дорогу, по которой им предстоит идти пять лет. Он обязательно им рассказывал о факультете, о кафедре, о выдающихся историках, работавших на факультете, о факультетских традициях. Обстоятельно знакомил с планом работы семинара, настраивая студентов на большую и трудную работу, поскольку учеба — это тяжелый труд. В семинаре А. Д. Горского студенты проходили хорошую школу, закладывавшую основу для будущей научной работы, получали навыки работы с историческими источниками и литературой. Он передавал им свое увлечение научным поиском, прививал любовь и уважение к исторической науке, которую он считал такой же точной, как математика. Когда в силу большой загруженности по кафедре и в лаборатории он вынужден был отказаться от ведения семинара на I курсе, он часто говорил, что ему не хватает именно этих занятий.

Остается сожалеть о том, что Анатолий Дмитриевич не подготовил к печати общего курса лекций по истории СССР периода феодализма. Традиционно он читал историю Руси с нашествия Батыя и кончая серединой XVII в. На лекциях он умел вовремя пошутить, чтобы снять напряжение и усталость у студентов, прилежно записывавших его насыщенные материалом и мыслями лекции, делал в середине лекции 2—3-минутный перерыв. Многие методические приемы в чтении лекций и ведении семинарских занятий он воспринял у Л. В. Черепнина. Он старался так организовать материал лекции, чтобы точно уложиться «до звонка».

Вопрос о необходимости разработки методики преподавания исторических дисциплин в высшей школе стал актуальным в конце 50-х гг. в связи с развитием системы заочного и вечернего высшего образования. Студенты-заочники, и особенно первокурсники, нуждались в методических пособиях, которые были бы для них путеводной нитью в их самостоятельных занятиях. А. Д. Горский принял самое активное участие в подготовке таких пособий. Первое издание методического пособия, написанного совместно с М. Т. Белявским, вышло в 1960 г. Оно содержит рекомендации студентам по подготовке докладов и курсовых работ, темы докладов и курсовых, списки источников и литературы к ним, а также рекомендации по подготовке к экзаменам. Пособие выдержало шесть изданий, и до сих пор студенты вечернего и даже дневного отделений истфака МГУ прибегают к его помощи³³. А. Д. Горский стал инициатором и редактором издания кафедрой истории СССР периода феодализма трех сборников методических статей «Из опыта преподавания истории СССР (период феодализма) в Московском университете» (1977, 1981, 1985). Сборники получили высокую оценку преподавателей, существенно способствуя повышению качества преподавания истории, прежде всего отечественной, в вузах страны, и особенно в недавно созданных университетах.

Помимо методических сборников кафедра под редакцией А. Д. Горского издала пять выпусков «Материалов по истории СССР. Для семинарских занятий», второй выпуск этого издания — «Русская феодальная деревня

XI—XVI вв.» — подготовлен А. Д. Горским совместно с Н. С. Борисовым.

А. Д. Горский внес большой вклад в организацию вузовской науки: он был членом ученого совета исторического факультета, заместителем председателя специализированного совета по истории СССР исторического факультета, членом президиума секции истории Научно-технического совета Минвуза СССР, председателем комиссии по истории этого совета, членом комиссии по истории Учебного методического совета при Министерстве просвещения СССР, членом ученого совета Государственных музеев московского Кремля.

А. Д. Горский был прекрасным ученым, педагогом, но главное — он был хорошим человеком. В наше смутное и тревожное время невольно вспоминаешь многих и многих чистых и светлых людей, к сожалению, уже ушедших из жизни, людей далеких от корысти и забот о пополнении своего кошелька, преданных родине, идеям справедливости, любимому делу. Таким человеком был Анатолий Дмитриевич — высокий профессионал и истинный интеллигент. Его характерной чертой было умение сопереживать беды и тяготы своих коллег, друзей, учеников, он болел душой за страну, ее будущее, не хотел и не мог мириться с негативными явлениями в нашей жизни. Был принципиальным и не терпимым к халтурщикам, уважал людей труда, долга, совести.

Труды А. Д. Горского по истории русского крестьянства XIV — начала XVI в., его исследования феодальной собственности на землю заняли достойное место в советской историографии и сохраняют актуальное научное значение. Обратившийся одним из первых к поиску новых методов повышения информативности немногочисленных источников по истории средневековой Руси, он не только обогатил историческую науку новыми данными, но и открыл широкие возможности для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Горский А. Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черепнина (К 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 169—170.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—XVI в. Т. I—II. М., 1952—1958; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1—2. М., 1951—1956; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950; Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952.

³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 160.

⁴ Вопрос о времени появления паровой зерновой системы с трехпольным севооборотом до сих пор остается дискуссионным.

⁵ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. С. 110.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же. С. 141.

⁸ Там же. С. 263.

⁹ История СССР. 1962. № 4. С. 172.

¹⁰ Горский А. Д. Очерки... С. 238—239, 242.

¹¹ Там же. С. 242, 254, 255.

¹² Горский А. Д. Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. // Материалы по истории земледелия СССР: Сб. 3. М., 1959. С. 15—21; е го ж е. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 339—351; е го ж е. Некоторые итоги изучения земледелия Древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 65—77; Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 34—155, Крестьянство СССР с древнейших времен и до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 130—157, 165—167, 213—229.

¹³ Горский А. Д. Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII — первой половины XV в. // Вестник Московского университета. Сер. истор. 1969. № 3. С. 66, 79.

¹⁴ Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. С. 66—67, 75.

- ¹⁵ Горский А. Д. Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. (К вопросу о Юрьеве дне)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 132—144.
- ¹⁶ Там же. С. 144.
- ¹⁷ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974.
- ¹⁸ См.: Черепнин Л. В. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. (в период образования русского централизованного государства)//Вестник Московского университета. 1952. № 4. Сер. общ. наук. Вып. 2; Зимин А. А. Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI века//Вопросы истории. 1965. № 3; Б уд о в и ц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XV вв. (по житиям святых). М., 1966 и др.
- ¹⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 6, 278; И в и н а Л. И. Судные документы и борьба за землю в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в.//Исторические записки. Т. 86. 1970. С. 326—356.
- ²⁰ Н о с о в Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении//Проблемы источниковедения. Т. X. М., 1962; е г о ж е. О статистическом методе в актовом источниковедении//Вопросы археологии. 1962. № 4. В полемике приняли также участие А. А. Зимин и В. Б. Кобрин.
- ²¹ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю... С. 19.
- ²² Там же. С. 63, 65.
- ²³ Там же. С. 116, 109.
- ²⁴ Там же. С. 142.
- ²⁵ Там же. С. 181, 187.
- ²⁶ История СССР. 1974. № 4. С. 203.
- ²⁷ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 210—329.
- ²⁸ Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 25—55.
- ²⁹ Горский А. Д. Еще одно изображение сохи XVI века//Вестник Московского университета. Сер. истор. 1963. № 3. С. 17—22; е г о ж е. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв.//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 6. М., 1965. С. 15—35. е г о ж е. Три изображения пахоты из русских «лицевых» рукописей XVII века//Вестник Московского университета. Сер. истор. 1978. № 6. С. 96—103.
- ³⁰ Горский А. Д. Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV—XV вв.//Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 58.
- ³¹ 600-летие Куликовской битвы: Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции. М., 1980. С. 3—6. См. также: Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке)//Вестник Московского университета. Сер. истор. 1980. № 4. С. 3—18; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины/Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 15—42.
- ³² Горский А. Д. Л. В. Черепнин — профессор Московского университета//Феодализм в России. М., 1987. С. 21.
- ³³ Б е л я в с к и й М. Т., Горский А. Д. История СССР (период феодализма)/Учебно-методическое пособие для студентов заочных и вечерних отделений I курса исторических факультетов государственных университетов. М., 1960. Пособие переиздано в 1962, 1966, 1969, 1973, 1978 гг.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Из истории исторической науки

© 1992 г.

1937 ГОД. ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Выступления Н. М. ЛУКИНА, В. В. МАКСАКОВА, О. С. ВЕЙЛАНД
И Л. И. РЫКЛИНА

Процессы, проходившие в исторической науке в условиях культа личности Сталина, глубоко интересуют не только историков, но всю общественность нашей страны. В реальностях тех лет мы пытаемся найти истоки последующих иллюзий, заблуждений и ошибок отечественных служителей музыки Клио.

О трагичности развития советской исторической науки в 30-е гг. свидетельствуют отчеты руководителей ведущих исторических журналов страны на открытом партийном собрании ученых-историков Института красной профессуры 5 мая 1937 г. Выступившие на нем редактор журнала «Историк-марксист», директор Института истории АН СССР академик Н. М. Лукин (1885—1940), заместитель редактора «Красного архива» В. В. Максак (1886—1964), ответственные секретари «Исторического журнала» * О. С. Вейланд (1893—?) и журнала «Пролетарская революция» Л. И. Рыклин (1902—?), сами не помышляя о том, нарисовали слушателям ИКП истории картину критического положения, в котором оказалась историческая периодика и в целом советская историография во второй половине 30-х гг. Тексты этих выступлений, отразив всю драматичность событий того периода в исторической науке, позволяют сегодня понять, почему советская историография до сих пор не сумела создать правдивую концепцию отечественной истории, проясняют причины той ситуации, в которой оказалась историческая наука и на нынешнем этапе.

К моменту, когда руководители исторических журналов отчитывались в ИКП истории на Осторожке, в советской историографии произошли радикальные изменения. Канул в прошлое период относительно благополучного развития науки — период сосуществования различных исторических направлений и школ, реального плюрализма мнений, в том числе и среди самих историков-марксистов, период бурных дискуссий, разнообразия форм и структур научных объединений, широкомасштабной публикации источников и научных трудов. Наметившийся в конце 20-х гг. перелом общественно-политической обстановки в стране изменил отношения политики и историографии и породил такие последствия, которые сформировали облик советской исторической науки периода культа личности Сталина. В ходе целенаправленных политических акций («академическое дело», сопровождавшееся гонениями на старую профессуру, ликвидацией РАНИОН; письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция» и кампания по его проработке; подготовка под наблюдением Сталина первых томов «Истории гражданской войны в СССР»; замечания Сталина, Жданова и Кирова на конспекты учебников по истории; кампания критики М. Н. Покровского и его школы; конкурс по написанию учебника истории СССР для начальной школы и др.) произошла «сталинизация» советской историографии **. Исчезла бывшая автономия научных исследований, историческая наука в значительной мере стала придатком партийно-государственной машины, идеологически обслуживая ее в целях формирования удобного правящей верхушке политического и исторического сознания масс. Обществу всеохватывающей централизации и тотального регламентирования как нельзя лучше соответствовал сложившийся во второй половине 30-х гг. тип «огосударственной» исторической науки с административно-директивными методами управления ею, неограниченным вмешательством власть предержащих в творческий процесс, с жесткой цензурой, забвением свободы научных дискуссий, единообразием организа-

ционных форм, унификацией исторических учебников и подготовки научных кадров, канонизированной официальной концепцией истории, обязательной для всех исследователей.

В рамках политического воздействия на советскую историографию в самый разгар критики М. Н. Покровского и его школы в марте 1937 г. в газете «Правда» появилась серия критических очерков о деятельности ведущих исторических журналов страны. Эти разборы, написанные в подчеркнуто назидательном тоне, акцентировали внимание на ошибках и упущениях редколлегий журналов и потребовали от них неукоснительного выполнения последних директив ЦК ВКП(б) об исторической науке. Вероятно, с целью выявить реакцию историков на газетные публикации в ИКП истории и было устроено дотоле небывалое слушание отчетов руководителей журналов.

Учитывая обстановку того времени, отчитывавшиеся должны были покаяться в допущенных ошибках («Правда» их уже назвала) и извлечь из происшедшего необходимые уроки. Само собой подразумевалась демонстрация лояльности сталинскому руководству. Только-только завершился февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП(б), на котором прозвучал печально известный доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». На глазах общественности страны разворачивалась трагедия В. И. Невского, П. И. Анатольева, П. П. Парадизова, В. З. Зельцера, Г. С. Зайделя, Н. Н. Ванага, Г. С. Фридлянда, С. Г. Томсинского, Б. Н. Тихомирова, А. И. Малышева, З. Б. Лозинского, С. А. Пионтковского, А. Г. Пригожина, Т. М. Дубыни и многих других талантливых советских историков, подвергшихся репрессиям в 1935—1937 гг. Не одна шумная кампания по выкорчевыванию оппортунизма и борьбе за «чистоту марксизма-ленинизма» напоминала многоопытным Н. М. Лукину и В. В. Максакову, вчерашним выпускникам историко-партийного ИКП О. С. Вейланд и ИКП истории Л. И. Рыклину о возможных трагических последствиях. Все они прекрасно сознавали самоубийственность заявлений о том, что мысли Сталина или оценки из передовой статьи «Правды» отнюдь не являются истиной в последней инстанции. Так что конечный результат заранее спланированной акции несложно было предсказать.

Об этом необходимо сегодня помнить, оценивая содержание публикуемых отчетов. Тогда понятнее будет пронизывающий выступления мотив предопределенности суждений о ситуации в советской историографии, глубже проявятся причины традиционной по тем временам нетерпимости к инакомыслию, к взглядам вчерашних друзей и соратников по партии и по работе, менее шокирующими покажутся резко негативные оценки историков школы М. Н. Покровского. Сквозь гневные обличительные слова читатель увидит и скрытую боль выступавших за происходившее вокруг, и сознательные недоговоренности, и робкие попытки искать истину там, где она, казалось, официально была уже найдена.

Современный читатель вправе также сопоставлять позиции руководителей журналов, искать и находить различия в их интонациях, в характеристиках людей и событий. В общих для всех условиях далеко не все проявляли себя одинаково, и отчеты в очередной раз напоминают читателю об извечной проблеме нераздельности политической, научной и нравственной позиции ученого.

Состоявшееся 5 и 6 мая 1937 г. открытое партийное собрание ИКП истории стенографировалось. Имеется машинописная копия неправленной стенограммы первого дня работы собрания, в течение которого выступили Н. М. Лукин, В. В. Максаков, О. С. Вейланд и Л. И. Рыклин. Стенографическая запись второго дня работы, когда заслушивалась информация директора института В. И. Зейделя о подготовке слушателей к зачетам, не уцелела. Стенограмма хранится в фонде партийной организации ИКП истории Партийного архива Научного и информационного центра политической истории Москвы (ф. 474, оп. 1, д. 102, л. 154—209).

Публикацию подготовили А. Н. Артизов и В. Н. Черноус.

А. Н. Артизов

Примечания

* До 1937 г. журнал выходил под названием «Борьба классов».

** Подробнее см.: Дунаевский В. А. Большевики и германские левые на международной арене (Некоторые аспекты темы в освещении советской историографии конца 20-х — начала 30-х годов)//Европа в новое и новейшее время: Сб. ст. М., 1966; Маньковская И., Шарапов Ю. Культ личности и историко-партийная наука//Вопросы истории КПСС. 1988. № 5; Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова//Вопросы истории. 1989. № 5; Артизов А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса)//История СССР. 1991. № 1; и др.

Лукин. Товарищи, мне как редактору журнала «Историк-марксист», прежде чем говорить с вами о перспективах на будущее нашего журнала, надо остановиться на его тяжелом прошлом.

Вы прекрасно знакомы с той заметкой и тем фельетоном, которые были посвящены «Историку-марксисту» в «Правде»¹, и нужно начать с того, что «Правда» дала совершенно правильную оценку тому абсолютно нетерпимому положению, которое создалось в журнале в результате политической слепоты и беспечности ответственного редактора этого журнала, несущего, разумеется, полную политическую ответственность за то положение, которое сложилось в журнале к концу 1936 года.

Вы знаете, что в «Историку-марксисте» некоторое время бесконтрольно хозяйничали враги народа Фридлянд, Далин, Фролов, входящие в состав его редакции, заведующие различными его отделами, и в частности отделом критики, библиографии и хроники². С другой стороны, в журнале за последние два года помещались статьи врагов народа Пионтковского, Ванага, Томсинского, Тихомирова, арестованных впоследствии органами НКВД³. Эти подлые двурушники идеологически обслуживали шпионско-диверсионную вредительскую работу троцкистов. Это, по выражению тов. Сталина, оголтелая, беспринципная банда вредителей-диверсантов, шпионов, убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств⁴.

Но и после ареста врагов народа редакция «Историка-марксиста» не учла этого горького опыта, не учла и сигнала, не перестроилась вовремя. Ответственный редактор и его заместитель тов. Дроздов⁵ уделяли недостаточно времени журналу.

Прежде всего ничего не было сделано для того, чтобы вскрыть вредительство врагов народа, не появилось ни одной статьи, в которой мы разоблачали бы всех этих подлых двурушников вроде Ванага, Фридлянда, Далина и других, а вместе с тем эти вредительства имели место. Теперь, когда мы порылись в своем собственном журнале и просмотрели его за два года, мы уже кое-что нащупали. В качестве образчика вредительства я могу сослаться на статью врага народа террориста Фридлянда, помещенную в одном из номеров «Историка-марксиста» за 1936 год. Статья эта называется «Европейская дипломатия и буланжизм»⁶, статья, загроможденная всеми атрибутами мнимой учености этого автора, снабженная огромнейшим научным аппаратом, в котором трудно сначала даже разобраться; приходится проверять каждую цитату, каждую ссылку, и тут наталкиваешься на всевозможные жульнические приемы, которые пускал в ход автор, чтобы доказать нужный ему тезис.

В этой статье террорист Фридлянд явно перекликается с теми гитлеровскими молодцами, которые в целях оправдания политики германского фашизма против Советского Союза и против Франции фальсифицируют историю франко-русских отношений, изображают дело так, что современный франко-русский пакт о взаимной помощи есть не что иное, как прямое продолжение франко-русского союза 1893 года, что подобно тому, как и франко-русский союз был в свое время направлен против якобы миролюбивой бисмаркской Германии, так теперь франко-русский пакт о взаимной помощи направлен против не менее миролюбивой гитлеровской Германии, которая, если и вооружается, то находится в состоянии самообороны, как в свое время в состоянии самообороны находилась бисмаркская Германия.

Рассматривая буланжизм как один из моментов предыстории франко-русского союза, враг народа Фридлянд пытается выставить франко-русский союз начала 90-х гг. как непосредственную и весьма реальную угрозу для существования германской империи и тем самым совершенно смазывает агрессивность бисмаркской политики. Для того, чтобы доказать этот тезис, оправдать агрессивную политику Бисмарка, Фридлянд пускает в ход все средства. Прежде всего он фальсифицирует историю путем игнорирования определенных указаний Энгельса, что внешняя политика европейских держав после 70-х гг. определялась русско-германскими, с одной стороны, и франко-германскими противоречиями — с другой. Вместо этого Фридлянд подсовывает читателю два других противоречия: франко-германские и англо-русские, совершенно умалчивая о русско-германских. Затем путем фальсификации энгельсовских цитат, пропуска ценных мест, а также путем игнорирования целого ряда важнейших документов, относящихся к истории международных отношений, документов, которые напечатаны теперь в германской публикации «Ди грессе Политик», он пытается изобразить дело так, что будто бы в 1886 году, в разгар буланжистского движения, Германия очутилась между двух огней — между Францией и Германией. Между тем документы говорят обратное: прежде всего мы знаем, что в [18]87 году был заключен так называемый договор перестраховки между Германией и Россией, а с другой стороны, мы имеем прямое свидетельство германского посла Вальдерзее: его письмо к Бисмарку, в котором он говорит, что в настоящий момент Франция ощущает потребность в мире, что одна она никак не решится объявить нам войну⁷. Фальсификатор Фридлянд все эти прямые свидетельства игнорирует, как игнорирует и беседу Вильгельма I с Александром III на эту же

тому, только для того, чтобы показать, что интрига Франции и России вполне оправдывала тогдашнюю провокационную политику Бисмарка, смазать выходку Бисмарка в связи с арестом на немецкой границе француза Шнебсле. Наконец, он извращает смысл письма и таким образом подсовывает читателю свой вывод, что в разгар буланжистского движения Германия была в состоянии самообороны, что Бисмарк должен был действовать агрессивно, потому что Германии грозила опасность — она очутилась между двух огней. Эта концепция есть не что иное, как перекличка с теми фашистскими историками, которые сейчас оправдывают политику Гитлера якобы существующей угрозой со стороны Советского Союза и современной Франции. Вот образец вредительских писаний, которые, повторяю, благодаря отсутствию политической бдительности, благодаря политической слепоте и беспечности на страницах журнала «Историк-марксист» протаскивал перекликающийся с фашистскими историками Фридланд.

Если обратиться теперь к разделу рецензий, критики и библиографии, то здесь мы должны будем сказать, что значительная часть помещенных в нашем журнале статей страдает политической беззубостью. В качестве примера я приведу критическую статью Джервиса, посвященную сборнику «Германия и Польша»⁸. Сборник этот вышел в фашистской Германии, в нем участвовали до 18 различного рода германских историков. В чем недостаток политической заостренности этой критической статьи? В том, что Джервис рассматривает германо-польские отношения вне той острой политической обстановки, которая характерна для нашей современности, он не рассматривает этот сборник в свете новейших германо-польских отношений, он совершенно не учитывает того обстоятельства, что все благожелательные шаги и заявления, которые делает гитлеровское правительство сейчас из конъюнктурных соображений по поводу Польши, отнюдь не уничтожают того факта, что именно гитлеровский режим и правительство являются сильнейшим врагом польского народа.

Раз нет этой твердой установки, раз здесь автор не исходил из новейших международных отношений, из сложившихся на сегодняшний день отношений между Германией и Польшей, — сама его рецензия утрачивает политическую остроту.

Есть и другая ошибка. Я сказал, что в этом сборнике участвовало 18 человек. Автор берет их всех за одну скобку, как фашистов. Между тем в этом сборнике участвовали такие представители немецкой профессуры, которые оказались не подходящими для фашистского режима, которые в настоящее время сняты со своих постов, изгнаны из редакции как противники, — Уег, Г <...> и другие. Это — правые, это националисты, но не фашисты, и нам невыгодно всех мешать в одну кучу. Есть в Германии профессора, которые сомневались как-то не идти в ногу с гитлеровским режимом и за это были сметены, мы не должны их мешать в одну кучу. В этом отношении автор взял за одни скобки всех авторов сборника.

Возьму еще образец политически беззубой рецензии. Это рецензия Добролюбовского на последнюю книгу Матьева «Директория»⁹. В этой книге Матъез предпринимает ревизию старого взгляда на бабифизм и пытается доказать, что бабифизм ничего общего не имел с коммунизмом. Этой тенденции как тенденции контрреволюционного характера рецензент при разборе ее совершенно не отметил. Он не соглашается с этой трактовкой Бабефа, которую дает Матъез, но не дает ей политической оценки. Вот почему рецензия получается явно беззубой.

Что касается отдела хроники, в особенности подотдела «Историческая наука за рубежом», то здесь «Правда», конечно, права с начала и до конца. Здесь действительно из номера в номер благодаря политической слепоте редакции давались в таком буржуазно-объективном освещении, политически беззубом, информации о том, что делается в фашистской Германии. Знать, что делается в фашистской Германии нужно: для того, чтобы бороться с врагом, нужно его знать и изучать литературу его. Но вопрос в том, как преподнести эту информацию? А эта информация преподносилась почти без всякой критики, без разоблачения того фашистского хлама, который преподносится в фашистской Германии в докладах, книгах и т. д. Эпически спокойным тоном те, кто подбирали материал для этого информационного отдела, сообщали о докладах, рефератах, вновь вышедших книгах, новых проспектах программ, планах фашистских институтов и т. д. Получалась великолепная реклама для фашизма.

Вот почему «Правда» была совершенно права, когда сказала, что, таким образом, эти журналы превратились в рупор злейших врагов человечества и культуры. И нужно, к сожалению, сказать, что и после изъятия врагов народа органами Наркомвнудела этот отдел не изменил своей физиономии. Опять-таки благодаря этой идиотской болезни — беспечности и отсутствию политической бдительности — редакция не обратила должного внимания именно на этот раздел. Она продолжала штамповать то, что давалось второстепенными сотрудниками для этого отдела.

Дальше. Совершенно недостаточно боролись мы с квазифашистскими историками и квазиисторическими концепциями современной Германии. Если брать 1936 год, то за весь 1936 год мы дали в сущности одну статью, в которой бьют, или по крайней мере должны были бить по фашизму. Это статья тов. Кабакчиева, посвященная фашизму в Болгарии¹⁰. Что мы видим в этой статье? Кабакчиев, к сожалению, не разоблачает с должной остротой фашистскую демагогию. Автор приводит ряд выдержек из фашистской литературы, в которых гитлеровцы пытаются создать впечатление, будто бы фашистское правительство заботится об интересах рабочих и крестьян, и так как автор не дает критики этой наглой фашистской демагогии, то у неискушенного читателя может создаться ложное впечатление, что фашизм не так уж плох, как его изображают.

В другом месте автор приводит цитату, где фашистский парламентаризм изображается как «бонапартизм», призванный историей заменить парламент, превратившийся в политический <...>, доживающий свои последние дни. Приводятся эти характеристики парламентаризма, приводятся гнусные выпады фашистской политики по адресу буржуазной демократии и не дается достаточно заостренной критики такой постановки вопроса. Получается такое впечатление, что как будто в Болгарии и не стоит вопрос о защите остатков буржуазной демократии и о возврате к этой буржуазной демократии. Статья политически явно беззубая. Ну и эта статья посвящена, в сущности, фашистской политике, а не фашизмом квазипрофессорам и квазиисторикам.

Фашизму в области исторической науки в 1936 году не было уделено совсем внимания. Мы не дали здесь ни одной статьи. Мы не разоблачили фальсификацию истории гитлеровскими учеными, которые, по выражению тов. Димитрова на VII-м Конгрессе Коминтерна, перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы извратить ее на фашистский лад, поставить на службу фашистскому режиму.

Если присмотреться и к другим статьям, написанным нашими товарищами, отнюдь не вредителями, тем не менее мы должны будем констатировать в них ряд иногда весьма значительных политических ошибок. Ну вот взять хотя бы программную статью Дроздова «Решение партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков». Статья программная, ответственная, помещенная в 1 номере нашего журнала за 1936 год.

Нужно сказать, что опять-таки «Правда» целиком права, когда говорит, что мы совершенно недостаточно вели борьбу с этими антимарксистскими, антиленинскими концепциями Покровского и его школы, с концепциями, которые по сути дела вели к ликвидации нашей исторической науки. Одну статью мы дали, но и она не свободна от неряшливых формулировок. В этой статье Дроздов, с одной стороны, говорит, и вполне правильно это утверждает, что М. Н. Покровский никогда не был настоящим марксистом, что до конца своих дней он не овладел марксистско-ленинской методологией, а с другой стороны, в этой же статье утверждает, что Покровский выполнил задачу разгрома буржуазно-помещичьей концепции русской истории. Выходит, что человек, который не овладел марксизмом, мог разгромить до конца буржуазно-помещичью концепцию, — и как будто бы нам здесь с вами и делать нечего, тогда как совершенно очевидно, что именно потому, что Покровский не овладел марксистско-ленинским методом, именно потому, что он стоял на точке зрения возможности объективной марксистской истории, именно потому, что он стоял на точке зрения социологизирования и часто игнорировал конкретный исторический материал в своих работах или привлекал его частично, [он] именно не мог до конца разгромить буржуазно-помещичью концепцию русской истории. И в той же статье говорится, что Покровский выступил против этой буржуазно-помещичьей историографии во всеоружии. Опять неточность, опять неряшливая формулировка, потому что, если он не овладел марксистским методом, он не мог во всеоружии выступить против буржуазной историографии.

Хуже дело обстоит со статьей Бантке «Борьба за создание Компартии во Франции»¹¹. В этой статье выдвигается ошибочное положение, что «французская коммунистическая группа, образовавшаяся из военнопленных солдат...» /ч и т а е т/.

Автор, с одной стороны, преувеличивает роль образовавшейся в пределах Советской России коммунистической федерации военнопленных, ее роль в деле создания компартии Франции, и тем самым недооценивает внутренних сил французского пролетариата, недооценивает работу тех его вождей, которые, подобно Марселю Кашену, начали строить коммунистическую партию внутри самой Франции.

Таким образом, тот факт, что почва для возникновения коммунистической партии во Франции подготавливалась прежде всего в самой Франции, совершенно недооценивается, почти игнорируется Бантке. С другой стороны, когда он говорит о вожаках этой интернационалистской группы, которая возникла среди военнопленных здесь, в Советской России, он не подчеркивает и не уделяет, по-мое-

му, совсем внимания тому обстоятельству, что эта группа несла на себе весь значительный антиленинский социал-демократический груз. И даже та самая фигура, которую он выводит на первый план,— фигура Садуля,— она весьма характерна в том отношении, что Садуль, хотя по ряду вопросов и готов был поддерживать Ленина и большевиков, тем не менее по ряду вопросов он делал грубейшие ошибки, корни которых надо искать именно в этом социал-демократическом грузе.

И, наконец, когда читаешь эту статью, чувствуешь, что автор не учел того обстоятельства, что он писал эту статью после VII-го Конгресса Коминтерна. Все его отношение ко II-му Интернационалу, к буржуазной демократии, оно как раз таково, что свидетельствует о том, что автор не учел тех директив, которые дал VII-й Конгресс Коминтерна международному пролетариату. Сама концепция единого фронта, единственного в рабочем движении и т. д., которая сейчас является лозунгом дня, она не учтена в этой статье.

Крупнейшим недостатком нашего журнала было, что в 1936 году не появилось ни одной статьи, которая касалась бы чрезвычайно важных проблем, которые стоят перед нашим историческим фронтом в свете замечаний тт. Сталина, Жданова и Кирова на конспекты учебников¹². Даже в 1935 году этому вопросу больше уделялось внимания в журнале. В 1936 году не было ни одной статьи, которая была связана с этими проблемами, вытекающими из статьи членов Политбюро на конспекты учебников.

Из тех же замечаний и из правительственных постановлений¹³ совершенно явствует, что историки и исторические журналы должны были поставить в центре своего внимания историю СССР и историю народов СССР, а между тем по истории народов СССР за весь 1936 год мы дали всего две статьи и почти не дали материала в отделе публикаций. В некотором отношении в 1936 году мы пошли даже назад в сравнении с тем, что было достигнуто в 1935 году. Так, в 1935 году по истории древнего мира было напечатано в «Историке-марксисте» 4 статьи, а в 1936 году — ни одной. По истории <...> в 1935 году — одна, в 1936 г. — ни одной. Совершенно недостаточно освещали историю международных отношений, в частности роль царской России и других империалистических держав в подготовке мировой войны.

Вообще журнал у нас не поспевает за жизнью. Даже в тех случаях, когда появится нужная статья, появляется она с большим запозданием. Вот в первом номере за 1937 год, который вышел в апреле, дана статья, посвященная Пражской конференции нашей партии¹⁴. Такие юбилеи, которые мы должны были отметить в 1936 году, как юбилей Белинского или Герцена, в 1937 году остались у нас неосвещенными. Все это свидетельствует о том, что у редакции не было хорошо продуманного, цельного перспективного плана, что те статьи, которые появлялись, носили случайный характер, попадали в журнал они большей частью самотеком.

Часто мы жалуемся на недостаток кадров. А между тем совершенно очевидно, что редакция не сделала ничего для того, чтобы сплотить вокруг себя эти кадры, чтобы найти их, воспитать, вырастить. В нашем портфеле очень много рукописей, которые месяцами остаются не просмотренными, потому что, на первый взгляд, они кажутся негодными, а между тем, если бы присмотреться к ним больше, если бы попытаться поработать с этими авторами, пусть даже авторами неудачных статей, неудачных первых опытов, может быть, мы что-нибудь сделали бы для выращивания этих новых кадров.

В конце этой части своего доклада я должен сказать, что тот вывод, который сделала «Правда», целиком и полностью мы признаем. А этот вывод заключался в следующем: «Нынешняя редакция „Историка-марксиста“, а следовательно, редактор...» /читает/¹⁵.

Но мало признать свои политические ошибки, которые притом вскрыты не нами, а редакцией центрального органа нашей партии. Совершенно очевидно, что редакции необходимо в кратчайший срок и в корне перестроить свою работу, придать нашему журналу, наконец, подлинно большевистское лицо, сделать его действительно руководящим органом исторического фронта, превратить его в боевой орган марксистско-ленинской исторической науки.

Посмотрим теперь, что мы в редакции сделали для того, чтобы приступить к перестройке, как мы себе представляем дальнейшие перспективы развития нашего журнала, каков с нашей точки зрения должен быть перспективный план «Историка-марксиста» на ближайшее время.

Я уже говорил, что мы ничего не сделали в 1936 году для того, чтобы вскрыть факты вредительства в нашем журнале, поэтому совершенно очевидно, что журнал должен в первую голову заняться этой очистительной работой, должен вскрыть ту гниль, то шарлатанство и вредительство, которые имели место на историческом фронте вообще и на страницах «Историка-марксиста» в частности. Надо вскрыть контрреволюционную троцкистскую сущность концепции, которую протаскивали враги народа, в частности, Фридлянд в области французской революции, в области историографии, где

Фридлянд трактовал всех буржуазных историков как сплошную реакционную массу, где он извращал взгляды Энгельса на историю этой науки и т. д. Необходимо разоблачить фальсификацию истории II Интернационала, данную другим троцкистом — Зайделем. Необходимо разгромить троцкистскую концепцию Ванага, Дубровского в истории СССР, Пригожина в истории капиталистическ <...> ¹⁶ и правого реставратора Бухарина в истории науки и техники, в его клеветнических статьях об обломовщине, якобы присущей русскому народу. Необходимо разъяснить читателю, что в борьбе с троцкистами, правыми и их сообщниками нужны не старые методы, а новые методы, беспощадное выкорчевывание и разгром.

Вот исходя из этой нашей первой и очередной задачи, мы и предполагаем в ближайшем же номере «Историка-марксиста» дать, во-первых, настоящую редакционную статью, которая вскрывала бы все наши больные места, которая дала бы критику того печального прошлого, о котором мы говорили сейчас, и наметила бы перспективы. Затем в этом же номере проектируется статья тов. Козлова «Антинаучная путаница при контрреволюционной контрабанде в „историческом“ освещении Фридлянда», статья Толстова «О вредительстве в истории классового общества», статья Нотовича, специально посвященная той фашистской контрабанде, которую преподнес Фридлянд в своей статье.

Мы не можем больше уклоняться и отмахиваться от разоблачения националистической концепции, имеющейся в исторических работах украинских историков, в том числе академика Грушевского, не можем освободить себя от обязанности бороться с нацдемовщиной в работах по истории Белоруссии. Нам надо дать ряд статей по преодолению и разоблачению антиленинской концепции Покровского и его школы. И здесь намечена вполне конкретная статья, которую мы думаем дать во 2 и 3 номере, это статья Кина «Фальсификация истории великой пролетарской революции Покровским и его школой», статья проф. Бахрушина «Вопрос о крещении Руси»... /ш у м в з а л е, с м е х/.

Напрасно вы смеетесь. Это очень важная проблема.

Голос. Автор?

Лукин. Это очень солидный старый профессор Бахрушин, который уже перестраивается и хочет нам помочь в критике Покровского, и от этой помощи мы не отказываемся и не собираемся отказываться. /С м е х/.

Затем должен дать специальную статью, основательную статью об исторической школе Покровского Дроздов, который [является] специалист[ом] по этому вопросу. /С м е х/.

Затем дальше намечается статья Генкиной «Фальсификация Покровским и его исторической школой истории народничества», статья Рубинштейна. Таким образом, намечается ряд тем, основанных на конкретном историческом материале, в которых мы должны, не ограничиваясь общими фразами и местами, подойти к преодолению ошибочной антимарксистской, антиленинской установки Покровского и его школы на конкретном историческом материале ¹⁷.

Я уже говорил о том, что совершенно недостаточно уделялось внимания истории СССР и истории отдельных народов СССР. Теперь в перспективном плане на конец этого — начало будущего года мы должны будем дать целый ряд статей, посвященных истории отдельных народов, истории СССР, и ряд соответствующих публикаций.

Обращаясь к проблемам, непосредственно связанным с замечаниями членов Политбюро на конспекты учебников, я должен указать на 2—3 проблемы, которые мы думаем осветить в ближайшее время и которые, с моей точки зрения, до сих пор остаются недостаточно освещенными в нашей литературе. Это прежде всего проблема буржуазной и пролетарской революции, во-вторых, буржуазной и буржуазно-демократической революции. Я не знаю, как у вас, но в МГУ на истфаке до сих пор не только среди студентов, но и среди преподавателей нет еще вполне правильного и отчетливого мнения на этот счет — чем же буржуазно-демократические революции отличаются от буржуазных и какие из имеющих место в ходе исторического процесса революции могут быть отнесены к той или другой категории?..

Голос. Сталина читайте...

Лукин. Мало Сталина читать. А вы покажите [это] на конкретном материале революции [18]48 года во Франции и скажите, какая это революция, тогда вы выполните свою задачу, а рассуждать вообще, что существуют такие-то и такие-то революции — этого мало. Выполните здесь указание Сталина тем, что разберитесь в конкретном историческом материале и дайте ответы на эти вопросы.

Именно Сталиным был поставлен вопрос о контрреволюционной роли царизма на международной арене, о царизме как жандарме Европы. На эту тему до сих пор мы не дали ни одной настоящей статьи. Правда, Институтом истории Академии наук готовится чрезвычайно большая публикация именно на эту тему, но эта публикация будет [давать] еще сырой материал. Надо этот сырой материал использовать для того, чтобы осветить эту проблему на конкретном историческом материале.

Журнал должен дать и ряд статей, освещающих борьбу партии против контрреволюционного троцкизма и его сообщников — правых реставраторов. Конечно, эта тема в большей степени должна трактоваться на страницах «Истории революции», но я считаю, что и «Историк-марксист» не может отмахиваться от подобного рода тем.

К 20-летию Великой пролетарской революции мы предполагаем дать специальный номер, который намечен у нас в таком составе: 20 лет Великой Октябрьской социалистической революции, социалистическое строительство в годы первой и второй пятилетки. Это должен дать кто-нибудь из экономистов. Статья по истории гражданской войны..... /ч и т а е т/. Затем документация и отдел критики и библиографии. Причем [в] отдел критики и библиографии [войдут] критические обзоры, рецензии на отдельные книги, которые выйдут к 20-летию юбилею Великой пролетарской революции. Кроме того, намечены следующие критические обзоры: обзор публикации по истории народов СССР за 20 лет и Октябрь в исторической литературе и т. д. Вот что представляет из себя этот юбилейный номер.

В нашу тематику должна еще войти одна важная проблема или ряд проблем. Мы, товарищи, несомненно стоим перед опасностью новой мировой войны, войны, которая будет решающим столкновением двух систем — социалистической и капиталистической. Отсюда необходимость помещения в нашем журнале ряда статей, объясняющих реальную обстановку и тайны, из которых война рождается. Мы должны, с другой стороны, освещать героическую борьбу нашей Красной Армии в гражданской войне. Мы должны на этом конкретном историческом материале воспитывать наших читателей в духе ленинского завета — защиты социалистического Отечества, в духе советского патриотизма. Эта проблема связана с происхождением мировой войны. Не только в нашем журнале, но и вообще в нашей исторической литературе эти вопросы разрабатываются крайне недостаточно. Кроме западноевропейской публикации мы имеем наши советские публикации, достаточно внушительные: вышло 8 томов и сейчас мы имеем ряд мелких публикаций, которые помещены в «Красном архиве».

Мне кажется, что одной из ошибок нашего журнала было то, что мы за последнее время игнорировали важнейшие эпизоды военной истории вообще. Военная история самых различных эпох, будь то Пелопонесская война или Пунические войны, или революционные войны, буржуазная революция во Франции, наконец XVIII век, наполеоновские походы, кампания 1812 года, колониальные войны, наконец, важнейшие сражения в первую империалистическую войну, победы нашей героической Красной Армии на фронтах, — все это должно войти в нашу тематику, ибо все это является составной частью той самой гражданской истории, учиться и создавать которую мы должны в силу директив партии и правительства.

Еще одна важная проблема или ряд проблем методологического характера. Вы, вероятно, знаете, что Институт истории Академии наук в этом году приступает к осуществлению двух капитальных задач: во-первых, к написанию академической истории СССР, и, с другой стороны, к написанию всемирной советской истории. Но прежде чем приступить к конкретному написанию этих двух работ, приходится разрешить целый ряд чрезвычайно важных методологических проблем и, в первую очередь, проблем, связанных с периодизацией древней, средневековой истории и т. д. Такие проблемы, как построение самой схемы истории СССР и схемы всемирной истории. Этот ряд проблем методологического характера также должен найти освещение на страницах нашего журнала.

Мне хотелось бы, чтобы в процессе обмена мнений, в процессе той суровой критики, которой, вероятно, подвергнут наш журнал, вы высказались бы также о самой структуре этого журнала, о соотношении между различными его отделами.

Все-таки нужно сказать, если отвлечься сейчас на минуту от качества статей нашего отдела критики и библиографии, то все-таки надо сказать, что в 1936 году мы, следуя указаниям соответствующих директивных органов, добились здесь некоторого сдвига в том отношении, что журнал стал уделять гораздо больше внимания отделу критики и библиографии, чем это делалось раньше. На это указывает простая статистика. В 1935 году отдел критических статей, рецензий и библиографий составлял по листажу в среднем 7,5% в течение года, а в 1936 году совокупность тех же отделов занимала листаж 12,4%. В 1935 году мы дали всего только 54 рецензии, в 1936 году — 108 рецензий и

88 библиографических заметок. Правильно ли это усиление внимания к отделу критики и библиографии, которое было проявлено редакцией в этом году? Правильно ли мы сделали, что уделили достаточно места именно этим разделам? С другой стороны, нужно признать неправильным, что в 1936 году у нас исчез раздел, который существовал в 1935 году, а именно раздел преподавания истории и прежде всего преподавания истории в высшей школе.

Вот таковы, товарищи, наши планы и перспективы.

Нужно сказать прямо, что все эти планы и перспективы в значительной мере могут оказаться благим пожеланием, если вокруг журнала мы не сплотим мощный актив. В 1936 году число всех авторов, которые так или иначе писали на страницах нашего журнала, исчисляется всего 86 человек. Это очень узкий круг авторов, на котором трудно базироваться. Как его расширить? Прежде всего путем частых созывов актива журнала, как авторского, так и читательского. Этот актив должен рассматривать годовой и перспективный план журнала, он должен в то же время помочь редакции путем обсуждения важнейших, наиболее актуальных и в то же время спорных проблем или статей, которые намечаются в журнале. Этот актив одновременно должен быть тем самым контролем снизу, о котором говорил т. Сталин на Пленуме ЦК¹⁸, и только этот контроль снизу поможет нам уберечься от тех политических ошибок, от тех провалов, которым, к несчастью, так богат оказался наш журнал за 1936 год. Этот контроль снизу путем контроля широкой демократии, широкого авторско-читательского актива явится важнейшей помощью для руководителей журнала.

Далее необходимо установить более тесную связь «Историка-марксиста», в первую очередь, конечно, с Институтом [истории] самой Академии наук, затем с такими учреждениями, как институты красной профессуры, Институтом истории [красной профессуры], который до сих пор стоял в стороне от института нашего и журнала, хотя тов. Дроздов, вероятно, об этом [он] вам скажет, делал попытки привлечения вас к этому журналу, но вы туго шли на это. Но сейчас скажу, мы плохо вас звали, мы вас не приглашали, мы перед вами не отчитывались, поэтому вы стояли в стороне от нас и мы в стороне от вас. Я уже не говорю о таких статьях, которые для молодых товарищей могут быть трудны. Но возьмите такой отдел, как отдел критики и библиографии. Мне кажется, к этому отделу можно привлечь слушателей ИКП даже первого курса, как и аспирантов наших истфаков. Здесь вы могли бы пройти предварительную школу. Это было бы помощью не только для журнала, но и для вас самих. Между тем в этом направлении до сих пор ничего не было сделано. Этим объясняется тот факт, что критико-библиографический отдел нашего журнала очутился в монополии главным образом старых специалистов или беспартийных, что крайне нежелательно и совершенно недопустимо. Тут нужно притянуть максимум молодых коммунистических сил, нужно их сплотить именно здесь, где выковываются молодые историки-коммунисты, где они получают предварительную подготовку.

Очень плохо до сих пор журнал был связан вообще с научно-исследовательскими историческими организациями. Если посмотрите хронику научной жизни в пределах СССР, легко убедиться, что эта хроника в значительной мере случайная. Журнал для того, чтобы покончить с таким положением вещей, должен завести целую сеть специальных корреспондентов в каждом таком учреждении. Скажем, и в вашем Институте истории, который должен регулярно, раза два-три в месяц давать хронику, освещающую научную жизнь вашего института. Такого же рода корреспонденты должны быть заведены нами во всех крупных научно-исследовательских учреждениях не только Москвы и Ленинграда, но и целого ряда союзных республик, областных и краевых центров.

Далее, в целях расширения круга наших авторов, нам нужно будет выйти с соответствующими докладами и на места и, в частности, связаться с крупными республиканскими и союзными центрами. Дело в том, что в целом ряде наших союзных республик имеются очень крупные научные силы, которые, однако, как-то совершенно оторванными остались до сих пор от наших центральных периодических изданий, которые участвуют в научной жизни у себя в Армении, Грузии, Азербайджане, но которые не связаны с нами. А поскольку мы приступаем сейчас к истории СССР, рассматривая ее в теснейшей связи с историей отдельных народов СССР, помощь этих историков, их привлечение к работе в нашем журнале является одной из очередных задач.

Повторяю, только быстрая и решительная перестройка всей работы редакции, но перестройка, совершаемая при энергичной помощи со стороны исторической общественности, поможет нам ликвидировать тот тягчайший прорыв, который получился в нашем журнале, поможет нам, наконец, приступить к выполнению тех директив, которые даны историческому фронту партией и правительством.

Председатель¹⁹. Товарищи, я думаю, что на вопросы потом будут отвечать. Следующее слово для сообщения об «Историческом журнале» имеет тов. Вейланд.

Вейланд. Товарищи, «Исторический журнал», как вы знаете, по характеру отличается от «Историка-марксиста». Это массовый журнал, популярный журнал по вопросам гражданской истории, но это, конечно, еще в большей степени ставит перед ним как перед массовым журналом необходимость давать исторический материал на высоком идейно-политическом уровне, поскольку он воспитывает широкие кадры читателей, — и давать его на необходимой теоретической высоте.

В 1937 году наш журнал получил еще новую задачу. Мы освещаем также и вопросы преподавания истории. У нас введен постоянный раздел по вопросам преподавания истории. Это, так сказать, больше определяет физиономию нашего журнала как журнала, который рассчитан главным образом на преподавателей средней школы, рассчитан на пропагандистов, на партийный актив, но журнал, который должен давать, как нам сказали в ЦК, интересное историческое чтение, значит, следовательно, рассказывать и излагать определенные периоды гражданской истории, причем ставить эти вопросы актуально и политически остро.

И вот, товарищи, нужно сказать, что в этом отношении, в отношении идейно-политического уровня того материала, который мы давали, мы должны признать, как это правильно указывала «Правда»²⁰, что в этом отношении мы не были на высоте. Редакцией нашего журнала была проявлена также политическая близорукость. Вы знаете, что в состав редакции нашего журнала пробрался враг народа Дубыня²¹. Хотя он не принимал активного участия в работе журнала, но прикрывался званием члена редколлегии для того, чтобы творить свое гнусное, подлое дело.

Затем на страницы нашего журнала проникли в 1935 году также статьи врагов народа. Были напечатаны статья Ванага, статья Фридлянда, несколько статей Анатольева, Зельцера, Парадизова²². В этом отношении нами была проявлена политическая близорукость и беспечность, мы не сумели разоблачить врагов, которые подвизались на историческом фронте, в то же время и на том участке, на котором мы работаем.

Вы читали ту статью, которая была в «Правде» о нашем журнале. Целиком мы считаем правильной ту оценку, которую дает «Правда» о состоянии работы нашего журнала, и ту критику по отношению к нам, и обвинение в политической близорукости и беспечности и в том, что мы работали не на том идейно-политическом уровне, который сейчас с особой остротой требуется от всех работников идеологического фронта.

Конкретно, какие у нас были недочеты за 1936 год и за первые месяцы 1937 года? Одна из центральных задач, которая была поставлена перед историками еще в замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова, вы знаете, — критика антимарксистской концепции Покровского. Что было сделано в этом направлении у нас? Все-таки по количеству кое-что мы сделали. В 1936 году было у нас дано примерно десять статей, в которых мы критиковали концепцию Покровского. Из них шесть статей по определенным вопросам конкретной истории, как, например, о Смутном времени, о Минине, Пожарском, реформах Петра I, о Богдане Хмельницком и т. д. Мы ставили перед собой задачу поставить те вопросы, на которых было заострено внимание в связи с критикой концепции Покровского. Были даны некоторые статьи, но эти статьи были не на том идейно-политическом уровне. В ряде из них не были поставлены вопросы с политической остротой.

Возьмем статью о Б. Хмельницком²³. Тут что было положительного? Была поставлена целая глава критики Покровского, показан прогрессивный характер [объединения], но не было разоблачено вредительство школы Покровского в этом вопросе, то, что школа Покровского замалчивала стремление к овладению украинской массой [идеей объединения] с русскими трудящимися для борьбы против поляков. Это делали совершенно сознательно враги народа. У нас, несмотря на то, что была поставлена критика концепции Покровского и его учеников по этому вопросу, мы этот вопрос не заострили, автор не поставил его, мы не выправили, поэтому критика Покровского дана беззубо, дана слабо.

В ряде статей, например, по проблеме реформ Петра I, критика Покровского дается в одном абзаце, недостаточно. Некоторые проблемы, которые мы ставили в связи с замечаниями тт. Сталина, Кирова, Жданова, мы разворачивали, [показывая] положительные стороны вопроса, и забывали дать критику Покровского.

Надо сказать, в некоторых статьях в начале 1936 г., которые мы давали, когда мы сейчас просмотрели, мы видим, в некоторых статьях у нас прямо были неправильные положения, такие, которые шли по этой же линии, как и установки Покровского. Вот, например, статья Звягинцева в № 2

за 1936 год, где он великого ученого Ломоносова называет угодливым ученым²⁴. И больше мы ничего не нашли сказать в этой статье. Эта статья не была посвящена Ломоносову, но попутно шла речь о Ломоносове, и была дана такая характеристика. Эта характеристика целиком идет по линии этого вредительства, которое было на участке исторического фронта.

Так что надо сказать, хотя мы сделали попытку поставить эти вопросы, критикуя концепцию Покровского, но в этом отношении идейно-политический уровень этой критики заставляет желать многого, и в ряде случаев он был прямо-таки низок, и необходимой политической остроты в критике не было. Поэтому это первый урок, который мы делаем после критики, которая была в «Правде», и после того, как мы сами критично просмотрели свою продукцию.

Дальше — разоблачение вредительства на участке исторической науки. Здесь мы почти ничего не сделали. Что у нас за 1936 год было? Была дана статья о книге Пионтковского, критическая статья²⁵. Это единственная статья. И все-таки критика, которая была дана, она совершенно не соответствует вредительскому значению этой книги, и перед нами стоит задача поставить вот эти вопросы, которые мы ставили недостаточно, слабо. Поставить их именно с необходимой политической остротой.

Дальше, товарищи. Какие у нас были недостатки на других участках? Это, значит, по истории СССР. Возьмем новую историю. По новой истории здесь было очень мало сделано опять-таки в разрезе выполнения тех указаний, которые были даны Сталиным, Кировым и Ждановым на конспекты учебников новой истории. Очень мало было сделано. В частности, вопросы Французской буржуазной революции. Потом — в чем отличие этой буржуазной революции, ее завоеваний по сравнению с пролетарской революцией — это было сделано только мимоходом в одной статье, которая трактовала конституцию Франции²⁶. Это явно недостаточно, и мы ставим задачу дать серию статей по Французской революции и здесь же разоблачить вредительство Фридлянда на этом участке, потому что по разоблачению вредительства на этом участке мы не сделали ничего, кроме критики Пионтковского и Ванана. Ни Фридлянда, ни других вредителей мы ни в одной статье не разоблачили.

Следующий крупный недостаток в работе нашего журнала — вопрос борьбы против фашизма. Здесь вопрос должен так стоять: прежде всего разоблачение фашистской историографии на конкретной истории, в частности, например, на вопросах древней, средней истории, потому что известно, что фашистская историография использует древнюю, среднюю историю для того, чтобы подтвердить свою фашистскую теорию. Что в этом направлении мы сделали? Была за 1936—37 год всего одна статья, которая разоблачала фашистскую историографию по средневековью. В отношении борьбы народных масс против фашизма мы дали несколько статей по истории Испании, но опять-таки совершенно недостаточно, совершенно не в соответствии с тем значением, которое имеет борьба народных масс Испании против фашизма²⁷. И поэтому в этом направлении мы тоже должны совершить серьезный поворот.

Дальше возьмем вопросы истории партии. Опять-таки здесь, если взять количественную сторону, надо сказать, что в данных статьях по истории партии, — примерно в статьях 13-ти, и из них большинство статей были по истории борьбы партии с уклонами, — совершенно мы не затрагивали таких вопросов, как вопрос о борьбе с троцкизмом на международной арене, вопрос о борьбе с национальными уклонами. Не было поставлено затем вопроса относительно борьбы с правыми, и только статья о борьбе с правыми дается в том номере, который сейчас должен выйти²⁸. Между прочим, товарищи ждут нашего номера. Имеется только 1 и 2 номера, 3 и 4 сдвоены и выйдут к 10 мая с очень большим запозданием. Надо сказать, что в этом отношении наш журнал работал довольно аккуратно в прошлом году, здесь же получились серьезный прорыв, но надеемся, что следующие номера будут выходить вовремя.

Итак, товарищи, вы видите, что целый ряд серьезных недостатков, прорывов было в работе нашего журнала, что нам необходима серьезная перестройка.

Но прежде чем перейти к тем вопросам, которые мы сейчас намечаем в ближайшее время, какую мы хотим взять тематику, я хочу указать на те кадры, с которыми мы работаем. В этом отношении наше положение несколько иное, чем положение «Историка-марксиста». Наш журнал не может добиться статей таких крупных историков, как Козлов, Дроздов, нам приходится прибегать и выискивать себе молодые кадры. Так что нам в силу необходимости приходится обращаться к молодым кадрам и выискивать эти кадры. Все-таки мы должны сказать, что кое-кого мы вытащили и вырастили даже. За 1936 год у нас было примерно 15 авторов, которые впервые выступали в печати на страницах нашего журнала. Причем нужно сказать, что, работая с авторами, мы проводили большую работу с тем материалом, который они нам давали. Из этих статей при надлежащем желании и вни-

мании к авторам можно сделать действительно интересный материал. В качестве примера можно привести: у нас был ряд статей по истории гражданской войны участников гражданской войны, которые сами никогда не писали. Они давали материал, конечно, очень плохо составленный, но очень интересный материал. И вот мы долго работали над этими статьями и в конце концов статьи получились неплохие. Была статья Шорохова об одном эпизоде из гражданской войны периода германской оккупации. Затем статья по истории партии Орехово-Зуевской организации в апреле 1917 года. Это были участники того периода, которые могли представить фактический материал²⁹. Кроме того, мы привлекли и молодых работников, студентов истфаков и аспирантов.

Вот в этом ближайшем номере появится статья Софинова. Это совершенно молодой паренек, — и очень интересная статья о внутренней политике Александра III³⁰. Над этой статьей много пришлось поработать, давали указания автору, и она вышла очень интересной. Молодой автор Бычков дал нам статью о Пушкине в пушкинском номере³¹. Есть кое-кто, из икапистов очень мало кто работает. Тут и наша вина, и ваша. Вчера мы просмотрели, кто же дал, и наткнулись на две статьи Селезнева³², — и больше ни одной не было. Но что было ценного в этой статье? Он, видно, работал над первоисточниками, над Марксом, Энгельсом и дал интересный материал, но нужно сказать в качестве критики, что у товарища небрежное отношение к первоисточникам. В первой статье не было ни сносок, ничего. Когда стали проверять сноски, все было перепутано, наврано, чуть ли не наизусть цитировались определенные места из Маркса. Или делалось так: дается цитата — она составляется из пяти страниц и в одну вклеивается. Это недопустимо, особенно со стороны икаписта, который должен уметь обращаться с первоисточниками. Но эта статья говорит о том, что мы можем и должны привлекать кадры из института по нашим основным разделам.

Что у вас ценного — вы работаете с первоисточниками. Что является нашим врагом — это работа с халтурой. Человек взял статьи, вспомнил, что у него в голове и т. д. Но ведь вы сидите над первоисточниками. Если товарищ работает над первоисточниками в течение месяца, углубляется, какой ценный материал он может дать для нашего читателя. А наш читатель — преподаватель истории. Сейчас нет учебников, и вы можете оказать большую помощь нашему журналу.

Мы разработали тематику на ближайшее время, и я думаю, что мы можем ее оставить здесь у вас, и вы ближе с ней познакомитесь. Причем я должна сказать вам, что помощь мы будем вам оказывать большую в смысле обработки. Нам часто приходится сокращать статьи. Затем в смысле указаний и т. д. Так что нам было бы очень желательно, если бы вы ближе подтянулись к нам. Нужно сказать, что историко-партийный ИКП к нам ближе подошел, или мы ближе подошли. У нас разработана тематика к 20-летию Октябрьской революции, мы с ними связались, и, товарищи разобрали определенные темы. Эти товарищи взяли темы и работают над ними, и, думаю, что должен быть неплохой материал. При соответствующей литературной обработке этой будет ценным для нашего читателя.

Так что относительно кадров так у нас обстоит дело, и мы думаем, что вы ближе подойдете к работе нашего журнала, именно как авторы.

Теперь, товарищи, какие наши ближайшие задачи, которые мы поставили перед собой? Ну, это ясно из той критики, которая была дана нашей работе, которую мы сами себе даем, причем еще даем недостаточно, не развернуто. Мы думаем, что вы нам в этом отношении поможете, укажете на те недочеты, которые мы не сумели заметить. Ясно, что из критики этих недочетов вытекают и наши ближайшие задачи.

На чем мы должны заострить внимание? Вот мы разработали тематику по истории СССР. Какие вопросы мы берем? Мы берем в большинстве тем определенные конкретные вопросы, по которым мы должны разоблачать и будем разоблачать и концепцию Покровского, и вредителей на этом участке истории. Некоторые темы я приведу: «Колонизация Крыма», «Бироновщина», «Внешняя политика Петра I» и еще ряд других, «Киевская Русь»... Основные прежде всего темы, которые недостаточно освещены. Это период Киевской Руси. Здесь вопрос относительно удельных княжеств, Киевская Русь IX—XII веков.

Затем дальнейший этап — татарское нашествие и то значение, которое оно имело. Здесь дается критика вредительства в этом вопросе. Дальше: «Поход Ермака», «Восстание Степана Разина» и ряд других тем — «Царизм — международный жандарм Европы», «Война 1812 г.», «Декабристы», «Белинский, Герцен, Чернышевский», «Завоевание Кавказа и Закавказья», «Внешняя политика Николая» и т. д. [Всего] 37 тем. Мы предполагаем, что по каждому освещенному вопросу должна быть критика Пионтковского, Ванага и других.

Вопросы древней и средней истории. В прошлом году эти вопросы освещались, но опять-таки,

если взять, какие проблемы мы выдвигали на первый план, все-так мы не заострили внимания на тех вопросах, которые являются актуальными в борьбе с фашистской историографией и вредительством на историческом фронте. Сейчас мы это выправляем. Мы предполагаем по древней истории дать статью, в которой показать рабовладельческий характер афинской демократии, так называемый «золотой век» Перикла. Здесь будет разоблачение Преображенского³³, который считал афинскую демократию, что это есть совершенно непревзойденный строй. Затем дальше нужно дать статью относительно рабовладельческой демократии древнего Рима. Вообще [нужен] ряд статей, в которых давалась бы критика фашистских историков. В этом разрезе мы перестраиваем нашу тематику по древней истории.

Дальше возьмем среднюю историю. В этом отношении было мало дано. Если взять конкретную тематику, мы не увязывали [ее] с искажениями фашистских историков. Так, например, тема «Древние германцы». Здесь нужно показать, что представляли собой древние германцы в противовес тому, что пишут фашисты. Затем статья «Византия в VI—XI веке». Здесь нужно показать культурное влияние Византии на Киевскую Русь. «Арабы в VI веке» — показать, какое это имеет значение, показать, что это все-таки высокий уровень культуры, и разоблачить фашистскую расовую теорию. Затем статья «Крестьянская война в Германии в 1525 году», которую немецкие фашисты считали за прямую предтечу фашистского движения. Затем — вопросы истории Испании, истории средневековой Испании, испанская инквизиция. Мы это давно собирались дать, но никак не могли найти автора.

Затем показать такую статью, где бы мы разоблачали, что значат гитлеровские слова «Германия начинается там, где <...>». Затем политика Германии по отношению к славянским народам. Мы уже в 3—4 номере даем статью о Невском побоище³⁴, но это только первая статья, мы предполагаем дать ряд других статей. Вот тематика, которая намечается нами по средней и древней истории.

В отношении новой истории, какие тут должны быть центральные, узловые моменты? Здесь прежде всего мы должны исходить из тех замечаний, которые были сделаны Сталиным, Кировым и Ждановым на конспекты учебников.

Тот вопрос, о котором говорил т. Лукин. Мы намеряем поставить, в частности, вопрос относительно французской буржуазной революции и сравнить ее с пролетарской революцией.

Второе, надо дать истории больше, чем мы это давали, истории колониальных и полуколониальных стран, истории Индии, Тайпинской революции, затем историю Китая, Китайской революции, историю китайской Красной армии. Это вторая группа вопросов — колониальные и полуколониальные страны.

Третье — это отрасль по новой истории, два очага империалистической войны — Япония и Германия, показать империалистическую политику Японии и ту революционную борьбу, которую ведут в ней массы, историю этой революционной борьбы, и то же по отношению к Германии. Это — примерно та тематика, которую мы намеряем по новой истории.

То же самое по истории партии. Мы наметили по истории партии ряд тем, которые дают борьбу партии с уклонами, в частности, статья о борьбе с правыми в Москве, борьба с углановщиной, борьба с уклонами по национальному вопросу, в частности, борьба с грузинскими уклонистами. Помимо этого, хотим дать борьбу с уклонами наших братских компартий, борьбу с троцкистами во французской компартии и в Германии.

Теперь, товарищи, центральным разделом за 1937 год должен стать раздел о XX-летию Октябрьской революции. В этих номерах он был слабо представлен.

Благодаря помощи историко-партийного ИКП, мы думаем, нам удастся выполнить те задачи, которые перед нами стоят.

Теперь, товарищи, вопрос о перестройке нашей работы в отношении связи с нашим авторским и читательским активом. Мы хотим на 10 мая созвать актив нашего журнала. Мы просим, чтобы там были и ваши представители, и там мы дадим более развернутую критику работы нашего журнала и дадим точный, вполне разработанный план нашей работы. Вообще такие активы мы будем устраивать периодически. До сих пор, нужно сказать, мы не собирали ни наших читателей, ни авторов, и это крупнейшая ошибка, которая в конце концов отразилась на всей нашей работе. Может быть, ряд наших недочетов был бы гораздо раньше выявлен, если бы поставили нашу работу под критику снизу наших читателей и наших авторов.

Вот примерно, товарищи, то, что я хотела сообщить о работе нашего журнала. Вы, наверно, журнал читаете и сумеете раскрыть дополнительно еще ряд недочетов, которых у нас, к сожалению, немало, и мы думаем, что при вашей поддержке, всего нашего актива мы все-таки журнал выправим.

Председатель. Продолжим наше собрание. <...> Следующее сообщение о журнале «Красный архив» имеет тов. Максаков.

Максаков. Товарищи, журнал «Красный архив» — самый старый из всех тех, кто сегодня имел здесь сообщения, но впервые этот журнал делает, хотя краткое, сообщение на таком широком собрании. Я, принимавший участие в этом журнале с самого основания, не помню случая, чтобы приходилось отчитываться на таком собрании, если не считать наших докладов о работе Центрархива и, по сути, о работе журнала «Красный архив». Это одно говорит о том, что у нас должно быть очень много и ошибок и недочетов и провалов в работе, потому что такой разрыв с обществом историков не может не отразиться на работе исторического журнала.

Характер нашего журнала особенный и отличный от журнала «Историк-марксист» и от «Исторического журнала», и от журнала «Пролетарская революция»: мы — журнал исторических документов, журнал, публикующий документы и как будто не занимающийся исследовательской работой. Но, по существу дела, публикация документов — это есть огромная историческая исследовательская работа, потому что нужно знать, что публиковать, нужно уметь публиковать, уметь подать документальный материал, уметь комментировать эти исторические документы, это значит вести большую исследовательскую работу, это значит, что необходимо иметь четкое и ясное представление, что нужно историческому фронту, что нужно массам из того огромнейшего материала, который находится в наших исторических архивах. Задача огромная, задача серьезная и, естественно, требующая серьезного, вдумчивого отношения к делу.

Как мы в журнале «Красный архив» справляемся со своими задачами? Я должен сказать, что все, что было сказано здесь т. Лукиным о журнале «Историк-марксист», о его ошибках, о провалах, которые имеются в работе этого журнала, в значительной своей части относится и к нашему журналу. Я должен констатировать, товарищи, факт, что не все историки, молодые в особенности историки, знакомы с нашим журналом так, как нужно было быть знакомым, не все работают с ним. Это, товарищи, осложняет наше положение, осложняет возможность развернуть самокритику в этом журнале. Тт. Лукину и Вейланд больше общество историков помогает в этом деле, и, я думаю, что и нам сегодня собрание поможет глубже и шире вскрыть недочеты и ошибки в нашей работе.

Прежде всего, что собой представляет наш журнал? Хочу сказать об этом несколько слов в связи с моим замечанием, что присутствующие на сегодняшнем собрании товарищи [не] все систематически, регулярно читают, работают над нашим журналом. Один из товарищей, которого я встретил при входе на сегодняшнее собрание два часа тому назад, сказал, что у нас журнал этот лежит, кое-кто заглядывает в него, но тогда, когда там появляются документы, относящиеся к теме его работы, а в целом слабо читают его. Может быть, товарищ не вполне точно отобразил действительное положение вещей...

Голос. Сфотографировал.

Максаков. Тогда я считаю себя вправе лишние 7—10 минут взять хотя бы для того, чтобы сказать, что наш журнал представляет собой.

Журнал исторических документов, значит, занимаемся публикацией их. Какие документы публикуем, как подходим к этому делу?

Я, товарищи, вспомнил, идя на это совещание, то, что журнал писал в своем первом номере, что он думает делать. Девизом «Красного архива» мог бы быть афоризм — «нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным». Его основная задача — разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии. Дальше это развертывается и добавляется: «параллельно с этой главной задачей „Красный архив“ не уклоняется от опубликования документов, представляющих исторический или историко-литературный интерес». И заканчивается: «Печатаемая и не дипломатические материалы, редакция „Красного архива“ будет верна своему девизу, освещая тот период русской истории и те стороны этого периода, которые ближе всего к нам по времени и окутаны наиболее густым покровом легенды...»³⁵.

Голос. Кто это писал?

Максаков. Писал Покровский, — я потом об этом скажу, — Покровский, который является основателем этого журнала. Я скажу, почему я цитирую это и почему мне важно сказать на сегодняшнем собрании.

Вот как редакция «Красного архива» определяла свою задачу с начала своего существования. И если мы посмотрим на номера журнала за 1921/22 г., до последних лет, то в общем журнал шел этим путем, т. е. он занимался публикацией документов, касающихся внешней политики царской России. Огромнейшее количество материалов опубликовано по этой линии и затем довольно большое количество материалов опубликовали, относящихся к периоду первой русской революции. И затем довольно значительное количество материалов Октябрьской социалистической революции, хотя в меньшей мере. И если мы посмотрим, что сделано сейчас, в последнее время, что мы имеем за последние два года — 1935 и 1936, то мы увидим, что здесь положение несколько иное. А именно, я дам краткие цифры в каком соотношении находится публикация по ряду тем за этот последний период времени. По рабочему и крестьянскому движению, в особенности в связи с 1905 годом, за 1935—1936 год было опубликовано небольшое количество материалов. По Октябрьской революции и гражданской войне в 1935 году было опубликовано 205 страниц, в 1936 году — только 42 страницы. По истории партии — 165 страниц, по истории народов — около 150 страниц. Остальное падает на материалы, относящиеся к более древнему периоду, затем на материалы, относящиеся к дневникам, перепискам политических деятелей и, наконец, к историко-литературному материалу. Как видите, вопросам внешней политики уделяется значительно меньше места, о них почти не упоминается, хотя кое-какие публикации были. Материалам Октябрьской революции уделено чрезвычайно мало места.

Если взять в цифровом выражении, если подойти с точки зрения соотношения отдельных групп документов между собой, какой конкретный материал был за эти годы опубликован, если взять материалы по истории партии, то здесь мы имеем большую публикацию, связанную с борьбой за Третий съезд, переписку центра с местами. Затем материалы по эпохе «Звезды» и «Правды», материалы, связанные с Пражской конференцией и работой большевистской фракции 4 Государственной думы.

Октябрьская революция и гражданская война. Здесь мы имеем материалы, связанные с разгромом Врангеля. По архиву Красной Армии и Октябрьской революции большой материал о горской контрреволюции и интервенции, борьба за рабочий контроль в 1917 году, документы Московского революционного комитета. Кроме того, сюда следует отнести материалы, связанные с биографией Орджоникидзе в период гражданской войны. Затем материалы борьбы за землю в период от Февраля к Октябрю и трудовом казачестве, о Бресте.

Дальше идет большое количество материала по рабочему и крестьянскому движению. Что мы дали за 1935—36 год по рабочему движению? Большое количество документов о стачечном движении 1905 года в Иваново-Вознесенске, материалы, связанные со стачечным движением в Донбассе и ряде других местностей. Тут надо учесть, что 1935 год — это год юбилейный, и поэтому довольно значительное количество документального материала относится к 1905 году. Затем по крестьянскому движению — материалы об аграрном движении в Черниговской губернии, в Херсонщине, в центральной полосе России и материалы, связанные с реформами 1861 года (юбилейная опять дата, совершенно упущенная и «Историком-марксистом» и «Историческим журналом»). Мы дали две публикации довольно большие, и, несомненно, одна из них имеет большое значение. Затем материалы, относящиеся к Смоленской губернии, также по аграрному движению и крестьянскому движению начала XIX в.

Следующая группа документов, которые мы дали в 1935—36 гг., — документы, относящиеся к истории народов СССР. Здесь мы дали Бурятию в XVII веке, документы, относящиеся к истории Бурят-Монголии в XVII веке. Затем — сношение казаков с царской Россией в XVIII веке. Затем материал о земельных отношениях в Дагестане в период между двумя революциями, восстание в Средней Азии [19] 16-го года, и, наконец, по истории Якутии, о союзе якутов в 1905 году.

Вот краткий перечень документов, которые были опубликованы по тем основным разделам, о которых я упоминал выше.

Еще упомяну две публикации, связанные с необходимостью поднять документальный материал по вопросам избирательного права, конституции и т. д. в дореволюционное время. Здесь мы дали две публикации. Первая — это избирательные права женщин в период царизма, в период разработки положения о Государственной думе, и затем — избирательные права в национальных республиках и областях в условиях царизма.

Дальше идут те публикации (дневник историка литературы и пр.), на которых я подробно не буду останавливаться.

Я считал необходимым назвать эти темы для того, чтобы осветить общее положение у нас с тематикой публикаций. Вы видите, что сейчас в 1935—36 г. наш журнал, работающий на основании огромнейшего архивного материала, сосредоточенного в наших исторических архивах, должен был

дать нашим историкам — преподавателям истории материал по истории Октябрьской революции, материал кануна буржуазно-демократической революции, по истории буржуазно-демократической революции и, наконец, шире подойти к публикации материалов самой Октябрьской социалистической революции. Как видите, этому вопросу уделено нами наименьшее внимание, и здесь, товарищи, одна из важнейших, из основных наших ошибок в работе за последний период времени. Она показывает на отсутствие действительной плановости в нашей работе, действительного учета, необходимости политической остроты, политической направленности всей работы журнала, и о том, что мы [ошиблись] накануне 20-летия Октябрьской социалистической революции, [хотя] мы прекрасно знали два-три года тому назад, о том, что документальный материал нужно извлекать из архивов и обрабатывать гораздо раньше, а не в тот момент, день и год, когда нужно документ использовать в журнале. Мы об этом тоже знали, но тем не менее тех необходимых мер, которые нужно было принять, мы не приняли, и мы дадим материал по Октябрьской социалистической революции, вероятно, в 1937 году, в конце 1937 года, но не в 1936 году, не в начале 1937 года, когда обязаны были дать. Наоборот, получилось такое положение, что мы в 1935 году дали гораздо больше документального материала по истории Октябрьской революции, чем в 1936 году. Я потом скажу о том разрыве, который существует между архивами и журналом. Это первое, что необходимо отметить в связи с тематикой нашего журнала.

Второе. Как вы слышали, из того, что было написано в первом томе журнала, мы не должны были заниматься древнейшей историей, — упор был сделан в сторону новейшего времени, упор был в сторону того, чтобы отказаться от этой пыли древнейших времен, и это довольно «свято» соблюдалось до самого последнего времени. Это, товарищи, несомненно, было отражением общих взглядов Покровского на конкретно-исторический материал, и [обуславливало] то, что мы, работавшие под руководством Покровского, шли в данном случае слепо за Покровским. Об этом свидетельствует целый ряд номеров нашего журнала по этой линии.

Когда нам теперь со всей четкостью и ясностью говорят о необходимости дать конкретно-исторический материал, дать материал по истории народов, то, товарищи, мы начинаем вспоминать, а почему мы до этого времени не занимались этими вопросами? Потому что любой вопрос, связанный с историей народов, он нас обязательно подводит к необходимости вскрыть исторический материал, хранящийся в феодально-крепостническом архиве, в Военно-историческом архиве, в ленинградских исторических архивах и т. д. и т. д. А отношение к этим архивам, к документам этих архивов было таково, что они находились в полужамороженном виде в силу того, что они не являются актуальными, что здесь достаточно можно использовать отдельные документы для иллюстрации того или иного тезиса, положения, но не нужно ворошить, шевелить всей массы документального материала, чтобы на этой основе уже сделать тот или другой вывод, подкрепить то или иное положение.

И вот только теперь, когда перед нами появились документы, исходящие от Политбюро ЦК нашей партии, когда мы читали указания, сделанные по учебникам гражданской истории³⁶, мы стали только подходить к этим материалам, к этим документам и этим архивам по-настоящему, и то очень робко, осторожно, особенно учитывая положение в этих архивах, где до последнего времени внимания, настоящего внимания этим архивам не уделялось. Я назвал за 1936 год несколько тем, пять тем, которые связаны с историей народов. Должен сказать, что за предшествующий период времени, за последние годы мы не наберем 2—3 тем, которые бы несколько глубже в историческом разрезе, в хронологическом разрезе подходили к вопросу истории народов СССР.

Таким образом, вы видите, до самого последнего времени влияние Покровского на нас в отношении конкретно-исторического материала, в отношении вопросов, связанных с историей народов СССР, чувствовалось и чувствуется. Только сейчас мы понемногу начинаем перестраиваться, но не так, как это нужно, очень робко.

Затем, товарищи, второй вопрос, связанный с тематикой. Мы видим чрезвычайную пестроту этих тем, которые дали за 1935—36 год. Здесь не чувствуется стержневых тем, узловых тем, вокруг которых мы ведем работу. Здесь не чувствуется того, чтобы мы действительно работали планоно, учитывая задачи и потребности исторического фронта. Мы сегодня здесь слышали о том, какие указания даны нам в связи с учебниками истории, и, разумеется, мы могли бы уже давно отразить в нашем плане эту тематику, но кроме этих пяти тем по истории народов другого отражения, учета этих указаний мы в журнале не найдем. Это нужно со всей откровенностью сказать здесь. Вот эта пестрота, можно сказать, мозаичность такая всего материала, который мы даем в «Красном архиве», она показывает на отсутствие известной плановости и на наличие по существу самотека в нашем журнале. Очень тяжелое положение.

Если говорить о других серьезных ошибках, недочетах нашего журнала, я должен сказать прежде всего о том, что мы, давая документальный материал, чрезвычайно пестрый материал, не выделяя, не выпячивая стержневые темы, мы этот материал не даем так, как его нужно было бы давать. Наши предисловия, наши комментарии к предисловиям, они стоят далеко не на той теоретической высоте, на которой должны были бы стоять. В лучшем случае это есть небольшая археографическая справка, т. е. откуда взят документ, в какой связи с другими и т. д. В худшем случае бывают попытки на 1,5 страничках дать целое исследование по определенной теме, но исследование, которое почти не находится в связи с конкретными документами, которые автор публикует. И, товарищи, в большинстве случаев, этого замазывать не приходится, эти вот полунисследовательские предисловия, они чрезвычайно слабы, они часто халтурны, нужно грубо сказать, — и это большой недостаток. И в результате такого подхода к комментариям, к предисловиям получается, что мы за эти два года после того, когда имели совершенно четкое указание в отношении того, что собой представляет Покровский и его школа и т. д., мы в наших предисловиях и комментариях к этим предисловиям даже не попытались вскрыть эти антиленинские, антимарксистские установки Покровского, не попытались доказать вредительские фальсификаторские действия врагов народа, которые приложили руку к ряду проблем, которые разрабатывались на историческом фронте. Это, конечно, огромная и серьезная ошибка, о которой нужно сказать.

В этой связи я должен сказать, что и наш журнал дал пристанище в этих предисловиях врагам народа. Мы не избежали тут того, что имело место в «Историки-марксисте» и в «Историческом журнале». В 1935 году у нас была опубликована статья Фридлянда о буланжизме³⁷. На несколько месяцев мы опередили «Историк-марксист».

Голос с места. И та же статья.

Максаков. Мы напечатали, не зная, что потом она появится в «Историки-марксисте». Во всяком случае, мы первые читали эту статью и первые обнаружили политическую слепоту. Мы не поняли, что нам дает этот враг, и напечатали эту статью, которая была завуалирована документальным материалом. Эти способы, товарищи, довольно известные. Троцкисты, враги партии, враги народа не раз прибегали к этим способам, давая документальный широкий материал, под видом научной работы протаскивали антипартийные, антисоветские установки. Мы знаем ряд работ Шляпникова, этот архивный мусор³⁸. Это не просто мусор, а работы, которые имели определенную задачу за научным аппаратом протаскивать то, что нужно Шляпникову.

Такие же методы были использованы и Фридляндом. Он дал не просто статью, а большую публикацию о буланжизме. Мы слабо прошупали эту работу.

Это одно. Это было в 1935 году. В 1935 году дали два предисловия Пионтковского о 9 января и о допросе Пугачева³⁹. Опять-таки здесь нами была проявлена, несомненно, политическая беспечность, не прошупали, что здесь давал Пионтковский. Нам казалось — слабая вещь, халтурная вещь. Но, товарищи, это была не халтурная вещь, а это была вещь, которая имела определенную политическую установку, враждебную нам, — и мы это проглядели. Так что и среди авторов, которых мы привлекали, которые к нам проникали, мы имели двух разоблаченных врагов народа. Тот же самый Дубровский несколько лет назад давал комментарии к материалам по крестьянскому движению⁴⁰. Я беру последние годы, когда можно было легче прошупать и разгадать.

Дальше, товарищи, связь с историческим фронтом, Институтом красной профессуры у нас совершенно отсутствовала. Мы работаем совершенно замкнуто, изолированно. В этом, конечно, вина журнала исключительная, потому что мы не можем сказать, как, например, Николай Михайлович, [что] приходили в ИКП истории и говорили: помогите нам. Мы не приходили, говорили с отдельными товарищами в разные периоды времени. Это огромнейший недостаток, он лишает нас возможности серьезно поставить вопрос о поднятии на надлежащую теоретическую высоту всего нашего журнала.

Еще надо сказать о наших кадрах. Нам, казалось бы, это легче, но на самом деле труднее разрешить этот вопрос. Мы имеем дело с документами. Некоторым молодым товарищам кажется дело просто: прийти, взять в архиве на полке документ, прочитать, просмотреть, написать маленькое введение, втиснуть его, — и готова историческая работа. Прежде чем найти этот материал, надо знать, что в этом архиве имеются описи, по которым можно найти [материал], или проникнуть, если нет описей, к полкам в архиве и достать эти документы. Затем из большой массы материала надо уметь найти именно нужный материал. Это делают, к сожалению, не историки, а работники архивов, по-

тому что наши молодые историки Института красной профессуры, по моему мнению,— я немножко в стороне от Центрархива эти два-три года,— но, по-моему, сейчас Институт красной профессуры находится на большом расстоянии от Центрархива. Он не работает в архивах Центрархива.

Голос. Нет.

Как можно предполагать работать на историческом фронте, вести исследовательскую работу, не занимаясь с первых же шагов своей научной работы в архивах? Я себе этого не представляю. И отсюда положение — откуда могут черпать работники материал для историко-исследовательской публикаторской работы, если младшие историки и более зрелые не работают в архивах? Значит, они должны идти по линии наименьшего сопротивления.

Есть архивисты, есть старшие и младшие архивисты. Что они представляют собой? Это достаточно грамотные технически люди, чтобы списать опись из старых заглавий, на описях, которые они делают, может быть, схватить сущность дела и сделать новый заголовок. Но чтобы они могли заняться той исследовательской работой, о которой я говорю,— в этом можно сомневаться.

Но положение такое, что на сегодня нет историков, которых можно было бы сейчас же втянуть в эту работу по публикации документов. Значит, мы идем обязательно по линии архивных работников. Они собирают материалы, извлекают часто слабый материал и дают его. Дальше, что мы должны делать? Мы должны писать предисловие. Этот сотрудник, архивариус, не может писать предисловие и комментировать материал,— значит, нужно искать историка, который написал бы по этим материалам предисловие. Он не знает, все ли документы взяты, точно ли взяты, сознательно не оставлены ли ценные документы, а даны менее ценные документы по этому событию,— он этого не знает. Ему дают готовый материал, и он пишет предисловие. Получается возможность, при которой брак почти неизбежен. И в этом не повинен и тот архивист, который собирал материал, потому что он не историк, и не повинен тот, который пишет предисловие, потому что он не может спуститься в архив и посмотреть все документы. Виновна в этом редакция, которая не может создать условия, при которых были бы объединены эти два начала: человек, который извлекает научный материал и сам же его обрабатывает, сдавая для публикации в журнале. Вопрос очень большой. Он упирается в необходимость органической, повседневной работы наших историков в наших архивах. И второе — он упирается в то, чтобы в наших архивах на архивно-исторической работе находились историки, которых там чрезвычайно мало. Только тогда, товарищи, этот вопрос будет решен.

Что мы в этом отношении делали и делаем? Я уже сказал, что редакция в этом отношении делала чрезвычайно мало. Она пошла, с одной стороны, путем вовлечения в дело подачи материалов архивистов и затем путем использования тех историков, которых она знала. Но вот мобилизацией молодых историков, мобилизацией более широких кругов историков,— этим мы не занимались или почти не занимались. И в результате создается положение, при котором мы плачем о кадрах. И, действительно, должны плакать, потому что те кадры, которые есть, совершенно недостаточны и дают не ту продукцию, которая нужна. Необходимых мер не приняли до сих пор. После сегодняшнего совещания, после того, когда, может быть, здесь, в ИКП, будет пошире поставлен вопрос о работе в архивах, положение значительно изменится.

Теперь, товарищи, кратко скажу о том, о чем должны историки знать: как редакция «Красного архива» работает, что собой она представляет, как организовано это дело? Товарищи, в течение 2—3 лет журнал не имеет редакционной коллегии. Редакцию журнала сейчас нельзя создать, редакционной коллегии фактически нет. Ответственный редактор Берзин болен. Ротштейн не работает. Полтора года работала Пашуканис, но она исключена из партии, выйдя из состава редакции⁴¹. Помогает в этом деле заместитель управляющего Мальцев⁴², он фактически не является членом редакционной комиссии. Фактически все дело находится в руках Мальцева, который находится на стороне Центрархива. Вот положение журнала. Мне срочно нужна была справка, материал сдаем в печать. Звоню заместителю директора одного из архивов. Он мне отвечает, что справку дать не может, так как занят более серьезной работой, у него плановая работа. Речь идет о журнале, который должен выйти, и нельзя медлить. Разговор кончается тем, что мы одновременно вешаем трубку. Я иду к Мальцеву, он вмешивается в это дело. Он звонит директору. Тот отвечает, что у них свои задачи, свои планы, некогда этим заниматься. Начальственный подход возымел действие, и это было выправлено.

Если так работать в редакции, то ничего не выйдет. Тут нужен редактор, который работал бы в качестве работника Центрархива, потому что это журнал архивный. Нужно обязательно опереться на архив и затем уже вовлечь массу историков. Это может сделать руководство Центрархива, которое

должно ближе подойти к редакции журнала. Пока этого нет. В ближайшее время, вероятно, будем иметь, тогда положение изменится, но сейчас положение довольно тяжелое.

Что нам сейчас нужно, какие задачи перед нами стоят? Прежде всего вопрос об организации редакции. Надо создать условия, при которых редакция работала бы, как коллектив. Нужно, чтобы работала редколлегия, а мы не собираемся. Мы должны сделать актив работников журнала из среды архивных работников и историков и связаться с товарищами, которые начинают вести научно-исследовательскую работу.

Третье. Нам нужно иметь перспективный план на два-три года, который [следует] обсудить вместе с историко-исследовательским институтом [Академии наук], Институтом красной профессуры, Историко-партийным [ИКП] и т. д. Обсудить план и взвесить, что на ближайшие два-три года должно являться основным, важнейшим, и вокруг этого плана мобилизовать архивных работников, чтобы имели материал вовремя.

Какие основные темы сейчас стоят перед нами? Октябрьская революция. Документы по Октябрьской социалистической революции и гражданской войне выявлены у нас в незначительной мере, и этот вопрос является актуальнейшим, вокруг него надо мобилизовать работников. И изучение документов по истории СССР. Сейчас надо разворошить старые архивы, так же, как и архивы Октябрьской революции, и там найдем очень много документов.

Следующее. Нам нужно позаботиться о том, чтобы освободиться от таких только археографических или очень слабых, халтурных предисловий, учитывая необходимость поднятия на большую политическую высоту всей работы журнала и необходимость вскрывать ошибки Покровского, его школы и вредительство врагов народа. На эту сторону нужно обратить внимание серьезное. Мы до самого последнего времени проходили мимо этой актуальнейшей задачи, учитывая тем более, что до своей смерти [редактором] в этом журнале был Покровский и его воздействие и влияние не может не чувствоваться до самого последнего времени.

Вот основные задачи, которые стоят перед нами. Если мы эти задачи в ближайшее время разрешим, мы, несомненно, поднимем этот журнал, который делает неплохое дело, но делает его часто очень плохо и плохими руками. Надо все это дело улучшить.

Председатель. Слово имеет тов. Рыклин.

Рыклин. Я не буду долго задерживать вашего внимания. Журнал «Пролетарская революция» является органом Института Маркса—Энгельса—Ленина. Журнал был в свое время органом Истпарта, начал выходить с 1924 года и затем этот журнал в 1928 году стал органом Института Ленина, а затем Института Маркса—Энгельса—Ленина.

Не знаю, стоит ли говорить о содержании нашего журнала. Вы читаете его.

Голоса. Читаем.

Рыклин. Значит, вероятно, подробно останавливаться не надо будет на содержании номеров.

Так вот, журнал получил непосредственно директиву от тов. Сталина, от всей партии. Вам известно, что в 1930 году благодаря гнилому либерализму старой редакции журнала была издана троцкистская контрабанда, троцкистская фальсификация истории партии⁴³.

В своем письме, адресованном редакции журнала «Пролетарская революция», тов. Сталин, вскрыв суть этой троцкистской контрабанды, обязал редакцию журнала поднять изучение истории большевизма на должную научную высоту и срывать маски с троцкистских и всяких иных фальсификаторов⁴⁴.

Вот в этом направлении и работает наш журнал. Центральный Комитет после письма т. Сталина вынес специальное решение о том, чтобы наш журнал выходил сборником три раза в год⁴⁵. По существу дела журнал «Пролетарская революция» выходит как сборник. Во-первых, по объему — в среднем объем каждого журнала 17—18 печатных листов. Мы этого решения Центрального Комитета о выпуске трех сборников в год не выполнили. А в этом году, более того, не сделали ни одного номера и только сейчас в ближайшие дни из печати выйдет 8 номер журнала «Пролетарская революция».

Какие недостатки работы нашего журнала? Прежде всего, журнал «Пролетарская революция» не стал еще организующим центром для кадров работающих на историко-партийном фронте. Во-вторых, журнал не оказал должной помощи составителям и авторам учебников по истории партии, журнал не поднял таких крупных проблем, как проблема периодизации истории нашей партии. Мы

не оказали помощи авторам и составителям учебников в таком, например, вопросе — помочь им составить учебник такой по истории партии, чтобы история партии не представляла собой занимательный рассказ, а составить такой учебник, который бы учил большевизму. Вот мы, например, у себя в журнале подвергли критике учебники Попова и Ярославского по истории партии⁴⁶. Мы вскрыли отдельные ошибки, отдельные недостатки этих учебников — и Попова, и Ярославского, но не подняли своей критики ошибок и недостатков этих учебников на такую высоту, как это должен был сделать наш журнал, являющийся органом Института Маркса—Энгельса—Ленина.

В-третьих, наш журнал не имеет вокруг себя сплоченного актива. Это третий, основной и главный недостаток в работе нашего журнала. Как видите, недостатки чрезвычайно крупные, чрезвычайно большие. Нам эти недостатки надо ликвидировать.

Вопрос относительно выхода сборника «Пролетарская революция» в свет. Здесь прежде всего несет ответственность редакционная коллегия за то, что мы до сих пор выпускали два сборника в год, а в 1936 году только один сборник и лишь в ближайшие дни выйдет восьмой номер журнала. Здесь вина лежит и на самой редакционной коллегии. Она не сумела организовать работу так, чтобы мы выполнили решение Центрального Комитета о выпуске трех сборников в год. Это первая причина такого субъективного порядка, это вина самой редакции.

Во-вторых, товарищи, мы недостаточно работаем с кадрами на историко-партийном фронте. Надо, товарищи, сказать: например, в историко-партийный Институт красной профессуры мы неоднократно обращались с просьбой написать статью, давали определенные темы. Мы в нашем журнале не напечатали ни одной статьи слушателей Историко-партийного института красной профессуры. Более того, мы не могли даже добиться того, чтобы в библиографическом отделе фигурировал хотя бы один слушатель Института красной профессуры. Мы не могли получить библиографической статьи в журнал. Состояние научно-исследовательской работы историко-партийных кадров оставляет желать много лучшего. Наш журнал предъявляет чрезвычайно большие требования к статьям и к авторам и, к сожалению, мы, повторяю, от Историко-партийного института красной профессуры, Института истории, на собрании которого я сейчас присутствую, тоже ни одной статьи не заполучили. Здесь, конечно, вина и редакции, которая состоит в том, что нам следовало бы больше работать с активом. Вот у нас в портфеле на сегодня лежит 26 статей в объеме 3—4—5—6 печатных листов. Из этих 26 статей 25 статей забраковано и одна статья признана годной и только в том случае, если над ней мы основательно месяца полтора поработаем...

(Голос. Откуда эти статьи?)

Эти статьи главным образом идут из провинции.

И вот большой недостаток и большая ошибка редакции состоит в том, что мы с этими кадрами товарищей, которые послали свои статьи, не работаем. Это, конечно, легко бросить в корзину статью или написать письмо, что статья не годится. Это очень легкое дело, но вот поработать с такими авторами, раз люди уже пишут статьи по два-три печатных листа (правда, Козьма Прутков говорит, что краткость есть выражение ума, нужно было бы писать покороче), но когда люди работают, когда пишут, с ними надо вести работу. Вот этого у нас, к сожалению, нет. Мы даже не работаем с кадрами авторов в самой Москве. Есть ряд авторов в Москве, которые прислали статьи, но которые лежат в портфеле, потому что публиковать не можем из-за их негодности. С ними работу не проводим. Так работать дальше невозможно. Так сплотить актив или заинтересовать автора мы, конечно, не можем, и этот недостаток нам надо ликвидировать.

Что же все таки мы дали историко-партийной науке? Я повторяю, товарищи, что журнал в своей работе руководствуется указаниями и трактовками тов. Сталина, адресованными непосредственно редакции. Мы многое еще не сделали, что можно было бы сделать.

Обратимся к содержанию журнала. Во-первых, хочу обратить внимание на передовые статьи. У нас товарищи привыкли передовых статей в журналах не читать. Часто говорят, что в передовых статьях имеются общие фразы, общие места и т. д. Я, товарищи, думаю, что передовые статьи вообще всегда надо читать. И, в частности, мы пытаемся в наших передовых статьях не только своевременно реагировать [на задачи], которые ставятся партией перед историко-партийным фронтом, так или иначе откликаться на эти директивы, но мы хотим в наших передовых статьях давать читателям такой материал, который до сих пор не публиковался, сообщать такие факты, которые им до сих пор не были известны.

Приведу пример. В передовой статье № 8 мы сообщаем читателям некоторые новые факты. Статья эта называется «Овладеть наукой большевизма»⁴⁷. Статья откликается на решения Пленума

ЦК, статья эта заострена также против Бухарина, против Рыкова — этих врагов партии. Вы знаете, что в прессе нашей периодической и журналах появился ряд статей, в которых освещается политическая биография Рыкова, Бухарина с точки зрения их борьбы против партии, против Ленина. Целый ряд фактов стал недавно известен из периодической прессы, и вот мы пытались в своей передовой статье не повторять целый ряд известных фактов, а сообщить кое-что новое товарищам.

Вот возьму пример о Троцком. Этот патентованный агент гестапо, этот организатор диверсионно-шпионских убийств, этот сильнейший враг народа начал свою политическую биографию как эпилгон народничества, как народник. Он в 1898 г. впервые публично выступил на собрании марксистов и народников, где произнес свою первую публичную речь. На этом собрании он свою речь посвятил защите народничества. Надо иметь в виду, что речь идет о конце 90-х годов, когда на арену общественно-политической жизни выступал марксизм, когда народничество выродилось, по словам Ленина, в пошлый мелочный радикализм, и вот в защиту этого эпилгонского народничества выступил Троцкий и закончил свою речь словами: «Да здравствует народничество, долей марксизм!»⁴⁸

Таково было первое публичное политическое выступление этого патентованного агента гестапо. Характерная деталь: когда он закончил свою эту речь в защиту народничества против марксизма, к нему подошел на этом собрании один старик, принадлежащий к народническому лагерю, пожал ему руку и говорит, что вот эта ваша речь произвела на меня глубокое впечатление, я вижу, что мне с вами по пути.

Этот самый Вейс, который пожал руку Троцкому, он оказался провокатором, который выдал целый ряд революционеров и был убит в 1899 году революционером как провокатор, на ответственности которого лежат десятки жизней революционеров.

Совершив «тушинский» перелет от эпилгонского народничества к социал-демократии, Троцкий, как вам известно, вел яростную борьбу против Ленина, против большевиков. В годы империалистической войны Троцкий, как известно, выдвинул лозунг Соединенных Штатов Европы. Иначе говоря, лозунг создания единого империалистического фронта сначала в масштабе Европы, а потом в масштабе всего мира, лозунг о создании картеля Соединенных Штатов. Этот лозунг был противопоставлен лозунгу Ленина о пролетарской революции, о победе в нескольких или в одной отдельной, хотя бы капиталистической стране.

И вот до сих пор не обратили внимания на такой момент. В 1916 году Троцкий поместил статью в газете «Наше слово», и в этой статье говорит: «на смену национально-капиталистических держав должны прийти европейские, а затем и мировые империалистические державы».

И дальше заявляет: «если бы немецкому империализму удалось почти насильственное объединение Европы, то задача революционной демократии состояла бы в том, чтобы всемерно развивать основу этого объединения, созданного немецким милитаризмом»⁴⁹.

Так он писал в 1916 году. Вы знаете, что Ленин указывал на родство троцкистского лозунга Соединенных Штатов Европы с идеологией Науманов, Горбахов — этих глашатаев современного фашизма, каннибалов, мечтающих о новой империалистической войне, о подавлении народов, об эксплуатации народов.

Вот на это высказывание Троцкого до сих пор не обращали внимания, а вместе с тем оно очень характерно и для понимания переговоров Троцкого и с Гитлером, и с Гессом и со всей оппозицией, — агента германского фашизма.

Мы, товарищи, знаем, что Бухарин в период империалистической войны выдвигал свой антиленинский, антибольшевистский тезис. Но вместе с тем недостаточно обращали внимания на один пункт этого тезиса, в котором Бухарин развертывает свои идеи о мирном вращении капитализма в социализм. Этот 5-й пункт тезиса принадлежит к Бернской конференции, пункт которой говорит (о Бухарине) как о противнике пролетарской революции и диктатуры пролетариата и как стороннике оппортунистической, антимарксистской, антипролетарской теории о мирном вращении капитализма в социализм⁵⁰.

Вспомните об эпизоде, который был с Бухариным в 1922 г. О нем следует напомнить. В 1922 г., как известно, Бухарин принимал участие вместе с Радеком в заседании на совещании трех Интернационалов. Всем известна статья Ленина «Мы заплатили слишком дорого», где Ленин обвиняет Бухарина и Радека в том, что те уступки, которые Бухарин и Радек делали II Интернационалу, по существу дела защищали эсеров, которые должны были предстать и предстали перед пролетарским судом. Что хозяйничанье Бухарина и Радека на этом совещании трех Интернационалов, пишет Ленин, создает атмосферу безнаказанности для террористов, борющихся против советской власти, против ее руководителей⁵¹.

Почему я об этом говорю? Вот мы такие факты не облачаем в специальные статьи, но о них мы сообщаем в наших передовых статьях. Мы пытаемся наши передовые статьи сделать не общими статьями, а по мере наших сил и возможностей и способностей наполнить наши передовые статьи таким материалом, который нужно знать каждому партийному и непартийному большевику, чтобы еще более интенсивно и энергично бороться против врагов партии, против врагов народа.

Наша тематика журнала преимущественно историко-партийная. Мы в наших сборниках осветили и вопросы 2-го съезда, вопросы 3-го съезда, вопросы, связанные с борьбой за партию в период реакции, в период подъема. Я должен обратить внимание на то, что журнал «Пролетарская революция» сделал достоянием партии неизвестный до того времени эпизод из биографии Зиновьева и Каменева в 1909 г., когда Зиновьев и Каменев договорились с Варским о ликвидации большевистской партии, о соглашении с Троцким, о ликвидации большевистской газеты «Пролетарий», о ликвидации большевистского центра, о ликвидации большевистского денежного фонда. Мы сделали достоянием партии этот документ, говорящий о том, как Зиновьев и Каменев лгали Ленину, обманывали Ленина, предавали Ленина⁵². Мы в 8-м номере журнала «Пролетарская революция» пустим статью о Пленуме ЦК 1910 г., где мы даем новый материал, некоторые новые документы о Рыкове, который договорился с представителями польской социал-демократии о том, чтобы не допустить Ленина на Пленум ЦК 1910 г. и чтобы на этом пленуме ЦК, где Ленин не будет присутствовать, договориться с Троцким и Мартовым о ликвидации большевистского центра, о ликвидации большевистской партии, о ликвидации различных денежных фондов⁵³. Мы сообщаем документы, в которых рисуется эта роль Рыкова, который вместе с Зиновьевым и Каменевым в один из самых ответственных в истории партии периодов, когда речь шла о жизни и смерти партии, в этот период Рыков вместе с Зиновьевым и Каменевым предал Ленина. Мы опубликуем в этой статье и документы о позиции Каменева в 1910 году, документы, характеризующие предательскую политику Каменева в этот период.

Далее я, товарищи, хочу обратить внимание на материалы, которые мы даем о Пражской конференции. Мы впервые даем в систематическом виде историю подготовки и созыва Пражской конференции и публикуем около 15 документов, не опубликованных до сих пор, принадлежащих перу т. Орджоникидзе⁵⁴. Эти письма характеризуют работу т. Орджоникидзе по созыву и подготовке Пражской конференции. Документы эти представляют совершенно исключительный интерес.

Вместе с этим мы в этой статье рассказываем об одном эпизоде, который является лишней черточкой, показывающей, как Ленин руководил и боролся за партию. Я хочу напомнить об этом эпизоде.

Когда в Праге собралось 8—10 делегатов на конференцию, конференция еще не открылась, Ленина в Праге еще не было, то эти несколько делегатов собрались на Пражскую конференцию и решили пригласить на нее отзовистов-впередовцев, троцкистов, бундовцев и национальную организацию социал-демократии Латышского края, затем Польши и т. д., — и вот они сообщают об этом Ленину. Ленин приезжает в Прагу, входит в комнату, где заседает эта восьмерка или десятка людей, ждавших ответа от Ленина. Ленин заявляет, что вы сделали глупость и если вы не откажетесь от этой глупости, от этой ошибки, то мне с вами не по дороге, я сам буду созывать конференцию. Когда эта восьмерка или десятка делегатов увидела, что дело очень серьезно, — Ленин одел шляпу, направился уже к выходу, — они поняли, что тут шутки шутить нечего, и заявили Ленину, что они отказываются от приглашения, что написали об этом соответствующее заявление и целиком идут за Лениным и, следовательно, с Лениным.

Этот эпизод мы считали необходимым привести. Он чрезвычайно интересный эпизод, который мы приводим в материалах Пражской конференции⁵⁵.

Хочу обратить внимание на те материалы, которые даны в № 8 журнала. До сих пор историки, работающие над историей партии в период реакции, совершенно обошли резолюцию Бакинского комитета, которая была вынесена через 3 недели после знаменитого январского [1910] Пленума ЦК, где было принято решение вопреки Ленину, против Ленина, где Ленин остался в меньшинстве. Бакинская резолюция принималась при непосредственном участии Сталина, и эта резолюция заострена против Зиновьева, Каменева, Рыкова, Сокольников, которые в резолюции называются примиренцами, примиренцами типа Троцкого и т. д.

Это было, повторяю, через 2—3 недели после пленума ЦК 1910 г. Эта резолюция требует еще изучения, потому что этот документ исключительно огромной важности. Документ опубликован, он опубликован в с.-д*. Нужно внимательно работать и можно будет эту резолюцию сделать достоянием нашего партийного общества⁵⁶.

Повторяю, мы освещали проблемы, связанные со 2-м, 3-м съездами, борьбой партии в период

реакции и подъема. Далее мы дали статью по послеоктябрьскому периоду истории партии, статью о Бресте, о дискуссии 1923 г., о борьбе партии с правыми. Вот такова наша тематика.

Далее мы обратили внимание на то, чтобы наши статьи находились на должной научной высоте. Нам это не всегда, может быть, удастся, но мы требуем от каждого автора статьи, чтобы статья была документирована, чтобы она давала фактический материал, чтобы автор сумел обобщить фактический материал. Не может быть хорошей научная статья, если она не документирована, если не дает фактического материала, если не дает обобщения фактического материала. Мы этого требуем от каждого автора.

Сейчас мы встали на такой путь: мы из номера в номер будем публиковать даты истории партии, т. е. по дням, по месяцам будем давать историю нашей партии. Мы пока даем в 8-м номере даты истории подготовки и созыва Пражской конференции, буквально по дням, неделям, с июня 1911 г. до ареста тов. Сталина. И кроме того, даем дату дискуссии по вопросу о профсоюзах, тоже по дням, где даем историю местных организаций. Такие даты истории партии будем публиковать систематически из номера в номер.

Третье обстоятельство — это наша документация. Этим особенно мы можем гордиться. Это документы Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса. Надо сказать, товарищи, что мы документы Маркса и Энгельса почти, к сожалению, не даем. Появился один раз документ Энгельса, где он разоблачал клевету на I-й Интернационал. Мы сейчас предполагаем дать статью Маркса о мнимом расколе в Интернационале. Эта работа весьма нужная, полезная историкам, и мы ее в ближайшее время опубликуем. Мы думаем опубликовать чрезвычайно интересные документы Маркса и из его подготовительных работ к «Капиталу». В частности, имеется у него раздел о государстве, о собственности, представляющий совершенно исключительный, актуальный интерес. Кроме того, товарищи, мы опубликуем из II тома актива конспект Маркса по всеобщей истории. Первый том в августе сдаем в набор. Он охватывает период до XIV века. Второй том — это XIV—XVI вв., отдельные выдержки из II тома, относящиеся к XIV—XVI вв., мы будем печатать в «Пролетарской революции». Затем опубликуем из подготовляющихся к печати 28 томов неопубликованных до сих пор писем Энгельса.

Что касается документации Ленина и Сталина, то вам известно, что мы сделали теперь достоянием [историков] ряд ценнейших документов Ленина и Сталина, в частности, заметки Ленина, его конспект об анархизме. Затем, мы сделали достоянием ряд других документов Ленина. Сейчас мы публикуем чрезвычайно интересный, в первую очередь для философов, документ Ленина. Год назад Институт Маркса—Энгельса—Ленина приобрел за границей заметки Ленина на книгу Щулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии от Демокрита до Эрнста...». В этом экземпляре имеются заметки Ленина, которые представляют совершенно исключительный интерес. Мы этот документ опубликуем⁵⁷. Заострены эти заметки против вульгаризации, против шулятиковщины, традиции которой продолжали Богданов, и Бухарин, и Переверзев и т. д. Я думаю, что для историков и для всей партийной общественности этот документ будет иметь огромное значение. Мы, товарищи, попытаемся опубликовать ряд статей тов. Сталина. Если только тов. Сталин нам разрешит, мы опубликуем целый ряд статей, которые до сих пор не опубликованы в прессе. Пока же мы в ближайшее время дадим библиографию работ Сталина с 1917 по 1937 гг., опубликуем в советской прессе эту работу объемом в 5—5,5 печатных листов и посмотрим некоторые документы, очень интересные, которые придется опубликовать.

Пятое. В отличие от старых номеров журнала Истпарта «Пролетарская революция» мы в своих номерах мемуаров не публикуем, но сейчас будем опубликовывать мемуары. В этом номере даем воспоминания Аллилуева и Швейцер о Сталине⁵⁸, [которые], с нашей точки зрения, являются ценным вкладом в подготовку политической биографии тов. Сталина, и в дальнейшем мы будем опубликовывать подобного рода материалы.

Наша библиография. Библиографический отдел у нас поставлен очень скверно. Правда, у нас в другой комнате, рядом, имеется другой орган — журнал института. Это орган, который недавно начал выходить. Это марксистско-ленинский, литературный, специально библиографический журнал института⁵⁹, но это не освобождает нас от того, чтобы поставить, как следует, библиографический отдел. Нужно сказать, все-таки, что такому журналу, как «Пролетарская революция», очень трудно библиографировать, потому что, к сожалению, почти нечего библиографировать из историко-партийной литературы, из такой литературы, которая заслуживает специальных библиографических статей. Отдельные брошюры, издаваемые местными истпартами, — на них даются рецензии и критические статьи в журнале. Повторяю, отдел библиографии надо поставить. Мы можем поставить, мы должны взять не только историко-партийную литературу, а и историческую литературу.

Наконец, товарищи, чем мы будем заниматься и что мы хотим получить от вас? Прежде всего, товарищи, наша задача состоит в том, чтобы сейчас, в номерах этого года и в последующих номерах наполнить конкретным содержанием периодизацию истории партии, данную тов. Сталиным⁶⁰. Нам надо дать ряд научно-исследовательских и научно-популярных статей, дающих такую систематическую историю партии, тот или иной период, руководствуясь периодизацией, данной тов. Сталиным. Отсюда и наша задача — подвергнуть критическому разбору те ошибки, которые имели место в [старой] периодизации, а, значит, и соответственно в содержании, которым наполнялась эта периодизация истории партии.

Во-вторых, задача наша состоит в том, чтобы давать историю партии в связи с историей СССР и всеобщей историей. Здесь, товарищи, нам необходима будет помощь с вашей стороны, чтобы вопросы истории СССР находили свое освещение в журнале «Пролетарская революция». Причем нам не нужны специальные исследовательские статьи по истории СССР, нам необходимо дать обобщающие статьи по истории СССР в тот или иной период. Это относится к дооктябрьской истории России и к послеоктябрьской истории СССР. Здесь мы возлагаем надежды на товарищей из ИКП истории.

В Институте Маркса и Энгельса будет создано совещание историков, где мы заслушаем доклад об истории партии и там мы обратимся к товарищам с конкретным планом, что мы хотим получить от товарищей.

Затем, товарищи, мы должны дать партии документы, до сих пор еще не опубликованные. Здесь, товарищи, работа уже не так легка. Но надо полагать, что мы документы достаточно интересные и важные дадим.

Специально к 20-летию Октябрьской революции будет создано узкое совещание при Институте Ленина, где и будет обсуждаться вопрос о конкретном плане номера 20-летия Октября. Этот номер включит, во-первых, освещение истории Окт. революции в важнейших центрах, работа Военно-революционного комитета, вопросы завоевания армии между Февралем и Октябрем и целый ряд других вопросов.

Наконец, товарищи, вопросы относительно местных истпартов. Они у нас имеются, но они не оказывают большой помощи нам. Сейчас журнал обращает на это внимание, чтобы эти местные истпарты давали нам статьи по истории местных партийных организаций, без чего вообще нельзя поднять на должную научную высоту изучение истории партии. Мы с ними связываемся и надеемся кое-что получить.

Тут есть записка. Товарищ спрашивает: «А почему все же вы не готовите к печати „Секретную дипломатию“ Маркса?» Некоторые представляют очень просто, что вот найдена статья Маркса о секретной дипломатии, почему сразу ее не пускать?

Товарищи, вопрос требует чрезвычайно тщательного изучения. Не исключена возможность, что кое-какие абзацы написаны не Марксом. Надо изучить это дело.

Голос с места. Рязанов нашел время печатать эту статью⁶¹.

Рыклин. Вы, товарищ, вероятно, не в курсе дела, потому что дело не в том, что вот найдена статья. Надо ее опубликовать. Статью надо изучить. Вы ее читали?

Голос. У Рязанова читал.

Рыклин. Если только бы тщательно читали у Рязанова, то вы должны понять, что над этой статьей надо поработать и выяснить — все ли принадлежит Марксу? Это не простое дело. Статья требует изучения.

Когда товарищ говорит, что Рязанов выпустил, а мы не выпустили, я говорю, что статья требует изучения... (ш у м в з а л е).

Имейте в виду, что эта статья переведена несколько месяцев тому назад. Может быть, будут опубликованы некоторые главы, а, может быть, работа и совсем не будет опубликована. Это, кажется, ясно.

Голос. Не ясно.

Рыклин. Я еще раз объясняю, что надо изучить, написана ли вся эта работа Марксом или написана рукой против Маркса.

Председатель. Я думаю, понятно.

Поступило несколько записок только к одному докладчику — тов. Лукину. Может быть, ответите на записки?

Лукин. Одна записка гласит: «Как могло получиться, что в журнале печатались явно контрреволюционные статьи. Разве вы не читаете их прежде, чем помещать?»

Я вам сказал с самого начала, что такого рода положение вещей объясняется политической слепотой и беспечностью, которую проявил ответственный редактор. Это прежде всего отсутствие политической бдительности, во-вторых, то, что в самой работе нашей редакции не было достаточного порядка. Было много разгильдяйства, бесплановости, отсутствия контроля, что и облегчало возможность такого рода фактов, когда недоброкачественный материал все-таки проходил, благодаря недостаточному контролю и вниманию со стороны редактора или его заместителя. Потом нужно учесть, конечно, и тот факт, что из 8 членов редакции трое оказались врагами народа и разоблачены НКВД⁶². Пока они сидели, они делали вредительскую работу, которую не так просто распознать, если у редактора и заместителя нет весьма внимательного отношения к журналу, и, кроме того, эта политическая слепота и беспечность дала возможность проникновению такого рода контрреволюционных статей. Объясняется именно этим.

Вопрос: Чем вызван переход от ежемесячного издания к 2-месячному?

Ответ: В 1935 г. мы сделали этот опыт ежемесячного издания, но не справились с этим делом. Если посмотреть на журнал за 1935 г., вы имете целый ряд двойных номеров. Это показывает, что редакция не справилась с этой задачей, она не сумела опереться на достаточно широкий авторский коллектив, не сумела создать этого коллектива и не сумела внутри самой редакции достаточно четко организовать свою работу. Журнал запаздывал, приходилось [номера] сдваивать и идти по линии наименьшего сопротивления.

Вопрос: Чем объяснить, что редакция «Историка-марксиста» не берет на себя ответственность освещать историю восточных стран?

Ответ: Я и сегодня по недосмотру в перечне пропустил эти проблемы. Надо сказать, что журналом истории Востока, в частности, Индии, Китая и Японии почти не отводилось места. Точно так же не отводилось места истории колониальных и зависимых стран, истории Латинской Америки. Это очень крупный пробел, и прав был товарищ, который напомнил, что нужно вставить эту тематику.

Вопрос: Как родился план вашей работы на будущее время, где он обсуждался?

Ответ: Первоначальный набросок делали у себя в редакционной коллегии. Было довольно большое собрание, где был большой коллектив работников нашего журнала и работников института, органом которого является наш журнал. В этот план, представленный редакцией, был внесен ряд дополнений, которые я учел. И сегодня в порядке развернутых прений будет поднято еще целый ряд проблем, которые я также учту, и тогда можно будет сделать более или менее обстоятельный, развернутый перспективный план.

Вопрос: Откуда брался круг корреспондентов?

Ответ: Я уже сказал, что корреспонденты были до сих пор случайные. Мы получали информационный материал от ряда научных учреждений, но, главным образом, [из] Москвы и Ленинграда. С мест таких материалов, если не считать отчетов некоторых филиалов самой Академии наук, мы не получали. Отсутствие связи с союзными республиками, с краевыми республиканскими и областными центрами есть один из существенных недостатков нашего журнала. И до тех пор, пока мы этих корреспондентов не заведем, мы не будем связаны и с этими учреждениями, мы не будем иметь одного из важных источников для привлечения новых писательских кадров, и в то же время у нас не будет систематической и достаточно квалифицированной информации о научной жизни в пределах нашего Союза.

Примечания

¹ Имеются в виду опубликованные в «Правде» 15 и 20 марта 1937 г. заметка без подписи «Об идиотской болезни — беспечности в журнале „Историк-марксист“» и статья И. Федорова «Политическая слепота и беспечность. Журнал „Историк-марксист“ за 1936 год».

² Речь идет о репрессированных членах редколлегии журнала заведующем отделом критики, библиографии и хроники Г. С. Фридлянде, В. М. Далине и И. В. Фролове.

³ Имеются в виду статьи С. А. Пионтковского «Архив Тайной экспедиции о крестьянских настроениях 1774 г.» (1935. № 7) и «Крестьянские выступления 1775—1795 гг. по данным Тайной экспедиции» (1935. № 10), Н. Н. Ванага «К вопросу о роли царской России на международной арене в конце XVIII и в XIX веке» (1935. № 10), С. Г. Томсинского «Значение реформ Петра I» (1936. № 2) и Б. Н. Тихомирова «К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси» (1936. № 3).

⁴ Н. М. Лукин повторяет выражения И. В. Сталина из его доклада «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б).

⁵ П. С. Дроздов (1900-?) — руководитель кафедры истории народов СССР ИКП истории, с января 1936 г. заместитель редактора журнала. Репрессирован в 1937 г.

⁶ Статья опубликована в № 1 за 1936 г.

⁷ Так в тексте. По смыслу — между Францией и Россией.

⁸ Видимо, Н. М. Лукин имеет в виду секретное письмо Вальдерзее к Бисмарку от 16 ноября 1886 г., опубликованное в 6 томе серии «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914».

⁹ Речь идет о статье М. В. Джервиса «Исторические отношения Польши к Германии в освещении германских фашистских историков» (1936. № 3).

В стенограмме пропуск.

¹⁰ См.: 1936. № 2. С. 156—158.

¹¹ Имеется в виду статья Хр. Кабакчиева «Главные этапы и особенности развития фашизма в Болгарии» (1936. № 6).

В стенограмме пропуск.

¹² Докладчик упоминает статью С. С. Бантке «Из истории борьбы за создание Компартии Франции» (1936. № 5).

¹³ Имеются в виду «Замечания по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“» и «Замечания о конспекте учебника „Новой истории“» И. В. Сталина; А. А. Жданова и С. М. Кирова от 8 и 9 августа 1934 г., впервые опубликованные 27 января 1936 г. в «Правде» и «Известиях».

¹⁴ Речь идет о постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. и об официальном сообщении «В Совнарком Союзов ССР и ЦК ВКП(б)», опубликованном 27 января 1936 г. в «Правде» и «Известиях».

В стенограмме пропуск.

¹⁵ Речь идет о статье Ем. Ярославского «Пражская конференция партии большевиков».

¹⁶ Н. М. Лукин зачитывает цитату из статьи И. Федорова.

¹⁷ В стенограмме пропуск. Речь идет о критике трудов репрессированных историков — бывших деканов исторического факультета Ленинградского университета Г. С. Зайделя и С. М. Дубровского, заместителя директора Института истории Комкадемии Н. Н. Ванага и директора Ленинградского историко-философского института А. Г. Пригожина.

Так в тексте. Видимо, сокращенное от «национал-демократ».

¹⁸ Из упомянутых статей в журнале были опубликованы статьи Ф. И. Нотовича «Образец троцкистского вредительства в области изучения истории международных отношений», С. П. Толстова (в соавторстве с А. Арциховским, М. Воеводским, С. Киселевым) «О методах вредительства в археологии и этнографии» и С. В. Бахрушина «К вопросу о крещении Киевской Руси» (1937. № 2). Статьи заведующего кафедрой всеобщей истории ИКП истории. Ф. Ф. Козлова, профессора Историко-партийного ИКП Д. Я. Кина и П. С. Дроздова не были напечатаны, так как их авторы были репрессированы.

Так в тексте. Видимо, журнал «Пролетарская революция».

¹⁹ См. примечание 4.

²⁰ На партийном собрании председательствовал член бюро партийной организации ИКП истории Б. С. Зевин.

²¹ Докладчик имеет в виду статью Э. Б. Генкиной «Политическая близорукость и ее плоды (журнал «Борьба классов» за 1936 г. «Исторический журнал» № 1 и 2 за 1937 г.)» в «Правде» от 3 апреля 1937 г.

²² Дубыня Т. М. — член редколлегии журнала «Борьба классов» с 1933 г., одновременно с 1934 г. директор ИКП истории. Репрессирован в декабре 1936 г.

²³ Имеются в виду опубликованные в 1934 г. в журнале «Борьба классов» статьи репрессированных Н. Н. Ванага «Поворот к исторической конкретности» (№ 5—6); П. И. Анатольева «Первые московские рабочие-революционеры (70—80-е гг. XIX в.)» и «I Интернационал и царское правительство».

во» (№ 7—8, 10); П. П. Парадизова «О создании научной истории промышленности и рабочего класса СССР» (№ 4); Б. С. Зельцера «Москва XIX—XX вв.» и «Промышленная революция в России» (№ 7—8 и 9); Г. С. Фридлянда «Поджигатели войны» и «Был ли Лавуазье революционером» (№ 9 и 10).

²³ Речь идет о статье Н. Л. Рубинштейна «Классовая борьба на Украине в XVII веке» (1936. № 4).

²⁴ Имеется в виду статья В. Звягинцева «Огненное запаление Москвы».

²⁵ Речь идет о статье А. Клинова «Антиисторический очерк истории СССР (Пионтковский С. Очерк истории СССР XIX—XX вв.» (1936. № 5).

²⁶ Имеется в виду статья И. Трайнина «Конституция Франции» (1936. № 10).

²⁷ Речь идет о статьях Ф. Гуревича «Средневековая немецкая империя в фашистской историографии», В. Кнорина «За что борется испанский народ (о характере испанской революции и ее движущих силах)» и С. Лившица «Основные этапы истории послевоенной Испании (1917—1936 гг.)» (1936. № 10).

²⁸ Имеется в виду статья В. Жебровского «Путь правых реставраторов капитализма — Бухарина и Рыкова» (1937. № 3—4).

²⁹ Речь идет о статьях С. Шорохова «Николаевские рабочие в борьбе с интервенцией 1918 г. (Воспоминания)» и С. Зрячкина «Ореховозуевская организация РСДРП(б) в борьбе за пролетарскую революцию» (1936. № 8 и 11).

³⁰ Имеется в силу статья П. Г. Софинова «Внутренняя политика Александра III» (1937. № 5).

³¹ См.: Б ы ч к о в Л. А. С. Пушкин как историк (1937. № 1).

³² Речь идет о статьях К. Селезнева «Царская армия в Крымской войне», «О войне 1812 года» и «Южнославянские народы в революции 1848 г.» (1936. № 3, 6, 10).

³³ Речь идет о П. Ф. Преображенском.

* Так в тексте.

** В стенограмме пропуск.

³⁴ См.: К о з а ч е н к о А. Замечательный исторический урок («Ледовое побоище» и Невская битва) (1937. № 3—4).

³⁵ Докладчик цитирует статью без подписи «От редакции» (1922, № 1).

³⁶ См. примечания 12, 13.

³⁷ См.: Ф р и д л я н д Ц. «Буланжизм и царская дипломатия» (1935. № 5). Эта же статья под названием «Европейская дипломатия и буланжизм» появилась в журнале «Историк-марксист» (1936. № 1).

³⁸ В. В. Максаков, видимо, имеет в виду четырехтомную работу А. Г. Шляпникова «Семнадцатый год» (кн. 1—4. М.; Л, 1923—1928).

³⁹ Имеются в виду предисловия С. А. Пионтковского к публикациям «К истории «Кровавого воскресенья» в Петербурге (доклады прокурора Петербургской судебной палаты Э. И. Вуича министру юстиции)» и «Допрос Е. Пугачева в Москве 1774—1775 гг.» (1935. № 1, 2—3).

⁴⁰ Речь идет о С. М. Дубровском, подготовившем два предисловия к публикации «Из истории аграрного движения 1905—1906 гг.» (1930. № 2, 3).

* Н. М. Лукин.

⁴¹ В. В. Максаков явно недоговаривает. К маю 1937 г. дело о так называемой «шпионской организации ЦАУ» приобрело широкий размах. Член редколлегии журнала, заместитель управляющего ЦАУ СССР, С. А. Пашуканис была арестована еще 21 января 1937 г. В течение этого года в журнале сменилось 5 ответственных секретарей. Завершающим шагом в деле явился расстрел 29 августа 1938 г. редактора журнала, управляющего ЦАУ СССР Я. А. Берзина. См.: П ш е н и ч н ы й А. П. Репрессии архивистов в 1930-х гг. (Советские архивы. 1988. № 6).

⁴² Имеется в виду заместитель управляющего ЦАУ СССР Н. В. Мальцев.

* Так в тексте.

⁴³ Докладчик имеет в виду статью А. Г. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса» (1930. № 6).

⁴⁴ Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» было опубликовано в № 6 журнала за 1931 г.

⁴⁵ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1931 г., согласно которому журнал реорганизовывался в неперидический орган, выходящий 4—6 раз в год.

⁴⁶ Речь идет о рецензиях А. Антропова на учебники Ем. Ярославского «История ВКП(б) (ч. 1 и 2) и Н. Н. Попова «Очерк истории ВКП(б)» (вып. 1. 1934). См.: 1934. № 4; 1935. № 5.

⁴⁷ Правильное название передовой статьи — «Овладевать большевизмом».

⁴⁸ Откуда взят этот факт, установить не удалось. Сам Л. Д. Троцкий в письме к В. И. Невскому после Октябрьской революции писал: «В 96-м и в начале 97 г. я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал. О марксизме я судил по Михайловскому». См.: Т р о ц к и й Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 5.

⁴⁹ Докладчик вольно цитирует статью Л. Д. Троцкого «Программа мира — Соединенные штаты Европы» (Наше Слово. 1916. 4 февраля).

⁵⁰ Докладчик имеет в виду тезисы, с которыми Н. И. Бухарин выступил в 1915 г. на Бернской конференции заграничных секций РСДРП. По мнению С. Козна, расхождения Н. И. Бухарина и В. И. Ленина не были значительными, они «расходились в оттенках, а не в главном». Тексты выступлений Н. И. Бухарина и его тезисов в советской историографии не публиковались. См.: К о з н С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 50. 465.

⁵¹ Речь идет об участии Н. И. Бухарина и К. Б. Радека в Берлинской конференции трех социалистических Интернационалов в апреле 1922 г., где социал-демократы потребовали от большевиков не казнить находившихся в тюрьме эсеров. Статью В. И. Ленина см.: Л е н и н В. И. ПСС. Т. 45. С. 140—144.

⁵² Л. И. Рыклин упоминает о собственной статье «Из истории оппортунистических шатаний Зиновьева и Каменева (эпизод 1909 г.)», в которой приводятся выдержки из письма А. С. Варского от 20 ноября 1909 г. о заседании редакции газеты «Социал-демократ» 3 ноября 1909 г. (1935. № 5).

⁵³ Имеется в виду статья Н. Рабичева «Из истории борьбы Ленина и Сталина за партию (1910—1911 гг.)» (1937. № 8).

⁵⁴ Речь идет о материале «Важнейшие даты подготовки и созыва Пражской конференции РСДРП», помещенном под рубрикой «Даты истории ВКП(б)» (1937. № 8). Однако упомянутые документы не были здесь опубликованы.

⁵⁵ В материале «Важнейшие даты подготовки и созыва Пражской конференции РСДРП» данный эпизод упомянут как факт выступления В. И. Ленина на совещании группы делегатов «с решительным протестом против приглашения ими на конференцию представителей антибольшевистских групп».

Так в тексте. Вероятно, имеется в виду газета «Социал-демократ».

⁵⁶ Докладчик, видимо, имеет в виду резолюции, принятые Бакинским комитетом РСДРП 22 января 1910 г. Их текст, в котором отсутствуют обвинения в адрес конкретных лиц, см.: С т а л и н И. В. Соч. Т. 2. М., 1946. С. 197—200.

Правильное название книги — «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха)».

⁵⁷ «Заметки В. И. Ленина на книгу В. Шулятикова» см.: 1937. № 8. С. 136—148.

⁵⁸ Воспоминания С. Аллилуева «Встречи с товарищем Сталиным» и В. Швейцера «Товарищ Сталин в Туруханской ссылке» см.: 1937. № 8.

⁵⁹ Имеется в виду выпускавшийся ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) с 1936 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1935 г. «О постановке критико-библиографического дела», «Библиографический бюллетень по марксизму-ленинизму, истории партии и Коминтерна».

⁶⁰ Речь идет о периодизации истории партии, данной в письме И. В. Сталина составителям учебника истории ВКП(б). // Большевик. 1937. № 9.

⁶¹ Речь идет о работах Д. Б. Рязанова «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса (Историко-критический этюд)» (Пг., 1918) и «Очерки по истории марксизма» (М., 1923).

⁶² См. примечание 2.

© 1992 г.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»
В 1905—1907 ГОДАХ**

Документы и материалы*

**№ 67. Журнал заседания соединенного собрания [ЦК]
с участковыми представителями 4-го октября 1904 года¹.**

На заседании присутствовали: М. В. Красовский, Ю. Н. Милютин, Д. П. Семенов, С. С. Соколов, М. А. Остроградский, П. Е. Рейнбот, Е. С. Боткин, А. Я. Брафман, П. С. Чистяков, Р. В. Фрейман, А. А. Лобек, Н. А. Виташевский², фон Раабен³, г. Серебряков, Н. Н. Перцов, А. А. Гирс, Н. А. Волков⁴, С. С. Подолинский, Н. Н. Азарьев⁵, г. Дриженко⁶.

Председательствовал М. В. Красовский.

По открытии собрания председателем Ю. Н. Милютиным было сообщено о цели настоящего заседания. Сделав небольшой обзор прошлого заседания, г. Милютин предлагал собранию остановить свое внимание на вопросе, с чего начать Союзу свою организацию: с общего или с участковых собраний. По этому поводу происходит обмен мнений.

П. С. Чистяков против общего собрания, предпочитая ему собрание делегатское. Общее собрание при той массе людей, которая соберется на него, не будет иметь того важного и полезного значения для дела организации, какое имеет собрание делегатское, составленное из меньшего количества лиц, являющихся притом наиболее энергичными деятелями участковых комитетов. Нужно, говорит г. Чистяков, работать среди своих избирателей и готовить дело по участкам.

М. А. Волков одного взгляда с г. Чистяковым. Нужно сперва дать возможность высказаться в небольших ячейках, каковы участковые комитеты, и, столкнувшись, члены нашего Союза пойдут уже с готовыми взглядами на общее собрание.

Д. П. Семенов указывает на незначительность денежных средств участковых комитетов для самостоятельной деятельности.

С. С. Соколов высказывает доводы, по которым ему представляется нужным начать именно с общего собрания деятельность Союза по организации. Если бы, говорит г. Соколов, наш Союз только начинал свою деятельность, тогда я понял бы отстаивание предыдущими ораторами преимуществ местных собраний перед общим. Но дело в том, что Союз наш существует уже год и нам необходимо собраться всем вместе по следующим соображениям. Во-1-ых, общее собрание определит наши силы, позволит решить, насколько готовы мы к громадной и трудной выборной кампании. Во-2-ых, не нужно забывать, что, кроме того, мы накануне выборов — время выдвигает вопросы один другого важнее для нашего Союза. Необходимо, чтобы общее собрание заслушало, обсудило и поддержало ту программу, которая выработана Московским и Петербургским комитетом. В-3-х, произошел инцидент с выходом из Союза видного его деятеля Д. Н. Шипова. Инцидент этот вызвал жаркую полемику и в газетах, и в партиях. А. И. Гучков высказал свой взгляд на этот инцидент и теперь необходимо, чтобы общее собрание сказало категорически, поддерживает ли оно А. И. Гучкова.

П. С. Чистяков указывает на не совсем правильное определение С. С. Соколовым правомочий общего собрания (городского). Это собрание не имеет права критиковать действий Центрального комитета. Это может сделать лишь делегатское собрание, на созвании которого он и настаивал в начале идущего заседания.

А. Я. Брафман. С 9-го июля текущего года, момента роспуска Государственной думы, наступил в высшей степени важный, можно сказать, решающий для нашего отечества момент. Между тем «Союз 17-го октября» еще не высказался категорически по этому поводу. При все возрастающем ин-

* Продолжение. См.: История СССР. 1991. № 2—6; 1992. № 1.

тересе, с которым общество следит за политикой, оно с нетерпением ждет ответа на вопрос, каково отношение «Союза 17-го октября» к правительству. Это вопрос — кардинальный. Разрешить этот вопрос ясно и без недомолвок должен Союз, если только он есть конституционная партия. Он должен успокоить общество, рассеяв все его подозрения. Теперь вопрос, как это сделать; какое собрание взять выразителем взгляда Союза к вышеприведенному вопросу? Общее или участковые собрания? Мне кажется, ответ ясен. Работать усиленно надо и там, и тут, но вопрос первостепенной важности, вопрос кардинальный для всякой жизненной партии может быть решен лишь на правомочном общем собрании всех членов, а не на маленьком собрании какой-нибудь Адмиралтейской или Василеостровской части. Затем вопрос о выборной тактике является вопросом настолько острым для Союза, что и он должен быть разрешен только общим собранием.

Председатель М. В. Красовский указывает на то обстоятельство, что во время прошлых выборов было много организаций, близких по программе к «Союзу 17-го октября», разнившихся лишь в мелочах. Вследствие ли самолюбия или каких-либо других побуждений эти партии действовали самостоятельно на выборах и потерпели полную неудачу. В настоящее время М. В. Красовский рекомендует другую тактику. Необходимо объединиться всем партиям, близким к нашему Союзу. Это увеличит, во-1-х, авторитетность нашей партии, затем — ее средства и наконец шансы на успех во время выборной борьбы. Г. Красовский указывает на Партию мирного обновления и Прогрессивно-экономическую и рекомендует блок с ними.

Д. П. Семенов высказывается за необходимость созыва общего собрания в смысле получения директивы, без которой местные комитеты не будут знать, как действовать.

Р. В. Фрейман говорит, что нужно подождать распада (неминуемого) мелких партий и тогда они сами вступят в наш Союз. Он против блока, предложенного г. председателем.

Ю. Н. Милютин высказывает следующую мысль. Напрасно смотрят некоторые на участковые собрания как на собрания чисто делового характера, лишенного политической окраски. На собраниях участковых комитетов, говорит г. Милютин, можно и даже должно касаться политики. Эта последняя необходима как в общем, так и местных собраниях, как в Центральном, так и в участковых комитетах. <Нужно разбираться в политическом моменте как в общем, так и в участковом собрании.> Вопрос весь сводится к тому, с чего начать, с общего или с местных собраний. Затем обращая внимание собрания, что для успешной деятельности нужны деньги. Центральный комитет уже принял некоторые меры для урегулирования денежного вопроса. Здесь я хочу сделать предложение собранию о выборе комиссии, которая способствовала бы сбору пожертвований и вообще изысканиям мер для пополнения нашей кассы. Далее, если мы решим вопрос о созыве общего собрания в утвердительном смысле, то я бы предложил выбрать комиссию для организации этого собрания. Я полагал бы, что для созыва общего собрания нужно назначить срок никак не менее 10 дней ввиду разных технических соображений, именно: изготовления повесток, рассылки их, выработки предметов обсуждения и т. д. Этим сроком можно было бы воспользоваться для устройства участковых собраний.

Касаясь вопроса о легализации Союза, г. Милютин знакомит собрание с тем положением, в котором находится этот вопрос.

Н. Н. Перцов указывает на неотложность общего собрания, которое является необходимым для выяснения наших сил. Он не соглашается с предложением некоторых гг. членов о том, что на общее собрание не явится много членов Союза. Г. Перцов думает, что такой аргумент неубедителен, ибо если вообще предполагать, что члены не будут посещать собраний, тогда, значит, можно предположить, что они не будут являться и на участковые собрания.

Резюмируя все прения, председатель предлагает баллотировать <три> два решения вопроса, а именно: 1). Созвать сначала общее собрание всех членов. 2). Созвать сперва участковые, а затем уже общее собрание и <3). Вести параллельно и те, и другие собрания.>

Проходит баллотировка и громадным большинством собрание высказывается за созыв общего собрания (п. 1-й) ⁷. После этого председатель предлагает избрать комиссию из 6 членов для организации общего собрания «Союза 17-го октября». Происходит баллотировка. Выбранными оказались: 1) С. С. Соколов, 2) М. А. Остроградский, 3) Д. П. Семенов, 4) А. А. Гирс, 5) М. А. Волков и 6) Серебряков.

Председатель делает предложения о двух родах членских взносов. Он полагал бы ввести эти взносы: 1) вступительные и 2) постоянные (помесячные или ежегодные). П. С. Чистяков думает, что члены Центрального комитета должны сделать между собою первоначальную раскладку, а затем так же поступят участковые комитеты.

Председатель предлагает организовать возможно шире деятельность комитетов по участкам, увеличив число членов до 25 человек и установив для них взнос не менее 10 рублей.

Собрание, приняв к сведению эти вопросы и предложения, не высказало по ним определенного мнения, оставив разрешение их до следующего заседания.

Затем собрание было г. председателем М. В. Красовским объявлено закрытым.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 388—391.

№ 68. Журнал заседания Петербургского отделения Центрального комитета
«Союза 17-го октября» 6-го октября 1906 г.

Присутствовали: Ю. Н. Милютин, А. Я. Брафман и П. Е. Рейнбот. Председательствовал Ю. Н. Милютин.

Рассмотрен проект дополнения и изменений устава «Союза 17-го октября», составленный согласно требованию Особого присутствия по регистрации обществ. Собрание принимает этот проект и постановляет приступить к переписке устава с тем, чтобы в понедельник, 9 октября, он был подписан учредителями и засвидетельствован нотариальным порядком.

Председателем доложен вопрос об исполнении решения соединенного собрания с участковыми представителями 4-го октября с. г. о созыве общего собрания членов Союза. Постановлено: созвать на 12-е октября избранную для этого на прошлом заседании комиссию по организации общего собрания, в которую согласно избранию вошли: С. С. Соколов, М. А. Остроградский, Д. П. Семенов, А. А. Гирс, Н. А. Волков^{7а} и Серебряков, при участии всего Центрального комитета.

Следующим вопросом явился вопрос о средствах Союза.

А. Я. Брафман предложил сделать объявление в газетах «Новое время», «Петербургская газета» о том, что за истечением срока предлагается гг. членам делать новые взносы. Предложение это было принято. Председатель предложил в виде меры для пополнения средств Союза начать сбор по книжкам, причем владельцев книжек просить предпринять сбор добровольных пожертвований в пользу Союза среди своих знакомых. Предложение принимается.

Председатель предлагает на обсуждение вопрос о том, какую роль должен играть «Союз 17-го октября» на предстоящих выборах гласных в Петербургскую городскую думу. Ввиду того, что «Союз 17-го октября» есть партия политическая и что выборы в городскую думу не носят политического характера, а являются делом, относящимся лишь к городскому самоуправлению Петербурга, собрание постановило: считая эти выборы не имеющими отношения к политике, признать, что «Союз 17-го октября» как партия не принимает в выборах никакого участия.

Последний вопрос — о расширении средств, отпускаемых на канцелярию Центрального комитета, вызвал замечание А. Я. Брафмана, что ввиду стесненного положения «Союза 17-го октября» вопрос этот он полагал бы решить в отрицательном смысле. Собрание решило оставить этот вопрос открытым до будущих заседаний.

Затем председатель Ю. Н. Милютин закрыл заседание.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 396 и об., 398 и об.

№ 69. 12.X.06 ЦК + ком[иссия] по орг[анизации] общ[его] собр[ания]

[Присутствовали:] 1. Милютин. председ., 2. Красовский, 3. Каульбарс, 4. Столыпин, 5. Лихачев, 6. Фрейман, 7. Чистяков, 8. Подолинский, 9. Серебряков, 10. Семенов, 11. Грибоедов, 12. Остроградский, 13. Брафман, 14. Гудович.

Красовский: Пб. неинтересен, а надо думать о провинции. Милютин: надо Пб. общ. собр. Подолинский: надо при этом иметь в виду провинцию. Красовский: не надо дробить местн. орг. между близкими партиями, а одну общую. Надо составить краткую программу без принудительного отчуждения [частновладельческих земель] и еврейского равноправия. Фрейман: клоните ли к отсрочке город. собрания до съезда? Красовский: нет, но не надо и того терять из вида. Семенов: важен вопрос о М. О. Подолинский: надо программу. Семенов, Чистяков, Столыпин, Грибоедов, Серебряков, Подолинский: надо предложить общ. собр. платформу. Чистяков: надо поставить собр. один тезис. Серебряков, Брафман⁸, Чист[яков]: «о задачах Союза в предстоящую выборную кампанию», вот тема собр. Грибоедов, Семенов, Милютин о М. О. Грибоед[ов]: надо ** МО. Серебряков^{8а}: Чистя-

ков есть три вопроса: 1) о средствах; 2) о повестке, надо ли при них воззвание; 3) об ораторах; 4) о месте; 5) о времени. О средствах — есть и будут; о повестке — всем членам; о воззвании — большинство решает: надо воззвание, но изменить начало * Крас[овский] предлагает выпустить принуд. отчужд. Фрейман поддерживает. Чистяков возражает. Столыпин: и в программе министр. есть «принуд. отчуждение». Все зависит от плана. Подолинский: если это менять, то надо все переделывать.** было в газетах, если выпустить — гвалт. Фрейман: надо написать совсем новое воззвание. Семенов[в]: это * нельзя, если вообще говорить о программе.

Надо ли переделать начало * или написать совсем новое? Больш. голосов — новое.

О программе надо о МО. Крас[овский]: надо 2 вопр. — 1 задачах и пр., — у местн. гор. орг. Решено: о задачах и пр. сделают доклады или сообщения такие-то, надо позвать Гучкова, по возможности Стаховича; еще намечены Мейендорф, Чистяков, Брафман, Рейнбот, Милютин, Грибоедов.

Об утверждении устава — необходимо провести проект — разослать, если прения — * объяснить необходимость * собрания.

Милют[ин]: надо ли выбрать нов. ЦК. Чистяков, Остроград. и др.: нет. Гудович: то же. Просить присутствующих, что пожелают записываться в времен.* ком. Когда и где. В Двор. собр. можно. На 25 или 5 днем. Распорядители по организации Брафман, Чистяков, Подолинский. Редакционная комиссия они же.

Надо новую чековую книжку и бумагу о новых подписях. Гудовича и Брафмана.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 400—401.

**№ 70. Журнал заседания Петербургского Центрального комитета
«Союза 17-го октября» 27 октября 1906 г.**

Присутствовали: гр. В. В. Гудович, Г. Г. Лерхе, А. Я. Брафман, Ю. Н. Милютин, С. С. Подолинский, П. Е. Рейнбот, А. А. Столыпин, П. С. Чистяков. Приглашены: М. Н. Триполитов, С. С. Хрулев⁹: представители Прогрессивно-экономической партии.

Речь на заседании 27 октября шла о желательности слияния всех центральных партий вообще, а в частности Прогрессивно-экономической партии с «Союзом 17-го октября», о созыве общего собрания членов Союза и сохранении Центральных комитетов Союза в Петербурге и Москве.

Открывая заседание, М. В. Красовский указал на то, что всем партиям, исповедующим одни общие с «Союзом 17-го октября» принципы и расходящимся только по частным вопросам, следует объединиться для предвыборной борьбы. В частности, желательно объединение с Прогрессивно-экономической партией, обладающей значительными материальными средствами, представитель которой М. Н. Триполитов и приглашен на заседание для выяснения этого вопроса.

М. Н. Триполитов заявил, что лично он склоняется к тому, чтобы бывшая Прогрессивно-экономическая партия «рассыпалась» и ее члены присоединились к существующим политическим организациям, наиболее им сходным по цели и образу действий, но при обсуждении вопроса в Союзе фабрикантов преобладал другой взгляд, а именно стремление объединиться на общих задачах с другой сродной партией, какою представляется «Союз 17 октября», с тем, чтобы группа лиц, входящих в состав Прогрессивно-экономической партии, на выборах шла рядом с «Союзом 17 октября». Вместе с тем высказывалось пожелание объединения партий на лицах, а не на программах, так как детали программ могут вызывать разногласия. К тому же в партии прошел слух о том, будто Союз намерен пересматривать программу. М. В. Красовский и Г. Г. Лерхе опровергают этот слух. М. В. Красовский говорит, что вопрос об изложении программы может быть только поднят и решен на делегатском съезде, созыв которого, по мнению лидера Союза А. И. Гучкова, в настоящее время представляется крайне затруднительным и потому неизвестно, удастся ли еще.

А. А. Столыпин и Г. Г. Лерхе находят, что менять программу накануне выборов неуместно. М. Н. Триполитов обещает сообщить своей партии о том, что программа Союза останется неизменной. Возвращаясь к существу предмета, многие из членов возбудили вопрос о том, что было бы желательно, чтобы Прогрессивно-экономическая партия[...] ¹⁰.

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 1—2.

№ 71. [Протокол заседания ЦК «Союза 17 октября»
с представителями Партии правового порядка]. 29.X.06.

[Присутствовали:] Красовский — «С[оюз] с[емнадцатого] о[ктября]», Столыпин — ССО, Оболенский — ССО, Подолинский — ССО, Рейнбот — ССО, Милютин — ССО, Ершов *, Ададу-ров¹¹ — П[артия] п[равового] п[орядка], Маркович¹² — ППП, Ковалевский¹³ — ППП, Якунчиков¹⁴ — ППП, Лавров¹⁵ — ППП, Лыжин¹⁶ — ППП, Тарасов — ППП, Чистяков — ССО, Лерхе — ССО.

ППП указала своим провинциальным отделам идти заодно с Союзом и др. умеренными партиями, т. е. ктр. правее К. Д. В Симбирске даже приостановлено образование отдела, чтоб не мешать работе Союза.

Якунчиков предлагает сосредоточиться только на именах.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 402.

№ 72. [Протокол заседания ЦК] 29.X.06.

[Присутствовали:] 1. Красовский — открыв. засед., 2. Гучков, 3. Оболенский, (Ершов)?, 4. Перцов, 5. Столыпин, (Захаров)¹⁷, 6. Рейнбот, (Панчулидзе), 7. Лихачев, 8. Тарасов, 9. Брафман, 10. Чистяков, 11. Милютин, 12. Гудович, 13. Лерхе, 14. Крючков.

Выбран в председатели [ЦК] А. И. Гучков.

[Общее] собрание [в Петербурге] 5 ноября созвать. Программа: непереизбрание ЦК; 1). Утверждение проекта СПб. устава; 2). Речи: Гучков, Стахович, Плевако, Мейендорф, Чистяков, Красовский, Милютин, Брафман; 3). Перерыв для сбора денег и затем в участковые отделы; 4). Председателем [собрания избрать] Родзянко (?); 5). Данные о положении Союза; 6). Програм[ма] 1. Обсуждение проекта устава. 2. О задачах Союза ввиду предстоящих выборов в Гос. думу. 3. Сбор.; 7). Заявление Красовского, и Милютина, и Столыпина¹⁸.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 403.

№ 73. [Протокол заседания ЦК] 3.XI.06.

[Присутствовали:] Красовский [председатель], Фрейман, Брафман, Чистяков, Лерхе, Подолинский, Милютин, (Половцов¹⁹), Гудович.

К[онституционно-] м[онархические] п[артии] предложили — Бобрищев-Пушкин, Половцов, Корвин[-Круковский]²⁰, Монахов Ник. Ив.²¹ дмв. на выборах, Демчинский. Постановлено кооптировать Бобрищева-Пушкина, Половцова и Монахова и Веретенникова.

След. засед. вечер[ом в] 10 час.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 407.

№ 74. Протокол заседания С.-Петербургского Центрального комитета
«Союза 17 октября», состоявшегося 5 ноября 1906 г.²²

Заседание открыто в [...] ч.²³ Александром Ивановичем Гучковым.

1. Намечен и установлен порядок дня для предстоящего заседания общего собрания членов «Союза 17 октября».

2. На предстоящем общем собрании намечены: председателем — А. И. Гучков, товарищами — Ю. Н. Милютин, М. Вл. Родзянко.

3. Заявлено, что г. Муханов[у]²⁴ не выдается разрешения на право приезда в общее собрание членов «Союза 17-го октября».

4. Ал. Вл. Бобрищев-Пушкин вносит предложение о частичном изменении устава С.-Петербургского отдела «Союза 17 октября» в смысле учреждения исполнительного органа при городском совете для отправления текущих дел и агитационной деятельности, для чего необходимо внести соответствующие изменения в § 1 устава и добавление к § 8.

Заседание комитета закрыто в [...] ч.²⁵

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 3—3 об.

**№ 75. Заседание С.-Петербургского Центрального комитета
«Союза 17-го октября» 6-го ноября 1906 года**

Присутствовали: председатель А. И. Гучков; члены: Милютин, Родзянко, Красовский, Чистяков, Брафман, Монахов, Подолинский, бар. Каульбарс, Рейнбот, Стахович, Бобрищев-Пушкин.

Председатель предлагает Брафману доложить о результатах денежного сбора 5-го ноября в Дворянском собрании и в бюро Центрального комитета на Литейном, 30. Брафман: в Дворянском собрании собрано — 1090 р. 54 коп.; в бюро Центр. ком. по 5 и 6 ноября — 238 р. 40 коп. Всего: 1328 р. 94 коп. Собранные деньги постановлено зачислить в средства С.-Петербургского Центрального комитета.

Чистяков предлагает составить из членов Центрального комитета особое бюро временного характера впредь до образования городского совета. Задачи бюро — организация и оживление деятельности участковых собраний комитетов и устройство участковых собраний. Бюро должно быть предоставлено право пополняться путем кооптации и образовывать при себе кадр агитационных ораторов, хотя бы и из лиц, не принадлежащих формально к Союзу. Компетенция временного бюро за пределы СПб. губернии не распространяется. После некоторых замечаний Милютина, Гучкова и Монахова предложение принято и временная комиссия избрана в следующем составе: Красовский, Милютин, Лерхе, Грибоедов, Чистяков, Половцов, Монахов, Брафман.

Гучков настаивает на необходимости особо энергичной и безотлагательной деятельности вр. бюро, причем ставит ему в обязанность лишь на первых порах организовать участковые комитеты и собрания, а затем предоставить им известную автономию в деятельности. Следует стремиться, чтобы участки работали за собственные средства, не ослабляя кассы Центрального комитета. Помощь ораторами всегда должна быть предоставлена по просьбе участков. Организация бюро пропаганды должна быть, по мнению Гучкова, поручена одному из членов Центрального комитета, а не коллегии.

Красовский: предлагает в четверг, 9-го ноября пригласить в Политический клуб гласных городской думы, сочувствующих «Союзу 17-го октября», и предложить им войти в Союз членами участковых комитетов в тех районах, по которым они баллотировались в городскую думу. Предложение принято.

Милютин указывает на необходимость найма платного секретаря С.-Петербургского Центрального комитета и на установление хотя бы на первое время дежурства членов Центрального комитета в Бюро на Литейном пр. Решено: секретаря нанять с платою не свыше 200 рублей в месяц; дежурство членов разделить между желающими и назначить время для дежурств с 4—6 час. вечера, о чем опубликовать в газетах. На текущей неделе дежурства распределены так: вторник — Милютин, среда — бар. Каульбарс, четверг — Красовский, пятница — Милютин, суббота — Рейнбот. На следующей неделе изъявил готовность дежурить также и Половцов.

По предложению Милютина решено добавить в канцелярии Центрального комитета еще одного служащего, а остальным выдать некоторое вознаграждение за усиленные занятия по рассылке повесток на общее собрание.

Поставленный Милютиным вопрос, не следует ли представить устав Петербургского отдела Союза на утверждение администрации, решен в отрицательном смысле.

По предложению Красовского решено напечатать речи [на общем собрании] Гучкова, Плевако, Милютина и Чистякова и разослать их во все провинциальные отделы в значительном количестве. Речь Ермолова решено отпечатать в количестве 1000 экземпляров и тоже разослать.

Брафман единогласно выбран казначеем С.-Петербургского Центрального комитета.

Красовский сообщает, что Партия правового порядка предлагала совместные действия (но не слияние), но не получила определенного ответа. В настоящее время враждебная Союзу пресса указывает на блок Союза с Партией правового порядка. Решено не опровергать этого официально, а при случае в интервью выяснить, что никакого блока с правовым порядком нет.

Бобрищев-Пушкин сообщает, что (3-го ноября) ²⁶ он должен быть в Череповце на судебном деле и предлагает использовать его поездку в агитационных целях. Решено известить местный отдел о приезде Бобрищева и Половцова с просьбой назначить на 13-ое вечером общее собрание.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 409—410.

**№ 76. [Протокол заседания ЦК] 8.XI.06. Совещ[ание]
по гор[одской] уч[астковой] орг[анизации]**

[Присутствовали:] 1. Красовский [председатель], 2. Лерхе, 3. Чистяков, 4. Грибоедов, 5. Монахов, 6. Половцов, 7. Брафман, 8. Милютин.

О выходе мн[огих] чл[енов] вследствие циркуляра МВД²⁷. Решено обратиться к МВД с заявлением о разъяснениях и *, что легализованные партии не м[огут] считаться противозаконными. Поручить Красовскому²⁸.

Грибоед[ов]: В[асиле-]О[стровский отдел] Пр. Эк. п[артии] решил самоупраздниться и перейти в Союз.

Споры о вздоре. Теперь надо только образовать врем[енный] орг[анизационный] уч[астковый] комитет и созвать общ. собр. уч[астка], ктр. выберет окончательно уч. ком.

Крас[овский о том], как гласные заявляют готовность способствовать уч. орг. Именно: <Бодиско²⁹ (Адмир.)> (записывают на уч. листы), Буров Ив. Вас., Захарьевск. 11, Граве Вл. Вл. (Моховая, 11), Кабат А. И.³⁰, Лебедев А. И.³¹, Оппенгейм³², Старицкий К. С.³³

Половцов надо привлечь адвокатов; Дорна³⁴, Коржикова, *, Люстих, Турченкова, Юнкер³⁵ (из них Дорн и Юнкер есть, остальные не подходят), Алексеев³⁶ (можно), Благовещенский³⁷ (можно). Разбираются по именам. Одобрены: Алексеев, Благовещенский, Коржиков, Лозин-Станишев, Лебедев³⁸, Леонтьев В. Ф., Червинский, помощники: Харламов. Поручено Чистякову и Брафману исполнить.

Вр. ком. Моск. части: 1. Брафман, 2. Чистяков, 3. Доброворс[кий]³⁹, 4. Лихачев, 5. Половцов, 6. Павлов Е. В.⁴⁰, 7. Терехов, 8. Рубахин⁴¹.

Просмотр старых комитетов. 1. Выборгский поручен Монахову и Половцову; 2. Адмиралтейский, 3. Литейный, 4. Спасский, 5. Рождественский — Милютину и Красовскому; 6. Вас. Остр. — Грибоедов[у], Петерб. стор.

Лерхе о Кедрин. собр. против МО и ССО. Возьмет на себя ремеслен[ников] и приказчиков.

След. засед. комисс. в 1 час дня.

Вводится председ. Двинского отдела Андрей Васильевич Филиппов. Заявляет, что много внесено евреев, не имеющих прав; надо улучшить проверку, но через городских: тоже желают пропорциональности. То же для жел. дор. служащих, чтоб могли подавать записки на пути. Витебской губ. разъяснил по ходатайству отдела, что чин[овники] мог[ут] участвовать в Союзе и правее его.

Просим прислать записку.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 413—414.

№ 77. 10.XI.06. КОД. ЦК

[Присутствовали:] 1. Красовский [председатель], 2. Бобрищев-Пушкин, 3. Половцов, 4. Монахов, 5. Брафман, 6. Столыпин, 7. Подолинский, 8. Хомяков, 9. Лерхе, 10. Фрейман, 11. Грибоедов, 12. Милютин, 13. Родзянко, 14. Чистяков, 15. Веретенников, 16. Рейнбот, Захаров, 17. Трубников, 18. Каульбарс.

Текущие дела: Столыпин докладывает полученные им письма студента Самоквасова и Бердникова⁴². Приняты к сведению.

О кассирше. Поручить Брафману. Бобр.-Пуш. о кедринском собрании. Справка, что уже решено.

О квартире. Уполномочить Брафмана и Милютину сделать, как они хотят; принять предложение сестры Иды или выжить немок, но отнюдь не менять квартиры.

Предложение устроить отделения конторы в ремесл, * управл., пред. общ. и пр. Поручить Красовскому и Брафману.

Брафман предлагает ввести членские билеты с тем, что[бы] потом повестки на собрания заменять публикациями в газетах и пускать по предъявлению билетов. Билеты установить. Прочее **, по-весток не уничтожать.

О секретаре. Поручить наем его Красовскому и Милютину. А для заседаний оставить Захарова.

О кандидатах в Гос. думу. Лерхе надо оставить вакации для приказчиков и вообще низших торговых служащих. Постановлено: во всяком случае опубликовать имена наших кандидатов в думу раньше списка выборщиков. Красовский в духе Лерхе. Надо классовых представителей. Половцов

что мы должны сегодня? Дадим обязательные директивы будущему городскому совету или предварительное обсуждение? Все — предварительное.

Красовский и Лерхе уходят. Перерыв.

[После перерыва присутствовали:] 1. Мил., 2. Стол., 3. Рейнбот, 4. Веретенников, 5. Бобр.-Пуш., 6. Монахов, 7. Чистяков, 8. Родзянко, 9. Трубников, 10. Хомяков, 11. Подолинский, 12. Каульбарс, 13. Фрейман, 14. Грибоедов.

Бобр.-Пушк. предлагает резолюцию в осуждение запрещения КД собрания в доме Нобеля. Хомяк[ов] поддерживает в принципе. Чистяков надо ** подробности. Рейнбот тоже в *. Милютин ⁴³. Решено.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 421—421 об.

№ 78. [Протокол заседания ЦК] 16 ноября [1906 г.]

[Присутствовали:] Красовский, Гудович, Перцов, Енакиев, Тарасов, Брафман, (Попов Сергей Ел.), Притвиц, Н. И. Гучков, [гр. В. А.] Тизенгаузен, Зиновье[в Л. А.], Корф, Столы[пин], Лихачев, Красовский, [гр. В. А.] Бобринский ⁴⁴, Никитин, [Милютин] ⁴⁵.

В Москве в Центр. бюро кроме 12 подписей: Арк. Ив. Геннерт, Вл. Пав. Рябушинский. О подписях к воззванию не прибавлять.

Два центральных комитета в Москве и Пб., а во главе общий или соединенный совет, в губерниях и городах местные комитеты и у них отделения.

Прогрессив.-Промышл. пар[тия] Беляев и Триполит. Торгово-Промышл. п. *, Максимов ⁴⁶, Крючков **. Енакиев — Беляев и Триполит.

В Пб. ком. все присутствующие + Потехин ⁴⁷. П[артия] пр[авового] пор[ядка] — надо обратиться в Орган. ком. (член Тизенгаузен). Привлекаются также отсутствующие сегодня, но принимавшие участие раньше.

О членском взносе для лиц: не менее 1 рубля.

Адрес канцелярии: Невский 92, контор. «Слово», секретарь — Милютин. Зиновьев Лев Алек. Мойка, 11.

След. собр.— суббота, **.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 432—432 об.

№ 79. Журнал заседания С.-Петербургского Центрального комитета «Союза 17-го октября» 17 ноября 1906 года

В заседании, открывшемся в 4 ч. пополудни, участвовали: 1) С. Д. Грибоедов, 2) Л. В. Половцов, 3) А. А. Столыпин, 4) Ю. Н. Милютин, 5) А. В. Бобрищев-Пушкин, 6) С. С. Подолинский, 7) А. Я. Брафман, 8) П. С. Чистяков, 9) П. Е. Рейнбот, 10) Кн. А. В. Оболенский, 11) Г. Г. Лерхе, 12) М. В. Красовский, 13) Бар. В. А. Каульбарс, 14) Н. А. Захаров, 15) Н. И. Монахов.

В заседании председательствовал Ю. Н. Милютин, который довел до сведения Комитета о необходимости избрания секретаря Комитета, в каковую должность единогласно избран барон Влад[имир] Александр[ович] Каульбарс, причем он по праву вступает членом во все комиссии, выделяемые комитетом.

Вместе с тем Ю. Н. Милютин доложил Комитету, что во исполнение его поручения Ю. Н. Милютиным и М. В. Красовским привлечен для занятий по канцелярии и литературно-ученой части В. И. Штейн ⁴⁸.

С. Д. Грибоедов довел до сведения Комитета о необходимости созыва в возможно непродолжительном времени участкового Василеостровского собрания. Ввиду затруднений по получению для собрания Дворянского зала положено собрание устроить либо в Биржевом собрании, буде зал последнего для этого будет дан, либо в зале Кредитного общества. Так как собрание это будет носить организационный характер, то повестки с приглашением посторонним Союзу лицам и партиям не посылать.

С. Д. Грибоедов довел до сведения Комитета, что пр. А. И. Введенский заявил ему на словах о выходе из «Союза 17 октября» и о вступлении в Партию мирного обновления ⁴⁹ и в то же время выразил желание получить список членов Василеостровского отдела «Союза 17 октября».

Положено список членов пр. А. И. Введенскому не выдавать.

С. Д. Грибоедов обратил внимание Комитета на то, что ввиду слухов, распространяемых газетами о вступлении «Союза 17 октября» в блок с правыми партиями, необходимо бы было напечатать по этому предмету возражение. После прений по сему предмету положено в «Биржевых ведомостях» напечатать письмо от имени М. В. Красовского в редакции, при сем прилагаемой⁵⁰, а сообщение по сему же предмету, но более общего характера в редакции, предложенной Ю. Н. Милютиным и А. В. Бобрищевым-Пушкиным, просить А. А. Столыпина напечатать в «Новом времени».

Ю. Н. Милютин довел до сведения Комитета, что в заседании Немецкой партии⁵¹, состоявшемся 16-го с[его] ноября, делегатами в Центральный комитет избраны гг. Радецкий и Юнкер. Положено прежних делегатов от Немецкой партии кооптировать к Центральному комитету в лице бар[она] А. Ф. Мейендорфа и Р. В. Фреймана.

Ю. Н. Милютин указал на необходимость выработать форму членского билета на картоне. Положено поручить форму билета выработать А. А. Столыпину и С. Д. Грибоедову.

Председатель Ю. Милютин.

Секретарь бар. Каульбарс.

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 9—10.

№ 80. Протокол заседания Центрального комитета 22 ноября 1906 г.

В заседании присутствовали: Ю. Н. Милютин, С. Д. Грибоедов, П. С. Чистяков, кн. Ал. Вас. Оболенский, Ал. Вл. Бобрищев-Пушкин, Л. Викт. Половцов, барон Вл. Ал. Каульбарс, М. В. Красовский, Г. Г. Лерхе, А. Я. Брафман, Ал. Арк. Столыпин.

Заседание открыто Ю. Н. Милютиным в 8 ч. вечера.

1. Ал. Вл. Бобрищев-Пушкин предложил избрать Редакционную комиссию для утверждения воззваний и иных изданий местных комитетов. Для ускорения дела положено, что воззвания, исходящие от местных комитетов, будут утверждаемы к напечатанию одним из товарищей председателя.

2. Ввиду большей важности изданий, которые предполагается выпускать от имени бюро пропаганды, положено издания этого рода представлять на цензуру для разрешения к напечатанию в особую Редакционную комиссию в составе 5 членов, решения коей принимаются большинством голосов, действительны при наличном составе трех членов, причем [на] утверждение изданий к печатанию комиссии предоставляется трехдневный срок. Вместе с тем постановлено никаких воззваний не печатать помимо одобрения комиссии. В состав комиссии входят 3 товарища председателя Центрального комитета, А. А. Столыпин и один из членов бюро пропаганды по избранию последнего.

3. Ввиду необходимости ускорить организацию бюро пропаганды положено образовать временный комитет, в состав которого и назначены Г. Г. Лерхе, П. С. Чистяков, Добротворский, А. Я. Брафман, кн. А. В. Оболенский и Корвин-Круковский.

4. Доведено до сведения Комитета письмо А. Н. Никитина, который по болезни просит освободить его от занятий по Центральному комитету. Положено считать А. Н. Никитина вышедшим по болезни из состава Комитета, о чем и выразить ему сожаление.

5. Заседание Комитета закрыто в 11 ч. вечера.

Председательствующий.

Секретарь С.-Петербургского Центрального комитета «Союза 17 октября» бар. Каульбарс.

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 32—33.

№ 81. Протокол заседания Центрального комитета 28 ноября 1906 г.

В заседании присутствовали: Ю. Н. Милютин, М. В. Красовский, С. С. Подолинский, С. Д. Грибоедов, П. С. Чистяков, Г. Г. Лерхе, кн. А. В. Оболенский, Л. В. Половцов, А. А. Столыпин, бар. Вл. А. Каульбарс, Радецкий, Юнкер, Монахов.

Заседание открыто М. В. Красовским в 4 ч[аса].

1. На случай отъезда товарищей председателя и невозможности для остающегося налицо товарища председателя присутствовать в заседании он полномочия свои передает одному из членов центрального комитета.

2. В отношении рассылки опросных листов о желании вступить в члены Союза положено, что Центральный комитет заготовит адреса по городским избирательным корректурным спискам, а учрежденные уже участковые комитеты озаботятся рассылкою опросных листов. Что касается соглашений с местными группами профессиональных организаций, то таковые возлагаются на участковые комитеты; если же профессиональная группа обнимает весь город, то соглашение с нею представляется усмотрению Центрального комитета.

3. Ввиду необходимости усилить предвыборную агитацию положено оказать издающемуся в Царском Селе под редакцией пр[оф]. Латкина еженедельному органу «Царскосельское дело» поддержку в размере 100 р. Для суждения о том, не следует [ли] на время выборной кампании завести «Союзу 17 октября» особый печатный орган, положено назначить комиссию в составе Ю. Н. Милютин, С. С. Подольского, А. А. Столыпина и Б. А. Суворина⁵².

4. На расходы предварительные по устройству Василеостровского участкового собрания положено отпустить в распоряжение С. Д. Грибоедова 100 (сто) рублей.

5. На производство необходимых расходов по Центральному комитету и по бюро пропаганды положено выдать в распоряжение секретаря Комитета барона Вл. А. Каульбарса и председателя бюро Г. Г. Лерхе аванс в размере (500) пятисот рублей каждому.

6. Ввиду затруднительности сношений с казначеем Союза положено просить А. Я. Брафмана назначить часы в два дня недели, когда он будет бывать в канцелярии Центр[ального] комитета.

7. Положено к печатаемому тексту речей, прочитанных в общем собрании Союза 5 ноября приобщить предисловие, составленное М. В. Красовским, за его подписью. Что же касается воззвания, составленного В. С. Кривенко⁵³, то положено его направить в Литейный отдел на тот случай, не пожелает ли он его использовать при рассылке опросных листов членам Союза.

8. Ввиду своевременности приступить к агитации в Петербургском уезде, где уже деятельно работают представители к.-д. партии, положено запросить комиссию по С.-Петербургскому уезду о том, не следует ли за счет Центрального комитета приступить к рассылке опросных листов по уезду. То же самое решено сделать в отношении губернской комиссии.

9. Для согласования агитационной предвыборной деятельности и ускорения сорганизования участковых комитетов в тех частях города, где таковые еще не образовались, положено приглашать в заседания Центрального комитета выбранных от участковых собраний членов в Городской совет, а также и тех, которые имеют быть избранными самими участковыми комитетами.

10. Ввиду возбужденного по Литейному участку г. Виташевским вопроса о том, в кассу какого участка заносить деньги по сборным книжкам Литейного участка в том случае, когда вновь набранные члены Союза окажутся жителями в иных участках, положено вносить деньги по тому участку, по которому выданы сборные книжки, а сведения по купонам о вновь привлекаемых членах Союза направлять в Центральный комитет, дабы он в свою очередь мог сведения по сему предмету сообщать подлежащим участковым комитетам по мере их образования.

Заседание закрыто в 5¹/₂ ч. в.

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 34—36 об.

№ 82. Заседание [ЦК] «Союза 17-го октября» 30 ноября 1906 года.⁵⁴

Под председательством А. И. Гучкова.

Председатель. Позвольте объявить наше сегодняшнее собрание открытым. «Союз 17-го октября» до сих пор созывал собрания партийного характера закрытые, на которые члены приглашались по повесткам. Если на тех собраниях мы имели удовольствие встречать наших противников, то это или по ошибке канцелярии, которая разослала не по надлежащим адресам повестки, или по недосмотру почты. Потребность во всестороннем освещении вопросов, которые нас волнуют, чувствуется всеми живо, и поэтому Центральный городской совет «Союза 17-го октября» воспользовался первым собранием, которое созывает от себя, чтобы пригласить соседей и справа, и слева, поэтому было послано несколько повесток представителям конституционно-демократической партии и монархической партии. Конечно, не скоро еще уляжется то море разбушевавшихся страстей, взбаламученное тяжелой грозой, которую мы переживаем, но надо сказать, что к тому естественному, глубокому и серьезному

антагонизму идей, которые лежат в основании борьбы, примешивается много искусственного и наносного. Сколько партийной нетерпимости, сколько пристрастия и приемов борьбы, которые с моральной точки зрения следует осудить, — сколько всего этого внесено в нашу жизнь! Будем надеяться, что с ростом политической культуры очистятся и наши политические нравы, и настанет день, когда мы — политические противники — будем мирно сходить и бороться на арене парламентарной борьбы. Попытку такого совместного обсуждения вопросов мы делаем сегодня, и позвольте начать наше собрание с того, чтобы приветствовать наших противников, и правых, и левых, находящихся среди нас. Кроме того сегодня мы имеем удовольствие видеть двух представителей С.-Петербургского Центрального комитета: А. В. Бобрищева-Пушкина и Л. В. Половцева. Предоставляю слово А. В. Бобрищеву-Пушкину.

/Чтение доклада А. В. Бобрищевым-Пушкиным.⁵⁵/

Председатель. Слово принадлежит Г. Ф. Шершеневичу⁵⁶.

Малинин В. Ф.⁵⁷ Позвольте мне слово по порядку дня. Мы живем во времени и пространстве, наше внимание ограничено, и в течение 5 часов мы не можем слушать с большим вниманием. Я вижу целый ряд ораторов конституционно-демократической партии, кроме того, в нашем собрании присутствует представитель Партии мирного обновления и представители партии монархической. Политические споры могут продолжаться в течение 48 часов и, чтобы наше собрание использовать продуктивно, нужно стовориться. Чем слушать ряд ораторов в течение ограниченного количества времени, было бы продуктивнее, если бы представители Партии народной свободы, сделав некоторый перерыв, устроили совещание и стоворились, кому говорить. У нас тут такая обстановка, что мы не можем долго говорить.

Председатель. Согласно собранию на следующий порядок: мы предоставим слово по соглашению с представителями партии конституционно-демократической Г. Ф. Шершеневичу без ограничения времени, как без ограничения времени говорил наш оратор; затем все остальные ораторы, к какой бы партии они ни принадлежали, будут пользоваться определенным промежутком времени, которое определится из подсчета времени, имеющегося в нашем распоряжении, и из списка ораторов, поэтому я просил бы тех лиц, которые желали бы записаться в качестве ораторов, заявить мне об этом.

Шершеневич Г. Ф. Идя в настоящее собрание, я невольно вспоминаю недавнее прошлое, когда мы, кадеты, были хозяевами собраний. Мы составляли собрания и приглашали и левые, и правые партии; теперь мы являемся только гостями на этом собрании. Очевидно, что что-то изменилось в общем политическом положении, и я боюсь, что если дело пойдет дальше так, то, может быть, и вам — «Союзу 17-го октября» — придется ходить в гости к партии еще более правой — к истинно русским людям. Председатель, открывая собрание, сказал, что было бы желательно искренне, попросту [обменяться] мыслями между двумя партиями, но, господа, первый оратор уже устранил эту возможность. Господа, здесь было сказано по отношению к партии демократической несколько таких вещей, которые, я думаю, партия честная не должна говорить. Скажите пожалуйста, на чем строил оратор свои мнения о конституционно-демократической партии? Он нам приписал те статьи, которые помещаются в «Русском слове» и «Руси» — газетах, не имеющих ничего общего с нашей партией...

Голоса. Неправда! Ложь!

Председатель. Я бы просил хранить молчание и дать оратору говорить все, что он имеет сказать.

Голоса. Ложь! Ни к чему!

Бобрищев-Пушкин А. В. Дайте оратору полную свободу слова, иначе окажется, что мы встретили наших противников так же, как они нас встречали на своих собраниях.

Шершеневич Г. Ф. Действительно, разницы нет в приеме чужих ораторов, и вы напрасно хвалились вашей терпимостью. Когда мы приглашали другие партии, к нам шли левые, и мы с ними говорили, а «Союз 17-го октября» к нам не шел. Когда вы позвали, мы явились и желаем честного обмена мыслей, но вы нас стесняете. Если составляется мнение о воззрениях партии на основании газет, не имеющих партийной окраски, если партии приписывается поддержка гр. Витте, чего партия никогда не делала, если утверждается, что партия ввела военно-полевые суды, когда партия борется против этого зла, когда говорится о том, что член партии Родичев председательствует на собрании по воинской повинности, когда этого не было, — то я смею сказать, какое представление внушает вам оратор о партии конституционно-демократической? Я позволю себе спросить, почему это так, что нашу партию преследуют, а «Союз 17-го октября» свободно собирается? Это потому, что мы не угодны нашему министерству, бюрократии, потому что в Думу мы пришли сплоченными рядами, мы пришли с дисциплиной и с резко оппозиционным духом. Мы считали себя избранными тех, кто

нас послал, и мы другой России, кроме той, которая участвовала на выборах, не знаем, мы имели право говорить так, как говорили народные представители, и только так всегда будет, если и вы попадете в большинстве в эту Думу. Министерству не нравилась наша творческая способность...
/С м е х/

Половцов Л. В. Свобода слова, господа! Это первое слово для политической жизни, нельзя его нарушать!

Председатель. Не будем прерывать ораторов ни знаками одобрения, ни знаками неодобрения. Шиканье с одной стороны вызывает аплодисменты с другой и наоборот. Угодно принять мое предложение?

/Предложение г. председателя принято./

Шершеневич Г. Ф. Вам показалось странным, господа, когда я говорил о творческой способности наших занятий, но позвольте вам напомнить следующее обстоятельство: когда народные представители явились в Думу, с чем встретило их министерство? Что же наше министерство приготовило законопроект и предложило его на рассмотрение? Нет, нам представили проект о прачечной и оранжерее. А что же министры не могли приготовить? Они должны были приготовить! Они могли приготовиться, потому что когда Думу распустили, то они стали выпускать проект за проектом, а в Думе они рассчитывали, что партия растеряется от того, что ей не дадут никакого законопроекта, но этого не оказалось. Партия явилась с законопроектом и там выработала ряд законопроектов. Я спрашиваю: когда в Думе вырабатывались законопроекты, то кто был автором? Может быть, «Союз 17-го октября»? Я не знаю ни одного творческого акта от этой партии. Вы скажете, что были в меньшинстве, но и меньшинство всегда имело голос и всегда попадало во все комиссии, но творчества мы не видели. Самое неужодное с нашей стороны, самое неприятное в нас для министерства было наше категорическое требование, чтобы министерство удалилось и очистило место для думского министерства. Если бы мы были не партией истинно конституционной, министерство считалось бы с нами легче; будь мы республиканцы, то министерству легко было закрыться царской мантией и нас сдунуть, но мы ясно поставили положение, что мы стоим на точке зрения конституционной монархии и что наша борьба [ведется] против бюрократии, против министерства. Мы требовали, чтобы оно удалилось, но оно не могло удалиться и оно не может удалиться, потому что очистить место для свежих общественных сил значит раскрыть все то, что накопилось в течение долгого времени в глубине этих министерств. Может быть, не одна лидвальская история раскрылась [бы] пред глазами общества, и потому очистить место министерство не в состоянии было и, конечно, всеми силами противилось той партии, которая так настойчиво ставила это положение. Почему же благоволят к «Союзу 17 октября»? Я смею думать, потому что «Союз 17 октября» поддерживает министерство. Нам сегодня говорили, что это неверно, что Союз его не поддерживает, но, господа, когда Думу распустили, когда приходилось иметь дело глаз на глаз с обществом, пораженным роспуском Думы,— что же в это время правительство сочло нужным сделать. Оно чувствовало, что ему нужен авторитет, но оно ниоткуда не слышало поддержки, и только от «Союза 17 октября» оно услышало одобрение его действиям, что поддерживаются те исключительные меры, которые оно принимает, что одобряется энергическое подавление революции. Да, вот здесь нашло себе поддержку министерство, и с этого времени, уже совершенно не стесняясь, пошло по этому пути, обливая страну кровью, и чем больше обливало и думало, что ближе к подавлению революции, тем оно дальше было. Но это не стесняло, и министерство говорило: «чем хуже, тем лучше». А лилась кровь русская! Здесь сейчас ссылались на смертную казнь,— я утверждаю, что партия, поддерживающая смертную казнь, выносит одобрение министерству, которое этим средством злоупотребляет. Нам ссылаются на пример других стран и говорят об Англии, которую сравнили с Россией и поразились, что в России нет казней. Но в том и разница, что за границей смертная казнь существует только по суду и за преднамеренное убийство, а у нас без суда и за политическое настроение. Громадная разница — и сравнивать эти величины почти невозможно.

Голоса. Ложь! Довольно!

Шершеневич Г. Ф. Я, господа, вижу, что едва ли в здешней аудитории, достаточно предубежденной, возможно склонить к противоположному мнению. Здесь явно складываются симпатии и антипатии. Это не есть обмен мнений, мы являемся в партию, враждебно настроенную, на которую едва ли окажем влияние. Поддерживая министерство, одобряя его действия, партия «Союза 17-го октября» становится в довольно рискованное положение. «Союз 17-го октября» поддерживает министерство, а это министерство поддерживает союз истинно русских людей, которые кричат на улицах: «Долой подлую конституцию!», т. е. манифест 17 октября, т. е. ту платформу, на которой вы стоите. Вы должны понимать, что те партии истинно конституционные, которые стоят в оппозиции с нашим

правительством. Если вы поддерживаете правительство, то вы клонитесь к отнятию у вас той платформы, на которой стоите, поддерживая министерство. Вы даете правительству тот топор, который рубит сук, на котором стоит «Союз 17 октября». Если вы хотите стоять на точке зрения патриотической, то со стороны национальных интересов едва ли вы явитесь наилучшими защитниками этого народного величия. Я думаю, что только та партия, которая признала, что русский народ вышел из пеленок, что этот богатырь нуждается в том, чтобы ему дали простор, его духовным и экономическим силам, только та партия может сказать: она стоит за величие народа, за его могущество как внутреннее, так и внешнее. «Союз 17 октября» стремится стеснить и обрезать силы этого богатыря, стеснить его действия и свободное развитие, и поэтому я постоянно утверждаю, что между нами имеется громадная разница. Мы, смотря вперед, двигаем русский народ, мы открывает перед ним чудные виды и перспективы народной свободы, а вы, господа, тянете его неудержимо назад, потому что самые силы правительства настоящего времени тянутся в эту сторону, и если вас не отбрасывают в настоящее время, то вы сами принуждены будете отойти вправо.

Голоса. Неправда! Ложь! Долой!

Председатель. У меня записано 15 ораторов, думаю, что этим не исчерпается, если собрание не решит этот список заключить. Я думаю, что больше 5 минут каждому оратору мы не можем давать.

Один из присут. Некоторые из ораторов конституционно-демократической партии выразили желание уступить свое время Ф. Ф. Кокошкину⁵⁸.

Кокошкин Ф. Ф. Когда я шел на это собрание, я думал, что мне прежде всего придется выслушать очерк теперешней программы [и] тактики «Союза 17 октября», очерк которой был бы [в] высшей степени важен для избирателей, потому что это одна из тех партий, которая перед выборами имеет возможность выступать открыто. Однако ничего подобного я не нашел. Что касается программы, то я нашел одну ссылку, что программа «Союза 17 октября» разнится в немногих пунктах от программы Партии народной свободы. Это очевидная ошибка, но о ней я говорить не буду. Вся речь оратора была направлена на конституционно-демократическую партию, но из этого я вынес отрадное впечатление: она является центром политической жизни, что для «Союза 17 октября» не то нужно, чтобы выступить с программой, завоевать симпатии избирателей, а важно ниспровержение этой партии. Что было выставлено против Партии народной свободы? Были выставлены такие аргументы, к которым мы не прибегаем, но которыми пользуется не только «Союз 17 октября», а партии правые и на страницах «Московских ведомостей». Теперь «Союз 17 октября», увидав успех этого средства, пользуется им. Это средство — обвинение в непатриотизме и присвоение себе монополии патриотизма, потому что как иначе можно понять человека, который говорит о непатриотизме целой партии и который ищет доказательств в том, что ему сообщил какой-то член «Союза 17 октября» по поводу слов каких-то присяжных поверенных. Подобные обвинения должны быть предъявляемы прямо, если «Союзу 17 октября» угодно обвинять в непатриотизме, то нужно назвать лиц. Нам говорили о злорадстве, которое наблюдалось во время войны, — какие доказательства этого? Это голословное обвинение того сорта, которое мы привыкли встречать на страницах «Вече», «Знамени» и т. д. В Думе говорилось о словах Якубсона и не было ни одного члена Госуд. думы, который бы это не осудил. Что касается того, что речь Якубсона не была прервана крайним негодованием, то в Думе мы относились к свободе слова осторожно. /С м е х./ Не только такие слова, как слова Якубсона во имя свободы слова произносились, но были слова и худшие. Один депутат в Думе, говоря о смертной казни, говорил, что люди едят устриц и давят капустных червей, и сравнивал это с человеческой жизнью. Этот депутат Способный погрешил против человечества. Не в нашем обычае заглушать шумом не нравящиеся нам речи, но ответственности за них мы принять не можем. Нам еще указывают на автономию Польши. Я не буду говорить об этом вопросе, но тот, кто видит в защите автономии Польши отсутствие патриотизма, то должен признать не русским патриотом Аксакова⁵⁹ и Чичерина⁶⁰, бывшего городского голову, который занимал честь честию этот пост, и даже Каткова⁶¹, который после восстания 1863 года защищал автономию Польши, о чем я могу представить вырезки из газет. Таким образом, все обвинения в непатриотизме я считаю неправильно понимаемыми, особенно со стороны той большой партии, которой хочет считаться «Союз 17 октября», они ни на чем не основаны; это голословное утверждение, которое рассчитано на слепую веру, и обвинения эти к нашей партии отношения не имеют. Наша партия обладает другим патриотизмом, который не выражается в криках, шуме и избиениях. Это крикливый патриотизм, как указал гр. Л. Н. Толстой. Наш патриотизм твердый, настойчивый, но тихий, не крикливый, не хвастающийся, не выставляющийся...

Голоса. Довольно!

Кокошкин Ф. Ф. Вам говорят о нашем отношении к убийствам и к забастовкам, — я понимаю,

- если бы такое обвинение проистекало со стороны партии, которая высказала осуждение всем убийствам вообще, но я не понимаю, каким образом такой упрек в отсутствии осуждения убийств может исходить от партии, которая не всегда считала уместным и удобным выступать громко против убийств. Недавно у нас произошло известное Седлецкое дело, — все вы, вероятно, читали в газетах донесение Петухова, изображающее, как город разграблялся и жители убивались. «Союз 17 октября» — единственная партия, которая может говорить громко, осудила она эти убийства? Нет, она молчала! Нас упрекают, что в думском адресе не было включено отношение к политическим убийствам. Когда один из ораторов, не принадлежащий к нашей партии, сказал по неосторожности слова, которые могли быть поняты как угроза министрам, наша партия протестовала в лице двух членов, но мы не считали уместным включать в адрес к монарху по требованию части Думы осуждение убийств, которое туда не шло и не имело смысла. Вообще относительно морального осуждения преступлений — это вопрос тонкий. Надо осуждать и уместно зло торжествующее и зло безнравственное, но уместно ли осуждение людей, которые пострадали за совершенное зло — и в большей мере, чем позволяет закон и обычай? При таких условиях осуждение громкое, может быть, со стороны общественного собрания неуместно, оно напоминает мне стихотворение Пушкина:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удушен.
«Я очень рад», сказал усердный льстец:
«От одного мерзавца мир избавлен».

А дальше в стихотворении Пушкина оказывается, что и сам монарх не одобрил этого...

Голоса. Довольно! Довольно! /Ш у м./

Кокошкин Ф. Ф. Вы называете себя партией конституционной и в то же время поддерживаете министерство явно антиконституционное, которое совершает нарушение конституции в виде указа о регулировании займа и в виде нарушения продовольственного закона от 3 июля, по которому правительство обязано печатать отчеты. Что это, злой умысел или ошибка? Я скажу еще раз, что во французской газете «Temps» я прочел интервью с А. И. Гучковым известного профессора Поля Гойе, там А. И. Гучков говорит, что если Дума вновь выберет таких депутатов, то ее следует распустить и т. д., пока избиратели не научатся избирать, кого следует. /Ш и к а н ь е, а п л о д и с м е н т ы. Ш у м./

Председатель. Я прошу предоставить мне два слова для личной поправки. Я утверждаю, что этих слов, которые мне приписывает Федор Федорович, и той мысли, которую он мне приписывает, я не говорил. Я говорил и тогда, говорю и теперь, что роспуск Думы был вынужден необходимостью, что я не только не ставлю роспуск Думы в упрек правительству, а ставлю правительству это в заслугу и что Государственная дума второго призыва, если она пойдет по пути первой Думы, не оппозиционному пути, а революционному, то она тоже заслужит роспуска. Вот что я сказал и что отличаюсь от того, что мне приписал Ф. Ф. Кокошкин.

Котляревский С. А.⁶² С чувством глубокого удовлетворения узнал я, что «Союз 17 октября» пожелал обменяться мыслями с другими партиями по насущным вопросам и, собственно говоря, я бы желал, чтобы между нами даже не было, может быть, на первом плане наше партийное различие, чтобы прежде всего мы действительно дали себе отчет в главном: как действительно спасти Россию. Я не сомневаюсь, что как мы ни отличаемся от «Союза 17 октября», как вообще ни велико партийное различие, но есть в известные минуты и должен быть голос, пред которым даже отступают известные партийные различия, может быть, тот высший голос, которым можно от них апеллировать. Позвольте мне явиться не только защитником конституционно-демократической партии, но защитником некоторых начал партийных. В речи, которая была прослушана, указывалось на одно коренное зло конституционно-демократической партии, а я думаю, на одну ненормальность, которую автор видел в русской жизни вообще, — указывалось на извращение национального чувства, патриотизма и на злорадство во время японской войны. Да, я не отрицаю, что во время русско-японской войны были эти противостественные чувства, но, мне кажется, оратор не понял и не сумел оценить значение этого факта. Если народ в больших массах мог отнестись с таким поразительным равнодушием, если после Цусимского боя, — я говорил об этом Александру Ивановичу, когда мы сидели на общем съезде и вырабатывали адрес, — чувствовалась пассивность, какая-то глубокая, тяжкая язва, то в этом отношении нужно понимать, что сделали для России те, которые использовали всякую видимость нашего успеха, чтобы говорить, что отнимут свободу. Достаточно было знать, что эскадра Рождественского прошла несколько курсов дальше, они готовы были взять свободу. Это величайший

государственный разврат, который был произведен, и плоды его глубоки. С этой стороны вы должны согласиться, что это явление невозможное ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии. Всем этим мы обязаны проклятому прошлому, и конституционно-демократическая партия полагала душу в национальное обновление России. Во имя начала отсутствия ненависти к инородцам она развила программу и провозгласила пункт об автономии Польши. И это было сделано для примирения народов, для соединения их в целое, а как вы назовете тех людей, например, варшавского ген.-губернатора Скалона, который говорил полякам, что если домогательства их будут продолжаться, то германские войска будут введены в Польшу? Вот кого вините за отсутствие национального чувства! Только тогда, когда мы действительно раз и навсегда вырвем ассоциацию, которая связывает наш трехцветный флаг с насилием, жестокостью, с истреблением других национальностей, тогда мы истинно возродим русский патриотизм...

Голоса. Довольно! /Ш у м./

Котляревский С. А. Когда мы шли на выборы, мы видели, что веками привыкли ожидать насилий и угнетений, что все делалось с точки зрения правительственного самосохранения, культуры и экономического законодательства, и мы должны были напрячь все силы оппозиционной мощи, чтобы сломать этот предрассудок, чтобы искоренить его — и что же мы встречали в Думе? И мы не были безгрешны, и у к.-д. партии были свои ошибки, но одно я утверждаю категорически, как русский гражданин, что большинство этой Думы, которое считается крамольным, антигосударственным, прежде всего было проникнуто одной идеей — спасти Россию из ужасного кризиса, неисчислимых мук и дать законный исход. И что же мы увидели? Мы встретили министерскую декларацию, где говорится, что все это невозможно. Мы видим, как это действует на крестьян, которые говорили, что декларация открыла им глаза на то, что происходит в России. Мы знаем, какие последствия внесла эта декларация в деревню, и не думайте, что если роспуск Думы прошел мирно по внешности, то плоды его глубоки и долговременны. Подите в деревню, посмотрите крестьян, узнайте, как они смотрят, — и берегитесь! Помните одно: только полным разрывом с прошлым и отказом от безответственной бюрократии, которая пугает идеей захвата власти, которая воспитывалась на угнетении и насилии и не могла проводить законов, — можно возродить государственное значение России. Берегитесь! Может быть, осталось немного времени и в народном сознании утратится вера в мирный исход и утратится сознание, что сверху можно осуществить коренные реформы. Это мотив не партийный, а патриотический, который обязателен для всех остальных русских людей, — подумайте о нем! (Ш у м).

Председатель. Позвольте объявить перерыв на 10 минут.

/П е р е р ы в./

Председатель. У нас 19 записей, — будем надеяться, что некоторые откажутся, иначе нам придется сидеть до рассвета. Я бы просил считать список закрытым и не выходить за пределы 5 минут за исключением князя Е. Н. Трубецкого⁶³, который имеет право, так же, как и наш представитель, на несколько более продолжительный срок.

Мандельштам⁶⁴. Я очень рад, господа, что здесь, по крайней мере формально, вам заявили, что вы пришли под знаменем свободы, потому что там, где нет свободы, там при существующей народной конкуренции наступает смерть для политической, экономической и культурной жизни страны. Вот почему ваши лидеры заявляют, что ведут ваш Союз по пути свободы. Найдете ли вы в «Союзе 17 октября» те имена, которые давно отстаивают свободу, те имена, которые здесь забрасывали грязью или имена не революционеров, а вредных общественных деятелей, те имена, которые давно привыкли встречать в других рядах? Эти имена были и у вас! И не поражает ли вас, когда вы задумаетесь, это повальное бегство этих имен, которые раньше были известны как борцы за свободу отечества? Где у вас Гейден? Что он — революционер? Где у вас Стахович? Где у вас Львов? К вам они ушли, когда вышли из нашей партии? Нет, нет и нет! Если бы, господа, здесь речь шла относительно свободы, мы бы боролись как союзники, но посмотрите то, что было сказано! Не мы будем защищать гр. Витте! А если говорить о газетах, то мы могли бы говорить о «Новом времени» как о вашем органе, а нам говорили о других газетах, но это не наши партийные органы! Мы признаем их чисто-плотными, но мнение партии они не уполномочены выражать. И вот здесь говорилось о том, что Витте достоин порицания за двуличность политики, а что теперешнее министерство Столыпина честно борется, — куда это министерство ушло от двоядушной политики гр. Витте? Оно ушло направо! А та партия, которая имела право обращаться к стране, теперь закована печатью молчания и должна молчать. Вот почему «Союз 17 октября» поддерживает министерство, потому что нота протеста не есть оппозиция. Нам говорят, что «Союз 17 октября» отрицает чрезвычайную и усиленную охрану,

свинцовым гнетом давящую мысль, душу, страну, а эта усиленная охрана распространяется все больше и больше. Разве каждый день не грозит новыми мерами? А здесь мы слышали от юриста защиту военно-полевых судов! Вам говорят, что если преступление очевидно, то можно казнить. В том и состоит юридическая гарантия, чтобы очевидность была признана тем органом, которому общество верит свято и ненаруσιμο. Разве неизвестно предание военно-полевому суду по подозрениям? Господа, есть один могучий двигатель — неприкосновенность личности, и «Союз 17 октября» не смеет и не может отрицать, что эта неприкосновенность личности каждый день позорится. Что же Союз делает? Восстает ли он против такого министерства, говорит ли он громким и властным голосом, к которому теперь прислушались бы? Нет, господа, «Союз 17 октября» идет по дороге, указываемой министерством, допуская... /Ш у м./

Мандельштам. Немного времени пройдет, запишите это у себя в книге (я буду рад, если окажусь неправым), если министерству удастся при помощи «Союза 17 октября» одержать победу над свободной борьбой тех, которые любят действительно свободу, вы вместе с нами будете оплакивать сегодняшний день.

Маклаков В. А.⁶⁵ Никто больше меня, господа, не приветствовал возможность обменяться здесь мнениями с нашими старыми политическими врагами, но мне именно и хотелось обменяться мнениями. Этому настал момент и, кажется, этого требует необходимость, и очень жаль, что наши прения приняли слишком обостренный характер. Мы слишком рано и быстро перешли на язык страстной критики друг друга. Либо мы не хотим правды и ее умышленно скрываем, либо нужно признать, что в том, что мы говорим друг против друга, есть много недоразумения. Пусть мне покажет Союз, что в напаках на него, что он погубит свободу, ответственность за которую возлагается на него, — пусть он покажет, что мы ошибаемся, и я рад буду протянуть руку Союзу. Мы видим, как нас судят, я выслушал речь докладчика и, хотя знаю, что мы повинны в ошибках и мы открыли слабый фланг для критики, не идите по ним и не повторяйте того, что неправда или печальное недоразумение. В 5 минут, отведенных мне, я всего не исчерпаю, всего не переберу, всей той неправды, которая была здесь сказана, я не смогу перечислить и возьмусь кое за что, за одну тему, мне наиболее больную. Эта тема о том, что мы — нечестная партия, которая поддерживает, подстрекает, подгоняет других на политические убийства, а сама прячется. Нам сказали, что мы сделали военно-полевые суды, и речь докладчика была закончена перечислением террористических актов, которые поставлены на наш счет. Так спорить нельзя. Здесь нам говорили, что мы — республиканцы, указывая на то, что было хорошо опровергнуто в прошлом году. Но наше отношение к террористическим актам требует объяснения, потому что мы дали повод говорить об этом нашим голосованием в Думе. Тем, кто не вник в смысл этого голосования, я хочу ответить. Обращаюсь к справедливости тех, кто ходил на те митинги, которые не давали голоса правым противникам, — помнят ли они, как на этих митингах в разгар октябрьских и ноябрьских страстей мы энергично, вызывая свистки, упорно говорили против вооруженного восстания? Ходили ли в «Аквариум» ораторы «Союза 17 октября», где это восстание проповедовалось, а мы туда ходили и я там был! То зло и те неприятности, которые может производить явное осуждение общественного мнения, мы на себе выносили, поэтому упрекать нас в лицемерии и подстрекательстве к восстанию может либо человек, ничего не знающий, либо человек, который правды сказать не хочет. В Думе случился момент, когда нам предложили выразить порицание политическим убийствам, и Дума не пошла на это, но знайте одно, что когда она не пошла на это, то у нее были не те соображения, о которых здесь говорилось. Да, мы опирались на силу извне, но этой силой мы считали организованное общественное мнение, а не бюрократию. Вот в каком смысле надо понимать это положение. Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни. Они потому и возможны, что не развращены отдельными случаями, а у нас есть запрещение легальной деятельности и административный произвол, которые вызывают озлобление (я чувствую на себе эти следы). Мы думаем, что осудить политические убийства — это значило дать повод власти думать, что она права. Представьте голодающие местности, где взялся поставить хлеб Лидваль и где под влиянием голода производятся кражи и разбой, — это тоже безусловное зло, и если бы сказали тогда Думе, чтобы она осудила эти кражи, Дума была бы вправе ответить: нет, мы накормим сперва голодных, потому что пока мы их не накормим, самое осуждение краж покажется насмешкой.

Кн. Трубецкой Е. Н. Прежде всего в начале этого собрания, господа, были сказаны слова, которые можно было бы услышать с великой радостью: председатель приветствовал в лице представителей Партии народной свободы своих противников. Он заявил, что были посланы приглашения Пар-

тии народной свободы и монархической, но, к сожалению, он не упомянул о той партии, которая приглашения не получила и существование которой г. председателю должно быть прекрасно известно, так как она в значительной степени состоит из бывших октябристов, — это Партия мирного обновления, и в качестве единственного представителя я являюсь случайно...

Председатель. Позвольте дать вам разъяснение. Билеты были посланы только тем партиям, которые выразили на это желание. Со стороны к.-д. партии просили, чтобы мы послали билеты, и мы, не вызывая на бой, дали возможность явиться сюда. Когда об этом узнали монархисты, то явились представители этой партии и просили билетов. Мы не навязываем собраний, но широко открываем двери тем, кто желает в них войти.

Кн. Трубецкой Е. Н. Значит, это объясняется простой случайностью, но вот что не случайность — слова соседа, от которого я слышал, что «Стахович наш». Мой сосед должен знать, что Стахович заявил об уходе из «Союза 17 октября» Центральному комитету⁶⁶, который опубликовал по его уполномочию...

Председатель. Я вас прерву, чтобы исправить неточность: оратор не говорил, что Стахович принадлежит к нашей партии, он сказал: «Стахович, который ушел от нас».

Кн. Трубецкой Е. Н. Оратор указывал на деятельность членов его партии в Думе, отчего же было не упомянуть, что имена, которыми партия должна гордиться, в настоящее время принадлежат другой партии? Этого в особенности не следует делать в том собрании, где он делает такие тяжкие упреки вашим противникам — Партии народной свободы. Я слышал здесь и мои слова и, придя случайно в это собрание, вынужден объясниться. Прежде всего, раз о самом существовании партии умалчивалось, то я вынужден сказать, почему она существует и образовалась, так как это имеет ближайшее отношение к «Союзу 17 октября» и ко всему тому, что здесь говорится. Здесь был брошен упрек к.-д. партии в том, что эта партия однобокая. Господа, это мои слова, этот упрек я делал к.-д. партии, но оратор должен был бы помнить, что я его делал и «Союзу 17 октября», который я также считаю однобокой партией. Позволю объяснить, что это значит. Здесь говорили против политических убийств, ссылались на меня, и я думаю, что мой голос против политических убийств был один из самых громких, и я говорил к.-д. партии, что она, осуждая смертную казнь, должна осудить и политические убийства, и тогда она будет права. Теперь я должен перефразировать по адресу «Союза 17 октября» и сказать: решитесь водрузить нравственное знамя, отрешитесь от односторонности и однобокости и скажите, что всякое убийство мерзостно, будь оно нелегальное, будь оно узаконенное в виде смертной казни, которое есть убийство военнопленного, тогда вы будете правы. Но так как никто не решается водрузить это знамя, никто не решается сказать правду, на оба конца осудить всякие убийства, носят ли они штемпель казенный или частного лица, то Партия мирного обновления подняла это знамя — и этим она отличается от робкого и уступчивого «Союза 17 октября». Вы называете себя «Союзом 17 октября», — я позволю спросить — что осталось у вас от манифеста 17 октября? В теории вы — конституционалисты, — что у вас осталось от конституции на практике? Теперь ваше знамя поругано, это знамя попорно, его втаптывают в грязь, и мы не слышим ни слова протеста. В манифесте 17 октября сказано, что никакой закон не может иметь силы без утверждения Думы, — что же мы видим? Роспуски Думы возведены в систему, они грозят стать периодическими и заменить народное представительство. /Ш у м./ Мне кажется, господа, что вы должны поразить вашего противника, нарушителя вашего принципа громами, а где же слова осуждения? На последнем петербургском собрании мы со всем этим мирились, и если телеграф верно передал слова, то говорилось, что это нарушение конституции по форме, а не по существу, поэтому они вызывают одобрение на местах. Я слышал, что вы поставлены в неблагоприятные условия, что вам сулят новым провалом, вам — представителям Союза. В этом манифесте сказано: свобода собраний, вам можно возвысить голос, а вы молчите! Неприкосновенность личности является в виде военно-полевых судов по усмотрению ген.-губернаторов и вы молчите! Вы воспользовались моими словами, здесь был брошен упрек и указано на ящик с двойным дном: есть Выборгское воззвание и нет Выборгского воззвания, — что вы сделали? Нельзя ли и про вас сказать: есть манифест 17 октября и нет манифеста 17 октября?

Малинин В. Ф. Когда задается вопрос, то на него обыкновенно отвечают другие лица, а кн. Трубецкой задал вопрос и сам на него ответил. Позвольте не согласиться с его ответом и сказать: да, манифест 17 октября есть до сих пор! /А п л о д и с м е н т ы./ Господа, я стою не совсем на той точке зрения, на которой стоят мои единомышленники. Я шел сюда с надеждой услышать, что главные наши противники будут признаваться в ошибках, а признание есть первый шаг к исправлению, но ничего подобного мы не слышали. Какая разница между к.-д. партией и нашей? Господа, они сами себя хвалили и других не одобряли, а мы молчали за исключением слабого голоса А. И. Гучкова, ко-

торый был гласом вопиющего в пустыне. /А плод и с м е н т ы./ Господа, я потому говорю о недостатках кадетской партии, что они настолько велики и серьезны, что пред ними бледнеют их достоинства. Их главный недостаток — непомерная гордость! Их недостатки зависят не от того, что они не любят свое отечество, но, господа, от того, что они — ненормальные люди. /А плод и с м е н т ы./ Господа, партия кадетов есть партия русской интеллигенции, а русская интеллигенция отравила себя революцией, опьянила сознание и затуманила мозг. Она не вышла еще из этого состояния, хотя есть признаки, что начинает выходить. Для этого были смягчающие вину обстоятельства: они были монополистами положения. Революционеры отвергали Государственную думу и спрятались в подполье, и они были единственными, которые говорили, потому что на их стороне были лучшие представители литературы, адвокатуры, науки. Эти чародеи русского слова зачаровали русское общество, зачаровали себя и от этих чар погибли. Первый их коренной грех по приходе в Государственную думу тот, что они на любезные, приветливые слова: «Добро пожаловать, лучшие люди русской земли!» не нашли возможным сказать русского спасибо. Они не нашли в себе смелости возмущаться кровавой революцией... Чем дальше в лес, тем больше дров — они были охвачены манией величия, и это закончилось достойным образом: первая русская Государственная дума закончила свое существование в Выборге. Она создала воззвание к гражданам русской земли, чисто революционное, призывая народ к бунту, потому что призывала не платить податей, не давать рекрутов и т. д. Есть революционеры старого и нового типа. Я был сейчас в окружном суде, там судился юноша, вышедший в ярко-красной рубашке, который на вопрос о его виновности ответил: «я очень рад, что имел счастье принять участие в борьбе за права угнетенного большинства». Представители Государственной думы приглашали не ставить рекрутов, но много ли у них было сыновей, которые могли быть рекрутами? Они желали получить свободу сыновьям других. Они подписали свое воззвание и разъехались... Позвольте привести слова Некрасова:

Записав свое имя и звание,

Разъезжаются гости домой...

и думают, что в этом их призвание... И они написали и разъехались. Они совершили смертный грех! Они любят свою родину, но совершили это не в ясном сознании, и можем ли мы таким людям доверить судьбу родины в следующей Государственной думе? Я твердо кричу и буду кричать на всех перекрестках: «нет! нет!» /А плод и с м е н т ы./

Половцов Л. В. Довольно много пришлось нам выслушать здесь обвинений, позвольте же ответить на некоторые из них. Нам говорят — и это ставят одним из главных обвинений, — что мы якобы поддерживаем министерство, что мы, признавая себя конституционалистами, не протестуем против некоторых действий министерства якобы антиконституционных. Позвольте вам напомнить, господа, то ужасное время бесправия и произвола, которое предшествовало собранию Государственной думы. Как мы ожидали от этого нового творца нашего государственного здания, что этот творец наконец внушит уважение к закону в русском гражданине, так поправном произволом правительственной власти. Протестуют против законов, которые издаются теперь? Почему? Разве основной закон как нашего конституционного устройства, так и других государств не допускает правительство издавать временные законы впредь до утверждения их в законодательном собрании? Безусловно допускает! Это есть безусловно законное действие правительства и против этого мы протестовать не можем. Нам говорят, почему вы не протестуете против смертной казни и полевых судов? А. В. Бобрищев-Пушкин сказал, что по вопросу о смертной казни мы не заставляем членов нашего Союза быть единогласными; он говорил, что лично он протестует против смертной казни, считает ее негодным средством борьбы, но он прибавлял, что и в других государствах в исключительных случаях является необходимость в исключительных мерах. Позвольте напомнить об Англии. Англия — счастливая Англия, зеленые острова которой утопают в океане народной свободы, — и она знает время, когда действие Habeas corpus прекращалось. Это было во время восстания черчистов⁶⁷, когда никакие законы не в состоянии были противостоять болезненным явлениям в государстве, тогда английский парламент, народ и министерство вигов — либералов в это ненормальное время борется экстренными средствами и отменяет закон о неприкосновенности личности. Не значит, господа, когда мы говорим, что есть такие обстоятельства, при которых государство должно идти на уступки в принципе народной свободы, что это желательно. Зачем вы извращаете слова и пользуетесь обыкновенным своим средством, так свойственным кадетской партии, все извращать? Поймать вас трудно, вы — ужи! Вам говорят, что в журнале «Право» напечатано то-то и то-то, в нем принимают участие лидеры Партии народной свободы такие-то, а вы говорите, что это не ваша газета. Вам приводят цитаты из стенографического отчета, а вы говорите, что обвинение голословно. Если человек указал случайно, что в левых

газетах — «Русском слове» есть то-то и то-то, то он не говорит, что это есть кадетская партия, — он сказал, что это левая партия. Какие же ваши кадетские газеты? «Речь»? Прекрасно, возьмем «Речь». Вы указали, возражая нам, что кадеты — примирители, — это сказал г. Котляревский. Так вот ваша «Речь», — какие же вы примирители? В ответе Набокову⁶⁸ князем Трубецким сказано: я полагал, что союз левых устранил те средства — вооруженное восстание и т. д., и я находил, что было бы совершенно излишне обуславливать возможность такого союза требовани[ем] принципиального отказа со стороны более левых от этих террористических актов. Примирители, которые входят в союз с левыми партиями, предполагая заставить их или убедить отказаться от террористических актов, господа, это примирители довольно плохие. Не лучше ли, господа, найти разрешение вопроса о той или иной продуктивности Государственной думы в словах лидера кадетской партии г. Милюкова, сказанных три дня назад в газете «Жизнь» (понед., 27 ноября) и подписанных: «П. Милюков». Указывая на то, что Государственной думе в ее продуктивной работе мешало правительство, усматривая разбушевавшиеся страсти и что Государственная дума должна была употребить на борьбу с правительством большую часть своего времени, Милюков не скрывает и следующего обстоятельства: «Но надо сказать правду, что была тут доля вины и за народными представителями, только не из Партии народной свободы. Было в Думе немало нетерпеливых людей, которым хотелось добиться всего сразу и которые думали, что стоит посмелее потребовать и правительство уступит, а партия доказывала, что требовать надо того, что возможно, но не криками и угрозами (тоже что-то насчет Выборгского воззвания!), не жалобами к царю или народу, а спокойным употреблением тех больших и широких прав, которые по закону принадлежат Думе». Господа, они сами говорят, что Думе принадлежат широкие, громадные права, которые она могла использовать в продуктивной работе, — отчего же она не использовала? Да потому что стояли какие-то люди вне Партии народной свободы, которые мешали действовать. Кто же это? Трудовики? Кто же? Аладин, Аникин, Седельников? Что это за лица, которые имели такое громадное влияние, что подчинили себе всю Партию народной свободы? Я не знаю их ученых заслуг и общественных заслуг, но мне думается, что заслуги Седельникова выразились в том, что его два раза били городовые. /С м е х./ Аладин объезжал английских лошадей, а потом сел на шею кадетам в Государственной думе, и когда Дума под ударами хлыста Аладина шла неизвестно куда и неизвестно зачем, тогда большая доля вины лежала на той огромной партии, как они указывают, — на Партии народной свободы. /А п л о д и с м е н т ы./

Козлов Н. И. Я — беспартийный и говорю как гражданин, сын родины. Здесь все время занимались перекорами различные партии, и гражданин г. Евгений Трубецкой сказал фразу, что нет конституции; другой представитель Партии народной свободы говорит, что нет свободы. Я соглашаюсь, у нас нет свободы и той жизни, о которой мы мечтали, но кто в этом виноват? В этом виновата к.-д. партия! Я говорю это потому, что она всеми действиями направляла власть к тому, чтобы ответить на все то, чего жаждал народ, ответить резкими мерами, отобрать все то, что было обещано. Что сделала к.-д. партия в Государственной думе? Вы помните, что эта партия старалась захватить власть и для этого она старалась сойтись с народом. Как она сходилась с народом, что она подразумевала под этим, чтобы опереться на народ? Она обещала разрешение земельного вопроса. Как это было обещано? Что будет национализация земли. И вот [в] момент, когда трудовики поверили, что кадеты хотят для народа земли, когда они пожелали на местах организовать комитеты, то кадеты стали заминать этот проект. Чем занимались кадеты дальше? Они сладко пели, что все время старались мирным путем добиться свободы, путем невооруженным — и вот, чем закончилась деятельность Государственной думы! Обратите внимание, каким образом свершился этот великий момент, что показал он? К.-д. партии добиться опоры в народе на удалось, потому что ей были попораны все свободы, и народ не пошел за ней. И теперь, после того, как Дума распущена, теперь мы ожидаем новой Думы и из уст кадетов слышим такие разговоры, что Дума будет распускаться. Кто сделал это, что у народа нет доверия к народным представителям? Кадеты не сумели привлечь народ и заставить поверить в народных представителей, и поэтому только совершаются такие явления и появляются слухи, что вопрос о конституции решен, — ее решено отобрать, и кадеты пугаются и говорят, — а вдруг так и будет? Народное представительство должно было связать себя с народом, оно этого не сделало и поэтому возможны такие факты. Чем доказывается, что представители не связали себя с народом? Когда Дума была распущена, с каким спокойным молчанием встретил это народ. Если бы народные представители отвечали народным нуждам и были бы распущены правительством, как ответил бы на это народ? Теперь пред нами стоят выборы, и мы будем выбирать тех, которые будут действовать откровенно и прямо и приведут народ к цели — мирным путем добиться свободы, в которой он нуждается. На это способны умеренные партии, которые действуют честно и

которые никогда не делали двуличных приемов, которые делала к.-д. партия.
/А плоды сменты./

Крюков [Н. А.]⁶⁹ При той страшной духоте, в которой мы находимся, может быть, моя краткая речь не будет отличаться связностью, которой надлежит требовать. Я укажу вам на два замечания г. Котляревского и других представителей к.-д. партии, которые являются случайными, но в которых заключается вся суть, весь ключ к той загадке, которая перед нами стоит. Г. Котляревский сказал, что только полным разрывом с прошлым можно возродить Россию. Разорвать с прошлым не может даже отдельный человек, разорвать с прошлым не может и страна. Разорвать с прошлым может класс населения, а народ дорожит своей историей и религией. Г. Котляревский сказал, что он удивляется спокойствию народа русского, когда он прочитал о страшном поражении Цусимском. Да, не такие моменты в истории народ русский переживал молча, терпел и сносил поражения! Были в истории еще более ужасные поражения, и русский народ имеет особые качества, с которыми нам нужно считаться; эти качества заключаются в глубоких корнях истории, и только те представители будут иметь успех, которые проникнутся именно нашим прошлым. Я не говорю, что прошлое хорошо, но не надо упреками прошлому получать настоящее. Если мы скажем, что нам надо во что бы то ни стало разорвать с прошлым, мы ошибемся и не будем представителями народа. Народ русский, посылая представителей в Госуд. думу, не давал никаких полномочий. Это все полномочия, незримыми буквами написанные, что эти представители должны поработать на пользу народа, а эта работа должна быть в связи с работой монарха, потому что с монархом не может народ разорвать так скоро, как это думают некоторые партии. Вот почему первый шаг, который сделали кадеты в Думе, был не русский по истории, а совершенно ложный, как показали факты. Нам не надо было отвечать монарху тем способом, как отвечают парламенты, существующие тысячу лет, у нас не было этой истории, нам нужно было показать свою работоспособность и на призыв монарха, по крайней мере, поблагодарить, а это... забыли сделать, потому что история показывает, с каким величайшим трудом и потрясениями монархи уступали права народу. Вот почему мне кажется, что только те партии будут действительно иметь успех, только за теми партиями будет поддержка народа, которые не будут разрывая с прошлым и будут заглядывать в историю, а история говорит, что мы должны все внимание сосредоточить на созидательной работе и не тратить слов. В Думе было много слов и ни одной капельки дела. Это самое главное, на что надо обратить внимание. Будущее вовсе не за партией конституционно-демократической, — все будущее Русского государства и Государственной думы за теми средними, умеренными элементами, которые теперь собираются под знаменем «Союза 17 октября».
/А плоды сменты./

Костенецкий. Нам сказали два комплимента: назвали ужами и сумасшедшими, и все время ломают копыя с к.-д. партией и не говорят по поводу других партий. В этом нужно видеть что-то более глубокое, чем критика и странные определения, которые были сделаны. Прежде чем перейти к положениям, которые я хотел развить, я позволю сделать поправки к тому, что говорили мои предшественники. Один из ораторов, ссылаясь на историю Англии, указал, что и там в известные моменты прекращается действие закона Habeas corpus. Да, прекращается, но по велению законодательной палаты, именно парламента, прекращается не совсем, а лишь удлиняются некоторые сроки Habeas corpus, неприкосновенность личности остается всегда. Этого здесь нет. Затем «Союз 17 октября» высказался, что почему же считают акты, издаваемые теперешним правительством, актами незаконными, когда они издаются на основании 87 статьи основных законов? Все спокойно издается на основании 87 статьи, — так ли это? Посмотрите в основные законы, когда 87 статья должна применяться? Она применяется в исключительных случаях, а разве у нас законы издаются в исключительных случаях? Разве мы находимся в таком положении, что нам сейчас нужно рассматривать... /Ш у м./ Разве у нас должен рассматриваться вопрос, чтобы продавать удельные земли и отдать их тем, кому они принадлежат... /Ш у м./

Голоса. Довольно! Довольно!

Костенецкий. «Союз 17 октября» говорит, что мы пойдем под знаменем народной свободы, мы его не отдадим, мы провели под этим знаменем... Это знамя не может поднять «Союз 17 октября»...

Голос. Ничего вы не сделали! /Ш у м./

Костенецкий. Нам ставят в упрек Выборгское воззвание, но забывают, что мы его признали... /Ш у м./

Буланов Н. Г. /Читал по тетрадке./

Тардов В. Г. Два слова по поводу речи г. Костенецкого. Он выразился так: «то знамя, которое мы несли и с которым мы провели что-то и кого-то (я не знаю), это знамя не может поднять «Союз

17 октября». Куда шли кадеты и куда принесли знамя? Они принесли его в Выборг. Затем он говорил, что слова «ужа» и «ненормальные люди» не могут быть отнесены к партии конституционно-демократической. Я не знаю, какая змея более похожа на к.-д. партию, чем этот вечно извивающийся уж. Если бы я знал эту змею, я бы ее назвал. Что касается ненормальности, то никто не упрекает членов к.-д. партии, в особенности лидеров ее, в том, что они окончательно свихнулись с ума. Это было бы страшно и странно. Во всяком случае, как все мы знаем, члены к.-д. партии — люди, происходящие из класса, который отличается интеллектуальностью, они не сумасшедшие, но ненормальные. Разве не было ненормальностью после закрытия Думы, тогда, когда, казалось бы, нужно выбрать наиболее тактичный шаг, чтобы выйти из печального положения, созданного трудовиками, ехать в Выборг? А они, как дети, студенты, едут на всех парах в курьерском поезде в Выборг, ни на одной станции не хватает кренделей, они едут, чтобы создать конвент. Все то, что там говорилось, нам известно хорошо; все касавшееся невнесения налогов, это, конечно, как было известно и им, никогда не могло бы быть выполнено, а если бы и было выполнено, то от невнесения прямых налогов ничего бы не потеряла Россия, потому что налоги получаются путем косвенным. Скажите, пожалуйста, разве нельзя назвать ненормальными людей, увлекшихся идеей уехать в Выборг, так недалеко и так далеко, потому что это так далеко от нашей Думы и оттуда, из Финляндии, «оттоль грозить мы будем Руси». Мне кажется, что ненормальность эта есть и была. Ненормальность была в том, что по приезде в Выборг кадеты скоро поняли, что нельзя выступать на этот путь, и вместо того, чтобы создать конвент и учредительное собрание и организовать дружину под командой капитана Кока и двинуться на Выборгскую сторону в Петербурге, они написали это воззвание, значение которого вы знаете. Как откликнулся народ — вы тоже знаете. Все это сделали люди увлекшиеся, в состоянии ненормальности. /А п л о д с м е н т ы./

Баженов Н. Н. Я отвечаю на большой обвинительный акт. Если резюмировать его, то главных обвинительных пунктов три: 1) упрек в происхождении. Мы не происходим от тех, которые в злосчастные дни японской войны злорадствовали; 2) мы кокетничали налево и заигрывали с революционерами и 3) Выборгское воззвание. По первому пункту. Я обращаюсь к нашему председателю и напомним ему вечер 1¹/₂ года назад, когда я его видел в гостинице, и напомним то совещание, из которого вышел общеземский съезд, — разве тогда мы были, Александр Иванович, в обществе людей, злорадствующих русским несчастьем? Разве мы, каждый по-своему, не были опечалены и оскорблены? Каждый, кто мог и умел, чувствовал злобу, негодование и необходимость реагировать. Мы тогда шли с вами вместе. Второе обвинение, что мы кокетничали налево, что мы суть нравственные виновники всего революционного террора и эксцессов. Господа, нужно быть лишенными чутя, чтобы это утверждать. Кто виновник всего террора и эксцессов, неужели вы не видите? Весь русский режим с 1881 года по день первой пушки в Порт-Артуре, который закупорил в банку русскую жизнь, и когда пробка выле 70.

Бобрищев-Пушкин А. В. Предвидя приемы противников, с которыми нам пришлось иметь дело, мы запаслись документальными данными. На большинство этих данных нам ничего не отсечено; на некоторые были сделаны попытки отвечать. Когда цитировалась газета «Речь», все значение было в чем? Г. Набоков заявил: мы согласны идти рука об руку с левыми партиями, даже если они не откажутся от средств (и тут же раньше указывалось, какие это средства: вооруженное восстание и т. п.). Было ясно, что было сказано, зачем вы комментировали? Против мысли нас не уличали. Когда мы цитировали газету «Право», нам не отвечали, но попробовали сказать, что мы цитировали «Русское слово», «Русские ведомости» и «Русь». К.-д. партию за ряд ее предательств проклинают и крайние левые партии, которые диаметрально расходятся с нами и которых я называю более честными. Я был осторожен и тогда, когда говорил о графе Витте; я говорил «наши противники», но ни разу даже не упомянул именно к.-д. партии в этот момент моей речи. Я был осторожен, а противники мои — нет, и так же документально я буду иметь честь сказать им: врачу исцелился сам! и уличать их в целом ряде резких неточностей. Вы слышали здесь две речи представителей к.-д. партии, — речи гг. Котляревского и Баженова, которые с негодованием отрицали, чтобы когда-нибудь они радовались поражениям, радовались тому, за что жали руки русские депутаты японскому уполномоченному Такаши 71. Но появился г. Котляревский, который говорил искреннее, и сказал: я не могу отрицать, что во время японской войны были эти противоестественные чувства злорадства. Это признание. С негодованием было отвергнуто, что после Выборгского воззвания г. Родичев ездил устраивать рекрутский набор 72. Документально я могу утверждать, что это было. На это ссылался печатно граф Гейден, но я, доверяя глубоко графу Гейдену, вслед за ним счел нужным проверить его слова. Я говорил с одним из самых видных лидеров Петербургской к.-д. партии в присутствии свидетелей,

встретившись с ним в гостях. Я не считаю [себя] вправе огласить его имя, но если газета «Речь» сделает мне упрек, что этого факта не было и Родичев не ездил, тогда я в печати назову это лицо. Так этот представитель к.-д. партии на мой вопрос, правду ли писал гр. Гейден о том, что Родичев ездил устраивать рекрутский набор, ответил: да, правда! Перед стенографами и обществом я заявляю, что г. Кокоскин, уличая меня в неточности, очевидно, вполне добросовестно сам не знает, что делают некоторые члены его партии после Выборгского воззвания. Здесь усиленно старались объяснить вещь необъяснимую, говорили, что Якубсон бросил оскорбление русской армии, а в это время молчал председатель, молчала к.-д. партия, что не было криков негодования. Господа, я считаю, со своей точки зрения, что тот председатель, который на слова упрека Государст. думы сказал, что Госуд. дума выше упреков, должен был шепетильно оберегать достоинство русской армии, и то же должен был делать его товарищ. Но затем с 23 по 29 число восходили на кафедру представители к.-д. партии и хоть бы один из них вступился за русскую армию. А какой был в Думе шум и как там уважали свободу слова, надо ли об этом говорить? Говорят: мы давали говорить депутату Способному, — нет, это было не так! Я беру стенографический отчет и после самой неудачной фразы депутата Способного об устрицах я вижу пометку: «поднимается страшный шум». А говорят, что мы выслушали Якубсона из уважения, как слушали Способного. Опять ясная документальная неточность. Господа, какой патриотизм у к.-д. партии, об этом знают все и об этом говорить не приходится, не стал бы я только так, как сделал г. Котляревский, неуважительно говорить о русском трехцветном флаге и о том, что он соединяется с темными силами. Что же делать, тихий патриотизм, что его не слышно вовсе, и оставим их с их патриотизмом. Возвеличивая патриотизм, любя нацию, они отрицают постоянно русский патриотизм. Самая существенная речь была здесь, конечно, сказана не представителями к.-д. партии, а глубокоуважаемым кн. Е. Н. Трубецким. Он нам бросил упрек, что мы игнорируем Партию мирного обновления. С этой партией, благодаря опять-таки великой опрометчивости правительства, вышел каламбур: ее пришлось переименовать в «Общество мирного обновления». Я не понимаю такой политической партии, [в] которой во всем Петербурге 57 человек. Я глубоко уважаю Общество мирного обновления, я считаю, что в него входят очень почтенные люди, но, господа, если бы вы стали теперь записываться в Партию мирного обновления, то вы бы отказались от права своих голосов, ибо не подлежит сомнению, что никаких кандидатов эта партия провести не может. Был момент, когда, не подозревая того, что Партия мирного обновления хочет отколоться от «Союза 17 октября», что она постановит не идти рука об руку ни с одной партией, Стахович устроил эту партию, и многие записались в Партию мирного обновления, не выходя из Союза. Я сказал, что М. А. Стахович был душой нашей партии; он вел упорную борьбу, чтобы оставаться в Союзе и, только подчиняясь давлению большинства Комитета своей партии, он прислал нам отказ. Но весь этот выход — это не что иное, как простое недоразумение. Ведь действительно нам говорят здесь: и есть манифест «Союза 17 октября», и нет манифеста 17 октября. Отчего? Оттого, что мы не хотим слышать, что мы говорим, упорно настаивая, что мы поддерживаем правительство. Я, кажется, говорил по-русски и приводил резолюции, речи, я показывал документально, как мы не поддерживали правительство, я привел новую резолюцию Центрального комитета, — нет, ничего не помогает! Что, ваша резолюция, вы поддерживаете правительство! Сегодня, в качестве докладчика я сказал, что правительство не осуществляет свободы, я привел ряд смягчающих обстоятельств и сказал, что вижу во главе министерства честного, но ошибающегося человека. Если за это говорить, что мы поддерживаем правительство, то вы поймете, поддерживаем мы его или нет. На чем основано все это недоразумение? На том, что те почтенные люди, которые вошли в эту партию, не хотят понимать, что в громадной политической партии надо допускать известную свободу мнений, потому что как в церкви нет двух понятий о Боге, так в политической партии встречается разница мнений, и когда в республиканских странах существует смертная казнь, не можем мы требовать, чтобы все члены придерживались одного и того же *credo*. Когда в целом ряде западных стран не существует парламентского министерства, не можем мы требовать от государя, чтобы он так поверил второй Государственной думе. Те люди, с которыми мы рады идти рука об руку, не пожелали войти в наш левый фланг; они отошли от нас, но их программа и наша весьма близки, а во-вторых, М. А. Стахович в Думе отрицал парламентское министерство, а весь Комитет сказал, что присоединился, но не принимает программы в деталях. Пока эта программа не разработана, нет возможности говорить о Партии мирного обновления. После усердной работы в Думе ее лидеры уехали из Петербурга, и теперь мы должны призывать к единению, а не к тому, чтобы вступали в такую партию, которая соберет три-четыре сотни голосов, хотя бы во главе ее были и хорошие люди. Поздно слишком, надо было работать в июне-месяце, и тогда партия существовала бы. Усиленно стараются оправдаться противники по воп-

росу относительно военно-полевых судов. Здесь брошен был упрек князем Трубецким и г. Мандельштамом, которые высказали изумление, что от юриста они слышат защиту военно-полевых судов. Никогда я не защищал военно-полевые суды. Отрицая смертную казнь, я сказал, что вопрос о военно-полевых судах сводится к вопросу о смертной казни. Надо понимать слово «очевидность», надо говорить по-русски. Только тех можно судить военно-полевым судом, кто застигнут на месте преступления, тех, относительно которых нет сомнения, что они совершили преступный факт, и тогда все сводится к вопросу о смертной казни. Много ли выиграл Каляев⁷³, которого защищал г. Мандельштам, что его судили не по военно-полевому суду, а по простому суду? Господа, по этому вопросу наши противники входят в крайнее увлечение. Г. Шершеневич говорит, что казнь существует теперь за политическое настроение... Вот так настроение! Прежде это называли экспроприацией, а теперь называют настроением. То же самое можно сказать и г. Мандельштаму, который говорит, что не только за бомбу казнят, — казнят и за браунинг, и за грабеж, и за многое, но чтобы за настроение политическое казнили, — этого я не слышал. Что мы находимся в исключительном положении, что после того, как Дума вызвала переход к террору в массовой форме, — разве это мыслимо отрицать? Что же делать эти месяцы? Или крестьяне должны голодать, или нельзя вводить никаких законов. Позвольте, против общины ратовали наши противники в ряде статей; отменили общину⁷⁴, — какая жалость, что это сделали не мы! Исключительного положения не было бы, если бы Дума не оказалась революционной, и когда мы доходим до этого осуждения политических убийств, то у наших противников сильно начинают бегать руки. Г. Кокошкин дает один момент, что неудобно включать в адрес к монарху, но и на предвыборных воззваниях было неудобно. Князь Трубецкой призывал письмом — тоже было неудобно. Г. Мандельштам говорит, что нельзя осудить. Вот мотив, который был выставлен в Государственной думе. Я не буду комментировать, но зачем представлять неудобство, когда в Думе был выставлен другой мотив, тот же самый, который выставляли, продавая карточки на митингах. Нас спрашивают, ходили мы в народ? Да, мы ходили, но мы не уподоблялись тем, кто не по прямому умыслу и по преступной неосторожности поджег дом и, когда все здание в пламени, кидается в ужасе тушить. Нимало не сомневаюсь, что, когда противники увидели вооруженное восстание, они кинулись его тушить, но это делать надо было раньше в Думе, а не заявлять, что «революция идет мощными шагами, что мы солидарны с центральной организацией», которая проповедовала вооруженное восстание. Не тогда надо было тушить, а раньше, когда можно было заявить свою несолидарность с почтово-телеграфной забастовкой⁷⁵. В Петербурге восстания не было (я не хочу сказать, что это потому, что мы ходили в народ), но мы думаем, что мы сделали, что могли. Мы ходили по рабочим квартирам, спорили на митингах и боролись против почтово-телеграфной забастовки, а «Союз 17 октября» в Москве выпускал прокламации, как он возник, содействуя умиротворению. Наши противники, увы, спохватились, но поздно, и теперь они упрекают, что они ходили в народ. Они оторвались от народа, спутав все, и призывали его к явно революционному акту в Выборге. Говорят, что роспуск Думы был акт антиконституционный, когда это право принадлежит монарху, но монарха я не стану защищать перед собранием и впутывать в политические прения. Когда наши противники оторвались от народа, то народ остался при нас, — и вот почему. То недоразумение, которое привело к Думе, начинает разъясняться, отрезвление наступило, потому что она оказалась нетрудоспособной. Еще два-три факта. Гг. Щепкин и Петрункевич были председателями больницы комиссии, заведовали санитарной частью, — господа, что у нас получилось в Петербурге от председательства Петрункевича, про это долго рассказывать⁷⁶. Там было сделано автономное устройство больницы, кого-то вывозили в тачке и сумасшедшие должны были сами выбирать врачей. Г. Кедрин был председателем трамвайной комиссии, и получилось то, что стали изыскивать применимость электрической энергии водопада Иматры, на это ушло 90 000, а г. Кедрин — честный человек, но куда они ушли — неизвестно. Вот, господа, те факты, которые привели к полной забаллотировке всех так называемых прогрессистов в Петербурге. Была комиссия о безработных, блистательно кончившая тем, что провалился Михайловский мост, кого-то задавил, и рабочие писали в газетах: что же это, слесарей, ткачей отравили строить, копать улицы! Получив 500 000 и полную свободу действий, не суметь устроить городских работ! Израсходовали все, просили еще, дали еще 35 000 — и это ушло. Говорят — дайте еще! Но когда по поводу этого начался разговор, говорят: что же правительство не помогает! и обратились к презренной бюрократии. Если вы поговорите с рабочими о к.-д. партии и поговорите с безработными, то вы услышите, что они ответят. То же самое происходило и в земстве. Мне приходилось слышать горькие жалобы крестьян, которые входили на кафедру и говорили, что кадеты занимались только политикой, а у нас развалились все мосты. Знаете, за что раскассировали Саратовскую земскую управу? За то, что она ученикам крестьянских школ раздавала издания из «Молота» и

«Буревестника». Это то, что называется трудоспособностью. Мы все время были нападающей стороной и никаких серьезных упреков нам сделать не могли. Мы вышли отсюда чистой партией, а тут слышался жалкий лепет оправдания. Он, может быть, частью основателем, частью нет, но совершенно правильно поставил вопрос один из ораторов: что нам за дело до этого, а можно ли таких людей выбрать вновь в Государственную думу? И, признавшись, слыша весь треск фраз, я с тоской думал: и некоторые из них — наши бывшие народные представители. Я спокойно старался отвечать опять документально, обстоятельно, потому что меня упрекали в чрезмерной страстности, но этого упрека я не принимаю. Говорили, что, может быть, рады будут протянуть руку. Нет, слишком часто они протягивали руку революционерам, социал-демократам, которые отвергли их около года назад. Нам не протянут руки, потому что и мы не протянем ее! Здесь пропасть неизмеримая. Мы мирные люди, мы хотим работать, революция объяла всю страну. Среди всех сравнений, которые были сделаны, с нашей стороны не было такого обидного, какие сделал один из представителей к.-д. партии. Он говорит, что пробка вылетела и что-то выбежало. И я думаю, что оно выбежало и что нужно вытирать лужу, но никоим образом не вливать вновь того, что пролилось, и не называть это тем божественным напитком, от которого должна утолить свою жажду вся страдавшая Русь. Господа, борьба борьбой, но можно дойти до того в этой борьбе, что самые дорогие вещи — иконы, самые нужные вещи бросить в голову неприятеля. И вот это революционеры объявили противникам. Когда я видел их на кафедре, мне представлялось, что они вышли из борьбы с правительством. Есть Россия, которую строить надо и которая в том виде, как строилась к.-д. партией с правительством, только нащупывала свои наболевшие члены. Я призывал к страстности, потому что в страстности — энергия, мы проспали первые выборы, будем же теперь страстны, воспитаем в себе святой гнев, святы чувства и не проспим вторых выборов! /А п л о д и с м е н т ы./

Половцов Л. В. Представители к.-д. партии, не возражая по существу против обвинений, пользовались опять-таки обыкновенным способом — стараться уличить в какой-то неправде. Меня уличили в том, что я неверно процитировал из «Речи». Я процитировал и пояснил. Раз мне говорят, что они отказываются от средств крайних партий, т. е. вооруженного восстания и т. п., я и пояснил, что сюда входят террористические акты как нормальные, обыкновенные средства крайних партий. Они упрекают нас в том, что мы страстны. Мы страстны, потому что мы желаем добиться правды и осуществления тех идеалов, которые написаны на нашем знамени. Мы страстны и потому, что невольное чувство злобы является против тех лиц, которые были у власти, которые могли сделать действительно великое дело оздоровления и освобождения нашей страдавшей родины, но не сделали его, увлекаясь совершенно другими идеалами. Нам говорят, что для нас не существует манифеста 17 октября, что мы забываем о свободе человека. Да, мы забываем о той свободе, которую нам указали кадеты; когда они говорили о защите свободы союзов, то они защищали союзы экспроприаторов; так же, когда говорили о свободе собраний и $1\frac{1}{2}$ заседания говорили о том, можно ли делать собрания на линиях железных дорог. Когда они говорили о свободе слова, то мы, будучи на их митингах, испытали, что значит свобода слова. Несмотря на протесты, на явную ложь, которую кадеты здесь разливали со все стороны, председатель «Союза 17 октября» старался дать возможность говорить кадетам, несмотря на ваши протесты по поводу явной лжи, и ему это удавалось, а что удавалось нам сказать на митингах кадетов? Они галдели и кричали, когда вы скажете слово им не по шерсти. Вот их свобода! Этой свободы мы не понимаем. Эти свободы разрушают государство, а не созидают! Мы — созидатели, а не разрушители. Они говорят, что все государственное здание не годится, что его нужно разрушить сверху донизу, а мы говорим: безумцы, вы забыли, что в этом здании живут люди. Вы рвете крышу, и буря анархии врывается и заливает кровью все святое в этом доме. Нет, не то, смотрите внутрь! Зачем вам неумелые строители настроили перегородок и разделили родственные народы? Смотрите, там внизу умирают люди с голода, дайте им хлеба и земли, дайте свои знания, разбейте цепи и свободу дайте, не ту свободу, мрачный призрак которой показан в разодранных одеждах, в братской крови, а свободу чистую, ясную, честную, которая начертана на знамени, свободу мира, свободу братства, свободу честного труда! /А п л о д и с м е н т ы./

Председатель. Разрешите мне сказать в пределах двух минут несколько слов. Да, здесь за этой кафедрой я видел некоторых лиц, которые теперь мои политические противники, озлобленные мои враги, — люди, с которыми, как вспомнил Н. Н. Баженов, всего полтора года [назад] мы были вместе! Я помню тот вечер, на который указывал Николай Николаевич, — это через несколько дней после возвращения моего с войны под впечатлением мукденского поражения — там и вести о цусимском поражении здесь. Тогда собралась небольшая кучка и явилась мысль о созыве совещания земских деятелей — того съезда, который завершился посылкой депутации к кн. С. Н. Трубецким⁷⁷ во

главе к государю. В то время все либеральное общество было объединено вокруг одного начала и требования, требования, которое было вызвано всей культурной жизнью, — требования переустройства государственного уклада, введения народного представительства в стране. На этом требовании мы все были объединены, но затем, когда с ближайшего съезда те, которые были нашими союзниками, а теперь [стали] противниками, пошли быстрыми шагами влево, когда они сперва под видом требования учредительного собрания, а затем под видом требования ответственного министерства, боролись против монархической власти, вели к фактическому упразднению ее, — мы от них отошли. И когда они под видом устройства окраин и многочисленных национальностей, которые входят в состав империи, составили план политического расчленения нашего отечества, тогда мы объявили их врагами. Когда они нашли союз в левых партиях и когда они делали тяжкое преступление — подстрекательство к будущим террористическим актам, тогда мы увидели, что это наши враги. Поэтому я говорю: да, мы были вместе, а теперь убеждены, что с этими людьми мы никогда не пойдем! Наши злейшие враги, враги обновления России, враги свободы особенно — это та партия, которая называет себя «Партией народной свободы». С ней мы боролись на тех выборах и к этой борьбе на этих выборах мы должны направить все наши усилия. /А п л о д и с м е н т ы./

Председатель. Позвольте объявить наше заседание закрытым.

ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 31—82 об.

(Продолжение следует)

Примечания

- ¹ Так в тексте. Надо: «1906 года».
- ² Виташевский Н. А. — художник, архитектор, нововременский публицист; домовладелец.
- ³ фон Раабен К. А. — член Коломенского участкового комитета «Союза 17 октября» в Петербурге.
- ⁴ Так в тексте. Правильно: М. А. Волков.
- ⁵ Азарьев Н. Н. — генерал-майор, преподаватель Морского кадетского корпуса, гласный Петербургской городской думы и губернского земского собрания; домовладелец.
- ⁶ Дриженко П. К. — коллежский ассессор, ревизор Департамента железнодорожной отчетности Государственного контроля, секретарь Коломенского участкового комитета «Союза 17 октября» в Петербурге.
- ⁷ Судя по черновой (Ю. Н. Милютин) записи протокола этого заседания (л. 394 и об.), за созыв общего собрания проголосовало 16, против — 4 человека.
- ^{7а} Так в тексте. Правильно: М. А. Волков.
- ^{8, а} Выступления не записаны.
- ⁹ Хрулев С. С. — дсс, председатель правления Петербургского международного коммерческого банка; директор Общества Тульских медепрокатных и патронных заводов, директор Жиллоеского общества каменноугольных копей и рудников, гласный Петербургской городской думы, член Совета Прогрессивно-экономической партии.
- ¹⁰ Текст обрывается.
- ¹¹ Ададуров Н. Е. (р. 1848) — дсс, инженер путей сообщения, член Инженерного совета Министерства путей сообщения, почетный мировой судья.
- ¹² Маркович Д. А. — сс, член Петербургской судебной палаты, чиновник Судебного департамента Сената; домовладелец.
- ¹³ Ковалевский Е. П. (1865—1941) — сс, внук министра народного просвещения в 1858—1861 гг. Е. П. Ковалевского, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, воронежский губернский гласный, землевладелец; один из товарищей председателя распорядительного комитета Совета Партии правового порядка.
- ¹⁴ Якунчиков Б. М. — дсс, камергер (с 1906 г. — гофмейстер), помощник статс-секретаря Госсовета, домовладелец; один из товарищей председателя распорядительного комитета Совета Партии правового порядка.
- ¹⁵ Лавров С. В. — коллежский советник, преподаватель Императорского Александровского лицея, заведующий распорядительным отделом и отделом пропаганды распорядительного комитета Совета Партии правового порядка.
- ¹⁶ Лыжин П. П. — присяжный поверенный, домовладелец, заведующий справочно-юридическим отделом распорядительного комитета Совета Партии правового порядка.
- ¹⁷ Захаров Н. А. — секретарь канцелярии Петербургского ЦК «Союза 17 октября».

¹⁸ Программа общего собрания петербургских членов «Союза 17 октября» обсуждалась также на вечернем заседании ЦК 3 ноября 1906 г. (см. л. 406). Краткий протокол этого собрания, состоявшегося 5 ноября, см.: ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 5—8.

¹⁹ Половцов Л. В. (р. 1867) — коллежский советник, начальник Законодательного отделения Департамента общих дел МВД, участник разработки проекта Учреждения Государственной думы, в 1906 г. — чиновник особых поручений министра внутренних дел, директор Петербургского телеграфного агентства от МВД; крупный землевладелец.

²⁰ Корвин-Круковский Ю. В. — артист императорских русских театров, октябрист.

²¹ Монахов Н. И. — инженер, домовладелец.

²² Черновик протокола этого заседания, выполненный Ю. Н. Милутиным, см.: ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 408.

²³ В документе пропуск.

²⁴ Вероятно, Муханов Г. Е. — дворянин, один из руководителей организации «Союза 17 октября» в Курской губернии.

²⁵ В документе пропуск.

²⁶ В черновой записи протокола (л. 411—412): «13-го ноября».

²⁷ Речь идет о циркуляре П. А. Столыпина от 26 октября 1906 г.

²⁸ Еще до этого решения ЦК, в начале ноября 1906 г. в специально посланном на места «разъяснении» П. А. Столыпин подчеркнул, что «Союз 17 октября» не следует причислять к «противоправительственным» партиям и что «как она, так и другие более умеренные организации не подходят под действие циркуляра министра внутренних дел от 26 октября». Свое отношение к запрещению некоторыми губернаторами предвыборных собраний «Союза 17 октября» премьер-министр сформулировал в беседе с Ю. Н. Милутиным 5 октября 1906 г. Столыпин заявил, что считает подобные действия местных властей «безусловно неправильными» и разъяснил, что ранее изданный им циркуляр, запрещающий вступление чиновников в политические организации, распространяется лишь на партии, программа и тактика которых «идут вразрез с правительственными намерениями и действиями». Союз же такой организацией не является. (Товарищ. 1906. 8 октября.)

²⁹ Бодиско А. К. — надворный советник, камер-юнкер, чиновник Второго департамента МИД, гласный Петербургской городской думы и губернского земского собрания, октябрист.

³⁰ Кабат А. И. — тс, член Совета Госбанка от Министерства финансов, гласный Петербургской городской думы и губернского земского собрания, домовладелец.

³¹ Лебедев А. И. — дсс, доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии, практикующий врач, гласный Петербургской городской думы, октябрист.

³² Оппенгейм А. Н. — тс, доктор медицины, гласный Петербургской городской думы, губернского и уездного земских собраний, землевладелец, крупный (5 домов) домовладелец, октябрист.

³³ Старицкий К. С. — контр-адмирал в отставке, председатель правления Русского общества пароходства и торговли, гласный Петербургской городской думы, октябрист.

³⁴ Дорн Б. Б. — присяжный поверенный и присяжный стряпчий, директор Южно-Русского металлургического общества, член правления Общества Боровичского завода огнеупорных изделий и канализационных труб и акционерного общества «Фельтен и Гильом».

³⁵ Юнкер Г. Ф. — присяжный поверенный и присяжный стряпчий, член правления Общества электрического освещения, член Петербургской немецкой группы «Союза 17 октября».

³⁶ Алексеев Б. М. — присяжный поверенный и присяжный стряпчий, октябрист.

³⁷ Благовещенский В. В. — коллежский секретарь, присяжный поверенный и присяжный стряпчий.

³⁸ Лебедев Н. Н. — помощник присяжного поверенного и присяжный стряпчий, член правления Товарищества лесопильных заводов и мануфактур «Д. Н. Лебедев».

³⁹ Добровольский Б. М. — присяжный поверенный и присяжный стряпчий, в декабре 1905 г. — председатель комитета пропаганды Партии правового порядка, в феврале 1906 г. — член Совета Конституционно-монархического правового союза, затем — октябрист.

⁴⁰ Павлов Е. В. (1845—1916) — тс, доктор медицины, лейб-хирург.

⁴¹ Рубахин В. Ф. — потомственный почетный гражданин, гласный Петербургской городской думы, выборный купеческого сословия.

⁴² Этих писем в деле нет.

⁴³ Выступление не записано.

⁴⁴ Бобринский В. А. (1870—1927) — граф, богородицкий (Тульской губ.) уездный предводитель дворянства, учредитель Тульского «Союза за царя и порядок», депутат II Думы, крупный землевладелец.

⁴⁵ Судя по списку присутствовавших на заседании 16 ноября (л. 436), в нем также принимал участие Г. Г. Лерхе.

⁴⁶ Вероятно, Максимов Е. Д. (р. 1858) — дсс, член (позднее председатель) правления Русского торгово-промышленного коммерческого банка, домовладелец.

⁴⁷ Потехин П. А. — отставной титулярный советник, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, гласный Петербургской городской думы, октябрист; домовладелец.

⁴⁸ Штейн В. И. — сс, младший цензор Центрального комитета цензуры иностранной МВД, один из учредителей и товарищ председателя Царскосельского и Павловского отдела «Союза 17 октября».

⁴⁹ В черновой записи этого протокола, выполненной Ю. Н. Милутиным (ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 451—451 об.), это выступление С. Д. Грибоедова записано таким образом: «Грибоедов заявляет, что Введенский просил списки членов по В. О., чтоб созвать собрание и откалывать членов от Союза. Просит снести с ком. ПМО, узнать, с его ли ведома это делается». В итоге ЦК решил: «1. Списка Введенскому не давать. 2. Собрание В. О. сделать поскорее».

⁵⁰ Приложения в деле нет.

⁵¹ Имеется в виду Немецкая группа «Союза 17 октября» в Петербурге.

⁵² Суворин Б. А. — сын издателя А. С. Суворина, октябрист, с 1907 г. — член Петербургского ЦК «Союза 17 октября».

⁵³ Кривенко В. С. (р. 1854) — тс (с 1899), председатель Особого присутствия МВД по призрению нищих, гласный Петербургской городской думы (с 1904), публицист, специалист по вопросам народного образования; октябрист, с 1907 г. — член Городского совета «Союза 17 октября» в Петербурге от Литейного участкового комитета.

⁵⁴ Протокол данного заседания воспроизводится по стенографическому отчету, хранящемуся в фонде «Союза 17 октября» в ЦГАОР СССР. Так как листы стенограммы в деле перепутаны, а некоторые и вовсе отсутствуют, последовательность выступлений ораторов и пропуски были восстановлены по подробному газетному отчету об этом заседании, помещенному в «Новом времени» от 2(15) декабря 1906 г.

⁵⁵ В упомянутом нововременском отчете содержание доклада А. В. Бобрищева-Пушкина было изложено следующим образом: «Первым оратором выступил петербургский прис. пов. А. В. Бобрищев-Пушкин, который начал с выражения сожаления о тех глубоко ненормальных условиях неравноправности борющихся сторон, в которых протекает предвыборная агитация, благодаря тому, что у противников „Союза 17 октября“ отнято право собраний, тогда как сам союз пользуется всеми благоприятными условиями легализованной партии. От этого страдают противники „Союза 17 октября“ и уже больше сам союз, которому трудно бороться против связанных людей. Союз, конечно, не в силах вернуть противникам необходимую и им, и ему свободу и может только восполнить эту несправедливость, приглашая их в свои собрания. Г. Бобрищев-Пушкин всю свою дальнейшую речь построил на разборе программы, тактики и деятельности в Г. Думе Партии народной свободы. Он устанавливал, что между союзом и Партией народной свободы различие не столько в программах, сколько в тактике. Правда, по аграрному и рабочему вопросам союз не признает, например, полной свободы стачек, допуская лишь экономические стачки и отрицая возможность их в предприятиях общественного пользования и первой необходимости, потому что, по мнению союза, свобода не может приобретаться разорением государства. Правда, члены союза против всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов и против избирательных прав женщин, находя, что на такой огромной территории, как наша, всеобщая, прямая подача голосов не достигает цели, да и за границей она не везде обеспечивает правильность представительства. Но тем не менее, несмотря на все эти различия и оттенки, и Партия народной свободы, и „Союз 17 октября“ признают конституционную монархию и равноправность граждан. Значит, различие надо искать в тактике. Существенное различие между обеими партиями начинается в вопросе о национализме и патриотизме. Союз упрекает в монополии на патриотизм и на любовь к родине. Но как не взять этой монополии, когда еще задолго до войны с Японией появились люди, которые радовались всякому неуспеху России, а во время войны ликовали по поводу победы врагов. Эти люди отличались сплоченностью и поддерживали всегда принцип „чем хуже, тем лучше“, утверждая, что всякое наше поражение является не поражением русского народа, а поражением бюрократии и самодержавия. Из этого сплоченного кружка и вышла конституционно-демократическая партия, представители которой в Г. Думе в течение 6 дней прений по белостокскому погрому бранили русскую армию, и никто не протестовал против речей депутата Якобсона по поводу того, что „русский солдат умеет бегать с поля сражения“. Резкое различие между обеими партиями [имеется] и в вопросе об автономии Польши, так как именно из-за этого вопроса и произошел раскол на земском съезде, и смелым словом А. И. Гучкова было положено начало „Союзу 17 октября“ и конституционно-демократической партии. Теперь противники „Союза 17 октября“ ставят ему в вину его мнимый оппортунизм. Противники говорят, что союз недостаточно любит свободу, между тем вся история отношений союза к правительству, к министерствам Витте, Горемыкина и Столыпина показывает, что союз никогда не был правительственной партией. Союз неоднократно протестовал против всех неконституционных актов правительства, и в то время, когда кадеты боролись в Думе за власть, лидеры союза отклоняли министерские портфели, потому что находили неприемлемыми условия, на которых они предлагались. Все резолюции съездов и все постановления его Центрального комитета прямо заявляют, что они поддерживают только правительство манифеста 17 октября и протестуют против военных положений, чрезвычайных охран и прочих условий, но вместе с тем союз не признает оппозиции для оппозиции и, с точки зрения союза, есть разница между министерством Витте и министерством Столыпина. Союз не сочувствует министерству Столыпина, но относится к нему терпимо, зная, что оно не имеет всей полноты власти, что оно встречает громадные трудности на каждом шагу, выносит закулисное давление, терпит трение сверху и снизу. Министерство действительно спотыкается на каждом шагу, и союз видит его ошибки, но не усматривает в поведении министерст-

ва злого умысла и видит в Столыпине честного и любящего родину человека. Совсем не так относятся к таким вопросам противники „Союза 17 октября“. Еще недавно они и их газеты громили гр. Витте, который растратил доверие к монархической власти и манифесту 17 октября и все правление которого было сплошным двоедушием. Пусть гр. Витте появится у власти, и союз прямо станет в оппозицию, а между тем только один слух о возможности возвращения гр. Витте к власти уже вызвал одобрение в кадетских газетах. Союз терпимо относится к ошибкам, но не выносит политического двоедушия и политической нечестности. Оратор от имени союза громко заявляет, что имя гр. Витте как политически нечестное должно быть вычеркнуто из политической жизни России. „Союзу 17 октября“ ставят в вину, что он не протестует против военно-полевых судов. Сам г. Бобринцев-Пушкин лично против смертной казни, но он находит, что военно-полевые суды ничего не прибавили к тому, что уже было в России, и к тому же, по мнению оратора, военно-полевые суды ввело не министерство, не правительство, а ввела их конституционно-демократическая партия. Во время первой Великой французской революции как бомб, так и кинжалов никто не признавал политическим средством; даже Жорес протестовал против них в парламенте нынешней Французской республики. Как же относилась к политическим убийствам конституционно-демократическая партия? Депутат Шрак называл в Г. Думе убийц „героями“. Кадетам говорили: „Вы сильная партия. Остановите убийства, заклейте их“. Но протест против убийств исходил не от них, а от октябриста Стаховича, на долю которого выпал и протест против оскорбления армии. Дума требовала амнистии, но не хотела осудить убийств. Это являлось прямым подстрекательством. Противники союза ведь не станут отрицать своей связи с революцией, не станут отрицать, что они шли в Думу не для созидательной работы, а действовали они так потому, что все рассчитывали на победу революции. Тут-то и произошла метаморфоза. Честные левые партии пошли на баррикады поддерживать требование Учредительного собрания, а Партия народной свободы устроила съезд и перефасонила свою программу, исключив из нее требование Учредительного собрания и включив царя, который царствует, но не управляет. В Г. Думе и Дума, и министерство принесли мало пользы стране. Думское большинство забыло родину, боролось за власть, старалось свалить правительство, и Думу распустили. Большинство поехали в Выборг и ждали там поддержки народа, но ее не было, а между тем, если бы разогнали трудоспособную Думу, патриотическую Думу, народ сумел бы постоять за нее. Затем в Гельсингфорсе хотели придать выборгскому воззванию совсем другой смысл, совсем как в ящике фокусника с двойным дном: есть выборгское воззвание и нет выборгского воззвания. Дума, как революционная, никогда не могла успокоить страну. За границей в парламентах тоже борются партии, разно понимающие благо отечества, но одинаково его любящие; у нас наоборот, у наших противников нет любви к отечеству. Посылая иудины лобзания и вправо, и влево, они предали царя и революцию. „Союз 17 октября“ верит в победу на выборах, но он знает, что войдет в разрушенный дом, в котором были не русские люди, которые взяли народ обманом, взяли его призраком „народной свободы“ и которые осквернили это знамя народной свободы. Теперь очередь союза поднять это оскверненное знамя русской свободы и торжественно пронести его на выборах, создав трудоспособную, полезную для работы Думу. Бог земли русской за правду».

⁵⁶ Шершеневич Г. Ф. (ум. 1911) — потомственный дворянин, профессор Казанского университета, товарищ секретаря I Государственной думы, член ЦК кадетской партии.

⁵⁷ Малинин В. Ф. — инженер-механик, служащий Товарищества Прохоровской мануфактуры, октябрист, с 1907 — член Московского ЦК «Союза 17 октября».

⁵⁸ Кокошкин Ф. Ф. (1871—1918) — юрист, приват-доцент Московского университета, один из основателей кадетской партии, член ее ЦК, специалист по национальному вопросу.

⁵⁹ Аксаков И. С. (1823—1886) — публицист, общественный деятель, идеолог славянофильства.

⁶⁰ Чичерин Б. Н. (1828—1904) — юрист, историк, общественный деятель.

⁶¹ Катков М. Н. (1818—1887) — публицист, журналист, издатель, редактор газеты «Московские ведомости», в 60-е гг. — реакционер.

⁶² Котляревский С. А. (1873—1940) — профессор, публицист, один из основателей и член ЦК кадетской партии.

⁶³ Трубецкой Е. Н. (1863—1920) — князь, один из идеологов русского либерализма, профессор-философ, публицист, один из создателей Партии мирного обновления.

⁶⁴ Мандельштам М. Л. — адвокат, член ЦК кадетской партии.

⁶⁵ Маклаков В. А. (1870—1957) — адвокат, публицист, член ЦК кадетской партии.

⁶⁶ Заявление М. А. Стаховича о выходе из состава ЦК «Союза 17 октября», сделанное им под давлением коллег по руководству Партии мирного обновления, было опубликовано газетой «Слово» 24 ноября 1906 г.

⁶⁷ Вероятно, имеется в виду чартистское движение в Англии в 30—50-е гг. XIX в.

⁶⁸ Набоков В. Д. (1869—1922) — дворянин, землевладелец, профессор-правовед, товарищ председателя ЦК кадетской партии.

⁶⁹ Крюков Н. А. — инспектор императорского Общества сельского хозяйства, член комитета Пречистенского отдела «Союза 17 октября» в Москве.

⁷⁰ Текст обрывается.

⁷¹ Речь идет о М. Акаси (1864—1919) — полковнике, в 1902—1904 гг. военном атташе Японии в России, который в годы русско-японской войны от имени своего правительства финансировал дея-

тельность российских революционных и оппозиционных партий. Сведений о его личных контактах с представителями оппозиции нет.

⁷² Суть упрека А. В. Бобрищева-Пушкина заключалась в том, что Ф. И. Родичев, подписавший Выборгское воззвание, одним из пунктов которого был призыв не давать рекрутов, вопреки этому якобы принимал участие в заседании воинского присутствия, членом которого был, при наборе рекрутов в октябре 1906 г.

⁷³ Каляев И. П. (1877—1905) — эсер, член Боевой организации, казненный за убийство в 1905 г. московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

⁷⁴ Оратор имел в виду указ 9 ноября 1906 г., положивший начало столыпинской аграрной реформе.

⁷⁵ Речь идет об октябрьско-ноябрьской 1905 г. почтово-телеграфной забастовке.

⁷⁶ Эти и другие сведения А. В. Бобрищева-Пушкина о работе кадетов в различных комиссиях Петербургской городской думы не соответствуют действительности.

⁷⁷ Трубецкой С. Н. (1862—1905) — князь, философ, публицист, общественный деятель, профессор, с 1905 г. — ректор Московского университета; брат Е. Н. Трубецкого.

© 1992 г.

Академик АН Латвии А. Дризулис

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЛАТВИИ В. МУНТЕРСА О СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1939 ГОДА ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАКТА О ВЗАИМОПОМОЩИ

Незадолго до окончания второй мировой войны, в 1944 г., латвийское посольство в США издало сборник документов о латвийско-русских отношениях¹, начиная от Ништадтского мирного договора 1721 г. до материалов, датированных февралем 1944 г. Сборник был разослан видным представителям американской администрации и конгрессменам, а также публичным библиотекам, университетам и колледжам США. В 1944 г. он не получил широкой известности, в чем свою роль сыграли союзнические отношения между США и СССР, воевавших против гитлеровской Германии. Впоследствии, в 1953 г., изданные документы использовались в работе комиссии члена конгресса США Керстена при обсуждении вопроса о балтийских государствах в составе Советского Союза. Впервые на страницах латвийской республиканской печати сведения о сборнике появились в статье А. Лиепы «Решающий поворот. Судьба Латвии и 1939 год»², где были представлены фрагменты записей министра иностранных дел Латвии Вильгельма Мунтерса о переговорах 2—3 октября 1939 г. в Москве в связи с заключением советско-латвийского Договора о взаимопомощи. Записи В. Мунтерса были сделаны на основе его заметок и продиктованы сразу же после возвращения из Кремля в посольство Латвии в Москве. Под грифом «секретно» они были направлены в наиболее важные дипломатические представительства Латвии, получены и в Вашингтоне, а через пять лет опубликованы посланником Латвии в США доктором А. Бильманисом в указанном выше сборнике³. На русском языке записи В. Мунтерса до сих пор не публиковались, хотя представляют большой интерес для анализа событий 1939 г.

Как известно, незадолго до приглашения в столицу СССР полномочного представителя правительства Латвии на переговоры, в Москве был подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией с правом предоставления Советскому Союзу военных баз на территории Эстонии. Решение о подписании договора было принято на заседании правительства Эстонии, комиссии Государственной думы и Государственного совета по иностранным и военным делам 28 сентября 1939 г., обсуждавшим сложившуюся обстановку. По распоряжению главнокомандующего эстонской армией генерала И. Лайдонера полковник Р. Маазинг накануне заседания встретился с представителями штаба германского командования в Кенигсберге и прямо поставил вопрос: выступит ли Германия против СССР, если Эстония начнет против него войну, и получил отрицательный ответ. Кроме того, представителями штаба было заявлено о том, что Германия не допустит транспортировки оружия из западных стран в Эстонию через Балтийское море. Одновременно правительство Эстонии обратилось к германскому посланнику в Таллинне с просьбой проконсультироваться в Берлине по вопросу о советском предложении заключить договор и получило ответ, что это решать должна сама Эстония и что в настоящий момент Германия не поддержит ее силой оружия. Надежды на то, что Германия немедленно начнет войну с СССР, полностью рухнули. Англия и Франция в условиях начавшейся второй мировой войны также не имели возможности повлиять на развитие событий в Прибалтике. Правящие круги Эстонии во главе с К. Пятсом и И. Лайдонером, не видя иного выхода, решили принять советские предложения, полагая, что в будущем все еще может измениться. Так, Лайдонер заявил, что большая война еще впереди, а министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер добавил, что «чем сильнее Германия на Востоке, тем лучше для нас»⁴. За этим последовало внезапное для многих подписание 28 сентября К. Сельтером и В. Молотовым советско-эстонского Договора о взаимопомощи.

2 октября 1939 г. было срочно созвано заседание правительства Латвии. На заседании под председательством К. Ульманиса «Кабинет министров, заслушав доклад Мунтерса о пакте между СССР и

Эстонией и германо-советском договоре, пришел к заключению, что эти договоры вносят весьма важное изменение в политическую ситуацию в Восточной Европе. Поэтому Латвия должна также приступить к пересмотру своих внешних отношений и в первую очередь с СССР. Правительство поручило Мунтерсу немедленно отправиться в Москву, чтобы вступить в прямой контакт с советским правительством»⁵. В тот же день Мунтерс вылетел в Москву. Одновременно с ним вылетел в Москву полпред Советского Союза в Латвии И. Зотов и торгпред СССР в Латвии Терентьев. 2 октября 1939 г. начались советско-латвийские переговоры. Обратимся теперь к памятной записке В. Мунтерса, ибо записей советской стороны о ходе переговоров пока в архивах не обнаружено. Первый этап переговоров состоялся в Кремле 2 октября 1939 г. с 21.30 до 24.00. Участники переговоров: И. Сталин, В. Молотов, замнаркома по иностранным делам СССР В. Потемкин, полпред СССР в Латвии И. Зотов — с советской стороны; Латвию представляли министр иностранных дел В. Мунтерс и посланник Латвии в СССР Ф. Коциньш. По записи Мунтерса, переговоры начались следующим образом:

«М о л о т о в. Хотели с вами переговорить, чтобы упорядочить наши отношения. Может быть, приблизительно так, как с Эстонией? У нас есть необходимость в базах у незамерзающего моря.

С т а л и н. Я думаю, что вы не будете нас ругать. Прошло 20 лет. Мы стали сильнее, и вы также стали сильнее. Мы хотим говорить о тех самых аэродромах и о военной защите. Мы не затронем ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю политику, ни финансовую политику, ни экономическую систему. Наши требования вызваны войной между Германией, Англией и Францией. Между прочим, если мы договоримся, то для торговли и хозяйственных дел будет очень хорошая перспектива»⁶.

Свои слова Мунтерс приводит без упоминания фамилии. Для ясности будем ее указывать.

«М у н т е р с. Не были ли Вы столь любезны и не разъяснили бы политическую ситуацию?..

М о л о т о в. Беря за основу договор о ненападении, который подписали СССР с Германией, произошел быстрый немецкий поворот. Мы его восприняли сочувственно, с пониманием того, что это избавление от войны, по крайней мере от всеобщей войны. Во всех основных вопросах мы договорились. С немцами спорных вопросов у нас теперь нет. Наша база теперь в безопасности. Границы зафиксированы точно. Германия теперь занята в войне, хотя мы и в войне не участвуем, но нам надо думать о будущем. Одно государство уже поплатилось (намек на Польшу.— А. Д.). Это была общая вина англичан, французов и поляков. С Германией наши отношения основываются на долгосрочных основах, и что касается прибалтийских государств, то у нас с Германией разногласий нет. Теперь, когда бушует война, нам надо беспокоиться о своей безопасности. Уже исчезли такие государства, как Австрия, Чехословакия, Польша. Могут исчезнуть и другие. Мы думаем, что в отношении вас (т. е. Латвии.— А. Д.) нет подлинных гарантий. Это небезопасно для вас, но мы главным образом думаем о себе. То, что определено в 1920 году (речь идет о мирном договоре между Латвией и РСФСР от 11 августа 1920 г.— А. Д.), не может оставаться на вечные времена. Уже Петр Великий заботился о выходе к морю. Мы теперь без выхода, но в таком положении оставаться не можем. Поэтому хотим обеспечить себе использование портов, дорог к этим портам и их защиту»⁷.

В разговор вступает Мунтерс для разъяснения точки зрения правительства Латвии.

«М у н т е р с. Мы имеем дело теперь главным образом с СССР и Германией. Поэтому поскольку между ними имеется Договор о ненападении (Молотов поправил меня — Договор дружбы), то мы не понимаем, какая дополнительная безопасность может быть.

М о л о т о в. Мы не можем допустить, чтобы малые государства использовали против СССР. Нейтральные прибалтийские государства — это ненадежно.

М у н т е р с. Но на Балтийском море господствуют Германия и СССР, и, пока существует ваша дружба с Германией, никто не может нас использовать».

Вмешался Сталин: «Англия уже требовала от Швеции несколько аэродромов и согласия на ввод нескольких подводных лодок в территориальные воды; Швецию можно легко вовлечь в войну. Война будет очень сложной и нейтральные могут быть вовлечены. На нейтралов будет большой нажим»⁸.

Далее, согласно записи Мунтерса, «вернулись вновь к политической ситуации. Сталин подтвердил, что различие между национал-социализмом и коммунизмом все же останется. Что будут делать с Польшей — точно нельзя знать, на востоке граница полностью урегулирована, на западе может быть протекторат»⁹, и затем Сталин заявил: «я вам говорю откровенно — раздел сфер интересов совершен»¹⁰. Когда Мунтерс сказал: «Нам надо учитывать мирный договор также с Германией» (имелся в виду латвийско-германский Договор о ненападении от 7 июня 1939 г.), Сталин прямо ответил: «Ради немцев мы могли бы вас оккупировать хоть сейчас, но мы не желаем злоупотреблять... Нам нужны Лиепая, Вентспилс, тогда также вашим безработным найдется работа»¹¹. Мунтерс возра-

зил, что безработных нет, на что Зотов бросил реплику: «У вас 11 000 безработных». Сталин продолжал: «Можно было бы взять от вас территорию с русским национальным меньшинством, но мы этот вопрос не поднимаем»¹². После подобного разговора, выдержанного в ультимативных тонах, «Молотов вынул проект (проект предлагаемого договора о взаимопомощи и конфиденциального протокола к нему по определению численности частей Красной Армии и местонахождению советских гарнизонов.— А. Д.). Сталин стал считать различные цифры — 15 подводных лодок и дополнительно крейсера в базах; 4 аэродрома (между прочим, в разговоре бросил, что немцы уничтожили множество евреев и удивлялся, что в Даугавпилсе так много евреев)»¹³. После обсуждения предложений советской стороны Мунтерс заявил, что для Латвии «неприемлемы три вещи: 1) упоминание столицы (т. е. Риги.— А. Д.) хотя бы в качестве временной стоянки гарнизона; 2) Питрагс, где будут мешать нашим мирным рыбакам и где мы сами можем установить батарею и 3) 50 000 войск»¹⁴. Затем, по словам Мунтерса, началась «настоящая азиатская торговля»¹⁵. Сначала Сталин снизил численность советских гарнизонов до 38—40 тыс. человек, затем — до 30 тыс. Мунтерс заявил, что пусть будет «по крайней мере столько же, как у Эстонии»¹⁶.

Записи В. Мунтерса донесли до нас атмосферу и дух переговоров. Так, «Сталин живо изобразил, вынув карту, как подводные лодки шныряют туда и сюда с поддержкой авиации, и осталось впечатление, что по всему побережью происходит живая деятельность. Начали считать, сколько жителей у нас и сколько в Эстонии. Вычислили — 4 авиационных полка с 240 аэропланами (меньше, чем вы от Польши получили), одну или две танковые бригады и одну бригаду пехоты — лучше бы дивизию. Так что, 38 000—40 000, хотите, 38 000, если меньше — эстонцы будут смеяться»¹⁷. Сталин вновь заявил, что «в войне не будет нейтральных. Но когда война кончится — выведем. Нам нужны балтийские порты — порты Эстонии замерзают... Наше слово крепкое — возьмите Монголию. После этого договора каждый будет знать — здесь два хозяина — латыши и русские»¹⁸. Отчет о первом дне переговоров В. Мунтерс завершил словами: «Ничто не приняв, мы расстались до 18 часов 3 октября»¹⁹.

На следующий день, 3 октября, в Кремле с 18.00 до 20.00 переговоры продолжались. В самом начале В. Мунтерс зачитал на русском языке пояснения позиции Латвии по ранее обсуждавшимся вопросам:

«1) ... мы признаем, что в случае длительной войны могут создаться новые обстоятельства в Балтийском море, и поэтому не отказываемся от предложенного принципа взаимопомощи.

2) Ввиду того, что материальные постановления статьи III и секретного протокола имеют чисто стратегический характер и обосновываются стратегическими соображениями, им в максимальной мере следует придать временный характер, ограничиваясь при их проведении исключительно периодом войны.

3) Самым существенным... мы считаем... что заключение настоящего договора не должно в глазах латвийского народа являться навязанным тяжелым бременем... При тех военных мерах, которые вами наметились вчера... нет ни малейшего сомнения, что договор будет истолкован как создающий нечто вроде протектората...»²⁰.

Затем В. Мунтерс перешел к конкретным предложениям, исходя из анализа предложенного проекта и того, что вопрос о стоянке советского военно-морского флота в Риге отпал, заявил, что «главные возражения концентрируются на трех вопросах:

а) требования баз в двух (речь идет о Лиенае и Вентспилсе.— А. Д.), т. е., другими словами, во всех незамерзающих портах Латвии... Военно-морская база вносит новый элемент в жизнь и функционирование порта. Особенно затруднительно это было бы в городе Лиенае, живущем сложной жизнью именно такого военного, коммерческого и административного центра — самого крупного после Риги города. Я предлагаю поэтому при выборе базы ограничиться Вентспилским портом. Это облегчит и трактование второго затруднения, а именно

б) требования какой бы то ни было базы у Питрагс. Во-первых, это было бы вторжение в мирную жизнь рыбацкого населения... Во-вторых, насколько вчера выяснилось, там скорее задумана батарея береговой артиллерии и зенитные орудия для ее охраны. Это, как я уже говорил вчера, мы можем взять на себя, считаясь с техническими пожеланиями советской стороны.

Наконец, в-третьих, я в полной мере поддерживаю все свои возражения относительно

в) численности гарнизонов и я не могу идти дальше мирного состава нашей армии, т. е. 20 000...

Я считаю необходимым оговорить в постановлениях, относящихся к численности гарнизонов, не только то, что эта мера будет длиться только во время „происходящей ныне в Европе войны“, но и то, что по окончании этой войны гарнизоны будут немедленно отозваны»²¹.

Затем в разговор вступил Молотов. Сталин в это время, по записи Мунтерса, «пишет, рисует, прохаживается вокруг, хватает книги и газеты»²².

«М о л о т о в. Наши вчерашние уступки окончательные. Вы теперь идёте обратно. Исключая столь важные дела из содержания, мы отнимаем у договора ценность. Вы больше Эстонии, а хотите дать меньше. Оба порта — небольшие, большие корабли там нельзя разместить. Питрагс надо отдать под одну команду, другое решение неприемлемо. У вас 60 000 айзсаргов, ну, 40 000, все равно. Наши военные считают 30 000 неприемлемым (речь о численности советских гарнизонов в Латвии.— А. Д.). Ваши предложения полностью неприемлемы. Если теперешний проект делают мало-значительным, то не может быть безопасности»²³. Молотов многозначительно завершил: «Учтите обстановку»²⁴. Мунтерс снова возражал, и тогда, как и в предыдущий день переговоров, Сталин вмешался в разговор.

«С т а л и н. Вы исходите из мирных условий, а надо исходить из наихудшего (как замечает Мунтерс, это и другие выражения Сталина сладким голосом повторяет Потемкин.— А. Д.). У меня только одно исправление, в третьей статье сказать: „в целях обеспечения безопасности границ СССР и укрепления своей собственной независимости“»²⁵.

Мунтерс принял это предложение, выбросив слово „границ“. Затем Сталин продолжал: «Вы нам не доверяете, и мы вам немного также не доверяем. Вы думаете, что мы вас хотим захватить. Это мы могли бы теперь сделать, но мы этого не делаем. Рига — это центр антисоветской агитации (Мунтерс: это был ответ на мое утверждение, что у нас нет недоверия и на вопрос, почему нам не доверять). В Лиенае будет небольшая база. Кроме того, мы будем просить пропускать через нее товары»²⁶.

На вопрос Мунтерса Сталину: являются ли его слова коммерческим предложением, Сталин ответил: «Да, чтобы не надо было везти через Мурманск. Мы будем платить тарифы и будет большое возрождение. Лиеная и Вентспилс — это небольшие дела, это не Ханко и Таллинн. Мы не хотим опоздать. У вас было в два раза больше времени, чем у эстонцев. Вы же видите, как эстонский народ оценивает договор. Это лучше всего доказывает телеграмма Сельтера. Эстонцы были первые — им было намного труднее. Ваша армия останется нетронутой, вы можете в два дня поднять на ноги войска, мы ничего не можем быстро сделать в наших разбросанных местах. Мы поднимаем 3,5 миллионов в 6 дней. Наши гарнизоны будут предупредительная сила. Если война расширится — надо будет позже еще дополнить договор. В Питрагсе мы вашим рыбакам не будем мешать, артиллерия будет в башнях, пусть рыбачат, сколько хотят. У нас в Петропавловске (на Камчатке.— А. Д.) тоже база, но мы и японцы рыбачим сколько хотим. Если нужно, можем рыбакам помочь»²⁷. Мунтерс вновь предложил согласиться на размещение базы только в Вентспилсе, а в дальнейшем, «если условия обостряются, можно будет согласиться на Лиеная»²⁸, но получил твердый отказ. Сталин заявил: «Может случиться и немецкое нападение. Шесть лет немецкие фашисты и коммунисты ругали друг друга. Теперь произошел неожиданный поворот, он в истории перед нами. Но полагаться на него нельзя. Нам надо вовремя подготовиться. Другие, кто не был готов, за это заплатили»²⁹. После этого заявления участники переговоров, считая дискуссию законченной, перешли к чтению и обсуждению статей Договора о взаимопомощи и конфиденциального протокола к договору. Были приняты исправления текстов I и V статей договора. На вопрос Мунтерса, почему в проекте VI статьи устанавливается срок действия договора в 15 лет для Латвии, когда для Эстонии — только 10 лет, был дан ответ, что прежде всего надо идти на шаг вперед и, во-вторых, потому что латыши психологически ближе к русским, чем эстонцы. Но в конечном счете срок действия Договора о взаимопомощи между Латвией и СССР был установлен в 10 лет.

При обсуждении конфиденциального протокола к договору, названного в статье III «особым соглашением», по записям Мунтерса, первый пункт этого протокола вызвал «долгий спор о фразе, что после окончания войны надо отвести войска. Это ясно — базы на срок договора, гарнизоны — до конца войны. Не желая наносить удар по эстонцам. Это была формула Сельтера»³⁰. Мунтерс, информированный министром иностранных дел Эстонии Сельтером о советско-эстонском Договоре о взаимопомощи, о ходе этих переговоров и о договоренности относительно численности советских гарнизонов в Эстонии, настаивал на том, чтобы советско-латвийские соглашения были аналогичны советско-эстонским. По его словам, он заявил: «Теперь выходит, что вы переиграли... Нельзя изменять подписанный договор уже на другой день. Вы уже подписали (речь шла о советско-эстонском договоре.— А. Д.)... Сердились, что эстонцы сообщили другим о 25 000»³¹ (имеется в виду обусловленная в договоре численность советских гарнизонов в Эстонии).

В обсуждение вмешался Сталин и увел в сторону ход переговоров:

«С т а л и н. Если позволено сделать лирическое отступление... и следует длинный разговор о

филологии и этнографии, исходя из того, какое сходство между латышами и литовцами. О поляках и болгарях; воинственные меньшинства ассимилируются: турки в Болгарии, норвежцы в России, немцы во Франции»³².

После этого вновь перешли к конкретному обсуждению предложенных Мунтерсом 11 пунктов, которые должны были отразиться, по его мнению, в текстах и содержании договора и протокола к нему. Они коротко сводились к следующим вопросам:

1. месторасположение аэродромов;
2. принцип полного разграничения арендуемых участков от прилегающих территорий;
3. все строительные работы будут производиться латвийскими рабочими и латвийскими материалами. Оплата за это может быть зачислена в стоимость экспорта Латвии в СССР;
4. арендуемые участки общаются с СССР морским и воздушным путем;
5. аэродромы размещаются у моря;
6. ввод и вывод гарнизонов — морским или воздушным путем. Контакты только с указанными правительством Латвии учреждениями;
7. закупки гарнизонов в счет экспорта Латвии в СССР;
8. разногласия разрешаются дипломатическим путем или путем переговоров между правительствами;
9. нежелателен ввод танков;
10. пункт о военных мероприятиях Латвии включить в первый абзац V статьи договора;
11. арендная плата за участки — в счет экспорта Латвии в СССР³³.

Из этих 11 пунктов Мунтерса 10-й пункт был уже решен новой редакцией V статьи, а о нежелательности ввода танков (пункт 9) Мунтерс не упомянул. Далее в своей памятной записке Мунтерс освещает реакцию Сталина на предложенные пункты: «Первый, четвертый, пятый (т. е. об аэродромах и арендуемых участках. — *А. Д.*) можно уточнить только на месте. Если будут разногласия, начнем опять обсуждать. Но надо понять, что затягивать нельзя. Не просим, чтобы людей выселять с мест. Пожалуй, надо будет у моря. Нельзя ли у Елгавы? В общем, кажется очень задумчивым, когда узнал о нашем строе на селе. У нас действительно широкие возможности. Признаёт, что сообщение — важная проблема. Нельзя ли у железнодорожных станций? Ну, тогда, может быть, привезем по шоссе. Шестой пункт приняли — исправление в п. 3 протокола (о порядке ввода и вывода гарнизона. — *А. Д.*). Пункты 3, 7 и 11 (о включении оплаты за услуги и арендной платы в стоимость экспорта Латвии в СССР. — *А. Д.*) логичны и полезны, увидим, что скажет Микоян (в то время заместитель Председателя Совнаркома и нарком внешней торговли СССР. — *А. Д.*). Пункты 2 и 6 (о разграничении арендуемых участков и контактов личного состава гарнизона только с учреждениями, указанными правительством Латвии. — *А. Д.*). — правильно, а вы будете пускать наших моряков к девушкам, тоже нет, а в выходные дни? Они хорошо себя ведут. Время от времени шли различные политические замечания. Уже в августе немцы, говоря о разделе сфер интересов, упоминали Даугаву, разделив Латвию на две части. Русские не приняли — нельзя так обращаться с народом. Немцы всегда работали как молотком; например, думают чехов переделать в немцев. Уже тогда русские говорили о своем интересе к Лиепае. Может быть, немецкие претензии могут снова возродить. Чехи хотели сражаться, но руководство армией, но вожди помешали. Англичане, так рассказывают эстонцы, несколько лет назад хотели купить острова Эзель и Даго. Благодаря существованию нашей армии и баз будет большой оборот в ваших портах»³⁴.

Переговоры 3 октября не привели к полному согласию обеих сторон. Не приняв формулировок III статьи договора и первого пункта протокола, участники переговоров, как писал Мунтерс, расстались. «Молотов еще сказал: лучше всего сегодня вечером подписать и тогда завтра отпразднуем и дадим в печать»³⁵. О ходе переговоров Мунтерс с помощью посланника Латвии в СССР Ф. Коциньша постоянно информировал К. Ульманиса. Кабинет министров Латвии на секретном заседании решил судьбу договора, 4 октября 1939 г. К. Ульманис подписал соответствующие полномочия В. Мунтерсу, которые были спешно направлены в Москву³⁶. Мунтерс впоследствии вспоминал: «В ночь на 5 октября 1939 года — день подписания договора между Латвией и Советским Союзом — мы вдвоем долго сидели в кабинете Коциньша в нашем посольстве в Москве и обсуждали — можем ли мы предложить своему правительству подписать текст, который выработали в переговорах со Сталиным, Молотовым и Потемкиным. Мы понимали, что это поворотный пункт в истории Латвии, но мы также понимали, что только так можно сохранить латышский народ, обеспечить ему мир, не допустить, чтобы его проглотила Германия. Подписание договора как на родине, так и за границей было встречено более благоприятно, чем я думал»³⁷. В эту ночь с 4 на 5 октября Ульманису по телефону из Мос-

квы в 22.00 было сообщено о достигнутой договоренности относительно численности советских гарнизонов в 25 тыс. человек, что аэродромов будет восемь, и просили дать ответ по телефону — упомянуть ли число аэродромов или оставить пустое место в документе. Десять минут спустя пришел ответ из Риги: «Сообщить Коциньшу, чтобы вместо цифры писал „несколько“»³⁸. Это слово „несколько“ и было внесено в текст статьи III договора. Так 4 октября К. Ульманисом и его правительством было дано согласие на подписание договора и решен исход переговоров, состоявшихся 2—3 октября в Кремле.

Подписанный 5 октября 1939 г. Договор о взаимопомощи между Латвией и СССР состоял из 6 статей. Статьи I и II договора определили характер и виды помощи, оказываемой друг другу договаривающимися сторонами. Согласно статье I, обе стороны обязались: «...оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ договаривающихся сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Эстонской или Литовской республик, а равно и указанных в статье III баз»³⁹. По II статье договора Советский Союз брал на себя обязательство «оказать латвийской армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами»⁴⁰. «В целях обеспечения безопасности СССР и укрепления собственной безопасности» Латвия в соответствии с III статьей договора предоставляла СССР «право иметь в городах-портах Латвии Лиенае (Либава) и Вентспилсе (Виндава) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене»⁴¹. Для охраны Ирбенского пролива СССР получил право на тех же основаниях соорудить базу береговой артиллерии на побережье Балтийского моря между Вентспилсом и Питрагсом. Статья III указывала, что максимальная численность советских наземных и воздушных сил «определяется особым соглашением»⁴², равно как и точное место и границы баз и аэродромов отводятся и определяются по взаимному соглашению. Согласно статье IV (2-й абзац), «участки, отводимые под базы и аэродромы (статья III), остаются территорией Латвийской республики»⁴³. V статья договора также указывала, что его проведение в жизнь ни в коей мере не затрагивает прав договаривающихся сторон, в том числе «их государственный строй, хозяйственную и социальную систему и военные мероприятия»⁴⁴.

Одновременно с договором 5 октября Молотов и Мунтерс подписали конфиденциальный протокол к договору. Протокол состоял из четырех статей⁴⁵. Согласно статье 1, численность советских гарнизонов на территории Латвии была установлена «в общей сложности до 25 тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил»⁴⁶. В протоколе, как и в договоре (статья 1), подчеркивалось, что заключение его произведено «в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть договаривающиеся стороны в происходящую ныне в Европе войну»⁴⁷. Статья 2 протокола предоставляла Латвии право оставаться нейтральной в случае военного конфликта между СССР и третьей державой, в котором Латвия не была бы непосредственно затронута. Статья 3 протокола устанавливала необходимый аппарат для наблюдения за проведением в жизнь Договора о взаимопомощи и разрешения возникающих при этом вопросов. В этих целях была образована Смешанная комиссия на паритетных началах. При этом устанавливалось, что в «случае возникновения разногласий при определении мест и границ баз и аэродромов и вообще в работе Смешанной паритетной комиссии спорные вопросы разрешаются дипломатическим путем или непосредственными переговорами между правительствами»⁴⁸. Статья 4 протокола указывала, что он является «приложением к пакту о взаимопомощи между СССР и Латвией, заключенному 5 октября 1939 года»⁴⁹.

После возвращения В. Мунтерса из Москвы он был принят вечером 6 октября К. Ульманисом. На другой день состоялось заседание Кабинета министров Латвии, на котором Мунтерс сообщил об итогах латвийско-советских переговоров. В тот же день произошла смена начальника Генерального штаба латвийской армии. Генерал М. Гартманис был назначен генералом по особым поручениям при главнокомандующем латвийской армии и возглавил работу латвийской делегации в Смешанной паритетной комиссии для проведения пакта в жизнь. Новым начальником Генерального штаба стал генерал Розенштейн, бывший до того начальником Высшего военного училища. Судьба генерала М. Гартманиса трагически переплелась с судьбой заместителя наркома обороны СССР, командующего ВВС РККА командарма 2-го ранга Я. И. Алксниса, арестованного 22 ноября 1937 г. по ложному обвинению и расстрелянного 28 июля 1938 г. Приговор Военной коллегии был оглашен Ульрихом, с которым восемь месяцев назад Алкснис судил Тухачевского и других военачальников. Теперь Я. И. Алкснис обвинялся в том, что он участвовал в деятельности латышской националистической организации и шпионской деятельности против СССР в пользу буржуазной Латвии, поддерживал связь с бывшим военным атташе Латвии генералом Гартманисом⁵⁰. А в 1940 г. генерал Гартманис был рас-

стрелян по обвинению в связях с Алкснисом. Так фабриковались дела ведомством Берия, так Сталин избавлялся от неугодных ему людей. Единственным на начало 90-х годов оставшимся в живых участником переговоров СССР с прибалтийскими государствами 1939 г. являлся бывший министр иностранных дел Литвы Ю. Убшис. Он спустя пятьдесят лет с полным основанием заявил о прошлом: «Это были годы, когда уничтожались не только документы, но и люди, которые составляли эти акты»⁵¹.

Договор о взаимопомощи между Латвией и СССР вступил в силу 10 октября 1939 г. после состоявшегося в Риге (согласно статье VI договора) обмена ратификационными грамотами. 13 октября в Ригу прибыли члены советской военно-морской делегации во главе с заместителем наркома ВМФ СССР Исаковым и военная делегация во главе с комкором Болдиным. Они участвовали с 14 октября в работе Смешанной комиссии и вместе с латвийской делегацией выработали к 23 октября тексты 10 соглашений по реализации договора⁵². Так в течение 20 дней (со 2 по 23 октября 1939 г.) был совершен решающий поворот в истории Латвии и в латвийско-советских отношениях. Советско-латвийский Договор о взаимопомощи явился прямым следствием ранее заключенных советско-германских договоров и их секретных протоколов. То же в полной мере относится и к договорам о взаимопомощи, заключенными Эстонией и Литвой с СССР. Сегодня вполне очевидно, что с разделом сфер интересов Германии и СССР в Восточной Европе имперские планы внешней политики Сталина и Молотова получили реальную возможность для их осуществления в условиях занятости великих держав в войне.

Примечания

¹ Latvian-Russian Relations. Documents/Compiled by Dr. Alfred Bilmanis. Published by the Latvian Legation Washington. D. C. 1944 (далее — Latvian-Russian Relations).

² Циня. 1989. 20 июля.

³ Latvian-Russian Relations. P. 192—198.

⁴ История Эстонской ССР. Т. III. Таллинн, 1974. С. 432.

⁵ Valdības vestnesis. 1939. № 223.

⁶ Latvian-Russian Relations. P. 192.

⁷ Ibid. P. 192—193.

⁸ Ibid. P. 193.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. (Питрагс — населенный пункт в Талсинском районе на берегу Ирбенского пролива Балтийского моря. — А. Д.).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 194.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 195.

²¹ Ibid. P. 195—196.

²² Ibid. P. 196.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 197.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid.
- ³³ See: *ibid.* P. 197—198.
- ³⁴ Ibid. P. 198.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ АВП СССР, ф. 38-д, оп. 1, д. 223, л. 128.
- ³⁷ Munters V. Pardomas. Riga, 1963. 19. lpp.
- ³⁸ АВП СССР, ф. 38-д, оп. 1, д. 223, л. 105.
- ³⁹ Известия. 1939. 6 октября.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Дризул А. А. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. С. 253.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 255.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ В и к т о р о в Б. А. Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 236.
- ⁵¹ Dzimtenes balss. 1989 g. 2. Februārī.
- ⁵² См.: Д р и з у л А. А. Указ. соч. С. 257—261.

© 1992 г.

В. Я. Лаверычев *

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ИЛИ МИСТИФИКАЦИЯ?

(Полемика о «Вольном слове» в 1912—1914 гг.)

Накануне первой мировой войны среди исследователей истории общественного движения возникла весьма оживленная полемика относительно оценок печатавшейся за границей в начале 80-х гг. XIX в. газеты «Вольное слово» и связанных с этим изданием конституционных проектов, автором которых признавался граф П. П. Шувалов, флигель-адъютант Александра III и один из видных деятелей «Святой (Священной) дружины».

Эта полемика проходила в обстановке нового революционного подъема в России, когда интерес к истории освободительного движения был особо острым. В этой связи понятны та категоричность и пристрастность некоторых историков, а иногда и явно необъективные утверждения и выводы. Дело в том, что определенные попытки либерально-оппозиционных кругов утвердиться в качестве гегемона освободительного движения (планы создания левоцентристского большинства в Думе, образования «Информационного бюро» оппозиционных партий и пр.) заставляли их сторонников из числа историков с особой «щепетильностью» реагировать на оценки, в которых можно было усмотреть умаление исторической значимости буржуазно-конституционных идей и выступлений либеральной оппозиции против самодержавного строя. Опыт же революции 1905—1907 гг. дал публицистам революционного лагеря, прежде всего В. И. Ленину, неопровержимый материал для обоснования тезиса о контрреволюционности и политической бесплодности российского буржуазного либерализма, о его боязни демократии и склонности к сделкам с самодержавием за спиной народных масс¹. Такие выводы получили довольно широкое распространение. Ими невозможно было пренебрегать.

Сложившаяся ситуация не могла не отразиться на трактовке тех или иных событий сравнительно недавнего прошлого. Она способствовала «политизации» истории, деформации оценок различных явлений и фактов, хотя прямолинейной связи с задачами текущего момента ученые, естественно, пытались избегать. Накал политической борьбы, на наш взгляд, весьма определенно сказался на интерпретации некоторых существенных сторон общественного движения начала 80-х гг. XIX в. и препятствовал подлинно научной их оценке. В начале 1912 г. В. Я. Богучарский опубликовал книгу о политической борьбе в России в 70—80-е гг. XIX в.² Основная часть этой монографии была посвящена истории «Народной воли». Однако значительное внимание автор уделил и земскому движению, особенно в связи с рассмотрением вопроса о взаимодействии его со «Святой дружиной» и газетой «Вольное слово», выдававшей себя, хотя и не с самого начала, за орган некоего «Земского союза». Определяя «Священную дружину» как «антиреволюционное тайное общество», охарактеризовав историю борьбы «мужественных добровольцев», отождествляемых им с этой «Дружиной», против «крамолы», он пришел к твердому выводу, что «Вольное слово» было детищем именно этих «мужественных добровольцев». Рассматривая вопрос о «Земском союзе», Богучарский по существу доказал его мифичность и показал, что «организованной деятельности земцев в целях борьбы за конституцию не было»³.

Сознавая, видимо, что подобные утверждения имеют далеко идущие последствия для оценки М. П. Драгоманова, активно сотрудничавшего в «Вольном слове» и некоторых других либеральных деятелей 80-х гг. (В. А. Гольцева, в частности), Богучарский оспаривал утверждения революционеров того времени, считавших это издание провокаторским органом. Однако приводимые им доводы были весьма легковесными. Во-первых, он ссылаясь на то, что этому органу, когда это потребовалось, при-

* Лаверычев Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

дали ультратеррористическое (имелась в виду климовская газета «Правда»), а не либеральное направление⁴. Во-вторых, он стремился отделить П. П. Шувалова от основной части «Дружины». «Борьба с террором объединяла, без сомнения, всех дружинников,— утверждал Богучарский,— но затем начинались резкие разногласия. Тогда как кн. А. П. Щербатов или сенатор Шульц видели в возникшей организации исключительное средство „искоренения крамолы“, другие, и среди них в особенности гр. П. П. Шувалов, честолюбиво мечтали при помощи организации не террор только прекратить, но и представительного образа правления с двумя палатами — непременно с двумя палатами, из которых верхняя должна по возможности приблизиться к английской палате лордов,— добиваться»⁵.

Столь шаткие доводы, сами по себе требовавшие основательных доказательств, позволяли Богучарскому представлять Драгоманова в качестве жертвы мистификации, ибо, по словам исследователя, он так и скончался с убеждением, что «Вольное слово» издавалось мифическим «Земским союзом»⁶. Более того, он аттестовывал Драгоманова как человека «во всех отношениях безукоризненно»⁷. Но если о взаимоотношениях Шувалова и Драгоманова в монографии говорилось в общих чертах, то о деятельности А. П. Мальшинского, начавшего издание «Вольного слова» и привлечшего к этому делу Драгоманова, написано немало и настолько недвусмысленно, что у читателя не возникало и сомнения в ее по существу провокаторской нацеленности. Богучарский рассказал о сотрудничестве Мальшинского в реакционном «Береге» П. П. Цитовича (до отъезда за границу), о беспрепятственном возвращении в Россию после редактирования «Вольного слова», об активном участии в реакционном «Русском вестнике» (в качестве автора внутренних обозрений), а затем и об издании им ультрареакционного «Народа»⁸. Отмечал он и то, что Мальшинский выдавал себя за члена несуществовавшего «Земского союза», органом которого якобы являлось «Вольное слово». Этот материал, на наш взгляд, противоречил тому, что Богучарский писал, пытаясь отрицать провокаторский характер «Вольного слова».

Естественно, что книга Богучарского, содержащая столь сенсационный материал, не могла пройти незамеченной. На нее незамедлительно последовали отклики, в которых содержались остро-полюемические возражения по затронутым выше вопросам. Одним из первых выступил Б. А. Кистяковский. Его книга, посвященная истории конституционного движения в России, была напечатана в том же 1912 году в типографии П. П. Рябушинского. Ей присуща явная апологетика российского либерализма, объявляемого последовательным носителем идей конституционализма. Она сочеталась с выпадами против социал-демократии и рабочего класса. Кистяковский утверждал, в частности, что «наше социал-демократическое движение, основавшее свои надежды на пока мнимой общественной силе, поневоле должно было принять утопический характер»⁹. Весьма неодобрительно оценивал он деятельность революционных народников. Более того, он опровергал Богучарского в довольно резких тонах, адресуя ему серьезные упреки. «В своей же книге,— отмечал он,— В. Я. Богучарский прибегает и к непозволительным литературным приемам. Так, чтобы отвлечь внимание читателей от провокаторов в революционной среде, он устраивает погоню за провокаторами в среде конституционной. Но в этой последней среде провокаторы и шпионы, не исключая и Мальшинского, были только на вторых ролях; им трудно составить противовес одному Дегаеву. Поэтому В. Я. Богучарский стремится опорочить и все конституционное движение конца семидесятых и начала восьмидесятых годов — представить его чуть ли не изданием шпионов и провокаторов»¹⁰. Особенно раздражало критика, во-первых, то, что газета «Вольное слово», по утверждению Богучарского, была детищем «мужественных добровольцев» и как бы органом «Священной дружины», выражавшим ее интересы. Во-вторых, отрицательно оценивалось скептическое отношение Богучарского к существованию «Земского союза», который для многих оставался еще важнейшим критерием общественно-политической значимости либерального конституционализма на рубеже 70—80-х гг. XIX в.¹¹

Склонный замалчивать факт теснейших связей М. П. Драгоманова с П. П. Шуваловым, кадетский историк был настолько раздосадован сведениями, опубликованными Богучарским, что не сдержался, чтобы не упрекнуть его в прежней причастности к революционной деятельности, усматривая в его утверждениях тенденциозное посягательство на чистоту и искренность конституционных идей у некоторых представителей российского либерального общества (Драгоманова и др.). На деле же упреки Кистяковского в самой сути их были безосновательны.

В статье, явившейся ответом на критику Кистяковского и опубликованной в журнале «Русская мысль», Богучарский, хотя и утверждал по-прежнему, что «Вольное слово» не являлось органом «Земского союза», еще определеннее он заявлял, что «принимавший деятельное участие в этой газете М. П. Драгоманов, человек во всех отношениях, разумеется, безукоризненный, был введен в этом

деле в заблуждение Мальшинским, что в действительности за плечами Мальшинского стоял не „Земский союз“, а назвавшая себя этим именем группа лиц, принадлежавшая к „Священной дружине“¹². Богучарский в то время также был склонен весьма бережно относиться к истокам «конституционных ценностей» российских либералов. Он не отрицал конституционного характера и конституционных заслуг «Вольного слова». «Задиристость» его оппонента лишь побуждала совершенствовать уже высказанную им точку зрения. Необходимость в этом усиливалась и по той причине, что некоторые утверждения вступали в известное противоречие с вновь обнаруженными фактами. При этом он всеми силами стремился закрепить на почве уже высказанной версии, ограничиваясь ее корректировкой, отработкой и более тщательным обоснованием отдельных узлов. В письме к И. П. Белоконскому от 14 октября 1912 г. в связи с несправедливыми наветами он заявлял: «Ни о какой „провокации“ со стороны г. П. П. Шувалова также не может быть и речи... речи и нет ни в моей книге, ни в моей статье». При этом он подчеркивал, что свою принадлежность к «Священной дружине» Шувалов и Мальшинский «хотели использовать в конституционных целях»¹³.

На эту статью и содержащиеся в ней соображения Кистяковский в той же «Русской мысли» немедленно опубликовал свои возражения в пространном очерке (57 страниц) под названием «Орган Земского союза „Вольное слово“ и легенда о нем. К истории партийных отношений в России». Приняв к сведению заявление Богучарского, что он признает «Вольное слово» ярко конституционным органом, он призывал его отказаться от основных «заблуждений», и прежде всего от предположения, что «Вольное слово» не являлось органом «Земского союза»¹⁴. При этом, сняв свой упрек по адресу Богучарского в намеренном искажении истории конституционного движения конца 70-х — начала 80-х гг., он сам отказался, признав это ошибкой, от утверждения, что Мальшинский был провокатором. Свою опрометчивость он объяснял тем, что, хотя книга Богучарского не содержит такого утверждения, но автор «изображает деятельность Мальшинского так, что ее нельзя иначе определить как провокаторскую»¹⁵. Весь пафос новой публикации заключался, во-первых, в опровержении причастности к «Вольному слову» «Священной дружины», в разоблачении этой, по мнению Кистяковского, легенды, которая среди революционеров зародилась еще в начале 80-х гг. Он упрекает теперь Богучарского в некритическом восприятии и повторении этих якобы беспочвенных подозрений. Во-вторых, вся тенденциозная аргументация была направлена к тому, чтобы еще раз обосновать и утвердить тезис о том, что «Вольное слово» являлось органом «Земского союза», который Кистяковский признавал «единственной серьезной конституционной организацией исследуемой им (Богучарским. — В. Л.) эпохи», хотя и не мог отрицать, что «пока у нас нет никаких сведений, которые позволяли бы установить несомненную связь между „Вольным словом“ и членами „Земского союза“»¹⁶. В связи с этим отвергалось также утверждение Богучарского, что политическую программу общества «Земский союз» составил П. П. Шувалов. Тем не менее самого Шувалова Кистяковский представляет не как «охранника», а как «конституционалиста», полагая, что его сочувствие «Земскому союзу» при его близких отношениях с В. А. Гольцевым «представляется весьма вероятным»¹⁷. Кистяковский подчеркивал также, что «объявление „Вольного слова“ органом „Земского союза“ не было самозванством. Такое самозванство было бы вне пределов исторической возможности»¹⁸. Он с удовлетворением отмечал далее, что его точка зрения совпадает с мнением А. С. Изгоева, изложенным в газетной статье¹⁹.

Однако новая подборка фактов и тенденциозные их разъяснения мало помогали делу. В целом материал все же работал на ту оценку, суть которой правильно уловил Кистяковский в своей книге и старательно стремился теперь опровергнуть. Своими поисками истины Богучарский основательно встревожил кадетско-либеральные круги. При этом ему удалось убедить ряд историков в основательности некоторых своих важных выводов. По его собственному свидетельству (письмо Белоконскому от 24 ноября 1913 г.), мнение о земской организации, «будто бы руководившей земским движением (конца 70-х — начала 80-х гг. — В. Л.), теперь уже не разделяется и его бывшими сторонниками: от него отказались печатно и Корнилов, и Сватиков и др. Я же иду дальше и отрицаю самое существование „Земского союза“ как организации и „Вольного слова“ как органа Союза. Сватиков, впрочем, согласился со мною и в этом»²⁰.

По этому вопросу кадетские историки стали избегать полемики с Богучарским. По существу в этой части они «приглушили» дискуссию. Однако всеми силами и средствами они стремились сохранить в своем историческом активе как «Вольное слово», так и М. П. Драгоманова. Известный историк и секретарь ЦК партии кадетов А. А. Корнилов выступил в «Русской мысли» с утверждением, что не имеет значения, давал ли Шувалов деньги на издание «Вольного слова», а также и то, с какими целями приехал за границу первый редактор журнала Мальшинский. С его точки зрения важ-

но было другое: «...Журнал этот от первого № и до последнего был ярким проводником и защитником конституционных идей» и не мог быть органом «Священной дружины». Более того, он утверждал, что эта газета в 1881—1883 гг. играла роль честного и безукоризненного проводника конституционных идей. Участие в ней Мальшинского его ни в коей мере не смущает, хотя истинное лицо этого деятеля для него совершенно очевидно. Маститый историк полагал, что тот не мог изменить определенного направления издания. «Это для меня так же ясно,— утверждал Корнилов,— как и то, что издававшийся в Петербурге в 1899 г. при участии, между прочим, и В. Я. Богучарского, и Б. А. Кистяковского почтенный журнал „Начало“ — орган тогдашних молодых марксистов — никак не может быть назван ни органом Департамента полиции, ни органом провокаторским, несмотря на то, что редактором его значился некий г. Гурович, впоследствии формально признанный провокатором, чего мы никак не можем признать относительно Мальшинского после данных, приведенных о нем самим Богучарским. В обоих этих случаях совершенно очевидно, что если лица, дававшие деньги на издание обоих этих журналов, имели какие-либо задние цели, то цели эти оказались неосуществленными, и попали впросак в обоих этих целях сами эти лица, а никак не редакторы „Начала“ и не М. П. Драгоманов»²¹.

Доводы Корнилова, взявшего на вооружение даже плохо аргументированные оценки Богучарского по поводу провокаторства Мальшинского, весьма не убедительны. Нет необходимости пространно доказывать, на какие деньги издавалась газета «Вольное слово», бесспорно финансировавшаяся «Священной дружиной». Следовало бы обратить внимание на другое существенное различие. Действительно, М. Гурович получал некоторую информацию о сотрудниках журнала «Начало», в котором, в частности, печатался и Ленин. Но изменить направление журнала он не мог, да и такой цели не имел. Его задача сводилась к сбору информации об определенном течении общественно-политической мысли. Что касается Мальшинского, то скрытая цель его деятельности выявлялась уже самим фактом сотрудничества с либералом Драгомановым в борьбе против революционного движения, именуемого договорившимися сторонами «терроризмом». Ради этой цели деятели «Священной дружины» были готовы допустить в «эмигрантском» издании провозглашение и защиту конституционных идеалов.

Свою интерпретацию конституционного движения в начале 80-х гг. Корнилов не мог считать сколько-нибудь убедительной, не предложив более или менее удовлетворительной мотивации поведения Шувалова. Поэтому в его статье вслед за Кистяковским категорично было сформулировано весьма эмоциональное, но слабо аргументированное утверждение. «Мне кажется,— писал он,— нельзя сомневаться, что по характеру своей деятельности г-р Шувалов был большой кудесник и мистификатор, но жертвами его мистификации отнюдь не являлись ни конституционалисты 80-х годов, ни Гольцев, ни Драгоманов, а те его товарищи по „Добровольной охране“ и „Священной дружине“, которыми он действительно играл, как пешками»²².

Эта мысль, как бы развивавшая более сдержанную оценку, содержащуюся еще в монографии Богучарского, пала на благодатную почву. Дальнейшая ее разработка позволяла избежать компрометации Драгоманова, «Вольного слова» и, как представлялось, очевидно, либеральным историкам, наиболее ярких страниц конституционного движения 70—80-х гг. XIX в. Она получила продолжение в историографии, став продуктом своеобразного коллективного творчества. При содействии П. Н. Милюкова Богучарский получил от зятя Драгоманова, И. Д. Шишманова, конституционные проекты Шувалова²³. Не менее настойчиво дочь М. П. Драгоманова, Л. М. Драгоманова, «укрепляла» его в уже сложившихся представлениях об искренности конституционных устремлений Шувалова, которые он якобы тщательно скрывал от руководителей «Священной дружины»²⁴.

Поскольку в распоряжении Богучарского в то время находились письма Драгоманова к Мальшинскому, из которых однозначно, видимо, явствовало, что почтенный либеральный деятель знал о том, с какой организацией на деле были связаны и Мальшинский, и Шувалов, необходимость определенного изменения интерпретации событий 30-летней давности стала очевидной и для его ближайших родственников. Отсюда и «подсказки» о необходимости разработки версии об истинных конституционных взглядах и воззрениях Шувалова, которые он скрывал от заправил «Дружины». Появление же Мальшинского объяснялось тем, что среди земцев не было желающих перейти на нелегальное положение для редактирования эмигрантской газеты, что его привлекли якобы хорошим вознаграждением²⁵. Особенно показательно при этом то, что Л. М. Драгоманова не только решительно возражала против публикации пяти писем ее отца Мальшинскому, но и настойчиво требовала продать их за ту сумму, которая за них была уплачена при покупке. Богучарский ограничился лишь обещанием, что эти письма не будут им опубликованы без согласия близких родственников²⁶. Письма эти, к со-

жалению, пока не удалось обнаружить. Не исключено, что они все же были переданы родственникам Драгоманова.

В открытой полемике, однако, щекотливого вопроса о Мальшинском Богучарский более или менее подробно избегал касаться. Наивность и научная некорректность версии, предложенной Л. М. Драгомановой, были настолько очевидны, что мало-мальски серьезный исследователь не мог ее принять. В переписке же (письмо И. Д. Шишманову от 18 марта 1913 г.) Богучарский категорично заявлял, что «шпионом Мальшинский не был. Это я докажу»²⁷. Он не раскрывал логики своих рассуждений. Но если учесть опубликованные им же сведения, то такое утверждение могло возникнуть лишь вследствие твердой уверенности в том, что Драгоманов знал, кем на деле являлся Мальшинский, а, возможно, и его истинные убеждения. На первый взгляд, этому все же противоречат сведения, приведенные Богучарским в краткой заметке, опубликованной журналом «Современник». Он утверждал в ней, что Мальшинский издавал «Вольное слово» «не в качестве агента III Отделения, кем он не был, а по поручению особой группы лиц, принадлежащих к „Св. дружине“, но преследовавших конституционные цели. Выдавал себя Мальшинский при этом за члена „Земского союза“»²⁸. Эта заметка призвана была опровергнуть утверждения А. Прибылевой в «Русском богатстве», прямо называвшей Мальшинского агентом III Отделения²⁹. Здесь была выражена уже скорректированная точка зрения Богучарского на взаимосвязь «Священной дружины» с «Вольным словом», основополагающим звеном которой становится признание родства конституционных идей у Драгоманова и Шувалова с его неизвестными единомышленниками. Поэтому не лишено определенных оснований отрицание связей Мальшинского с системой официального политического сыска. Единомышленник, хотя и связанный со «Священной дружиной», как бы освобождался от такого подозрения.

Опубликовав 31 октября 1913 г. в «Киевской мысли» специальную статью о Мальшинском, Богучарский выразил в ней несколько иной оттенок своих представлений. Он называет Мальшинского агентом «Священной дружины», т. е. той ее группы, которая якобы готова была к известным реформам. При этом Мальшинский выдавался за убежденного конституционалиста (!), хотя и не скрывалось, что, вернувшись летом 1883 г. в Россию, он не подвергался никаким преследованиям и спокойно поселился в столице. Напоминал Богучарский и о том, что еще в 1879 г., до поездки за границу по поручению шефа жандармов А. Р. Дренгельна он написал секретно изданную книгу «Обзор социально-революционного движения в России». В конце жизни он издавал реакционную газету «Народ», субсидируемую С. Ю. Витте, также в свое время являвшимся одним из агентов «Священной дружины»³⁰.

О том, что «Священная дружина» занималась политическим сыском, конкурируя в этом деле с органами Министерства внутренних дел, не было сомнений даже до Октябрьской революции. В связи с этим тем более не очень понятны рассуждения и доводы Богучарского, настойчиво убеждавшего в непричастности Мальшинского к провокаторской деятельности.

На деле же оценка этого деятеля Богучарским почти сомкнулась с утверждениями Прибылевой. В ней лишь недоставало завершающего звена. По каким-то соображениям (вероятно, сказывалось давление буржуазно-либерального общественного мнения, отсутствие убедительных в такой ситуации доводов и пр.) касаться этого избегал или не смог еще воссоздать недостающее звено этот кропотливый и бесспорно объективный в целом исследователь. Он по существу вплотную подошел к выводу о неискренности Мальшинского в связи с выраженными им в 1881—1883 гг. взглядами. Но окончательное заключение не было сделано. Возможно, что исследователя сдерживало и то, что подобный вывод разрушал построенную им схему и серьезно ставил под сомнение правомерность отрицания провокаторской деятельности его «героя». Трудно при этом объяснить, почему Богучарский не принимал во внимание характеристики Мальшинского, содержащиеся в прессе, которые он должен был знать.

В редакционной статье газеты «Народ» в связи со смертью Мальшинского утверждалось, что в своем официальном исследовании о революционном движении в России он преследовал одну постоянную цель: «... Он признавал самодержавие одной из главнейших основ русской государственности и потому занимался исследованием всяческих причин, стремящихся воспрепятствовать полезному и законному отправлению долга самодержавной власти». Чтобы не оставалось никаких сомнений по поводу истинных взглядов Мальшинского, далее подчеркивалось, что ему «были одинаково антипатичны как дикие замыслы революционеров, так и либеральные потуги всяческих конституционалистов». Его личные и деловые связи перед изданием «Вольного слова» лишь подтверждают такую оценку. Оказывается, он был «дружески близким» к шефу жандармов Дренгельну, далекому от либеральных «заблуждений», приглашавшему его (после назначения генерал-губернатором в Киев) правителем

дел своей канцелярии. Свою «миссию» он предпочел, однако, осуществлять в газете «Россия», финансируемой Т. П. Демидовым, ставшим вскоре одним из главарей «Священной дружины». Довольно коротко он был знаком и с П. П. Шуваловым, с которым в одно время учился в Гейдельбергском университете³¹. Все эти данные, на наш взгляд, дают основания для аттестации Мальшинского не только как агента «Священной дружины», но и провокатора, усердно излагавшего чуждые ему взгляды и идеи для достижения известных политических целей, сознательно вводившего в заблуждение либеральную общественность во имя создания единого фронта в борьбе с революционным движением в целях его дезорганизации.

Если при оценке Мальшинского у Богучарского есть недоговоренность и какое-то (хотя и в значительно меньшей степени, чем у Кистяковского) стремление недооценивать некоторые бесспорные факты, то по отношению к Шувалову — другой ключевой фигуре, без объективной характеристики которой невозможно было найти истину, он был более определен. В 1913 г. Богучарский опубликовал в «Современнике» конституционный проект Шувалова с вступительной статьей апологетического характера. Автором «Политической программы общества „Земский союз“» (как известно, мифического) он считал П. П. Шувалова и приводил целый ряд доказательств. Он полагал, что опечатанный в Женеве в 1882 г. незначительным тиражом этот «документ имеет весьма важное значение для изучения истории конституционных идей в России». Самого Шувалова он называл «замечательным человеком», который использовал в конституционных целях «Священную дружину»³².

Однако точка зрения Богучарского об авторстве «Политической программы» сразу же была поставлена под сомнение Шишмановым, обратившим внимание на умеренность политических взглядов Шувалова, которые были изложены в опубликованных болгарским профессором записках, составленных в 1881 и 1882 гг. Шишманов заявлял, что «трудно поддержать ранее высказанное В. Я. Богучарским мнение, что автор радикальной программы „Земского союза“, напечатанной в Женеве в 1882 г., есть лицо, писавшее записки „О совещательном народопредставительстве“». Более того, Шишманов подчеркивал, что в письмах к Драгоманову Шувалов скорее сочувствовал группе «западников-консерваторов», симпатизировавших конституционному движению в России, но отнюдь не увлекавшихся радикализмом³³. В предисловии к новой публикации писем Шувалова к Драгоманову речь также велась о группе «консерваторов-западников», достигших соглашения с «Московским телеграфом», который критиковался «Вольным словом»³⁴. О том, что «Московский телеграф» находился под покровительством «Священной дружины», в то время вразумительно ничего еще не было сказано. Факт этот получил бесспорные доказательства в начале 1920-х гг.

Несмотря на различие точек зрения, в исторической науке перед революцией утвердилось мнение, что гр. П. П. Шувалов являлся не только истинным конституционалистом, но и выразителем взглядов какой-то активной группы придворных аристократов. Это и позволяло оградить М. П. Драгоманова и «Вольное слово» от весьма основательных обвинений в причастности к провокаторской деятельности. Показательно при этом, что до конца своих дней Богучарский продолжал научные изыскания и все более склонялся уже к иным выводам. Материалы его архива свидетельствуют о том, что он отказывался, видимо, от мысли о «заблуждениях» Драгоманова и располагал «бесспорными доказательствами провокационного происхождения „Вольного слова“»³⁵.

Некоторый противовес утвердившимся взглядам на рассматриваемый предмет составила статья Л. Г. Дейча, опубликованная в ноябре 1913 г. «Современным миром», в значительной степени основанная на личных воспоминаниях. Заключение о том, что в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. в России существовало «довольно большое конституционное движение, в каком-то наши либералы — главным образом земцы — играли значительную роль», он называет легендой. Он убедительно показал, что делать такой вывод на основании материалов А. А. Корнилова и И. Д. Шишманова, что попытался осуществить А. С. Изгоев в кадетской «Речи»³⁶, нет достаточных оснований. Напоминая о «заслугах» Кистяковского по этому вопросу, он недвусмысленно определяет свою позицию, указывая и на то, что тридцать лет назад сам Драгоманов «вернее анализировал роль и влияние наших либералов, с одной стороны, и революционной молодежи — с другой, чем это теперь удастся его последователю и панегиристу»³⁷. Ссылаясь на свои беседы с бывшими сотрудниками «Вольного слова» (П. С. Аксельродом, С. М. Степняком-Кравчинским и др.), он утверждал: «Для меня вне всякого сомнения, что „Земского союза“ как сколько-нибудь сплоченной организации, хотя самым отдаленным образом напоминающей, например, „Союз Освобождения“, ни в конце 70-х, ни в начале 80-х годов прошлого столетия не существовало. Название это, правда, одно время стало иногда произноситься, но под ним не чувствовалось никакого конкретного содержания, и принималось оно скорее как символ, как цель, но не как нечто определенное, реально существующее»³⁸. Характеристика положения

дел в земско-либеральном движении свидетельствует, что, вопреки утверждению Кистяковского, возможности для самозванства «Вольного слова» были самые благоприятные.

После появления статьи Л. Г. Дейча полемика утрачивает свою остроту. Представителям буржуазно-либеральных кругов было уже невыгодно привлекать внимание общественности к вопросам, где в их позиции обнажился ряд весьма уязвимых мест. Начавшаяся вскоре первая мировая война выдвинула на авансцену общественно-политической жизни иные, более животрепещущие проблемы. Маститые буржуазные историки все более прибегали к фигуре умолчания. Такой прием для них был, видимо, определенным выходом из неловкого положения, в которое попали и известные историки-профессионалы. А. А. Корнилов, в частности, в своем «Курсе истории России XIX века» весьма скупо освещает конституционное движение вообще и в связи с «Вольным словом» в частности, хотя в перечне литературы об общественном движении в России в 1881—1884 гг. упомянуты все наиболее значимые публикации, в которых отражалась полемика по этому вопросу (статьи В. Я. Богучарского, Б. А. Кистяковского, И. Д. Шишманова, Л. Г. Дейча, А. С. Изгоева и самого Корнилова)³⁹. Он лишь мимоходом упоминает о «своеобразных конституционных течениях и попытках» в недрах «Священной дружины» и «Добровольной охраны», организованных Шуваловым. Весьма показательна при этом и его оценка в этом контексте книги Богучарского: «Относительно этих попыток теперь дает очень много нового вышедшая в минувшем году книга В. Я. Богучарского, которая вызвала значительную полемику, главным образом со стороны критиковавшего ее Б. А. Кистяковского, — полемику весьма плодотворную, причем вся эта эпоха была в значительной мере заново выяснена»⁴⁰. Такой подход дает известное основание для предположения, что в Корнилове верх все же брал историк над политиком. Он не решился в своей фундаментальной работе повторять прежние крайне политизированные построения.

Сам В. Я. Богучарский не успел, видимо (он скончался в 1915 г.), высказать свое мнение о критических замечаниях, содержащихся в статьях Шишманова. Дополняя их характеристику, следует заметить, что, хотя они сами по себе весьма основательны, ибо базировались как будто на истинных документах, но материал их дисгармонизировал с доводами Богучарского, скрупулезно и доказательно установившего авторство (или хотя бы соавторство) Шувалова и в отношении более радикального документа, появившегося одновременно с весьма умеренными проектами. Это противоречие, на которое и делал упор Шишманов в своих возражениях Богучарскому, без затруднений устранимо, если мы допустим, что имеем дело не с реально действующими политическими документами, а с политическим муляжом, призванным инсценировать политическую позицию и программу несуществовавшей организации. Подобный документ мог готовить и Шувалов, далекий от истинных конституционных убеждений. По данным Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина, тщательно изучавших материалы М. И. Лемке, тот располагал свидетельством о составлении «Политической программы» Мальшинским и о «важных дополнениях», сделанных Драгомановым, а также и о «непременных изменениях», внесенных Шуваловым⁴¹.

По всей видимости, В. Я. Богучарский был уже на пути к выводу о политической мистификации Шувалова и К⁰. Однако он не располагал еще неопровержимыми доказательствами и не мог до революции раздобыть решающие факты, которые позволили бы до конца преодолеть определенный пиетет к либеральному конституционализму и публично высказать иную точку зрения. Это было особенно сложно в обстановке обострившейся накануне первой мировой войны классовой и политической борьбы. Попытаться обнародовать подобные выводы было не просто и чисто психологически. Но вдвойне трудно было на это решиться при определенной расстановке основных политических сил в предреволюционной России. Буржуазно-либеральные ученые (прежде всего кадетского толка) обнаруживали склонность трактовку истории вчерашнего дня (с характерными для нее преувеличениями исторической роли либерального конституционного движения в 70—80-е гг. XIX в.) увязывать с политической борьбой и политическими задачами своего времени. Естественно, что подобная тенденциозная увлеченность не сулила плодотворных в научном отношении результатов. В этом, т. е. в сознательной политизации исторических представлений исследователей, на наш взгляд, заключается главная причина того, что надуманные и неубедительные построения либеральных дореволюционных ученых о некоторых сторонах развития конституционного движения в России начала 80-х гг. XIX в. так и не были опровергнуты до начала 1920-х гг.

Освещение рассматриваемого вопроса радикально изменилось лишь после Октябрьской революции, когда исследователи получили доступ к прежде секретным архивным фондам. Огромную работу по изучению соответствующих материалов в первые годы советской власти проделал известный историк освободительного движения в России М. И. Лемке. Он успел даже подготовить рукопись моно-

графии о «Священной дружине», которая так и не увидела света. В своем фактически завершенном труде М. И. Лемке убедительно показал контрреволюционную нацеленность этой организации. Он пришел также к твердому выводу о том, что Шувалов верил в святость и непреложность самодержавия и полностью разделял его реакционные цели⁴². Он привел, в частности, записку Шувалова на имя начальника царской охраны, датированную маем 1881 г., когда он еще являлся адъютантом великого князя Владимира Александровича, в которой заявлялось: ...Мы осмеливаемся выразить надежду, что правительство откажется на время от всякой преобразовательной, реформаторской деятельности и направит все свои средства и все свои усилия к искоренению злодейского замысла, позорящего русское имя». Для этого он предлагал осуществить самые жесткие меры, не считаясь с общественным мнением, воссоздать экстраординарные карательные учреждения (типа Верховной распорядительной комиссии), обеспечивающие неограниченную власть, а также ввести с той же целью на местах временные генерал-губернаторства и т. п.⁴³ По его мнению, большую помощь в реализации намеченной программы должна была оказывать охранительная и провокационная периодическая печать. Этим делом, о чем свидетельствуют донесения Шувалова в «Дружину», он весьма упорно занимался⁴⁴. В частности, М. И. Лемке приводит данные о том, что, выступая на заседании руководства «Священной дружины» 23 ноября 1881 г., Шувалов определенно заявил, что издающаяся в Женеве газета «Вольное слово» «есть издание нашей „Св. дружины“»⁴⁵. Это позволило историка не только поддержать вывод Богучарского о том, что никакого «Земского союза» не существовало, но и настаивать на провокационном характере издания «Вольного слова»⁴⁶.

Труд М. И. Лемке, к крайнему сожалению, не был опубликован и долгие годы пролежал в архиве, доступный лишь отдельным исследователям. Это не могло не задержать на несколько лет решение важного научного спора и позволить отдельным исследователям (Д. Заславскому, в частности) пытаться, подновив старую либеральную концепцию, объявлять «Вольное слово» органом земско-конституционного движения и усердно «обелять» Драгоманова⁴⁷. Только в 1927 г. П. А. Садиков опубликовал в «Красном архиве» отчетную записку «Священной дружины» о ее деятельности за 1881—1882 гг., которая все поставила на место. Во вводной статье к публикации Садиков совершенно справедливо заявлял: «...Вопрос о роли „Вольного слова“, как „конституционной“ газеты „Земского союза“ получает свое окончательное разрешение — газета преследовала определенные провокационные цели и весь „Союз“ был фикцией „Священной дружины“»⁴⁸.

В самой опубликованной отчетной записке излагалась совершенно четкая целевая установка «Священной дружины» при издании трех газет различной политической ориентации. «Совокупное действие этих органов,— утверждалось в записке,— было рассчитано таким образом, чтобы дискредитировать в революционных сферах народофильское, террористическое учение; породить сомнения и споры в практической применимости этого учения; завести искусственные ссоры между членами партии и вообще всячески стараться произвести расколы в личном его составе». Еще более определенные заявления содержались по поводу газеты «Вольное слово», которая должна была «поднять почвенные вопросы и стараться, путем анализа и критики русского революционного движения, обездопить (sic!— В. Л.) беспочвенных народолюбцев. Кроме того, выдвигая флаг умеренно-революционного движения, оно должно было дать нужную аргументацию всем колеблющимся в народофильской партии силам для естественного их отделения от партии». Деятельности газеты в этом направлении давалась вполне положительная оценка: «Дело это увенчалось полным успехом: борьба вольнословческого с народофильским направлением лишила последнее значительного количества последователей и денежных средств (отделение украинофилов)»⁴⁹.

Опубликованный документ не давал прямого ответа на вопрос об искренности радикального конституционализма П. П. Шувалова, хотя косвенно, бесспорно, опровергал и эту версию, ибо совершенно определенно показывал, что затея с «Вольным словом» была не делом рук каких-то тайных конституционалистов из «Священной дружины», а осуществлялась с благословения руководителей этой крайне контрреволюционной организации, об охранительно-реакционных убеждениях которых не может быть двух мнений. В записке указывалось также и на то, что контроль над газетой «Московский телеграф» руководителям «Дружины» необходим был «для одной из фикций (sic!— В. Л.) „Вольного слова“ (Земский союз)»⁵⁰. Что касается «Московского телеграфа», то контакты с этим органом осуществлялись также Шуваловым, связи которого с этим изданием в своей монографии затронул еще В. Я. Богучарский. Интересные данные по этому вопросу изложены в рукописи М. И. Лемке⁵¹. Через того же Шувалова, имевшего университетское образование и полковничьи погоны флигель-адъютанта Александра III, поддерживались контакты с посредниками из либеральных и околореволюционных кругов, для которых было весьма важно показать, что они общаются с якобы

либерально настроенными представителями высших сфер. В секретном донесении в «Священную дружину» одного из законспирированных агентов сообщалось, в частности, что привлекаемый для этих целей некий доктор «Э» «мог согласиться быть агентом лишь партии либеральной и, таким образом, в собственных глазах своих извинить свою агентурную деятельность»⁵². Потребность принять личину либерала требовала определенных доказательств. Поэтому интенсивно разрабатывались «конституционные» проекты, некоторые из них печатались в крайне ограниченном количестве экземпляров, а другие показывались И. И. Петрункевичу или же «согласовывались» с тем же М. П. Драгомановым⁵³.

Следовательно, есть все основания признать, что в начале 80-х гг. XIX в. добровольными охранниками из «Священной дружины» с большим размахом осуществлялась первая значительная политическая провокация в России, сопровождавшаяся провозглашением квазиконституционных идей. Однако деятельность «Священной дружины» оказалась недолговечной. Она вызвала нарастающее раздражение в ближайшем окружении Александра III (К. П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев и др.), недовольных ее вторжением в функции Министерства внутренних дел. Кроме того, значение имело и то, что руководители общества использовали контролируемые ими издания (в частности, «Вольное слово») для выпадов против своих конкурентов. Особо критическим оценкам подвергалась деятельность руководителя Министерства внутренних дел Игнатьева. Основательно доставалось и обер-прокурору Священного синода Победоносцеву за его непримиримую позицию по отношению к старообрядцам, которым тем же Шуваловым от имени «Дружины» были обещаны некоторые существенные послабления⁵⁴. Связи некоторых либеральных общественных деятелей типа М. П. Драгоманова и В. А. Гольцева и др. с П. П. Шуваловым наглядно свидетельствуют не только о контрреволюционности российского либерализма, но и о его политической бесхребетности и бесплодности, связанной с неистребимой склонностью к сговору и тайным сделкам с абсолютизмом. Что же касается упорного нежелания либеральных историков «не замечать» бесспорных фактов, ставивших под сомнение искренность некоторых радикальных «конституционных» заявлений Шувалова, нельзя не признать, что в этом наглядно проявилась политизация исторических исследований, стремление с помощью опыта прошлого поддержать политические амбиции своих единомышленников в конкретной исторической обстановке нового времени.

Примечания

¹ Подробнее см.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 178—180, 183—184.

² Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. М., 1912. Некоторые свои наблюдения о «Священной дружине» Богучарский ранее публиковал в периодической печати (см., в частности: Речь. 1909. 8, 13, 21, 29 сентября и др.).

³ Богучарский В. Я. Указ. соч. С. 405, 408—411, 414.

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Там же. С. 438.

⁶ Там же. С. 417.

⁷ Там же. С. 387.

⁸ О газете, издававшейся П. П. Цитовичем, см. в частности: А н а н ь и ч Б. В., Г а н е л и н Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания охранителей в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 311—312.

⁹ К и с т я к о в с к и й Б. Страницы прошлого: Из истории конституционного движения в России. М., 1912. С. 115—116.

¹⁰ Там же. С. 109—110.

¹¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 86, оп. 1, д. 15, л. 95.

¹² Богучарский В. «Земский союз», или «Священная дружина» // Русская мысль. 1912. Сентябрь. С. 75.

¹³ ЦГАЛИ СССР, ф. 86, оп. 4, д. 5, л. 47—48.

¹⁴ Русская мысль. 1912. Ноябрь. С. 103.

¹⁵ Там же. С. 70—71.

¹⁶ Там же. С. 71, 89.

¹⁷ Там же. С. 93—95.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ См.: Речь. 1912. 19 сентября.

²⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 86, оп. 1, д. 15, л. 25. Еще в марте 1913 г. В. Я. Богучарский сообщал

И. Д. Шишманову, что его представление о так называемом «Земском союзе» разделяется рядом видных старых земцев, в том числе И. И. Петрункевичем, Ф. И. Родичевым и др. (ЦГАЛИ СССР, ф. 1065, оп. 5, д. 1, л. 61).

²¹ Корнилов А. А. Из истории конституционного движения конца 70-х и начала 80-х годов. // Русская мысль. 1913. Июль. С. 25—26.

²² Там же. С. 46.

²³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1065, оп. 5, д. 1, л. 59.

²⁴ Там же, ф. 1639, оп. 1, д. 117, л. 2.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 117, л. 3—4.

²⁶ Там же, л. 6—8; ф. 1065, оп. 5, д. 1, л. 64.

²⁷ Там же. ф. 1065, оп. 5, д. 1, л. 6.

²⁸ Богучарский В. Я. По поводу одной исторической справки: Заметки // Современник. 1913. Кн. 4. С. 267.

²⁹ Прибылева А. О «Вольном слове» и о роли в нем Мальшинского // Русское богатство. 1913. Март. С. 211—216.

³⁰ Киевская мысль. 1913. 31 октября. О сотрудничестве С. Ю. Витте с «Дружиной» подробнее см.: Ананьич Б. В., Р. Ш. Ганелин, С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово» // Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964.

³¹ Народ. 1899. 1 (13) июля.

³² Богучарский В. Конституционный проект графа Шувалова // Современник. 1913. Кн. 3. С. 251—252.

³³ Шишманов И. Д. Конституционные записки графа П. П. Шувалова // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 140, 165—166.

³⁴ Шишманов И. Д. К вопросу о роли графа Шувалова в конституционном движении 80-х годов // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 188, 205. П. А. Зайончковский показал, что первоначальный конституционный проект П. П. Шувалов разрабатывал еще в конце 1879 — начале 1881 г. В феврале 1881 г. он представил Александру II соответствующую докладную записку. Проект этот справедливо рассматривается в ряду подобных «чиновничьих» проектов (Д. А. Милютин, А. В. Головин, М. Т. Лорис-Меликов и др.), которые в то время представлялись на Высочайшее имя (Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 40—41, 290—291).

³⁵ Подробнее см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. О достоверности одного документа из архива М. И. Лемке (М. П. Драгоманов в «Вольном слове») // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л., 1970. С. 302—303.

³⁶ Изгоев А. С. Земское конституционное движение в России // Речь. 1913. 31 июля.

³⁷ В 1889 г., в частности, М. П. Драгоманов заявлял: «Не могут либеральные земцы похвалиться своей энергией и в деле организации земско-либерального движения в земских и дворянских собраниях России. Достаточно было правительству припугнуть земский либерализм высылкою нескольких человек (и то „в места не столь отдаленные“) и даже выговорами, чтобы целые планы и заявления, например, даже против административной ссылки, оставались в карманах» (Драгоманов М. П. Либерализм и земство в России // Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений. Т. II. Paris, 1906. С. 826).

³⁸ Дейч Л. У начала легенды // Современный мир. 1913. № 11. С. 137, 141, 151.

³⁹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. Ч. III. Изд. 2. М. 1918. Лекции XXXVII—XLII. С. 228—234, 265—319, 323—324.

⁴⁰ Там же. С. 294—295. Второе издание третьей части Курса перепечатано без изменений с первого, готовившегося в конце 1913 г. и опубликованного в начале 1914 г.

⁴¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. О достоверности одного документа... С. 310. Подробнее об этом см. также: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Об авторстве «Политической программы общества „Земской союз“» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. II. Л., 1969. С. 269—276.

⁴² ИРЛИ СССР, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 73.

⁴³ Там же, л. 72—75. Характеризуя цели «Святой дружины», можно привести выдержку из текста присяги «братьев», вступающих в эту организацию: «Я... вступая в „Святую дружину“, посвящаю себя всецело охране Государя, а вместе с тем разоблачению и искоренению крамолы, позорящей русское имя. Обязуюсь подчиняться моему старшему брату и сообщать ему все сведения, относящиеся до нигилизма и т. п. организаций пропаганды, лично мною собранные или сообщенные мне младшим братом» (ЦГАДА СССР, ф. 1412, оп. 2, д. 247, л. 1).

⁴⁴ ИРЛИ СССР, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 588—589.

⁴⁵ Там же, л. 691—692.

⁴⁶ Там же, л. 699—709.

⁴⁷ Подробнее см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. О достоверности одного документа... С. 303—306.

⁴⁸ Садиков П. А. Общество «Священной дружины» (Отчетная записка за 1881—1882 гг.) // Красный архив. Т. 2(21). 1927. С. 201. Свои взгляды вынужден был скорректировать и Д. Заславский, отказавшийся в книге о Драгоманове, появившейся в 1934 г., от ряда прежних оценок и объявивший теперь Драгоманова игрушкой в руках «придворных провокаторов». (См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. О достоверности одного документа... С. 306—307.)

⁴⁹ См.: Сади́ков П. А. Указ. публ., С. 209—210.

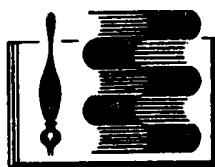
⁵⁰ Там же. С. 210. Вполне определенным убеждениям руководителей «Священной дружины» не противоречат переговоры их с Н. П. Игнатьевым о возможной поддержке проекта «Земского собора» (См.: За́йончковский П. А. Указ. соч. С. 464—465).

⁵¹ ИРЛИ СССР, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 1419—1425.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 1766, оп. 1, д. 1, л. 184—185.

⁵³ См.: Бо́гучарский В. Я. Конституционный проект графа П. П. Шувалова//Современник. 1913. Кн. III. С. 251—252.

⁵⁴ Вольное слово. 1881. 20 сентября; 1882. 15 октября; ЦГАЛИ СССР, ф. 1065, оп. 5, д. 18, л. 79—84.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книги об Отечественной войне 1812 года

Б. С. АБАЛИХИН, В. А. ДУНАЕВСКИЙ. 1812 ГОД НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ. 1917—1987. М.: Наука. 1990. 246 с. Тир. 1500

Эта книга — итог многолетнего совместного труда двух известных специалистов по историографии 1812 года¹. Авторы попытались представить читателю критический обзор всей литературы по теме, изданной в СССР за 1917—1987 гг. В целом попытка удалась: широчайший, близкий к исчерпывающему охват предметов исследования; четкая, хотя и не бесспорная, периодизация советской историографии «двенадцатого года»; стремление авторов соблюсти должную меру объективности, разобраться в спорных вопросах, преодолеть лжепатриотические стереотипы — вот главные достоинства книги.

Авторы верно подметили, что для советских историков внешней политики России надолго (по-моему, донныне) «в значительной степени основополагающим» стало указание Сталина о меньшей агрессивности нашей страны, по сравнению со «всеми странами Европы» (с. 65). Они критикуют ориентированные по Сталину и считавшиеся чуть ли не классическими труды П. А. Жилина (с. 162) и Л. Г. Бескровного (с. 164), хлестаковский опус Н. Ф. Гарнича (с. 113, 123). Порывая с застойной традицией, авторы выступают против идеализации М. И. Кутузова (с. 90), считают «явным преувеличением» тезис о Бородине как «победе русского оружия», поскольку Кутузов ставил задачей спасти Москву, и «эту задачу выполнить не удалось» (с. 86). Аргументированно отбрасываются ходячие версии о том, что Наполеон напал на Россию «без объявления войны» (с. 146), что Москву сожгли французы (с. 123), что первый в России 1812 г. армейский партизанский отряд создан Кутузовым под командованием Дениса Давыдова, а не М. Б. Барклаем де Толли под начальством Ф. Ф. Винценгероде, как было в действительности (с. 161), и др.

Не довольствуясь разбором сделанного, авторы определяют задачи дальнейшего изучения темы: надо создать «обобщающий труд по истории партизанского движения 1812 г.», монографически исследовать «другие формы участия народных масс» в борьбе с Наполеоном, ход войны на петербургском, рижском и киевском направлениях (с. 173, 241—242) и т. д.; главное же, «назрела потребность в создании фундаментальной «Истории Отечественной войны 1812 года» (с. 243). Все это справедливо.

Добрых слов о рецензируемом труде можно было бы сказать еще много, но в интересах дела, науки, истины полезнее рассмотреть его недостатки. Дело в том, что он представляет собой по строгому счету явление переходное. Прорываясь сквозь толщу догматических наслоений, авторы вольно или невольно сохраняют их печать.

Методологически книга чрезмерно акцентирована на цитатах из классиков марксизма-ленинизма, причем К. Маркс и Ф. Энгельс фигурируют даже в названии особого раздела как «историки войны 1812 года» (с. 19). Спору нет, Маркс и Энгельс (как и В. И. Ленин) в разное время высказывались о войне 1812 г., но историками ее не были, — можно представить себе их удивление, если бы их назвали таковыми при жизни! Между тем авторы опираются даже на такую цитату: «Война, — писал К. Маркс, — подвергает нацию испытанию...» (с. 4). Здесь уместно вспомнить шуточную реплику Е. В. Тарле по аналогичному поводу: «Это все равно, что писать: „Земля круглая. См.: Маркс и Энгельс“. Как-то принижает советскую науку»².

По старинке, в духе 1930—1950-х гг. судят авторы о М. Н. Покровском: «Во всех случаях

оценки внешней политики России, характера войны 1812 г., действий российских полководцев и военачальников, роли народных масс у М. Н. Покровского неизменно негативны» (с. 12). Во-первых, оценки Покровского были негативными отнюдь не во всех случаях. Он признавал, хотя и с оговорками, народную войну „на почве массового вооружения“, считал, что «оборонительная тактика [русских] блестяще оправдалась полным разложением французской армии», высоко оценил действия Барклая (о Смоленской операции: «это был несомненный успех, и успехом этим русская армия была обязана Барклаю де Толли») ³. Впрочем, если бы даже Покровский оценивал все русское «неизменно негативно», он все равно в чем-то был бы ближе к истине, чем П. А. Жилин или Н. Ф. Гарнич, оценки которых на этот счет неизменно позитивны. Что же касается упрека Покровскому в том, что он был «менее всего склонен считать войну [1812 г.] Отечественной» (с. 44), то ведь этот «грех» был свойствен и В. И. Ленину, которого, однако, Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский за это не упрекают.

Как встарь принижают авторы зарубежную историографию 1812 года, в которой, мол, «безраздельно (?— Н. Т.) господствовало мнение, что всему виной голод и „генерал Зима“, и только „ныне ситуация начинает существенно меняться“» (с. 240). В действительности это мнение никогда не было безраздельным: такие авторитеты разных времен и народов, как А. Жомини и К. Клаузевиц, Г. Дельбрюк и Г. Хатчинсон, Ж. Бэнвилль и К. Грюнвальд, категорически не соглашались с ним ⁴. «Обличая» подобным образом историков Запада, Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский следуют за предшественниками, вроде Л. Г. Бескровного, который уверял, будто у Жомини «конечно, главной причиной (гибели наполеоновской армии в 1812 г.— Н. Т.) объявляются голод и холод» ⁵. Между тем Жомини именно эту причину назвал «совершенно ложной», а истинными счел 15 (!) других причин ⁶.

Отказ от стереотипов прошлого дается Б. С. Абалихину и В. А. Дунаевскому нелегко. Они ищут компромиссные оценки, пытаясь в ряде случаев примирить старое с новым, либо даже оправдать былое насилие над исторической правдой. Так, по их мнению, на работы П. А. Жилина «больше влияние оказали оценки Сталина. Но это была неизбежная дань тому суровому времени» (с. 106). Спрашивается, почему же нет такого влияния в трудах Е. В. Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию», написанных в самое суровое время ста-

линщины? А ведь Жилин большую часть своих работ создавал после смерти Сталина, вплоть до начала перестройки! Даже об авторе скандально-конъюнктурной поделки С. И. Кожухове, который доносительно-пристрастно и невежественно выступил против Тарле в 1951 г., Б. А. Абалихин и В. А. Дунаевский отзываются не столько с порицанием, сколько с одобрением: «обоснованно критиковал», «используя разнообразные источники, доказал...» и т. д. (с. 109).

Осудив идеализацию Кутузова, авторы тем не менее сочли «обоснованным» вывод историков сталинской школы о том, что Кутузов как полководец выше Наполеона (с. 79). Новые данные, удостоверяющие численный перевес русских над французами при Бородине, они пытаются прокомментировать в противоположном смысле (с. 31), причем не видят, что, если даже считать русских по минимуму из всех бытующих данных (120 тыс.), а французов — по максимуму (135 тыс.), все равно выходит: русских под Бородином сражалось больше, чем французов, ибо гвардия Наполеона (19 тыс. лучших бойцов) простояла весь день в резерве, тогда как Кутузов ввел в бой все, «до последнего резерва» ⁷. Что касается потерь французов при Бородине, то авторы по-прежнему доверяют (с. 67) так называемым «подсчетам В. А. Афанасьева» (58 478 человек), первоисточником которых является весьма произвольная цифра Ф. В. Ростопчина ⁸.

Самый процесс развития советской историографии 1812 г. заметно упрощен и приукрашен. Авторы фиксируют лишь «ошибочные представления и выводы», которые со временем успешно опровергаются (с. 184), причем с 1960-х гг. наши историки будто бы «каждое положение стремятся обосновать и аргументировать» (с. 239). Между тем история «двенадцатого года» и после Сталина намеренно фальсифицировалась: выдумывались концепции, вроде трех этапов «конфликта между Кутузовым и царским правительством» ⁹, извращались факты и подтасовывались источники. Так, почти в каждом советском издании о войне 1812 г. цитируется фраза, якобы сказанная Наполеоном на острове Святой Елены: «Из 50-ти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех». Тем самым читателю внушается мысль, что Наполеон даже после Лейпцига и Ватерлоо считал «наименьшим» для себя результат Бородина. В действительности же он сказал следующее: «Битва на Москве-реке была одной из тех (une de celles) битв, где прояв-

лен максимум достоинств и достигнут минимум результатов»¹⁰. Л. Г. Бескровный приписывал Ф. П. Сегюру, Н. Ф. Гарнич — Э. Лависсу и А. Рамбо, П. А. Жилин — П. А. Тучкову суждения, прямо противоположные подлинным¹¹, чтобы они выглядели «в нашу пользу». Число таких подлогов можно умножить.

Показательно, что Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский вслед за своими предшественниками обходят самые острые вопросы истории 1812 г. Один из них — об ответственности М. И. Кутузова за оставление в Москве (врагу!) оружия и боеприпасов. Боясь самой постановки вопроса, авторы пытаются доказать, что русские оставили в Москве меньше оружия, чем удостоверено документами, и ссылаются при этом на С. В. Шведова (с. 167—168). Но Шведов отнюдь не опровергает русских официальных данных о количестве брошенного в Москве оружия¹², а выясняет лишь, что часть его была возвращена после ухода французов из Москвы¹³. Оставить оружие врагу издревле у всех народов считалось позором. Такого же его количества, как в Москве в 1812 г., русские никогда — ни раньше, ни позже, — никому не оставляли.

Другой, еще более острый вопрос — о судьбе русских раненых воинов в Москве и Можайске. Приказав зажечь ряд объектов Москвы (склады, магазины и пр.) и вывезти из города «весь огнегасительный снаряд», т. е. заведомо обрекая деревянную по преимуществу Москву на грандиозный пожар, главнокомандующий Кутузов и генерал-губернатор Ростопчин оставили в ней 22,5 тыс. раненых, из которых очень многие, если не большинство, сгорели¹⁴. Мало того, ранее в Можайске Кутузов уже оставил от 10 до 17 тыс. (по разным источникам) своих раненых, которые все погибли¹⁵. Как оценить подобные действия русского командования? Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский, по примеру Н. Ф. Гарнича, П. А. Жилина, Л. Г. Бескровного и других, хранят об этом молчание.

Наконец, подобно своим предшественникам, авторы рецензируемой книги не рискнули даже прикоснуться к такому сюжету, как история, смысл и критерии термина «Отечественная война» применительно к войне 1812 г. Этот термин ввел в научный обиход в 1839 г. флигель-адъютант Александра I А. И. Михайловский-Данилевский по «высочайшему повелению» Николая I. С 1917 г. советские историки, по примеру В. И. Ленина, не называли войну «отечественной», и только в 1938 г. Е. В. Тарле (может быть, по указанию Сталина) вернул этот термин применительно к 1812 г.

в употребление¹⁶. Знают ли это Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский? Если да, то почему они промолчали о критериях понятия «Отечественная война 1812 года»? Ведь дворянский критерий («единение сословий вокруг престола») давно опровергнут, а советские историки ссылаются лишь на то, что в войне «принял участие народ». По такому критерию надо признать «отечественными» все войны, которые Россия вела на своей территории, а самой «отечественной» — кампанию 1612 г., ибо тогда народное ополчение составляло не подспорье к армии, как в 1812 г., но решающий, фактически единственный контингент вооруженных сил отечества.

Кстати сказать, время со второй половины 1930-х до середины 1950-х гг. логично, по-моему, выделять в особый этап советской историографии «двенадцатого года», когда после двадцатилетних приготовлений стали выходить один за другим монографические труды о войне 1812 г. (М. С. Свечникова, Н. А. Левицкого, Е. В. Тарле, затем — П. А. Жилина, Л. Г. Бескровного и др.). Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский почему-то включают 30-е и даже 40-е гг. в «начальный этап», полагая, что до середины 40-х гг. продолжалось еще «становление советской историографии Отечественной войны 1812 года» (с. 71).

Итак, новая книга безусловно полезна как попытка (в целом удачная) подытожить весь путь, пройденный советской историографией 1812 г. Но, поскольку авторы не смогли в полной мере преодолеть инерцию квазипатриотического мышления, многие (включая самые острые) из вопросов истории 1812 г., которые десятилетиями извращались или замалчивались, остаются без ответов.

Н. А. Троицкий

Примечания

¹ См.: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии: Итоги и перспективы исследований // История и историки. 1974. М., 1976; и х ж е. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г. М., 1983; и х ж е. К. Маркс и Ф. Энгельс — историки войны 1812 г. // Вопросы истории. 1987. № 9.

² Архив АН СССР. Ф. 627 (Е. В. Тарле), оп. 1, д. 69, л. 1.

³ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 48, 53, 56—57.

⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. М., 1930. С. 431; Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 129; Hutchinson H. The Story of 1812. L., 1897. P. 102; Bainville J. Napoléon. P., 1946. P. 458; Tersen E. Napoléon. P., 1959. P. 347; Grunwald C. de. La campagne de Russie. P., 1963. P. 351.

⁵ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 76.

⁶ Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 5. СПб., 1840. С. 414.

⁷ М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 243.

⁸ См.: Троицкий Н. А. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине//Вопросы истории. 1990. № 9.

⁹ Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 33.

¹⁰ Las-Cases E. Mémorial de St-Hélène. T. 6. P., 1840. P. 141.

¹¹ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 429; Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1956. С. 212; Жилин П. А. Указ. соч. С. 192 (ср.: Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 г.//Русский архив. 1873. № 10. С. 1963).

¹² 156 орудий, 74 974 ружья, 39 846 сабель, 29 119 артиллерийских снарядов, 108 712 шт. чугунной дробы и многое другое (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 2. С. 715—716).

¹³ Шведов С. В. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г.//Советские архивы. 1987. № 6. С. 73.

¹⁴ Подробнее см.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 190—191.

¹⁵ См.: Куковенко В. И. Забытая страница войны 1812 г.//Вопросы истории. 1989. № 12.

¹⁶ Подробно об этом см.: Троицкий Н. А. Война 1812 г. Спорные вопросы методологии, историографии, истории. Саратов, 1989. Деп. в ИНИОН 11.06.1987. № 29810.

1812 ГОД: ВОСПОМИНАНИЯ ВОИНОВ РУССКОЙ АРМИИ (Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея). М.: Мысль, 1991. 478 с. Т. 50000

Масштаб и героика событий 1812—1814 гг. всегда вызывали к себе огромный интерес как за рубежом, так и в нашей стране. Не так много других тем, которым было посвящено такое количество монографических исследований, статей, художественных произведений, а также документальных публикаций. Тем не менее изучение этой темы продолжается. Еще не вошло в научный оборот немало источников, которые находятся в архивах и музеях.

Группа научных сотрудников отдела письменных источников ГИМа под руководством Ф. А. Петрова выявила и подготовила к публикации ряд интересных мемуарных памятников, составивших рецензируемый сборник. В него включены шесть публикуемых впервые рукописей, пять из которых вышли непосредственно из-под пера самих участников описанных событий, и запись устных рассказов, сделанная внуком ветерана Отечественной войны 1812 г.

Авторы воспоминаний — представители всех существовавших в то время родов войск: три пехотинца — М. М. Петров, М. П. Романов и С. Я. Богданчиков, артиллерист Г. П. Мешетич, кавалерист И. Д. Дрейлинг и ополченец

И. М. Благовещенский. Четверо из них были участниками Бородинской битвы, получившей в книге подробное и многоплановое освещение. Большинство мемуаристов сборника были строевыми армейскими офицерами, побывавшими в самом пекле сражений. Все они (кроме С. Я. Богданчикова) — выходцы из среднего и мелкопоместного дворянства, типичной офицерской среды русской армии. Их воспоминания весьма различаются по характеру и стилю изложения, по уровню осведомленности авторов и соответственно по степени достоверности сообщаемых ими сведений. Однако, собранные вместе, они дополняют друг друга и позволяют лучше представить широкую картину действий русской армии в 1812—1814 гг., солдатский быт и ратный труд воинов. Привлекают внимание наблюдения и впечатления авторов о жизни и политическом устройстве народов европейских стран.

Составители сборника объединили такие разные по объему и жанру мемуарные источники, какими являются, например, широкое эпическое полотно, развернутое на 250 страницах М. М. Петровым — участником четырех войн и

69 сражений начала XIX в., и краткие записки (всего 5 страниц) молодого офицера М. П. Романова. В издании эпоха отражена с разных точек зрения.

Не вдаваясь в анализ офицерских мемуаров (читатель имеет возможность самостоятельно их оценить), стоит сказать о воспоминаниях С. Я. Богданчикова, завершающих сборник. Солдатские мемуары — вообще один из ценных и редких видов исторического источника любого периода, тем более начала XIX в. Написаны они не самим С. Я. Богданчиковым, а его внуком, М. А. Богданчиковым (рукопись была составлена в 1911 г., спустя 50 лет после того, как 12-летний мальчуган слушал рассказы своего деда, ветерана войн начала XIX в.). Понятно, что эти записки грешат фактическими и хронологическими неточностями. Тем не менее они помогают взглянуть на события глазами русского воина, дают представление о солдатской смекалке, о ненависти к врагу и милосердии к поверженному неприятелю, о быте русских солдат.

Мемуары, включенные в сборник, рисуют достаточно полную картину Отечественной войны 1812 г. и заграничных освободительных походов русской армии 1813—1814 гг. Здесь — вторжение Наполеона в Россию, отступление русской армии, сражение под Смоленском, Бородинская битва, пребывание русской армии в Тарутинском лагере, действия народного ополчения, партизанское движение (Д. В. Давыдов, А. Н. Сеславин, А. С. Фигнер), контрнаступление русских войск осенью 1812 г., крах наполеоновского нашествия, освободительные походы русских солдат по странам Европы, вступление союзных войск в Париж.

Помимо собственно военных событий, описаний мы находим в сборнике ценный материал по истории европейских стран в рассматриваемый период, сведения о быте русской армии, положении народных масс России, Польши, Германии, Франции в эпоху наполеоновских войн, портреты прославленных русских военачальников — М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де Толли, П. И. Багратиона, А. П. Ермолова, Д. С. Дохтурова, А. И. Кутайсова, А. И. Остермана-Толстого, М. И. Платова, Н. Н. Раевского, П. П. Коновницына, Д. П. Неверовского, братьев Тучковых и других.

Все публикуемые материалы воспроизводятся полностью, в точном соответствии с первоисточником (для исправления некоторых фактических и хронологических неточностей мемуаристов составители публикации используют комментарии). Сборник включает общее предисловие ко всему изданию, тексты шести памятников мемуаристики, каждый из которых снабжен вступительной статьей, содержащей биографические сведения об авторе мемуаров, источниковедческую характеристику и палеографическое описание рукописи, подробные комментарии к каждому тексту. Кроме того, в сборнике есть сводные указатели: именной, географический и предметно-хронологический. Книга богато иллюстрирована на основе изобразительных материалов из собрания ГИМА. Вместе с тем жаль, что в книге подчас встречаются отдельные неточности, несоответствия в указателях.

Перед нами издание, необходимое для специалистов и интересное для широкого круга любителей российской истории.

И. И. Ростунов

А. Е. ИВАНОВ. ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА. М., 1991. 392 с. Тир. 1000

История российской высшей школы в конце XIX — начале XX в. до настоящего времени изучена слабо. Поэтому вызывает интерес выход в свет работы А. Е. Иванова, являющейся результатом многолетней и плодотворной разработки проблемы. Ученый с полным основанием полагает, что высшая школа России конца XIX — начала XX в. находилась в «пере-

красье» культурно-исторических, социально-экономических и общественно-политических процессов, оказывала на них возрастающее воздействие. Автор стремился показать динамику формирования сети учебных заведений, установить их юридический статус, социальные и профессиональные ориентации студентов; исследовать принципы управления высшей

школой; провести историко-социологический анализ состава студенчества и преподавательского корпуса высшей школы.

Автор скрупулезно изучил материалы, относящиеся к высшим сферам государственного управления, нормативные ведомственные документы, в том числе Департамента полиции (последние в полной мере использованы при характеристике общественно-политического поведения профессоров, приват-доцентов и студентов высших учебных заведений). Введены в оборот архивные материалы обобщающего характера, доклады, записки, отчеты.

В монографии рассмотрены труды предшественников — от авторов дореволюционных юбилейных изданий до новейших монографий советских исследователей. Книга содержит приложения, в которых в виде таблиц приведены сводные данные о составе высших учебных заведений, географии их размещения, и схема управления российской высшей школой.

В общем можно констатировать, что уровень обработки источников и их объем делают рецензируемую монографию заметным явлением не только в изучении истории высшей школы, но и истории России конца XIX — начала XX в. В работе впервые раскрыты структура и юридический статус высших учебных заведений, динамика их развития — как государственных, финансировавшихся и особо опекавшихся правительством, так и общественных и частных высших учебных заведений, структура которых сложилась как раз на рубеже веков. Осуществлена историческая реконструкция общероссийской сети высших учебных заведений. С большим интересом читаются страницы о культурном значении первой российской революции; ее воздействию большая часть общественных и частных высших учебных заведений России обязана своим возникновением и развитием. Полно охарактеризованы организационные принципы управления высшей школой с учетом ее так называемой «законодательной» основы. Анализируются и попытки государственного планирования развития высшего образования. Показано, что эта тенденция отнюдь не стала ведущей в условиях самодержавного правления. Парадоксальность ситуации состояла в том, что все меры — и консервация школы (на что были устремлены главные усилия властей), и ее частичное, далеко не последовательное реформирование — одинаково вели к углублению кризиса самодержавного строя. Аргументированно возражая против сведений, приводимых дореволюционными предшественниками, критически отно-

ся к данным, опубликованным в сборниках ЦСУ в советское время, автор убедительно показал действительные количественные параметры российского студенчества в конце XIX — начале XX в. Делается вывод о возрастании числа студентов главным образом за счет учащихся неправительственных вузов. Показано, что в период империализма продолжалась демократизация студенчества, в частности университетского (с. 58 и др.).

Из наблюдений социологического порядка важны те, которые позволяют утверждать: крестьяне в вузах отнюдь не представляли сельскохозяйственного сословия, а семьи, лишь формально именовавшиеся крестьянскими, были вполне городского происхождения. Существенно и то, что студенты-дворяне принадлежали очень часто к семьям, ставшим на путь буржуазного перерождения. Отсюда — тяга значительной части дворянской молодежи к прикладному образованию — техническому, медицинскому, сельскохозяйственному. Новыми являются доказательства особого пристрастия правительства к регулированию национального состава студенчества, что вело к абсолютному преобладанию православных по вероисповеданию (с. 84 и др.). Характеризуя национальный аспект социально-охранительного регулирования студенчества, автор на конкретных фактах подтверждает, что важнейшим объектом в этом отношении стала еврейская часть студенчества.

Охарактеризованы тенденции студенческого движения рассматриваемого времени (с. 310 и др.), его разделение на три лагеря в соответствии с группировкой основных общественно-политических сил в стране. Движение принадлежало в своей радикальной части к боевому отряду всероссийской революционной демократии; вместе с тем автор установил, что в 1914 г. произошел хоть и временный, но очевидный раскол между большинством студенчества, вставшим под знамя войны до победного конца, и его меньшинством, бескомпромиссно отстаивавшим большевистский лозунг «Поражение своего правительства», а также сторонниками меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров.

В монографии выдвинуты возражения против завышения численности преподавательского корпуса дореволюционной российской высшей школы, свойственного как дореволюционным историкам, так отчасти и советским. Обратив внимание на развитость совместительства, впрочем, ввиду нехватки профессоров неизбежную, автор обосновал уточненные (в сторону определенного снижения) собственные количествен-

ные характеристики дореволюционной российской профессуры (с. 204 и др.). Документально обоснован вывод о хроническом дефиците профессорских кадров (с. 209); речь идет о том, что этот дефицит отчасти объясняется и отсутствием единой научно-аттестационной системы в вузах различного типа. Интересны наблюдения над процессом обуржуазивания профессорско-преподавательского состава (с. 203 и др.), в который оказались вовлеченными и «академические кланы» дворянского происхождения. Доказательно утверждение о поднадзорности российской профессуры. Уместны и возражения автора В. Р. Лейкиной-Свирской, полагающей, будто Академический союз занимал положение левее кадетов.

Принципиально новы по материалу сюжеты относительно бытового и правового положения российского студенчества. Для этого впервые в историографии систематично использованы данные студенческих самопереписей. На этих данных основан вывод, что на протяжении рассматриваемого времени сокращалась доля беднейшей, наименее обеспеченной части студенчества.

Весьма выраженным явилось равнодушие к материально-бытовым лишениям большей части студентов (с. 300 и др.). Показано, что студенчество находилось под двойным надзором: полицейским и академическим. В своих репрессивных действиях против студенчества правительство опиралось и на «черносотенные низы» (с. 305). Раскрыто деструктивное воздействие на общественную жизнь студентов «Временных правил» 1907 г. (с. 347—350). Это позволило дополнительно обосновать вывод, что политика правительства в области образования своеобразно отражала государственную внутреннюю политику и имела сходные последствия, а именно обострение классовых противостояний в стране в преддверии второй российской революции.

Наши замечания или, скорее, пожелания состоят в следующем.

Автор не ставил целью охарактеризовать содержание и методы обучения в высшей школе, как и выяснение вклада профессоров и преподавателей в развитие науки. Эти сюжеты, понятно, являются предметом особых историко-педагогических и историко-научных исследований. Но, во-первых, исследования такого рода не получили у нас сколько-нибудь существенного развития. Во-вторых, в логике рецензируемого исследования, как представляется, этот материал был необходим. Так, автор анализи-

рует причины возрастания студенческих контингентов народнохозяйственных учебных заведений и мотивирует этот процесс переходом к предметной системе обучения. Но сказанного об этой системе недостаточно. Далее, хорошо совмещено выявление охранительного смысла политики царизма с указанием на прагматическое начало, которое в силу объективного хода вещей занимало свое место в правительственной политике. Однако точное определение этого места как раз и требовало характеристики развития вузовской науки.

В обзоре литературы следовало, на наш взгляд, охарактеризовать суждения о науке Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева, других корифеев. Тем более, что в контексте исследования встречаются некоторые из таких суждений. Неполон корпус привлеченных авторами самопереписей студентов (содержательная перепись Каблукова даже не упомянута). То же можно сказать и об изданиях воспоминаний современников о Московском и Петербургском университетах. Нет, к сожалению, ссылок и на воспоминания бестужевков, подготовленные к изданию под руководством С. Н. Валка. После 1907 г. «предметная система» обучения применялась не только в специальных вузах (о чем автор пишет, с. 232), но и в университетах.

Уподобление Совета по делам профессионального образования в империи в годы войны таким чрезвычайным органам, как Особые совещания (с. 171), представляется преувеличением. Пример другого преувеличения — оценка крайне робких, непоследовательных попыток планирования развития высшего образования как «положительной тенденции» времен войны (с. 183).

Следует согласиться с утверждением автора (с. 311), что в общестуденческих делах большевистские и меньшевистские группы, «как правило, действовали сообща». Однако нужно было добавить, что студенческая среда была ареной острой идейной борьбы между ними по кардинальным вопросам революционной теории и практики. В описании профессиональной структуры специалистов высшей квалификации явно недостает необходимого внимания к пополнению офицерского корпуса.

Досадна фактическая ошибка на с. 354. Вопреки мнению автора рецензируемой монографии, неоднократно им высказывавшемуся¹, названа архаическая дата основания Петербургского университета вместо принятой ныне в науке правильной даты — 1724 г.²: история университетского образования на Неве восхо-

дит к началу Академического (Петровского) университета. В связи с этим уточнение требует и утверждение, что правовое положение профессуры оставалось пониженным со времени основания Московского университета (с. 206). В действительности такое положение сложилось с самого начала истории Академии наук в Петербурге, применительно к истории высшей школы — со времени возникновения «Петровского» — Академического — университета в Петербурге (1724 г.). В тексте книги, к сожалению, многочисленны опечатки.

Рецензируемая работа достойно продолжает

создаваемую советскими историками серию монографических исследований по истории отечественной высшей школы.

Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин

Примечания

¹ См., напр.: И в а н о в А. Письма из Москвы//Ленинградский университет. 1983. 10 ноября. С. 10.

² См., напр.: Вопросы истории. 1989. № 1. С. 163—164; Український історичний журнал. 1989. № 10. С. 147—148; Osteuropa. 1990. s. 963—965.

Х. Я А Н *

НЕССЕЛЬРОДЕ И ВОСТОЧНЫЕ КРИЗИСЫ 1828—1833 ГОДОВ

Роль Карла Васильевича Нессельроде в проведении внешней политики России всегда преподносилась в исторической литературе как роль посредственного государственного деятеля, выступавшего обычно сторонником и проводником идей императоров, которым он служил¹. Что касается правления Николая I, то многие сходятся на том, что Нессельроде оказывал сдерживающее влияние на политику царя, однако не всегда понятно, насколько сильно было это влияние². Во всяком случае происхождение идеологии Нессельроде следует искать в его политических взглядах — он был сторонником Венской системы, баланса сил в Европе, принципа легитимности. Развитие восточного вопроса после Греческого восстания и особенно после подписания Лондонского договора 6 июля 1827 г. должно было стать серьезным испытанием для системы его взглядов. Данная работа является попыткой показать, в какой мере Нессельроде удавалось держать в руках ситуацию в условиях надвигавшегося кризиса на Востоке в период между 1828 и 1833 гг. и насколько эффективной (или неэффективной) была деятельность системы европейского согласия.

Существует немало исследований, посвященных Нессельроде или, по крайней мере, его эпохе и тем историческим событиям, которые ей сопутствовали. Однако биографии этого крупного чиновника до сих пор не создано, что, очевидно, связано с заурядностью его натуры или, что более вероятно, с продолжительностью как его жизни, так и государственной службы. Историки располагают богатой источниковой базой, связанной с жизнью и деятельностью Нессельроде. Многочисленные исследования внешней политики России и международных отношений в Европе в этот период в большинстве своем опираются именно на эти материалы. Что-либо новое о Нессельроде найти трудно. Таким образом, его биография (если ее когда-либо напишут) будет скорее всего представлять собой компиляцию без особо потрясавших открытий.

Однако для историка остается открытой возможность изменения сложившегося стереотипа образа Нессельроде, новой интерпретации его идей и поступков. Этого можно достичь более точным разграничением изучаемой темы, например, восточного вопроса, путем более тщательного исследования и пересмотра известного материала, анализа редких или не использовавшихся архивных документов малых европейских государств, например, Баварии, чей посланник в Петербурге шел в кильватере внешнеполитических устремлений России; а также использования других источников, нетрадиционных для истории дипломатии. Одним из них может служить «*Journal de St.-Petersbourg politique et littéraire*», полуофициальный орган внешнеполитического ведомства России, изредка цитировавшийся историками, но никогда досконально не изучавшийся³. Нетрудно предположить, что это издание, выпускавшееся и редактировавшееся Министерством иностранных дел, в значительной степени являлось выразителем взглядов Нессельроде. Вкупе с его уже опубликованной частной и дипломатической перепиской и некоторыми документами, принадлежащими перу баварского посланника в Петербурге, это издание представляет собой важнейший источник по истории вопроса в период с 1828 по 1833 г.

В это время Россия проводила достаточно независимую политику на Востоке, добившись в известной степени доминирующего влияния в Османской империи и действуя там, не консультируясь со своими традиционными союзниками по Венской системе. Поворот в политике России произошел после неудачной попытки Александра I решить греческий вопрос в рамках этой структуры⁴. Первым

* Ян Хубертус, профессор Джорджтаунского университета (США). Перевод Е. Г. Золотухина.

результатом нового курса явился Англо-русский протокол от 4 апреля 1824 г. и последующий Лондонский договор от 6 июля 1827 г.⁵, в котором три великих державы — Великобритания, Франция и Россия — пришли к соглашению о создании автономного Греческого государства и наметили основные пути достижения этой цели.

Одним из первых реальных шагов к независимости Греции явилось сражение при Наварине 20 октября 1827 г., когда объединенная эскадра трех великих держав уничтожила турецко-египетский флот⁶. Другим, более решающим фактором явилась русско-турецкая война 1828—1829 гг. По ее окончании был подписан Адрианопольский мир, который не только открыл путь Греции к государственной независимости де-юре, но и дал России большие преимущества в восточных делах⁷. Позиции России в этом регионе еще более укрепились по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г., расцененному в европейских дипломатических кругах как попытка Петербурга установить свой протекторат над Османской империей⁸.

Позиция Нессельроде в этом вопросе отнюдь не столь очевидна, как можно было бы ожидать. Он не принадлежал к числу ярых поборников принципов Венской системы, но до конца от них не отказывался. Конечно, официально Россия, как это будет показано на примере «*Journal de St.-Petersbourg*», выступала в поддержку ориентации на Европу, т. е. политики, которая заключалась в решении восточных проблем путем соглашений с державами и не предусматривала каких-либо изменений статус-кво в данном регионе даже когда речь шла об Османской империи. Однако такая позиция по отношению к Турции, по крайней мере до 1829 г., была достаточно неустойчивой. Если мы обратимся к теориям европейского равновесия, лежавшим в основе Венской системы, к высказываниям таких лиц, как Эдмунд Бюрке или Фридрих фон Гентц, чье влияние на Нессельроде, как известно из автобиографии последнего⁹, было достаточно велико, то увидим, что роль Османской империи в системе европейских отношений так и не была четко определена. К тому же в тогдашней Европе в целом представление о турках как диких и нецивилизованных людях было широко распространено¹⁰, что соответствовало неопределенному положению Османской империи в системе европейского равновесия. Это отношение вкупе с достаточно вольным толкованием принципов той системы людьми, которые сами же их разработали, сделали возможным и даже необходимым для России проводить на Востоке свою собственную независимую политику. Во главе этой политики стоял ответственный министр Нессельроде.

Когда в 1825 г. Россия отошла от Священного союза для того, чтобы решить восточный вопрос вместе с Великобританией, реакция Нессельроде, как отмечала принцесса Ливен, выразилась в апатии и отчаянии¹¹. Но уже спустя два года, когда в сражении у Наварина впервые получили свое практическое воплощение Англо-русский протокол и Лондонский договор, Нессельроде с головой уходит в проблему двусторонних отношений с Великобританией, не уставая повторять, что принципы Меттерниха — это «старо и скучно»¹². К этому времени в «*Journal de St.-Petersbourg*» было опубликовано несколько статей о Наваринском сражении, в которых особо отмечалась храбрость английских моряков и прославлялся их адмирал, которого царь пожаловал орденом Св. Георгия. Кроме этих статей, целью которых было не только показать высокую степень взаимопонимания России и Великобритании, но и смягчить отрицательную реакцию в Лондоне на сражение при Наварине¹³, «*Journal*» не поместил никакой другой информации относительно политических последствий случившегося.

Поскольку была большая вероятность того, что Великобритания может отказаться от выполнения положений Лондонского договора и даже выступить против России, Нессельроде уже с начала 1828 г. работает над тем, чтобы Лондон оставался хотя бы нейтральным, и одновременно формулирует позицию России в конфликте с Турцией¹⁴.

Когда же султан объявил России «священную войну», о чем в Петербурге узнали к концу января 1828 г., и после того, как Турция отвергла Аккерманскую конвенцию, стало очевидно, что России придется воевать. В депеше русскому послу в Лондоне князю Ливену от 6 января 1828 г.¹⁵ Нессельроде объяснял претензии России и особо выделял, что Николай I заинтересован в скорейшем выполнении Лондонского договора¹⁶. В депеше Ливену от 26 февраля 1828 г. эта заинтересованность нашла более яркое выражение в заверении, что Россия будет неуклонно выполнять положения договора и для этого против Порты будут использованы все необходимые принудительные меры, даже если союзники России от них будут воздерживаться¹⁷. Для поддержки такого дипломатического шага «*Journal*» 11 марта опубликовал в приложении прокламацию султана о «священной войне». Публикация сопровождалась комментариями, в которых вновь перечислялись претензии России к Турции (захват русских кораблей в Константинополе, затруднения для российской торговли на Черном море и т. п.). Подчеркивалось также, что Россия потребует выплаты репараций, несмотря на свою привер-

женность «букве и духу» Лондонского договора во всем, что касается его выполнения, она будет, несмотря ни на что добиваться выполнения своего требования. Публикуя этот материал, который, между прочим, был помещен перед новостями о том, что война с Персией почти закончена¹⁸, Россия открыто заявляла о своей позиции в предстоящем конфликте с Турцией. Она по-прежнему будет неуклонно соблюдать Лондонский договор, решая в то же время конфликтные вопросы с Турцией самостоятельно. В последующие месяцы войны «*Journal*» пользовался любым удобным случаем для того, чтобы подтвердить эту позицию правительства¹⁹, сопровождая ее цитатами из британских газет и парламентских протоколов, содержащих отклики на подобные заявления. В основном это были прорусские высказывания, в которых признавалось право России на сведение счетов с Турцией при одновременном сохранении Лондонского договора²⁰. Реакция Форин-офиса на русские депешы, затрагивающие этот вопрос, и на приложение к «*Journal*» была также сдержанной, что служило доказательством успеха внешней политики Нессельроде: 25 марта лорд Дадли известил Ливена, что Россия «может требовать удовлетворения и репараций». Однако в то же время он подчеркнул, что, когда разногласия будут преодолены, «интересы других государств... также будут заслуживать принятия их во внимание»²¹. То, что позиция Великобритании стала, таким образом, известна в Петербурге, а также победа, одержанная над Персией, позволили России вступить в новую войну, о начале которой и было объявлено 26 апреля 1828 г.

Другими пунктами дискуссии, упомянутыми лордом Дадли, были вопросы о сохранении Османской империи и о важности ее существования для поддержания спокойствия в Европе. Как уже говорилось ранее, полной ясности по этим проблемам не существовало. Нессельроде обратился к ним заново в депеше от 6 января 1828 г. Давая заверения, что разрушение Османской империи не является предметом желания России вследствие своей бесполезности, он в то же время допускал, что Россия по воле Божьей может стать свидетелем последних дней этой империи²². Апеллируя к Божественному провидению, Нессельроде, хотел он того или нет, снимал с России ответственность за возможное крушение Османской империи в предстоящей войне. Он, кроме того, указывал, что не уверен в возможных последствиях этой войны или, как минимум, не готов к ним.

Нессельроде попытался найти выход из этого небезопасного положения, отвечая лорду Дадли в депеше Ливену от 29 апреля²³. Снова подчеркивалось, что разрушение Османской империи — не в интересах России. Но в то же время он добавлял, «без задней мысли», несколько замечаний о легальном статусе Турции в европейской системе: «... чтобы установить факты вполне точно, мир и территориальные права различных христианских держав должны основываться на переговорах и договорах, в которых никогда ни прямо, ни косвенно не упоминалось о Турции. Договоры и взаимные гарантии, которые они предусматривают, не могут, таким образом, к ней применяться с точки зрения права».

Без сомнения, Нессельроде был прав. Подобные замечания можно было найти и в самом тексте манифеста об объявлении войны²⁴. Подразумевалось, что в юридическом плане Турция была полностью беззащитна и что с началом военных действий она фактически отдавалась на милость России, подпадая под ее сильнейшее влияние.

В британском ответе на послание Нессельроде новый министр иностранных дел герцог Абердин явно пытался ограничить экспансию России, распространив систему европейского равновесия на Османскую империю: «Нет сомнения в том, — писал он, — что сохранение Турецкой империи не оговаривается ни условиями Договора, ни обязательствами взаимной гарантии. Однако правительство России слишком просвещенно, чтобы не замечать, и слишком справедливо, чтобы не признать не только то, что никакое изменение существующего права владения, закрепленного указанными договорами, не может произойти, не заинтересовав при этом глубочайшим образом несколько держав Европы, но и то, что никакие существенные изменения не могут произойти в положении, мощи и характере великой державы без изменения отношений соседствующих государств друг к другу и к остальной Европе»²⁵.

Такой ответ ставил русскую политику на Востоке в определенные рамки. Во всяком случае он мог побудить Ливена спустя две недели настойчиво советовать Нессельроде не предавать гласности намерения России относительно приобретения Анапы и Поти на Кавказе из-за антирусских настроений в Великобритании²⁶. С тех пор, как русская дипломатия сочла, что расчленение Османской империи пойдет в ущерб интересам России (эту идею прежде выдвигал сам Нессельроде, и она была более четко сформулирована позже Особым комитетом по восточным делам на завершающем этапе войны²⁷), осторожность вице-канцлера в вопросе о юридическом статусе Турции может быть объяснена как достаточно неуклюжая попытка использовать международное право либо для нейтрализа-

ции британских интересов и сокрытия желания царя насадить свое «преобладание» в Константинополе, либо просто для того, чтобы выяснить, насколько далеко будет разрешено пойти России.

Ответ Абердина показал, что юридически Нессельроде был прав, но в политическом плане ошибался. Но что-то, а учиться он умел. Интересно, что идея включения Турции в систему европейского равновесия вскоре стала появляться на страницах «*Journal de St.-Petersbourg*». Кроме того, что там дважды цитировался Абердин, отстаивавший в парламенте эту точку зрения²⁸, журнал опубликовал и чисто русскую статью — «Мнение русского офицера о последней войне с Турцией», написанную с аналогичной позиции²⁹. Статья принадлежала перу генерала Жомини, а редактировала ее, как подчеркивал баварский посланник, рука графа Матушевича — многолетнего партнера Нессельроде³⁰. Она представляла собой краткое изложение позиции России в конце 1828 г.³¹ и опровержение ходивших на Западе слухов о готовящемся захвате Константинополя с последующим разрушением Османской империи и неумелых действиях русской армии в кампании 1828 г. Хотя признавалось, что в ходе боевых действий и были допущены небольшие тактические промахи, однако о целях войны в статье говорилось в соответствии с положениями декларации о начале войны: защита интересов русской торговли, гарантированные соблюдения условий существующих договоров, получение компенсации за нанесенный России ущерб. Кроме того, утверждалось, что война должна приводить к однозначным и естественным результатам, которые не будут затрагивать систему европейского равновесия. Независимо от того, какими могли быть эти результаты, ясно то, что европейское равновесие имело бы безошибочно русские обертона, к чему, естественно, не стремился Абердин.

Статья русского генерала также явилась подтверждением существования тенденции уважительного отношения к Турции; никакие оскорбительные замечания в ее адрес не допускались. На такой позиции журнал стоял в течение всей войны, особенно в 1829 г., что свидетельствовало о намерении не чинить препятствий на путях возможного сближения с Портой в ближайшем будущем. Сделаться лучшим другом Турции, принимающим ее в братские объятия посредством заключения двусторонних договоров и влияющим на ее политику, было, очевидно, наиболее мудрой политикой, которую Россия могла проводить в то время. Окончательно эта политика была взята на вооружение после заседания вышеупомянутого Особого комитета по восточным делам, но если судить по тону журнала, то можно прийти к выводу, что эта политика, скорее всего, была разработана ранее, вероятно, в Министерстве иностранных дел. Естественно, в журнале не говорилось напрямую о том, что достижение особого статуса в Османской империи и влияние на политику Стамбула, как формулировал цель России Нессельроде, является для нее «одной из первейших задач»³². Помимо сдержанности, в духе которой написана статья, эта заинтересованность России проявилась более опосредованно в серии из порядка 30 статей, посвященных вопросам культуры. Эти публикации могли быть истолкованы как призыв к культурной ассимиляции региона, только что завоеванного армией. Подобные сообщения начали появляться уже в связи с русско-иранской войной, теперь же в центре внимания журнала оказалась ситуация, возникшая в связи с заключением Адрианопольского мира. Эти статьи не только отражали интерес к восточной культуре, широко распространенный в то время³³, но и свидетельствовали об особом отношении России к Турции, а также об усилившемся русском влиянии в этой стране.

Любопытно, что договор, зафиксировавший ситуацию, сложившуюся в регионе к концу войны, воспринимался в широких кругах общества как достаточно умеренный, хотя и содержал требования выплаты Портой относительно большой контрибуции³⁴. Русская политика добрососедских отношений давала хорошие плоды. Именно эта политика в конце концов привела Россию в Константинополь в 1833 г., ранее западных держав.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что привычный взгляд на Нессельроде как на классического защитника принципов Венской системы уже устарел, по крайней мере в том, что касается восточного вопроса в 1828—1833 гг. В отношении Великобритании Министерство иностранных дел России вело двойную игру, выражавшуюся в том, что на словах и во всеуслышание говорилось о совместных действиях, тогда как на деле Петербург отстаивал на Востоке лишь собственные интересы путем войны с Турцией, причем антитурецкой пропаганды практически не велось, результаты войны были определены заранее, а мир заключен на достаточно умеренных условиях. В таких условиях идея европейского равновесия становилась не более чем пустым звуком в борьбе держав за Константинополь. Как сказал бы Гентц, налицо был упадок самого духа общности интересов государств, вовлеченных в решение восточного вопроса³⁵.

Примечания

- ¹ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 131; Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801—1825. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 198—199, 286; Grunwald C. Trois siècles de diplomatie russe. Paris, 1945. P. 175; Rich W. Why the Crimean War? A Cautionary Tale. Hanover; L., 1985. P. 15—16.
- ² Philipp W. Russland Aufstieg zur Weltmacht 1815—1917 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 33(1983). P. 91; Rich W. Op. cit. P. 15; Георгиев В. А. и др. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 92; Walker Ch. K. The Role of Karl Nesselrode in the Formulation and Implementation of Russian Foreign Policy, 1850—1856. Morgantown, 1973. P. 310.
- ³ Цит. по: Grimsted P. K. Op. cit. P. 20; Ingle H. N. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836—1844. Berkeley; Los Angeles; L., 1976. P. 15; Journal de St.-Petersbourg politique et littéraire. См.: Jahn H. Das «Journal de St.-Petersbourg politique et littéraire» и «The Courier». Die Berichterstattung zweier offiziöser Zeitungen zur «Orientalischen Frage» in den Jahren 1827—1833. München, 1984. P. 8—14.
- ⁴ Schütz E. Die europäische Allianzpolitik Alexander I und der griechische Unabhängigkeitskampf 1820—1830. Wiesbaden, 1975. P. 122.
- ⁵ О Протоколе англо-русского союза см.: Temperley H. (ed.). The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven Together with Some of Her Letters. L., 1925. P. 98; Виноградов В. Н. Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 118—134.
- ⁶ Более обстоятельно о Наварине см.: Woodhouse C. M. The Battle of Navarino. L., 1965.
- ⁷ Большие и ценные исследования этого мира провел В. И. Шерemet.
- ⁸ Подробное рассмотрение Ункьяр-Искелесийского договора см.: Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. Т. 2. Ст. Н. С. Киняпиной. С. 30—49.
- ⁹ Des russischen Reichskanzlers Grafen Nesselrode Selbstbiographie. Berlin, 1866. P. 11.
- ¹⁰ Кроме газет и журналов богатую пищу для разговоров и толков давали многочисленные путевые заметки, которые учтены здесь быть не могут.
- ¹¹ Temperley H. (ed.). Op. cit. P. 98.
- ¹² В письме Татищеву. Цит. по: E. Driault, M. Lhéritier // Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos Jours. Vol. 1. Paris, 1925. P. 386.
- ¹³ Она нашла свое отражение, например, в газетах «The Times» (от 14 ноября и от 4 декабря 1827 г.), «The Globe and Traveller» (от 19 ноября и 5 декабря 1827 г.) и «The Courier» (от 4 декабря 1827 г.).
- ¹⁴ Баварский посланник в Петербурге писал в депеше от 12 мая 1828 г. о намерениях царя: «Его цель выполнена, поскольку ему удалось нейтрализовать Европу в начинающейся борьбе» (Bayerisches Hauptstaatsarchiv München. Abt. II. Geheimsstaatsarchiv. MA III 2716).
- ¹⁵ Все даты приводятся по новому стилю.
- ¹⁶ Prokesch-Osten A. von. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches. Vol. 5. Wien, 1867. S. 145—156.
- ¹⁷ Ibid. S. 169—176.
- ¹⁸ Последующий, Туркманчайский мир, заключенный 22 февраля, позволил России укрепить свои боевые позиции с востока Турции и открыть там второй фронт. (См.: Anderson M. S. The Eastern Question 1774—1923. A Study in International Relations. L., N. Y., 1966. P. 68).
- ¹⁹ Например, в номерах 56, 64, 76, 90, 93, 155 за 1828 г. и номерах 19, 74 и 77 от 1829 г.
- ²⁰ Примеры см.: Jahn H. Op. cit. P. 38—39.
- ²¹ Prokesch-Osten A. von. Op. cit. P. 230—255. Здесь с. 234.
- ²² Schumann H.-G. Op. cit. S. 21.
- ²³ Prokesch-Osten A. von. S. 243—250. Здесь с. 249—250.
- ²⁴ Опубликовано в приложении к «Journal de St.-Petersbourg» в номере 45 за 26 апреля 1828 г.
- ²⁵ Абердин — Ливену, 6 июня 1828 г. // Prokesch-Osten A. von. Op. cit. S. 255—260. Здесь С. 259.
- ²⁶ Ливен — Нессельроде, 30 июня 1828 г. // Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. Vol. 7. P. 42—43.
- ²⁷ Решения этого комитета см.: Kerner R. J. Russia's New Policy in the Near East after the Peace of Adrianople, including the Text of the Protocol of 16 September 1829 // The Cambridge Historical Journal 4 (1937). P. 280—290.
- ²⁸ В «Journal» в номерах 88 и 90 за 5 августа 1828 г.
- ²⁹ В приложении к «Journal» № 154 от 6 января 1829 г.
- ³⁰ Депеша № 4 за 18 января 1829 г. Geheimes Staatsarchiv. MA III 2717.

³¹ В этих слухах была доля правды. О плохом состоянии армии см.: Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958. С. 210—211, 249—250.

³² G u n w a l d C. de Op. cit. P. 181.

³³ См.: R o t h e H. Reisen und Reiseerlebnisse in der russischen Literatur 1825—1855 // Reisen und Reisebeschreibungen in 18 und 19 Jahrhundert als Quelle der Kulturbeziehungsforchung / Krasnobaev et al. Berlin, 1980. S. 282.

³⁴ См., напр., реакцию Гентца: P r o k e s c h - O s t e n A. von. (ed): Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz 1823—1829. Wien, 1877. S. 194—195.

³⁵ G e n t z F. V. Fragmente aus der neusten Geschichte des Politischen Gleichgewichts in Europa. St.-Petersburg, 1806. S. 34.

КРИЗИС ВЛАСТИ И РЕФОРМЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Американские слависты, специализирующиеся по истории России XIX — начала XX вв., всегда проявляли большой интерес к изучению структуры российского общества, а также механизма государственного управления в центре и на местах¹. В последние годы американская историография пополнилась целым рядом исследований, посвященных анализу кризиса власти в империи, ее способности трансформироваться в условиях надвигавшейся революции².

В 1990 г. издательство Принстонского университета выпустило в свет две фундаментальные монографии на эту тему — Френсиса Вчисло «Сельская Россия в процессе реформ: государство, местное общество и национальная политика. 1855—1914 гг.» и Эндрю Вернера «Кризис русского самодержавия. Николай II и революции 1905 г.»³ Обе работы были выполнены в Колумбийском университете как докторские диссертации и изданы в серии трудов Института по изучению России и Советского Союза им. Аверелла Гарримана. К ним примыкает подготовленное в этой же серии и опубликованное издательством Стенфордского университета обстоятельное сочинение Джеральда Сура «1905 год в Петербурге. Рабочие, общество и революция»⁴. Все три книги объединяет общность не только рассматриваемых в них проблем, но и авторских позиций. Э. Вернер, Ф. Вчисло и Дж. Сур — молодые американские ученые, принадлежащие к школе, отличающейся критическим подходом к оценке внутривластной истории пореформенной России.

Замысел Ф. Вчисло состоял в том, чтобы оценить результаты попыток просвещенных реформаторов-бюрократов приспособить старый самодержавный режим к новым условиям, европеизировать Россию, приблизить ее к правовому государству. Он рассматривает реформаторский процесс в России в период между Крымской и первой мировой войнами.

Отмену крепостного права Ф. Вчисло считает вершиной бюрократических реформ и в то же время подчеркивает ограниченный характер начатых преобразований. Он отмечает, в частности, что многие из подготовленных в Редакционных комиссиях преобразований так и не были осуществлены, административные реформы в царствование Александра II вообще не предпринимались, государственные и удельные крестьяне получили освобождение в результате отдельных законодательных актов, изданных в середине 1860-х гг., созданная в результате реформ система местного крестьянского самоуправления использовалась государством для решения фискальных и полицейских функций и, наконец, реформы проводились властью прежде всего в ее собственных интересах и без учета интересов общества, не способствовав поэтому их сближению (с. 44—45). Общественный энтузиазм, связанный с началом реформ, сменился в конце 70-х гг. разочарованием. Рассматривая конец 70-х — начало 80-х гг. как период кризиса самодержавия, Ф. Вчисло в то же время выделяет как важный этап в реформаторских проектах второй половины XIX столетия конституционные предложения М. Т. Лорис-Меликова и комиссии М. С. Каханова. Вопреки распространенному в советской историографии мнению о незначительности этих проектов Ф. Вчисло видит в них попытки завершить реформы 60-х гг., заложив основы правового государства прусского типа (Rechtsstaat), опирающегося на законы и разумные бюрократические институты, гарантирующие гражданские права всем членам общества (с. 80—81). Впрочем, принимая во внимание особенности государственного и общественно-

го развития России, автор скорее склонен оценивать проекты М. Т. Лорис-Меликова и комиссии М. С. Каханова как попытку трансформировать существовавший в России политический режим в «правовое самодержавие» (legal autocracy) и тем самым обеспечить условия для развития российского общества в гражданское.

Несмотря на неудачу обоих проектов, Ф. Вчисло подчеркивает, что они послужили прецедентом и дали правовой материал для будущих реформаторов. По мнению Ф. Вчисло, идея превращения России в правовое государство занимала многих государственных деятелей империи. К числу наиболее горячих ее сторонников принадлежал С. Ю. Витте. В книге дается анализ основных событий реформаторской деятельности правительства, в том числе и в деревне, начиная с 1860-х гг. и кончая кануном первой мировой войны. С. Ю. Витте и П. А. Столыпин представлены в книге как наиболее видные реформаторы.

Неудача реформ П. А. Столыпина, считает автор, отразилась в себе и неудачу российского бюрократического реформаторства в целом. Останавливаясь на причинах этого явления, Ф. Вчисло затрагивает очень важный вопрос о природе российского реформаторства. Он подчеркивает, что российская бюрократия формировалась в атмосфере попечительства и на ней лежала печать традиций эпохи крепостничества. Даже самые просвещенные политики в конечном счете оставались защитниками порядка как основы самодержавного государства. Н. Н. Милютин считал необходимым введение представителей полицейской власти в органы крестьянского самоуправления; Лорис-Меликов преследовал революционеров; Витте, стремясь способствовать общественной инициативе, одновременно боролся с ней; Столыпин пренебрегал законами ради осуществления своих «политических идеалов». Мысль о том, что крестьяне не были готовы жить в гражданском обществе, неоднократно высказывалась на заседаниях Редакционных комиссий в конце 1850-х гг. И к ней время от времени возвращались после проведения реформы. Отмечая, что между 1860-ми гг. и кануном первой мировой войны в государственном устройстве России произошли все-таки значительные перемены, возникли Государственные думы и объединенное правительство, автор специально остановился в книге на широко обсуждаемом в американской историографии вопросе о степени модернизации российского общества к началу первой мировой войны (с. 306—307).

Ф. Вчисло обращает внимание на некоторое расхождение во взглядах таких авторов, как Г. Фриз, С. Бэккер, А. Рибер и Л. Хеймсон, на роль и влияние сословной системы в политической и общественной жизни России перед первой мировой войной. Заметим попутно, что речь идет не о разногласиях принципиального характера, а всего лишь о том, что одни американские историки подчеркивают факт размывания сословной системы, а другие — ее известную устойчивость и способность к самосохранению. Нельзя не согласиться с Ф. Вчисло, что вопрос этот заслуживает дальнейшего и более глубокого изучения.

Если проблема кризиса власти в книге Ф. Вчисло рассматривается на фоне всего пореформенного периода, то Э. Вернер сосредоточил свое внимание на событиях 1905 г. и показал, как этот кризис проявился в условиях первой русской революции. По мнению автора, она стала последним испытанием для самодержавия. После 1906 г. у него уже не было реальных возможностей трансформироваться настолько, чтобы удовлетворить общественное недовольство и предотвратить революцию. «Русское самодержавие, — пишет Э. Вернер, — было обречено или обрекло себя. После кризиса 1905—1906 гг. его гибель была предreshена и оставшиеся десять лет до 1917 г. были не более чем предсмертной конвульсией» (с. 6). Разумеется, автор постоянно выходит за рамки событий 1905—1906 гг., а иногда, если этого требует осмысление темы, и совершает глубокие экскурсы в прошлое России, особенно если речь идет о природе самодержавия и его особенностях.

Тема Николая II — одна из центральных в книге. Она открывается главой, специально посвященной воспитанию последнего российского императора и формированию его взглядов. В двух последующих главах Э. Вернер предлагает читателю психологический портрет Николая II — самодержца и рассматривает идеологию предреволюционного самодержавия и ее корни. Три первые главы книги отнюдь не вводные. Они имеют самостоятельное значение, тем более, что до сих пор в историографии не было серьезных попыток обстоятельно охарактеризовать Николая II как государственного деятеля. Как показывает автор, хотя принятие тех или иных политических решений в первую очередь зависело от Николая II, его поведение было обусловлено целым рядом причин, включая династические традиции, идеологию самодержавия, влияние окружения и, наконец, саму обстановку назревавшей, а затем разразившейся революции.

В последующих главах книги рассмотрены основные этапы развития революции, так или иначе связанные с утраченной властью возможностью проведения реформ. Под этим углом зрения в книге

подвергнуты анализу реформаторские проекты П. Д. Святополк-Мирского, Булыгинская дума и Манифест 17 октября. Заключительные главы книги посвящены оценке проведенных в ходе революции реформ и положения Николая II как «конституционного самодержца». По мнению автора, события первой российской революции поставили Николая II перед выбором определенной концепции дальнейшего государственного развития России. Николай II отдавал предпочтение существовавшей с допетровских времен традиционной теории единения царя и народа как основы управления государством. Ей сопутствовал миф о чужеземном происхождении российской бюрократии, воздвигшей стену между царем и его подданными, в то время как назначение бюрократии состояло в том, чтобы она была только исполнительницей воли царя. Эта теория, как считает Э. Вернер, вполне уживалась с идеей «правового самодержавия», которую осенью 1904 г. отстаивал Святополк-Мирский. По его проекту преобразований законы должны были издаваться от имени монарха и не связывали его. Царь вправе был изменять законы, а представительство должно было носить совещательный характер и доводить до царя «голос народа».

Оппоненты этой теории придерживались концепции бюрократического самодержавия, возникшей в результате петровских преобразований. Они провозглашали единство бюрократии с самодержавной властью. Однако поскольку кризис петровского бюрократического государства показал, что лежащая в его основе сословная система стала анахронизмом, они высказывались за его обновление, введение законности и представительства. Правовое регулирование должно было стать основой этого государства. Исполнение законов было бы обязательным не только для бюрократии, но и для царя. Э. Вернер называет С. Ю. Витте активным сторонником такого обновленного бюрократического государства.

Характеризуя поведение царя в условиях революции, Э. Вернер признает справедливость заключения известного славянофила генерала А. Киреева, видевшего трагедию положения в том, что Николай II не был способен оценить положение вещей, жил в нереальном мире своих собственных представлений, в каком-то «шутовском раю», воображал себя столь же могущественным и всесильным, как и прежде (с. 227). Э. Вернер отмечает непоследовательность поведения Николая II, его колебания под давлением обстоятельств или влиянием разных советников, ловко пользовавшихся, в частности, тем, что царь считал своим долгом строго придерживаться в политике тех же принципов, что и его покойный отец, но не всегда отдавал себе ясный отчет, в чем же состояли эти принципы. В заключительной главе книги Э. Вернер подчеркивает, что Николай II в то же время достаточно последовательно проводил свою собственную линию в политике, когда речь шла об отстаивании прерогатив власти перед лицом, например, Государственной думы. Он мечтал об ограничении ее полномочий и о полном ее роспуске, почти до самой Февральской революции не оставляя надежды осуществить этот замысел.

Было бы упрощением говорить о полной идентичности взглядов Э. Вернера и Ф. Вчисло. Они расходятся и в оценке тех или иных событий, и в расстановке акцентов. Однако у обоих авторов общая концепция. Можно спорить с ними относительно значения тех или иных реформаторских проектов, о том, в каких событиях в большей степени проявились признаки кризиса власти в России в пореформенный период, наконец, можно спорить об истоках этого кризиса; не следует ли искать их еще в первой четверти XIX в. Однако несомненно главное. Оба автора с достаточной убедительностью показывают кризис власти в России в пореформенный период, проявившийся в ее неспособности трансформироваться в соответствии с требованиями времени, кризис, ставивший под сомнение возможность реформаторского развития российской государственности.

Изучение революционного движения не было специальной задачей Э. Вернера и Ф. Вчисло. Революционный процесс служил для них скорее фоном. Эта сторона кризиса самодержавной власти Романовых нашла свое отражение в уже упомянутом сочинении Джеральда Сура «1905 год в Петербурге. Рабочие, общество и революция». Рецензируемая монография посвящена положению столичных рабочих и революционному движению, начиная со стачек 1896 г. и кончая арестом Петербургского совета рабочих депутатов в декабре 1905 г. Наиболее тщательно в книге исследованы события 1904—1905 гг. В советской историографии этой теме уделялось, казалось бы, много внимания, среди существующих работ надо выделить книгу У. А. Шустера «Петербургские рабочие в 1905—1907 гг.» (Л., 1976). Однако особенность подхода Дж. Сура к рабочему движению в 1904—1905 гг. состоит в том, что он предпринял попытку сосредоточить свое внимание на изучении его как бы изнутри, в процессе саморазвития. Эта тема — главная в книге. Автор ставит вопрос о причинах чрезвычайно быстрой, в течение одного года, политической эволюции петербургских рабочих. Он считает, что ей способствовало участие рабочих не в профсоюзах, а в массовых

стачках, митингах и демонстрациях. Естественно, что в книге дан анализ динамики и опыта стачечного движения до 1905 г.

Дж. Сур постарался проследить влияние на рабочее движение не только и не столько социал-демократов, но и более умеренно настроенных слоев общества, в частности либеральной интеллигенции. В связи с этим в книге подробно рассматривается деятельность известной комиссии сенатора Н. В. Шидловского, и, конечно, многие ее страницы посвящены возникновению и функционированию Петербургского Совета рабочих депутатов, в состав которого вошли представители различных политических направлений. Эти разделы книги, пожалуй, наиболее интересны для советского читателя, ибо в нашей историографии после 1920-х гг. Петербургский Совет, осенью 1905 г. занимавший положение почти второго правительства наряду с официальным, из-за активного участия в нем Л. Д. Троцкого серьезно не изучался.

В деятельности Петербургского Совета рабочих депутатов Дж. Сур увидел отражение общедемократического характера первой российской революции. Дж. Сур специально не останавливается на реформаторских возможностях самодержавия, но вольно или невольно показывает неспособность правительства к радикальным реформам, чаще всего через призму отношения Петербургских рабочих к государственным преобразованиям, предпринятым под влиянием революции. Он отмечает, что не только Булыгинская, но и первая Государственная дума были встречены рабочими без всякого энтузиазма, а правительство, со своей стороны, политикой ограничения рабочего представительства в Думе, системой штрафов и другими непопулярными мерами только способствовало тому, что рабочее движение все больше и больше связывало свою судьбу с подпольными революционными партиями. Таким образом, книга Дж. Сура, казалось бы, с неожиданной стороны дополняет исследования Ф. Вчисло и Э. Вернера о кризисе власти в России.

Итак, перед нами три книги американских авторов. Каждая из них, естественно, займет свое место в историографии, а вместе взятые они несомненно вносят много нового в изучение проблемы кризиса самодержавия, как одного из решающих факторов на пути движения России к революции.

Б. В. Ананьич

Примечания

¹ Это направление в американской историографии уже имеет известную традицию. Начало ему было положено еще в конце 1960-х гг. при содействии П. А. Зайончковского, оказавшего влияние и на его дальнейшее развитие. Среди работ, относящихся к этому направлению, можно назвать книги: Теренса Эммонса «Русское помещичье дворянство и освобождение крестьян в 1861 г.» (Emmons. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968); Фредерика Старра «Децентрализация и самоуправление в России. 1830—1870» (Starr F. Decentralization and Self Government in Russia, 1830—1870. Princeton, 1972); Даниэла Филда «Отмена крепостничества: дворянство и бюрократия в России. 1855—1861» (Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855—1861. Cambridge. Mass., 1976).

² Эта тема была затронута еще в статье Леопольда Хеймсона о социальной стабильности в городской России в 1905—1917 гг., опубликованной в декабрьском номере «Славик ревью» за 1964 г. и мартовском за 1965 г. (Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905—1917//Slavic Review. Part One: XXIII, № 4/December 1964/, 619—642; Part Two: XXIV, № 1/March 1965/, 1—22). Она получила развитие в вышедшей в 1979 г. под редакцией Л. Хеймсона коллективной работе о политической эволюции сельской России в 1905—1914 гг. (Haimson L., ed. The Politics of Rural Russia, 1905—1914. Bloomington, 1969, а также в книге Роберты Мэннинг «Кризис старого порядка в России. Помещики и правительство» (Manning R. T. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982).

³ Wcislo F. W. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855—1914. Princeton, 1990 (347 pp.); Verner A. M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990 (372 pp.).

⁴ Surh G. D. 1905 in St. Petersburg: Labor, Society and Revolution. Stanford, 1989 (456 pp.).

ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ. 1700—1917. ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ОППОЗИЦИЯ. Сборник ст. ИЗД. Э. МЕНДЕЛЬСОН И М. ШАТЦ. ИЛЛИНОЙС, 1988 *

Этот сборник издан университетом штата Северный Иллинойс в честь одного из наиболее известных исследователей истории России — профессора Колумбийского университета Марка Раева. Научные интересы его весьма широки: Петр I и Екатерина II, декабристы и русская бюрократия, проекты политических реформ и общественная мысль. Перу Раева принадлежат монографии: «Сибирь и реформы 1822 г.» (1956), «Михаил Сперанский: государственный деятель императорской России. 1772—1839» (1957), «Происхождение русской интеллигенции: русское дворянство 18-го века» (1966), «Образцовое полицейское государство: социальные и государственно-правовые преобразования в Германии и России. 1600—1800» (1983), множество статей и рецензий. Он является составителем прекрасной изданной антологии «Русская интеллектуальная история (1978). В своей последней книге он изложил свои взгляды на государственный строй Российской империи начиная с ее складывания в XVII в. и вплоть до падения в 1917 г. Им создана серьезная научная школа, многие американские русисты по праву считают себя его учениками.

Поэтому неудивительно, что рассматриваемая книга посвящена различным периодам истории Российской империи. Она состоит из трех крупных разделов: I. Правящая императорская Россия. II. Общество в Российской империи. III. Оппозиция имперскому порядку.

После краткого Введения, объясняющего замысел издания и структуру тома, следует небольшой по объему мемуарный этюд Э. Мендельсона о Раеве как профессоре Колумбийского университета. Первый раздел открывается статьей Г. Торке «Преступление и наказание в допетровской гражданской службе». Отталкиваясь от одной из фундаментальных тем трудов Раева о низком уровне образованности и профессионализма представителей русской гражданской власти вплоть до XIX в., рисуя произвол и взяточничество воевод в XVII в., автор показывает их бесконтрольность и всевластие. Отсутствие эффективного правительственного контроля за деятельностью местной администрации, а также механизма исполнения законов делало наказание скорее орудием устрашения местных самоуправцев, чем средством действительного управления. Темой статьи Дж. Крэккрафта «Оппозиция Петру Великому» является не история самой оппозиции, а борьба правительства с широко развернувшимся противодействием петровским реформам. А. Мак-Коннелл в статье «Екатерина Великая и искусство» рассматривает русскую императрицу не только как монарха, прагматически ценившего в искусстве лишь политические цели, но и как государя-просветителя и мецената, покровителя искусства, необходимого, по мнению Екатерины II, цивилизованному обществу. Р. Уортман в статье «Образы правления и проблемы пола в воспитании Павла I и Александра I» ищет корни странных изменчивостей в личностях этих двух государей в особенностях их воспитания и ненормальных отношениях с родителями. Все это, по мнению автора, оказывало решительное воздействие на формирование у наследников престола концепции своих обязанностей и задач как будущих монархов. Противоречие между просвещенными воспитателями и солдафонским окружением вело к двойственной модели монарха в понимании юных цесаревичей (у Николая I, по мнению автора, уже не было раздвоенного восприятия)¹. В этом же разделе помещена статья Р. Роббинса-младшего «Его превосходительство губернатор. Стиль русского провинциального правления в начале XX в.» В предшествующей литературе образ губернатора как бы однозначно воплощал в себе дискредитированную в глазах общества российскую автократию. Однако последние работы историков русской бюрократии, и в том числе М. Раева, заставляют по-новому взглянуть на роль этих представителей государственного аппарата в конце XIX и начале XX в.: в их деятельности заметно сочетание традиционного авторитаризма с более современным типом администрирования. Автор показывает, как в пореформенное время земство и городское самоуправление заставили изменить роль губернатора. Особый интерес вызывает наблюдение о том, что губернатору отводилась роль центра, координирующего различные не подчиняющиеся ему общественные силы и о его позиции в конфликтах между рабочими и предпринимателями, в которых он нередко занимал сторону первых².

Автор статьи, открывающей раздел «Общество в российской империи», Э. К. Виртшафтер, считая патернализм важной частью модели русского государственного строя, рассматривает идеалы патернализма в дореформенной армии, где они были наиболее устойчивы, и показывает, каким образом эти идеи практически воплощались в армейской службе, особенно на низших уровнях. Широко используя архивные материалы ЦКВИА СССР, автор рисует противоречие между бытовавшим мифа

об «отцах-командирах», реализованным деятельностью лучшего, передового офицерства (среди них — декабристы), и жестокостью и равнодушием большинства командиров, что отразилось во множестве солдатских жалоб. В статье «Общественная миссия русского православия» Г. Л. Фриз обращается к явлениям радикализма внутри русской православной церкви и останавливается на одном из первых и наиболее документированных случаев коллективного общественного протеста служителей церкви — панихиде в Казани по крестьянам, погибшим в июне 1861 г. в селе Бездна. Этот эпизод не был случаен и отражал новые течения в православной церкви.

Предметом изучения С. Реймера явилось изменение в положении фельдшеров в 1864—1914 гг., которое он связывает с развитием земства. Статья М. Богачевской-Хомяк посвящена созданию высших женских курсов в Киеве и Харькове, а также попыткам женщин-активисток на Украине установить связи с феминистками в России.

Наиболее обширный раздел тома — «Оппозиция имперскому порядку». Дж. Кип в статье «Дело Сунгурова, 1831: любопытный заговор» доказывает, что утвердившийся в историографии термин «дело Сунгурова» не совсем точен, так как в тайной организации ведущую роль играли студент Я. Костенецкий и его товарищи, в том числе офицеры-поляки, а Сунгуров был авантюристом, руководствовавшимся политическими фантазиями и личными амбициями. Статья Дж. Циммерман, озаглавленная «Герцен, Гервег, Маркс», является частью ее книги «Александр Герцен и европейский радикализм. 1847—1852», посвященной первым годам эмиграции Герцена и его поиску своего места в западном революционном движении этих бурных лет. Публикуемая же в данном сборнике глава является попыткой проследить, как складывались на первых порах его взаимоотношения с такими заметными фигурами, как Гервег, Бакунин и, главное, Маркс. Автор, по сути, рассматривает, как шло расслоение в западноевропейском революционном движении между Марксом и его последователями, с одной стороны, и левым крылом либеральной демократии, к которому принадлежали такие близкие Герцену люди, как Гервег, Мадзини и Прудон — с другой. Указав на несомненно значительную роль, которую сыграл Гервег в формировании окружения Герцена в первые послереволюционные годы, автор стремится доказать, что отношение их обоих к политическим деятелям определялось не в последнюю очередь «общей враждебностью к Карлу Марксу». Однако, как нам кажется, дело было не в личной антипатии к Марксу, а в различном взгляде на то, каким путем должно развиваться революционное движение в период, когда революционная ситуация исчерпала свои возможности³.

М. Шатц в статье «Михаил Бакунин и его биографы» разбирает выдвинутую в литературе версию о том, что якобы имевшийся у Бакунина физический недостаток (импотенция) объясняет истоки его революционно-анархистской деятельности. Автор показывает, что это — биографический миф. Статья Дж. Френкеля «Корни „еврейского социализма“ (1881—1892). От „популизма“ к „космополитизму“» посвящена тому периоду еврейского рабочего движения, когда происходило расслоение между интернационалистскими, близкими к народническим элементами, и начавшей формироваться и укрепляться националистической струей.

Наиболее интересной статьей в этом разделе является работа Э. Ашера «Германские социалисты и русская революция 1905 г.». В литературе, в том числе советской, установилось мнение, что русская революция 1905 г. послужила катализатором радикализации германской социал-демократической партии. Тщательное изучение автором оценок германскими социал-демократами событий 1904—1907 гг. в России показало, что их реакция была более сложной. Преклоняясь перед русскими рабочими и их самоотверженной борьбой, они выражали серьезные сомнения в тактике большевиков и не стремились брать ее на вооружение. Подробно разбирая позиции К. Каутского, Р. Люксембург, А. Бебеля, Ф. Меринга, Э. Бернштейна, автор показывает, что вождей германских социал-демократов отпугивали теория немедленного перехода к социализму, минув буржуазно-демократическую стадию, и идеи вооруженного восстания. Резолюция поддержки массовой стачки, принятая под нажимом Р. Люксембург, была через год фактически отвергнута. Оттолкнул германских социал-демократов и отказ большевиков в 1906 г. участвовать в выборах в Государственную думу. Лишь небольшая часть германских социалистов верила к этому времени, что они смогут использовать опыт русской революции. Именно этим объясняет Э. Ашер то, что германские социал-демократы не только не поддержали большевиков в 1917 г., но заняли открыто противоположную позицию. Завершается раздел биографическим портретом русского анархиста и эсера В. М. Эйхенбаума (Волина). Один из основателей Петербургского Совета в 1905 г., брат известного советского литературоведа Б. М. Эйхенбаума, Волин был и автором истории русской революции, написанной с анархистских позиций.

Заключает том полная библиография трудов М. Раева с 1946 по 1987 г., составителями которой

являются Э. Казинец, М. Моллой и Э. С. Айзек. К ней приложен список диссертаций, подготовленных под руководством М. Раева.

Нет сомнений в том, что в результате совместных усилий историков разных поколений удалось создать интересный сборник статей, дающий широкую панораму русской государственной и общественной жизни на протяжении нескольких веков. Сегодня в нашей историографии юбилейные сборники не в чести, но рецензируемый том убеждает, что если исследователей объединяет по-настоящему крупная фигура, успех дела обеспечен.

М. П. Мироненко

Примечания

* Imperial Russia. 1700—1917. State Society. Opposition. Essays in honor of Marc Raeff. Edited by Ezra Mendelson and Marshall S. Shatz. Northern Illinois University Press. 1988.

¹ Некоторые вопросы, поднятые в статье Р. Уортмана, были поставлены в новаторской книге Н. Я. Эйдельмана «Грань веков» (М., 1982).

² Несмотря на разнотипность и разноплановость вошедших в раздел статей, их объединяет одна большая проблема — история складывания и развития бюрократической системы в России. В последние два десятилетия эта проблема интенсивно изучается в нашей стране и за рубежом. См., напр.: Троцкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М., 1981; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Torke H. J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte der 19. Jahrhundert//Forschung zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967; idem. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden; Berlin, 1974; Weissman Neil B. Reform in Tzarist Russia: The state bureaucracy and local government, 1900—1914. New Brunswick (N. Y.), 1981.

³ Советские исследователи мало касались проблемы отношения Герцена к Марксу. Из последних работ, косвенно относящихся к теме, укажем: Володин А. И. Герцен и Запад. Идейное творчество русского мыслителя и социально-политический опыт Западной Европы//Литературное наследство. Т. 96. М., 1985; Смирнова В. А. Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851 гг.)//Там же.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

(Москва, апрель 1991 г.)

Инициатором проведения конференции выступил Институт истории СССР АН СССР. В ее подготовке и проведении принял участие Институт молодежи. В повестке дня конференции стояли три основные проблемы: «Русская культура накануне 1917 г.», «Развитие культуры в 20—30-е гг.», «Русское культурное зарубежье».

Доклады и сообщения по проблемам русской культуры дооктябрьского периода охватывали большой круг вопросов. Среди них следует отметить такие, как: характер и уровень развития культуры дореволюционной России, противоречивость и сложность развивавшихся процессов; роль различных факторов в развитии народной и элитарной культуры; классовые и общечеловеческие ценности в русской этике начала XX в.; уровень грамотности и культуры различных слоев населения; соотношение традиций и новаций в культурном процессе; интеллигенция и студенчество как субъекты культурного процесса.

В ходе дискуссии были поставлены вопросы, требующие серьезной разработки, например: как объяснить высокий уровень развития науки на фоне низких технико-экономических показателей страны, подъем и расцвет народного творчества при невысокой бытовой культуре отдельных социальных слоев? какие слои города и деревни были носителями национальных традиций в духовной и материальной культуре общества?

Оживленные споры вызвало обсуждение проблем культурного развития России в 20—30-е гг. Многие вопросы были поставлены и сформулированы впервые. К их числу надо отнести следующие: политическая культура масс революционной России в 1917 г. (Л. И. Семенов); интеллигенция и революция (Л. В. Иванова); место краеведения в культурно-историческом процессе России в первой трети XX в. (С. О. Шмидт); связь науки, идеологии и политики в 20-е гг. (Г. Д. Алексеева); культурное творчество рабочих (И. В. Быстрова); проблема таланта и власти (С. Г. Муртазаева) и др.

Большой интерес участников конференции вызвал «круглый стол», посвященный А. А. Богданову — теоретику, лидеру и организатору Пролеткульта. Содержательные доклады были представлены зарубежными учеными: «Международный Пролеткульт» (Дж. Биггарт, Великобритания), «Влияние А. А. Богданова на стратегию Пролеткульта в области образования» (Л. Мелли, США), «А. А. Богданов: система мышления и связь с политикой» (З. Сохор, США), «Происхождение концепции политической культуры Богданова» (Ю. Шеррер, Франция), «Коллективизм и индивидуализм и определение авангардизма как ключевого понятия богдановской теории культуры» (Г. Горска, Германия). Эти выступления показали, насколько плодотворно работают историки западных стран в области изучения идейно-исторического наследия А. А. Богданова, в то время как советским историкам еще предстоит в полной мере проанализировать место и роль теории культуры А. А. Богданова в идейной и культурной жизни страны 20-х гг.

Интересный материал о международном Пролеткульте, пролетарской культуре Германии и Англии содержали доклады английских ученых Дж. Биггарта, В. Гуттсмана, Д. Гикки. Затронутые в них вопросы в советской науке и литературе еще не ставились.

Особое внимание советских и зарубежных ученых привлекло выступление сына А. А. Богданова — ученого-генетика А. А. Малиновского, в котором он осветил многие важные факты жизни и деятельности своего отца, неизвестные исследователям ранее, взаимоотношения его с Плехановым, раскрыл некоторые черты его личности, а также выдвинул новую версию о его смерти (по его мнению, Богданов был отравлен).

Советские исследователи посвятили свои выступления богдановской концепции пролетарской культуры как элемента пролетарской социальной утопии (Л. М. Чиждова и Л. А. Сыченкова), значению теоретического наследия Богданова (тектологии) для решения современных проблем кристаллографии и геологии (Н. Л. Смирнова), проблеме русской культуры с точки зрения текстологии (О. Д. Губарь), философскому наследию Богданова (М. А. Абрамов, Е. В. Сарычев), пролеткультовским организациям на Урале (Л. П. Гальцев). Были заслушаны сообщения об архивных фондах А. А. Богданова, об истоках богдановской концепции и ее связи с мировой культурой (Г. Д. Гловели). По единодушному мнению участников конференции (а их было более ста человек), «круглый стол» был полезен для всех специалистов, интересующихся жизнью и творчеством А. А. Богданова.

Работа третьей секции была посвящена истории русского культурного зарубежья. Обсуждение этой темы было в СССР организовано впервые. Оно показало наличие у советских историков определенных разработок в этой области. Доклады и сообщения охватили большой круг проблем: историческая наука (М. Г. Вандальковская), экономическая мысль (В. В. Кудрявцев), русская литература в эмиграции (В. А. Чалмаев), издательская деятельность (Ю. Н. Емельянов), проблемы социальной экологии в творческом наследии Н. К. Рериха (С. А. Морозов). Работа секции завершилась докладом Л. П. Колодниковой о перспективах изучения истории русской культуры 20—40-х гг. за рубежом, в нем содержались конкретные предложения по объединению усилий советских и зарубежных культурологов в дальнейшей разработке этого нового для всех направления, раскрывающего влияние культуры России XX в. на мировой культурный процесс, вклад русского зарубежья в пропаганду и развитие уникальной отечественной культуры.

Г. Д. Алексеева, Л. П. Колодникова

О ХОДЕ РАБОТЫ НАД «ХРОНИКОЙ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1895—1917 гг.»

ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

В советской историографии глубоко утвердилась традиция рассматривать рабочее движение с классовых, большевистских позиций. Считалось незыблемым, что классовая борьба является движущей силой развития общества, что главной целью рабочего движения должна быть борьба под руководством коммунистической партии за политическую власть, за завоевание диктатуры пролетариата, которая даст счастье всем трудящимся, обеспечит построение самого справедливого коммунистического общества. С учетом этих методологических положений в поле зрения историков оказывались лишь те выступления рабочих, которые вели к конфронтации, применению организованного насилия и расценивались как подлинно революционные, двигавшие социальный прогресс; приоритет отдавался политическим стачкам, демонстрациям, вооруженным столкновениям. Выступления рабочих с экономическими требованиями — за улучшение уровня жизни — признавались второсортными, не имеющими серьезного значения; в центре внимания ученых были неимущие, низкооплачиваемые рабочие — «истинные пролетарии», высокооплачиваемые рабочие назывались «рабочей аристократией» и считались прослойкой, подкупленной буржуазией, агентурой буржуазии в рабочем движении.

Кризис мировой социалистической системы, крах тоталитарных режимов в странах Восточной Европы, новая общественно-политическая обстановка, сложившаяся в нашей стране в последние годы, демократизация общества, новое политическое мышление, появление новых форм социально-политической активности советского рабочего класса (образование стачкомов и рабочих комитетов, забастовки рабочих, выдвижение ими политических требований, запрет деятельности КПСС) вызвали пересмотр наших представлений об исторической миссии рабочего класса, диктатуре пролетариата, роли и характере рабочего движения, о соотношении классовых и общечеловеческих ценностей, о роли политических партий в руководстве рабочим движением, обусловили необходимость новых подходов к исследованию этих проблем.

Острую потребность в поиске новых подходов к названным проблемам отчетливо выявил семинар-симпозиум по вопросам подготовки «Хроники рабочего движения в России в 1905—1907 гг.», проведенный 7—8 июня 1991 г. в Самаре Комитетом по делам архивов при Совете Министров

РСФСР, Институтом истории СССР АН СССР (ИИ АН СССР), Институтом истории и археологии Уральского отделения АН СССР, университетом и пединститутом Самары. В нем приняли участие научные работники академических институтов, вузов и архивов Поволжья, Урала и центральных районов РСФСР.

В повестке дня симпозиума — обсуждение макета первого тома «Хроники рабочего движения в России. 1895—1896 гг.», подготовленного к печати ИИ АН СССР и ЦГАОР СССР; рассмотрение хода работы по составлению «Хроники» по периоду 1905—1907 гг.; оказание методической помощи в проведении этой работы архивным работникам.

Открыл симпозиум директор Института истории и археологии УрО АН СССР, член-корреспондент АН СССР В. В. Алексеев, отметивший недостаточную изученность истории рабочего класса России, необходимость новых подходов, свободных от политической конъюнктуры, догматизма, что позволило бы выявить новые черты в рабочем движении. Он предложил задуматься над тем, насколько правомерно закончить «Хронику» 1917 годом, так как выступления рабочих продолжались и в период гражданской войны, и в последующие годы. В наши дни произошел мощный всплеск рабочего движения, который тоже должен стать объектом пристального внимания историков. В. В. Алексеев рассказал о деятельности Института истории и археологии УрО АН СССР, международных контактах молодого института, проблемах изучения истории Урала, пригласил всех желающих принять участие в создании Уральской исторической энциклопедии.

Ю. И. Кирьянов (ИИ АН СССР) указал на драматическое положение, сложившееся в изучении истории рабочего класса. Происходит угасание интереса к данной теме у издательств, научных учреждений, исследователей. Вместе с тем шахтерские забастовки показали актуальность данной проблематики. Однако, отметил он, за прошедшие пять лет в подготовке «Хроники рабочего движения» сделано немало: от всех архивов, кроме двух центральных, получены тематические карточки за 1895—1904 гг.; многие архивы закончили работу по периоду 1905—1907 гг.; изданы региональные «Хроники» на Украине и в Сибири. Полученные данные уже позволяют сделать выводы, которые расходятся с прежними оценками рабочего движения.

И. М. Пушкарёва (ИИ АН СССР) рассказала о подготовке макета первого тома «Хроники рабочего движения в России», в который войдут данные за 1895—1896 гг. и, возможно, за 1897—1898 гг. «Хроника» будет полезна для разработки фундаментальных проблем, она позволит выделить новые черты в массовом рабочем движении. Материалы «Хроники» дают возможность уточнить общую численность стачек и забастовщиков, их отраслевую принадлежность. Вместо известных в литературе 214 стачек с 55 тыс. забастовщиков в 1895 г. в «Хронике» учтены 339 стачек с 80 тыс. бастующих. По-новому рассматривается проблема волнений. Данные «Хроники» опровергают прежний вывод, что по мере роста сознательности рабочих число волнений сокращалось. Полнее предстает и география стачек: выявлены выступления рабочих в 37 губерниях и областях. По-новому освещается вопрос об основном требовании забастовщиков: вместо преобладающего для 1895—1898 гг. требования о сокращении рабочего дня как это утверждалось в предшествующей литературе, «Хроника» показывает, что в требованиях 53% стачек речь шла о повышении зарплаты. Была также выявлена тенденция к увеличению требований о соблюдении прав человека. Вопреки утвердившемуся мнению, «Хроника» свидетельствует, что руководство забастовками со стороны политических партий было эпизодическим.

Т. Ф. Павлова и Б. Ф. Додонов (ЦГАОР СССР) отметили большой объем проделанной работы по 1895—1904 гг.: 69 архивов закончили сбор и обработку материалов по этому периоду и приступили к изучению 1905—1907 гг. Изготовлено 8517 аналитических карточек, но их обработка затруднена из-за нехватки кадров, плохо налаженного сотрудничества с Институтом теории и истории социализма и с бывшими партийными архивами. Наилучшим образом обработаны карточки, присланные архивами Украины, Белоруссии, Саратова, Пензы, Екатеринбурга, Ярославля, Астрахани и Ростова-на-Дону.

Д. В. Гаврилов (Ин-т истории и археологии УрО АН СССР) отметил, что до недавнего времени рабочее движение освещалось односторонне, по схоластическим, идеологизированным схемам, приукрашивалось, негативные стороны замалчивались. Между тем в 1905—1907 гг. в рабочем движении имели место экстремистские, террористические тенденции, которые ранее игнорировались как «нетипичные». Так, в рабочем движении Урала накануне и особенно в период первой российской революции в значительных масштабах проявились анархо-синдикалистские и анархо-бунтарские черты. Широкое распространение получили индивидуальный террор против представителей властей и заводской администрации, поджоги и грабежи, изгнание представителей администрации с

предприятий, их избиения, издевательства над ними, «партизанские действия» боевых дружин рабочих — «лесных братьев», занимавшихся экспроприациями и убийствами полицейских, чиновников, лиц заводской администрации, зачастую вырождавшиеся в бандитизм. Стихийные анархо-бунтарские и анархо-синдикалистские выступления рабочих Урала наводили страх на власти и заводскую администрацию, но одновременно дезорганизовывали революционный лагерь. Без учета в «Хронике» таких выступлений создать правдивую, научную историю рабочего движения невозможно.

Л. С. Юдина (Челябинский ин-т культуры) показала неуклонное сокращение в забастовках 1905—1907 гг. специфических для Урала «аграрных» требований при одновременном росте чисто рабочих — экономических и политических. Анализ этих требований позволяет опровергнуть бытующее мнение о рабочем движении Урала как «зачаточном» и определить его как массовое и в значительной степени организованное.

А. А. Горшков (Госархив Астраханской обл.) рассказал о возможности использования данных «Хроники» для выявления специфических черт рабочего движения национальных отрядов пролетариата.

Е. И. Демешина (Ростовский гос. ун-т) сообщила, что все архивы Северного Кавказа работают над составлением «Хроники рабочего движения» в 1905—1907 гг., неравномерность их продвижения в выявлении источников объясняется различным объемом работы, а также опозданием выхода в свет второго издания методического пособия, нехваткой тематических карточек и отсутствием возможностей отпечатать их на местах. Она отметила нечеткость статуса консультантов, которые трудятся над «Хроникой» практически на одном энтузиазме.

Г. М. Мейерович (Ярославский гос. ун-т) предложил сосредоточить усилия консультантов на максимально полном выявлении источников, притом не только архивных. Так, до сих пор должным образом не организованы поиск и изучение данных о рабочем движении по материалам периодической печати. Г. М. Мейерович предложил новую методику подсчета количества стачечников на железных дорогах, которая позволит уточнить их численность.

Н. В. Четкина (Госархив Воронежской обл.) проинформировала о ходе работы над «Хроникой» в Воронеже. Архив города сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны, поэтому восстановить полную и достоверную картину рабочего движения в Воронежской губернии очень трудно.

З. Е. Гусакова (Госархив Саратовской обл.) отметила негативное влияние огромного потока текущей работы на качество составления карточек и большую пользу «Хроники» для изучения истории своего края.

Т. А. Ляпина (Госархив Тамбовской обл.) показала относительную слабость рабочего движения в регионе из-за отсутствия крупных промышленных центров, преобладания средних и мелких предприятий.

А. В. Колотов (Госархив Вятской обл.) рассказал, что анализ данных «Хроники» по Вятской губернии позволил сделать вывод о значительном влиянии на рабочее движение социалистов-революционеров.

С. И. Потолов (СПб. ОИИ АН СССР) осветил ход работы над «Хроникой» в С.-Петербурге, Псковской и Новгородской областях. Некоторые архивы С.-Петербурга уже довели «Хронику» до 1917 г., уделив большое внимание изучению периодической печати. Симпозиумы, подобные нынешнему, подчеркнул выступавший, заслуживают высокой оценки, они имеют большое значение для практического совершенствования работы над «Хроникой».

А. С. Казимов (Пензенский пед. ин-т) отметил новые оценки и выводы, вытекающие из материалов «Хроники» рабочего движения в Центрально-Черноземном районе за 1905—1907 гг. Ю. Е. Рыбалко (Госархив Самарской обл.) и Е. Л. Арутюнова (Госархив Ростовской обл.) показали особенности работы над «Хроникой» в своих областях, в частности, подчеркнули необходимость более широкого привлечения при ее составлении краеведческих изданий.

Н. А. Иванова, В. П. Желтова (ИИ АН СССР) проанализировали просчеты при составлении тематических карточек. В качестве типичных ошибок были названы: неправильное определение формы выступления и профессиональной принадлежности забастовщиков; включение ответа администрации на выдвинутые требования рабочих в графу «репрессий»; определение окончания забастовки по времени получения согласия администрации выполнить требования рабочих, а не по дате их выхода на работу; занесение в карточку просторечных названий предприятий; неточное название места стачки, что особенно характерно для стачек железнодорожников (как правило, указывается лишь название станции и железной дороги, но не называются губерния и уезд). Была

отмечена необходимость на коллективные стачки заводить одну общую карточку с наиболее значительными данными о всех предприятиях и отдельные карточки на каждое предприятие — участника стачки.

Семинар-симпозиум в своем заключительном документе подтвердил важность работы по составлению «Хроники рабочего движения в России в 1895—1917 гг.», признал необходимым включение этой работы в перспективные планы архивов, вузов и научно-исследовательских институтов, а также обратился к Бюро Отделения истории АН СССР с просьбой продолжить финансирование программы в соответствии с договором, заключенным между Бюро Отделения и Главным архивным управлением. Участники семинара-симпозиума выразили благодарность всем научным консультантам, которые вместе с сотрудниками архивов активно работают над составлением «Хроники», а также обратились с просьбой к С.-Петербургскому отделению Института истории СССР АН СССР взять на себя организацию следующего семинара-симпозиума в 1992 г.

Семинар-симпозиум по составлению «Хроники рабочего движения в России в 1905—1907 гг.» в Самаре стал заметным событием в научной жизни страны. Он еще раз подтвердил актуальность и большую практическую значимость изучения истории рабочего движения, наметил новые направления и подходы в ее исследовании, показал большие потенциальные возможности, заложенные в совместной работе историков и архивистов.

Д. В. Гаврилов, В. П. Микитюк

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ КОЛЛОКВИУМ

15—16 сентября 1991 г. в соответствии с планом международных научных связей в Санкт-Петербургском научном центре АН СССР состоялся первый советско-французский коллоквиум «Россия и Европа от Петра Великого до Горбачева» (Санкт-Петербургские встречи). Делегацию ученых из университетов и научных институтов Франции возглавляла проф. Жаклин Жако. С советской стороны участвовали сотрудники С.-Петербургского филиала Института истории СССР, С.-Петербургского университета, С.-Петербургского отделения Института востоковедения, Библиотеки АН СССР. Главным организатором в С.-Петербурге был член-корреспондент АН СССР Б. В. Ананьевич. На одном из заседаний коллоквиума присутствовал Генеральный консул Французской республики в С.-Петербурге господин Марсель Русс с супругой.

Открывая коллоквиум, первый заместитель председателя Президиума СПб. НЦ АН СССР академик А. А. Фурсенко подчеркнул значение этой встречи после событий августа 1991 г., поблагодарил французских коллег за профессиональную и человеческую солидарность. На коллоквиуме было заслушано 8 докладов с французской стороны и 7 — с советской; они были посвящены проблемам государства, культуры, общественной мысли и экономики России, ее отношению к Европе в целом и к Франции в особенности.

Доклады о межгосударственных связях Европы и Франции с Россией и СССР в XVIII—XX вв. подготовили: Лео Амон «Французское видение франко-русских отношений XVIII—XX вв.» и Оливье Одеуд «Советский Союз и создание Европейского сообщества». Рене Жиро в реферате «Новый взгляд на советскую историю» высказал мысль, что отрыв России от Западной Европы начался еще до большевиков, в ходе первой мировой войны, вследствие стремления России к независимости от политики держав Антанты. Член-корреспондент АН СССР В. А. Шишкин в докладе «Россия и Запад в 1920-х гг.» показал основные тенденции политико-экономических отношений держав, оспарив ряд положений Р. Жиро.

Интерес присутствовавших вызвали доклады о влиянии европейского опыта на реформы в России, сделанные Е. В. Анисимовым («Петр Великий и Западная Европа»), а также В. Г. Чернухой, Б. В. Ананьевичем, Р. Ш. Ганелиным («Европейская модель в проектах экономических и государственных преобразований в России»).

Общественная мысль России в ее сопоставлении с западноевропейской нашла отражение в докладах С. А. Исаева «Алексис Токвиль и Константин Леонтьев: разнообразие консерватизма», Ю. Б. Соловьева «Россия как истинный идеал общества и государства и Европа как ее антипод

(по Льву Тихомирову)*, Жана Э л л е н ш т а й н а «Большевизм между Марксом и русской традицией», Лили М а р к у «Советская историография и переписывание русской истории».

· В докладах Клода Ф р и у («Путевые заметки как источник русского мифа»), Доминика Л и ш т а н а н а («Франко-русские культурные связи XVIII—XIX вв.»), Мишеля К а д о («Культурные отношения между Францией и Россией в прошлом веке»), Л. А. Б у л г а к о в о й («Формирование устойчивых представлений о России в европейском сознании по материалам книги А. де Кюстина „Россия в 1839 г.“»), Е. А. А н н е н к о в о й («Гоголь и Западная Европа») показаны культурные аспекты отношений Европы с Россией.

В дискуссии были подняты вопросы влияния Европы на Россию и роли России в Европе. Обсуждалась и такая острая болезненная проблема, как развитие страны по «догоняющей модели». В этой связи отмечалось несовпадение по времени процессов объединения Западной Европы и дезинтеграции СССР, понижения религиозности на Западе и роста авторитета всех конфессий на Востоке.

Тексты докладов предполагается опубликовать в совместном сборнике. По мнению участников, было бы желательно одно из направлений работы очередного коллоквиума в Париже осенью 1992 г. посвятить проблеме государства и суверенитета.

С. Б. Коренева, С. К. Лебедев

СОДЕРЖАНИЕ

Ненароков А. П. — Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений	3
Червоная С. М. — Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского	24
Киняпина Н. С. — Болгария в балканской политике России (1886—1896 гг.)	43
Флоря Б. Н. — «Служебная организация» ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян.....	56

Человек и время

Горинов М. М., Цакунов С. В. — Евгений Преображенский: трагедия революционера	75
---	----

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Преображенский А. А. — К 100-летию А. А. Новосельского	96
Кислягина Л. Г. — А. Д. Горский — ученый и педагог	107

Публикации и сообщения

Из истории исторической науки

1937 год. Институт красной профессуры. Выступления Н. М. Лукина, В. В. Максакова, О. С. Вейланд и Л. И. Рыклина. Составители А. Н. Артизов, В. Н. Черноус.....	119
Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905—1907 годах. Документы и материалы. Продолжение.....	147
Академик АН Латвии Дризулис А. (Рига) — Памятная записка министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 года по поводу заключения Пакта о взаимопомощи	176
Лаверычев В. Я. — Конституционализм или мистификация? (Полемика о «Вольном слове» в 1912—1914 гг.)	184

Критика и библиография

Книги об Отечественной войне 1812 года

Троицкий Н. А. (Саратов) — Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987	195
Роступов И. И. — 1812 год: воспоминания воинов русской армии (Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея)	198
Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. (Санкт-Петербург) — А. Е. Иванов. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века	199

За рубежом

Яан Х. (США) — Нессельроде и восточные кризисы 1828—1833 годов.....	203
Ананьич Б. В. (Санкт-Петербург) — Кризис власти и реформы в России на рубеже XIX—XX веков в исследованиях американских историков.....	208
Мироненко М. П. — Императорская Россия. 1700—1917. Государство. Общество. Оппозиция.....	212

Научная жизнь

Алексеева Г. Д., Колодникова Л. П. — Первая международная конференция по истории русской культуры первой трети XX века (Москва, апрель 1991 г.).....	215
Гаврилов Д. В., Микитюк В. П. (Екатеринбург) — О ходе работы над «Хроникой рабочего движения в России в 1895—1917 гг.».....	216
Коренева С. Б., Лебедев С. К. (Санкт-Петербург) — Советско-французский colloquium.....	219

CONTENTS

Nenarokov A. P. — The Failure of Attempts at Prognosticated Analyses of Relations between Nations.....	3
Chervonnaya S. M. — The Idea of National Accord in Izmail Gasprinsky's Works.....	24
Kinyapina N. S. — Bulgaria in Russia's Balkan Policy (1886-1896).	43
Floria B. N. — «Service Organization» and Its Role in the Development of Feudal Society of Eastern and Western Slavs.....	56

The Man and the Epoch

Gorinov M. M., Tsakunov S. V. — Yevgeni Preobrazhensky: A Revolutionary's Tragedy.....	75
--	----

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Preobrazhensky A. A. — A. A. Novoselsky's Hundredth Birthday Anniversary	96
Kislyagina L. G. — A. D. Gorsky: A Scholar and a Pedagogue	107

Publications and Communications

From History of Historical Science

The Year 1937. The Institute of Red Professors. Speeches by N. M. Lukin, V. V. Maksakov, O. S. Weyland and L. I. Ryklin. Compiled by A. N. Artizov and V. N. Chernous.	119
The Central Committee of the «Union of October, 17» in 1905-1907. Documents and Materials. Cont. from Nos. 2-6, 1991, No. 1, 1992.....	147
Acad. of Latvian Academy of Sciences Drizulis A. [Riga] — A Memorandum of Latvia's Foreign Minister V. Munters on Soviet-Latvian Talks of 1939 on the Conclusion of Mutual Aid Pact.	176
Laverychev V. Ya. — Constitutionalism or Mystification? (Polemics around «The Free Word» in 1912—1914).	184

Book Reviews and Bibliography

Books on Patriotic War of 1812

Troitsky N. A. (Saratov) — B. S. Abalikhin, V. A. Dunaevsky. The Year 1812 as Seen by Soviet Historians, 1917-1987.....	195
Rostunov I. I. — The Year 1812: Memoirs of Russian Warriors (from the collection of Written Sources Section of the State Historical Museum).	198
Margolis Yu. D., Tishkin G. A. (St.-Petersburg) — A. Ye. Ivanov. Higher School in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries.....	199

History in Foreign Studies

Jahn H. (USA) — Nesselrode and the Eastern Crises of 1828-1833.....	203
Ananyich B. V. (St.-Petersburg) — Crisis of Power and Reforms in Russia on the Border of 19 th and 20th Centuries in Studies by American Historians.....	208
Mironenko M. P. — Imperial Russia, 1700-1917. State. Society. Opposition.	212

Academic Life

Alexeeva G. D., Kolodnikova L. P. — The First International Conference on History of Russian Culture of the First Third of the 20th Century (Moscow, April 1991).....	215
Gavrilov D. V., Mikityuk V. P. (Yekaterinburg) — On the Process of Writing «Chronicle of Workers' Movement in Russia in 1895-1917».....	216
Koreneva S. B., Lebedev S. K. (St. Petersburg) — A Soviet-French Colloquium.....	219

РЕДАКЦИЯ:

Секиринский С. С. — Отдел новейшей истории
Петров Ю. А. — Отдел новой истории
Французова Е. Б. — Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В. — Отдел истории народов
Елисеева Н. В. — Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В. — Отдел истории за рубежом
Польский М. П. — Отдел критики и библиографии
Полторацкая Л. Н. — Старший литературный сотрудник
Новикова М. А. — Заведующая редакцией
Шляхтина М. В. — Младший редактор

Замеченная ошибка:

в № 1 за 1992 г. с. 163, 8-я стр. снизу: год смерти М. М. Литвинова — 1951.

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 08.10.91 Подписано к печати 05.03.92 Формат бумаги 70х100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 428,4 тыс. Уч.-изд. л. 24,0 Бум. л. 7,0
Тираж 23 236 экз. Заказ 2246 Цена 2 р. 10 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
Телефон: 123-90-61
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6